

ISSN 2587-7046

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
технический университет»

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

- История
- Социальная философия
- Философия культуры и культурология
- Философия религии и религиоведение
- Социальные и политические процессы

Выпуск № 2 (19), 2019

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

Журнал выходит 4 раза в год

В журнале «Проблемы социальных и гуманитарных наук» публикуются результаты научных исследований ученых, докторантов, аспирантов и соискателей по проблемам истории, социальной философии, философии культуры и культурологии, философии религии и религиоведению, социологии, политологии.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – Радугин А.А., заслуж. деятель науки РФ, д-р филос. наук, профессор (г. Воронеж)

Зам. главного редактора – Перевозчикова Л.С., д-р филос. наук, доцент (г. Воронеж)

Члены редколлегии:

Афонин Э.А., доктор социологических наук, профессор (г. Киев)
Бубнов Ю.А., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Душкова Н.А., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Ильин М.В., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Коростылева Н.Н., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Кирчанов М.В., доктор исторических наук, доцент (г. Воронеж)
Ледяев В.Г., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Моисеев В.И., доктор философских наук, профессор (г. Москва)
Романович Н.А., доктор социологических наук, профессор (г. Воронеж)
Смышляев В.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Слинько А.А., доктор политических наук, профессор (г. Воронеж)
Согомонян В.Э., доктор политических наук, профессор (г. Ереван)
Черников М.В., доктор философских наук, профессор (г. Воронеж)
Чупров В.И., доктор социологических наук, профессор (г. Москва)
Ярецкий Ю.Л., доктор исторических наук, профессор (г. Воронеж)
Delwyn L. Harnisch, Professor&Fulbright Scholar University of Nebraska
Lincoln College of Education and Human Sciences (Lincoln)

Отв. секретарь – Погорельский А.В., канд. ист. наук, доцент (г. Воронеж)

Учредитель и издатель: ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»

Адрес редакции: 394006, г. Воронеж, ул. 20-летия Октября, д. 84.

Каб. 5302, тел. +7 (473) 271-50-04. E-mail: philosophy_kaf@vgasu.vrn.ru

© ФГБОУ ВО «ВГТУ», 2019

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Гагин В.В., Теплухин В.В. К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ ДОКТРИНЫ ЛЮФТВАФФЕ ПО ОПЫТУ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ.....	7
Жиброва Т.В. «В ТАМОЖЕННУЮ И КАБАЦКУЮ ПИТУЩУЮ ИЗБУ»: ОСНОВНЫЕ РАСХОДНЫЕ СТАТЬИ ВОРОНЕЖСКОГО «МЕСТНОГО БЮДЖЕТА» (ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМОЖЕННЫХ И КАБАЦКИХ КНИГ 1620 г.).....	14
Кирчанов М.В. КОНСТРУИРУЯ, ИЗОБРЕТАЯ И ВОООБРАЖАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.....	21
Кузьмин Е.А. ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИ.....	28
Ларионов В.Е. ОБРАЗ ВАРЯГОВ В ДРЕВНЕРУССКОЙ МИНИАТЮРЕ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ ЛЕТОПИСИ.....	32
Меганов С.А. ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ 1917-1918 г.....	37
Ряполов В.Н. МИР «БЕЛЫХ ГОЛУБЕЙ» (СКОПЧЕСТВО).....	44
Сухачева А.Ю. ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА САБУРОВЫХ.....	63
Сухарев М.В. ГРУЗИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АБХАЗИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХАРАКТЕР И ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ.....	70
Тишин М.А., Солдатов Ю.И. БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА В ИЮЛЕ 1942 г.....	82
Хамида И. ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ СИРИЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1944 – 1991).....	89
Шамедько А.А. МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУСАЛКИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ ПОВЕРЬЯХ И СУЕВЕРИЯХ.....	97
Шушлебин А.И. КУДА УШЛИ ХАЗАРЫ: ЭТНИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ.....	102
Шендриков Е.А., Теплухин В.В. «К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ КОМАНДОВАНИЕМ 2-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ С 22 ИЮНЯ ВЕЛАСЬ ВОЗДУШНАЯ ОПЕРАЦИЯ»: БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ В РАЙОНЕ КУРСКА 22 – 27 ИЮНЯ 1942 г.....	114

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ

Ашмаров И.А. ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ОБРАЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ.....	126
Бочарова И.М. В. СОЛОВЬЕВ О ДУХОВНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	135
Зайцев А.В. «КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ ДЖОНА ДЬЮИ.....	140
Иванова С.И. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА.....	144
Костина И.Б. ПРЕДМЕТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ.....	150

Коршунова С.А., Сущин А.А. ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	154
Медведева М.В. НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ТРУДАХ ЛЮБОМУДРОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ РОССИИ XIX В.....	159

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ

Болтаевский А.А. ЭТНОРАСОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГАИАНЫ И СУРИНАМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ.....	171
Болдырихин А.А. ОСОБЕННОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ ..	178
Дегтярев В.И. НЕОФАШИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ.....	182
Колядина А.М., Чекменёва Т.Г. К ВОПРОСУ О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ.....	190

CONTENTS

HISTORY

Gagin V.V., Teplukhin V.V. TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY-AIR DOCTRINE OF LUFAFFEEA ON THE EXPERIENCE OF WAR IN SPAIN.....	7
Zhibrova T.V. "TO THE CUSTOMS AND TAVERN HOUSE": THE MAIN EXPENDITURE OF VORONEZH "LOCAL BUDGET» (ON MATERIALS OF THE CUSTOMS AND TAVERN BOOKS OF 1620).....	14
Kirchanov M.V. CONSTRUCTING, INVENTING AND IMAGING SOCIAL HISTORY OF THE ENGLISH REVOLUTION.....	21
Kuzmin E.A. THE ECONOMIC POSITION OF ORTHODOXAL CHURCH IN RUSSIA.....	28
Larionov V.E. THE IMAGE OF VARANGIANS IN THE ANCIENT MINIATURES OF RADZIVILL CHRONICLE.....	32
Meganov S.A. THE PARTY OF BOLSHEVIKS AND LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARIES IN THE REVOLUTIONARY EVENTS 1917-1918.....	37
Ryapolov V.N. THE WORLD OF "WHITE DOVES" (SKOPTSY).....	44
Suhacheva A.Y. MILITARY ACTIONS OF THE REPRESENTATIVES OF THE SABUROVS.....	63
Suharev M.V. GEORGIAN COLONIZATION OF ABKHAZIA: PRECONDITIONS, NATURE AND TRAGIC CONSEQUENCES.....	70
Tishin M.A., Soldatov U.I. FIGHTING OF SOVIET TROOPS IN THE AREA OF THE VORONEZH AGRICULTURAL INSTITUTE In JULY 1942.....	82
Hamida E. MAIN DIRECTIONS AND FEATURES OF SYRIAN-SOVIET RELATIONS (1944 – 1991).....	89
Shamedko A.A. MYTHOLOGICAL IMAGE OF MERMAID IN RUSSIAN FOLK BELIEFS AND SUPERSTITIONS.....	97
Shushlebin A.I. WHERE THE KHAZARS WENT: ETHNIC AND CULTURAL HERITAGE.....	102
Shendrikov E.A., Teplukhin V.V. "BY THIS TIME, FROM 22 JUNE THE COMMAND OF THE 2ND AIR ARMY CONDUCTED AIR OPERATION": THE SOVIET AVIATION HOSTILITIES IN THE REGION OF KURSK 22 – 27 JUNE 1942.....	114

SOCIAL PHILOSOPHY

Ashmarov I.A. UNDERSTANDING LIFE AS A PHILOSOPHICAL IMAGE OF EXISTENCE.....	126
Bocharova I.M. V. SOLOVIEV ON THE SPIRITUAL REVIVAL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH.....	135
Zaitsev A.V. "CRITICAL THINKING" IN JOHN DEWEY'S PHILOSOPHICAL REFLECTION.....	140
Ivanova S.I. NATIONAL DISCOURSE IN OUTLOOK OF INTELLECTUAL ELITE OF RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY.....	144
Kostina I.B. THE PERSONALITY ACTIVITY WITH SUBJECT OF KNOWLEDGE IN EDUCATIONAL PROCESS.....	150
Korshunova S.A., Sushchin A.A. FEATURES OF THE FORMATION OF CONSUMER CULTURE IN RUSSIAN SOCIETY.....	154
Medvedeva M.V. NATIONAL IDEAS IN THE WORKS OF "LUBOMUDRY" AND THEIR INFLUENCE ON THE PUBLIC THOUGHT OF RUSSIA IN XIX CENTURY.....	159

SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

Boltaevskiy A.A. ETHNOCAL ASPECTS OF POLITICAL LIFE OF GUYANS AND SURINAM: A COMPARATIVE ANALYSIS.....	171
Boldyrikhin A.A. SPECIFIC FEATURES OF MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA.....	178
Degtyarev V.I. NEO-FASCISM AND MODERNITY.....	182
Kolyadina A.M., Chekmenyova T.G. TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PUBLIC COMMUNITIES IN MODERN SOCIETY.....	190

ИСТОРИЯ HISTORY

УДК 355/359

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник

В.В. Гагин

Россия, г. Воронеж, e-mail: vrvio@yandex.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

кандидат исторических наук, начальник отдела

В.В. Теплухин

Россия, г. Воронеж, e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»

PhD in Historical Sciences, Senior Researcher

V.V. Gagin

Russia, Voronezh, e-mail: vrvio@yandex.ru

«Air Force Academy prof. N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin»

PhD in Historical Sciences, Head of the Department

V.V. Teplukhin

Russia, Voronezh, e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

В.В. Гагин, В.В. Теплухин

К ВОПРОСУ О РАЗВИТИИ ВОЕННО-ВОЗДУШНОЙ ДОКТРИНЫ ЛЮФТВАФФЕ ПО ОПЫТУ ВОЙНЫ В ИСПАНИИ

По мнению вождя германской авиации Г. Геринга, люфтваффе являлись наиболее мобильным и быстродействующим инструментом современной войны образца середины 1930-х гг., способным в решающей степени содействовать осуществлению планов сокрушительных операций и кампаний. Их внезапное использование в самом начале войны может оказать решающее влияние на ход войны. Путем выбора соответствующего способа и момента развязывания войны необходимо вынудить противника с самого начала вести боевые действия в невыгодных условиях. ВВС дают командованию возможность молниеносно и неожиданно для врага создать ударную группу, а также перенести главный удар с одного направления на другое.

Ключевые слова: люфтваффе, молниеносная война, тотальная война, Герман Геринг, доктрина, версальские запреты, война в Испании.

V.V. Gagin, V.V. Teplukhin

TO THE QUESTION OF THE DEVELOPMENT OF THE MILITARY-AIR DOCTRINE OF LUFAFFEE ON THE EXPERIENCE OF WAR IN SPAIN

According to the leader of the German aviation, Goring, being the most mobile and fast-acting in the conditions of the modern war, the model of the mid-1930s. Their sudden use at the very beginning of the war can have a decisive influence on the course of the war. Wars should be fighting in unfavorable conditions. Create a shock group, as well as move the main blow from one direction to another.

Key words: Luftwaffe, lightning war, the same war, Hermann Goering, doctrine, Versailles bans, war in Spain.

Воздушная доктрина фашистской Германии была обусловлена общей военной доктриной германского государства как фашистского агрессора. Тотальная война, к которой готовилась гитлеровская Германия, направленная к достижению любыми средствами мирового господства и к порабощению других народов, получила свое отражение в полной мере во взглядах на использование Военно-воздушных сил (ВВС) [1].

Военная стратегия фашистской Германии – это ставка на «молниеносную» войну. Внезапно обрушиться на своего противника всей мощью своих вооруженных сил, вызвать панику в его войсках и среди населения, дезорганизовать государственное и военное управление и в считанные недели, если не дни, победоносно завершить войну – вот пути достижения победы в этой «молниеносной» войне.

Состав, организация, вооружение и подготовка военно-воздушных сил Германии накануне Второй мировой войны целиком были подчинены требованиям этой стратегии. Военно-воздушные силы предназначались в первую очередь для действий в интересах сухопутных вооруженных сил и морского флота. Считалось, что оперативно-тактическое взаимодействие с наземными войсками составляет основное их предназначение; это взаимодействие предусматривалось в первую очередь с подвижными войсками. Но наряду с этим германское командование отводило большую роль ВВС в дезорганизации, терроризировании прифронтового и государственного тыла противника [2].

Совершенно очевидно, что воздушная доктрина фашистской Германии должна была иметь связь с опытом Первой мировой войны. Лишившись после войны военной авиации, немцы отнюдь не прекратили разработки своих взглядов на роль, место и основные задачи ВВС в новой, реваншистской войне, о которой в Германии не переставали думать. Германия ни на один день не прекращала также работы по сохранению летных и технических кадров, по подготовке этих кадров, разработке всех необходимых типов самолетов, освоению их в производстве, а потом – в эксплуатации и вообще, по подготовке страны к воздушной войне [3].

Как это удавалось Германии? Ей было разрешено иметь гражданскую авиацию, а это означало, что можно было иметь летно-технические кадры, необходимые для авиации специальные службы, аэродромную сеть, авиационную промышленность. Строя гражданский самолет, немцы всегда предусматривали и одновременно разрабатывали военный вариант этого самолета, получаемый путем необходимых быстрых переделок. Часть германских авиационных заводов перекочевала в другие государства, как, например, завод известного немецкого конструктора и промышленника Фоккера, который перекочевал в Голландию (г. Амстердам), где спокойно продолжал разработку, производство и продажу военных типов самолетов. При возможности в будущем немцы рассчитывали вернуть эти заводы к себе в страну или, во всяком случае, вернуть их основные кадры со всеми подготовленными данными по конструированию и производству военных самолетов. При невозможности этого, в случае войны, немцы имели в виду быстро захватить эти заводы. Часть немецких летно-технических кадров стремилась поступить на службу в гражданскую авиацию соседних государств. Так, например, Геринг после 1918 г. служил в Швеции летчиком-сдатчиком на одном из заводов. Фашисты, придя к власти в 1933 г., отнюдь не были в таком положении, что им пришлось все начинать сначала. Как в строительстве вооруженных сил в целом, так и, в частности, в строительстве ВВС нацистская клика в Германии, придя к власти, получила значительное наследство: большой самолетный парк, прежде называвшийся гражданским, необходимые и отнюдь не малочисленные кадры, неплохую авиационную промышленность и т.д. [4]

Огромную роль сыграла в этом совместная советско-германская авиационная школа «Вифупаль», организованная в Липецке вскоре после договора в Рапалло. Немцы подготовили здесь несколько сотен высших и старших офицеров люфтваффе, испытывали новейшую авиационную технику и вооружение [5].

В 1935 г. нацисты объявили о непризнании ими воздушных ограничений, наложенных на них Версальским миром, и приступили к открытой бешеной гонке воздушных вооружений. Началась лихорадочная подготовка Германии ко второй мировой войне. Все скрытые резервы были мобилизованы, и ВВС Германии начали развиваться быстрыми темпами. Спустя всего лишь один год, в 1936 г., германская военная авиация принимает

активное участие в Испанской войне. В Германии провозглашается лозунг: «Немцы – летающая нация». Прошло еще два года (1938 г.), и германские ВВС становятся значительно сильнее ВВС таких государств, как Англия и Франция. Оформи́вшийся к этому времени военный союз с фашистской Италией открывал новые возможности, придавая еще более агрессивный характер воздушным доктринальным воззрениям нацистов. Захват Австрии, потом Чехословакии с их сильной промышленностью и, в частности, с высококачественной чехословацкой авиационной отраслью экономики намного усилил Германию. Ее воздушные силы приобрели пополнение в кадрах за счет австрийских ВВС, сильную авиационную промышленность, большой самолетный парк, большие материальные запасы для ВВС и авиационной промышленности (моторы, бензин, смазочные масла, боеприпасы, строительные материалы, аэродромную сеть, школы). Эти плоды мюнхенской политики дали возможность фашистской клике в кратчайший срок значительно умножить мощь своих ВВС [6].

О воздушных доктринах, принятых накануне Второй мировой войны, можно было судить по выступлениям представителей военных кругов и политических деятелей, по данным официальной военной литературы и анализа общей военной доктрины (политика в области военной безопасности), по состоянию ВВС и характеру их развития, по оценке содержания боевой подготовки и, в частности, проводимых маневров, по развитию гражданского воздушного флота и состоянию авиационной промышленности. Следовало при этом учитывать и возможности обеспечения боевой деятельности ВВС бензином и маслами, а также пополнения их накопленными в стране кадрами авиационных специалистов и др. [7]

Необходимо при этом иметь в виду, что нередко те или иные высказывания в печати, даже видных военных и политических деятелей, совершенно не отражали тех положений, на которых основывалось действительное строительство ВВС и осуществлялась их боевая подготовка. Такие высказывания сплошь и рядом носили частный характер и определялись в одних случаях личной точкой зрения их автора, в других – определенным «заказом», т.е. условиями времени и обстановки и преследуемыми в данных выступлениях специальными целями. Официальную (негрифованную) литературу также необходимо было рассматривать критически, так как она часто в известной мере устаревала и отставала от тех взглядов и представлений, которые уже были приняты [8].

О действительных воздушных доктринах, а не об оригинальных концептуальных воззрениях в большей мере правильно можно было судить по данным о реальном состоянии и характере развития военно-воздушных сил, тем более, если эти данные сопоставлялись с оценкой политических устремлений, общим состоянием экономики и строительством вооруженных сил данного государства. Война в наиболее очевидной и убедительной форме вскрывает подлинные военно-воздушные концепции. Это справедливо, главным образом, в отношении первого этапа войны (в некоторых случаях – начального) и не всегда в отношении всех ее участников. Роль, место и основные задачи ВВС участников войны в последующем ходе войны в значительной мере определяются реально складывающейся обстановкой, которая для многих существенно отличается от представлений, ранее имевших место [9].

Верное и конкретное определение воздушных доктрин, принятых в период, предшествовавший Второй мировой войне, возможно только с учетом всего комплекса вопросов, упомянутых выше. Анализируя воздушную доктрину фашистской Германии в том виде, какой она была накануне Второй мировой войны, остановимся в первую очередь на тех высказываниях по этому вопросу, которые в то время имели место со стороны людей, наиболее заслуживающих в этом отношении внимания.

Начальник генерального штаба ВВС фашистской Германии генерал-майор Вальтер Вефер в своем выступлении на открытии Военно-воздушной и авиационно-технической академии в Гатове в ноябре 1935 г. сказал следующее: «Задачи, которые мы ставим перед

военно-воздушными силами, по своему размаху огромны и смелы. Мы хотим: **1.** Разбить военно-воздушные силы противника, разбить их при помощи наших боевых сил, на его территории, разрушить их базы и авиационную промышленность и в то же время уничтожать наступательные силы противника, вторгающиеся в нашу страну, в воздухе и на земле. **2.** Помешать передвижению массовых армий противника к местам решающих операций, разрушая пути и дороги, в первую очередь шоссейные дороги, необходимые для передвижения и снабжения этих армий. **3.** Поддерживать операции наземных войск, особенно – бронетанковых соединений. **4.** Содействовать операциям военно-морского флота, разрушая морские базы противника, защищая одновременно свои собственные морские опорные пункты и принимая непосредственное участие в морском бое. **5.** Уничтожить самый жизненный нерв вооруженных сил противника, прекратив работу военной промышленности. Непременным условием для этого является уничтожение военно-воздушных сил противника».

Далее Вефер сделал весьма важное заявление: «Как англичане и французы, так и мы убедились, что оборона не может быть построена на одном только оборонительном оружии, что и здесь наиболее целесообразно стараться искоренить зло в самом его корне, т.е. захватить бомбардировочные силы противника врасплох в те часы, когда они связаны с землей, спускаются на базу за пополнением горючего или боеприпасов... Решающим оружием воздушной войны является бомбардировщик... Только то государство, которое располагает крупными силами бомбардировочной авиации, может рассчитывать на то, что авиация окажется решающим фактором в войне». Но тут же добавил, что «...в оперативной работе каждый вид вооруженной силы одинаково важен, один вид без другого немислим» [10].

Видный немецкий генерал Ветцель писал в **1937** г., комментируя книгу английского военного писателя Лиддл-Гарта «Если Англия вступит в войну»: «Из поборника моторизации Лиддл-Гарт за последнее время превратился в сильного пропагандиста крупных воздушных сил. Он полагает, что они призваны на войне играть решающую роль. С английской точки зрения он, несомненно, не совсем неправ. И в воздушных силах он думает найти средство осуществить свои идеи «британской стратегии», т.е. обойтись без ввода значительных английских сухопутных сил на решающих полях сражения, на суше. И здесь тоже можно с ним согласиться лишь условно, но, в общем и целом, следовать за ним нельзя. Даже самый сильный воздушный флот только тогда сумеет оправдать особую роль в будущей войне, если он будет введен в дело в полном стратегическом согласии с решающей сухопутной армией и в решающих пунктах... Который из трех главных средств борьбы – на воде, в воздухе или на суше – даст когда-либо решение, этого не дано предвидеть вперед никакому человеческому разуму. Наиболее надежное решение можно, по-видимому, искать в правильном их сочетании» [11].

Для оценки германских взглядов, имевших место накануне Второй мировой войны по вопросу о роли, месте и основных задачах ВВС, небезынтересно привести взгляды генерала Квадэ. Он писал: «В современной стратегии сухопутная армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы образуют одно целое. Военно-воздушный флот в настоящее время призван в качестве самостоятельной части вооруженных сил, наряду с двумя другими старейшими их частями, содействовать достижению исхода войны... Господство в воздухе является главнейшей задачей авиации в военное время, перед которой все другие задачи должны отойти на задний план. Если этого не будет, то общее руководство войной будет чрезвычайно затруднительно, а исход войны подвергнется сильнейшей опасности. Авиация не может ничем лучше и решительнее помочь сухопутным силам, как посредством господства в воздушном пространстве, т.е. уничтожением воздушных сил противника. Одновременно этим самым она защищает железные дороги, по которым производится сосредоточение войск, пути подвоза, военную промышленность, гавани и электростанции,

крупные города, сухопутную армию, – одним словом, всю империю...». Интересно, что в 1940 г. приверженность люфтваффе всем этим тезисам подтвердил в своем секретном докладе «О действиях ВВС в германо-польской войне на Западе» генерал-майор ВВС РККА Юсупов [12].

Для характеристики доктринальных положений, определяющих роль, место и основные задачи ВВС, заслуживают также внимания высказывания полковника (ставшего впоследствии генерал-майором вермахта) генерального штаба Г. Ферча. Обращает внимание акцентирование им следующих обстоятельств: «моральное воздействие воздушных нападений особенно велико» и «без воздушной разведки сегодня наземная борьба немыслима» [13]. Опыт войны показал, что немецко-фашистское командование действительно возлагало большие надежды на запугивание войск и населения воздушными нападениями.

Анализируя возможные задачи ВВС, выполняемые в интересах наземных войск, полковник Ферч в заключение отмечал, что возможность «вертикального охвата» в будущей войне «примет такие размеры, о которых сегодня мы еще не имеем представления». Мы помним, как на первом этапе Второй мировой войны немцы широко практиковали эти «вертикальные охваты», используя для этого свои воздушно-десантные войска. В боевой подготовке немецких ВВС и в теоретических разработках уделялось особое внимание вопросам взаимодействия авиации с мотомеханизированными войсками [14].

Война в Испании (июль 1936 г. – февраль 1939 г.) явилась первым опытом для ВВС фашистской Германии. Немецкая авиация совместно с итальянской принимала самое активное участие в поддержке фашистского мятежа в Испании. В этой «малой» войне их авиация располагала значительным численным превосходством. Так, во второй половине войны (с 1938 г.) фашисты имели **600-700** самолетов против, примерно, **100** республиканских. Использование фашистской авиации осуществлялось под руководством представителей германского командования, и она состояла в значительной части из немецких самолетов. Вот почему действия фашистской авиации в Испанской войне могут в известной мере рассматриваться как показатель доктринальных взглядов германского командования [15].

Война в Испании явилась проверкой современных образцов технических средств борьбы, и если использование авиации ограничивалось очень скромными масштабами, на общем фоне «малой войны», то это отнюдь не делало этот опыт не имеющим особого значения. Он внимательно изучался во многих странах. Опыт использования в этой войне авиации немцы широко учли в строительстве ВВС и в разработке оперативно-тактических взглядов на их использование [16].

С точки зрения испанского опыта необходимо отметить следующие действия авиации. В борьбе за господство в воздухе фашистская авиация стремилась на первом этапе войны наносить внезапные удары по аэродромам. Такие действия в меньшей мере практиковались на втором этапе войны вследствие того, что, с одной стороны, республиканцы стали располагать истребительной авиацией, превосходящей по своим качествам фашистскую, а с другой – они начали принимать серьезные меры к защите своих аэродромов и рассредоточению стоянок самолетов. Борьба за господство в воздухе на последующих этапах войны осуществлялась преимущественно воздушными боями. Опыт же этих боев показал решающее значение качественных показателей самолетов и в первую очередь скорости полета.

Особое значение в войне в Испании имел вопрос об использовании авиации на поле боя. В период, последующий за Первой мировой войной, в суждениях о роли, месте и задачах военно-воздушных сил все более часто высказывалась точка зрения, что район боевых действий авиации должен находиться за пределами дальности огня полевой артиллерии, т.е. вне поля боя наземных войск. Такая приоритетная точка зрения на

использование ВВС мотивировалась трудностями поражения целей на поле боя при возросшей скорости полета самолетов, неизбежностью большой высоты бомбометания, большой ограниченностью действий штурмовиков на низких и «бреющих» высотах из-за возросшей силы зенитного пулеметно-пушечного огня и из-за трудности ориентировки на этих высотах при больших скоростях полета. И, наконец, такая точка зрения мотивировалась целесообразностью использования авиации там, где не могут действовать другие рода войск, т.е. в глубине расположения противника [17].

Вопреки этим взглядам в Испанской войне авиация обеих сторон широко использовалась на поле боя, и этот опыт получил положительную оценку. Участие авиации в непосредственной поддержке войск на поле боя выражалось в том, что обычно в период, предшествующий наступлению войск, бомбардировочная авиация мелкими группами днем и одиночными самолетами ночью бомбардировала тактическую зону обороны противника с целью изматывания его войск. В период артиллерийской подготовки бомбардировочная авиация, дополняя действия артиллерии, наносила массированные удары по отдельным узлам сопротивления. Поражение живой силы и разрушение оборонительных сооружений при этом было относительно небольшим, но моральное воздействие на войска оказывалось значительным. В ходе боя наземных войск боевая авиация непрерывно поддерживала наступление пехоты и танков путем подавления артиллерии, пулеметных точек, противотанковых орудий обороняющегося, а также атаками его пехоты. В подобных действиях принимала участие бомбардировочная и истребительная авиация [18].

Эта схема использования авиации потом широко практиковалась во Второй мировой войне. Советские авиационные командиры, учитывая опыт войны в Испании, нашли в ней подтверждение своим взглядам на необходимость создания, наряду с бомбардировочной – штурмовой авиации, предназначенной для непосредственного взаимодействия с войсками на поле боя и вооруженной специальным типом самолета. Немцы, удостоверившись в целесообразности и возможности применения указанной выше схемы использования авиации в наступлении войск, остались на прежней своей точке зрения, т.е. использования на поле боя войск только бомбардировочной авиации [19].

В отношении действий авиации по городам война в Испании показала, что немцы по-прежнему, как они делали это и в Первую мировую войну, не останавливаются перед тем, чтобы по каким-либо моральным мотивам воздержаться от таких бесчеловечных бомбардировок. Немецкая авиация в Испании стремилась широко практиковать подобные действия. Испанская война показала со всей очевидностью, что современная боевая авиация способна производить серьезные разрушения, масштаб и значение которых, в основном, зависят от состава ВВС нападающего и от сил, противодействующих им. Из опыта этой войны можно было делать совершенно определенный вывод, что во второй мировой войне немецко-фашистская авиация будет бомбардировать города не только как промышленные центры и центры военного и государственного управления, но и с целью поражения жителей, морального влияния на население, запугивания его и создания паники [20].

Учитывая опыт войны в Испании, заслуживает также внимание анализ действий ВВС по морским базам и кораблям. Пикирующие бомбардировщики не участвовали в этой войне в составе специальных авиачастей. Но и бомбардировки с горизонтального полета приводили к потоплению транспортов и военных кораблей, особенно при стоянках их в порту, что наряду с разрушением портовых сооружений вносило серьезные затруднения для республиканцев в подвозе морским путем. Немцы, безусловно, сделали соответствующие выводы из опыта действий авиации по транспортам, военным кораблям и портам [21].

Немецко-фашистская доктрина люфтваффе слишком большое внимание уделяла принципам «блицкрига». Конечно, ряд этих принципов не противоречил современным требованиям ведения маневренной войны, но некоторая негибкость в их применении в борьбе с сильным противником могла повернуться и повернулась против агрессора. К тому

же явно односторонние подходы Г. Геринга в стремлении к абсолютной власти над всей военной авиацией пагубно повлияли на способность германских военно-воздушных сил решать специальные задачи в интересах, например, военно-морских сил [22].

В то же время, сосредотачивая внимание на наступательных формах борьбы, военная доктрина люфтваффе в известной мере недооценивала как наступательную стратегическую авиацию, так и необходимость создания системы воздушной обороны. Кроме того, иногда высшее командование германской военной авиации пренебрегало не только самой идеей ПВО, а, подчеркивая роль инициативы и смелости в принятии решения и готовности идти на риск, оно еще больше стимулировало авантюризм. Самоуверенность, высокомерие, обычное как для штаба Геринга, так и для рядовых летчиков, зачастую перерастали в бахвальство и неспособность к трезвой оценке сложившейся ситуации, при этом детально разработанные способы вооруженной борьбы нередко превращались в шаблон.

Библиографический список

1. **Ионов П.** Воздушная доктрина фашистской Германии и Вторая мировая война. Военная мысль, №1 1946. – С. 40-48.
2. **Price Alfred.** Against Regensburg and Schweinfurt. Air Force Magazine. September 1993. – P. 76.
3. **Харук А.** Все самолёты люфтваффе. М.: Яуза. ЭКСМО, 2013. – С. 109-111.
4. **Price Alfred.** Pictorial History of the Luftwaffe. Airlife Publishing Ltd. England. 1991. 168 p.
5. РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 8. ЛЛ. 1-20.
6. **Спик М.** Асы Люфтваффе. Смоленск, Русич, 1999. С. 217.
7. **Баур Ганс.** Личный пилот Гитлера. Воспоминания обергруппенфюрера СС. 1939-1945. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 399 с.
8. **Барц Карл.** Свастика в небе. Борьба и поражение германских военно-воздушных сил. 1939-1945 гг. М.: ЗАО Центрполиграф, 2006. – 304 с.
9. Marching to War 1933-1939. The Illustrated London News. Doubleday. 1989. – p. 135.
10. **Беккер К.** Военные дневники люфтваффе. М.: Центрполиграф, 2005. – 540 с.
11. Британская стратегия. Военный зарубежник. № 8 за 1937 г. – С. 2-29.
12. РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 402. ЛЛ. 397-418.
13. Ферч Г. Военное искусство сегодня и завтра. Военный зарубежник. №10 за 1939 г. – С. 30-42.
14. **Пимлотт Дж.** Luftwaffe – Военно-воздушные силы III Рейха. М.: «Эксмо» – 2005. – 176 с.
15. **Griehl M.** Heinkel Combat Aircraft. Arms and Armour. – 1992. – 106 p.
16. **Бишоп К.** Эскадрильи Люфтваффе 1939-1945. М.: «Эксмо» – 2006. – 192 с.
17. **Гагин В.В.** История участия советских ВВС в локальных войнах и вооруженных конфликтах в 1936-1940 гг. (Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.) Воронеж: ВГПУ, 2007. – 230 с.
18. РГВА. Ф. 29. Оп. 49. Д. 71. ЛЛ. 2-7.
19. РГВА. Ф. 37977. Оп. 4. Д. 399. ЛЛ. 1-326.
20. **Гагин В.В.** Воздушная война в Испании. Воронеж: ИЛДВА, 2001. – 88 с.
21. **Price A.** Aircraft Profile No. 234: Heinkel He 177 Greif. – 1972. – 24 p.
22. Итоги Второй мировой войны / Сборник статей под ред. И.Н. Соболева. М.: Иностранная литература, 1957. – С. 196-210.

УДК 94(47+57)«16»

*Воронежский государственный медицинский
университет им. Н.Н. Бурденко
кандидат исторических наук, доцент кафедры
философии и гуманитарной подготовки
Т.В. Жиброва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 279-30-52
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

*Voronezh State Medical University
named after N.N. Burdenko
PhD in History, Associate Professor of Philosophy and
Humanities Study Chair
T.V. Zhibrova
Russia, Voronezh, tel. (473) 279-30-52
e-mail: tashazhibrova@rambler.ru*

Т.В. Жиброва

**«В ТАМОЖЕННУЮ И КАБАЦКУЮ ПИТУЩУЮ ИЗБУ»: ОСНОВНЫЕ
РАСХОДНЫЕ СТАТЬИ ВОРОНЕЖСКОГО «МЕСТНОГО БЮДЖЕТА»
(ПО МАТЕРИАЛАМ ТАМОЖЕННЫХ И КАБАЦКИХ КНИГ 1620 г.)**

Статья посвящена проблеме расходования таможенных и кабацких денежных средств на местах, на примере Воронежского уезда начала XVII столетия. Автор анализирует опубликованные и архивные материалы обозначенного периода, приводит данные из Воронежской таможенной книги 1620 г., расходной книги 1620/1621 гг., и др. источников. Делает вывод о существовании так называемого «местного бюджета», из которого могли черпаться денежные средства на самые разнообразные нужды, как по указанию из Москвы, так и по распоряжению местной администрации в лице воронежского воеводы.

Ключевые слова: таможенные книги, пошлины, Воронежский уезд, таможенный голова, юг России, кабак.

T.V. Zhibrova

**"TO THE CUSTOMS AND TAVERN HOUSE":
THE MAIN EXPENDITURE OF VORONEZH "LOCAL BUDGET"
(ON MATERIALS OF THE CUSTOMS AND TAVERN BOOKS OF 1620)**

The article is devoted to the problem of spending customs and tavern funds on the ground, on the example of the Voronezh district of the beginning of the XVII century. The author analyzes the published and archival materials of the specified period, gives data from the Voronezh customs book of 1620, the tavern book of 1620/1621, and other sources. It is concluded that there was the existence of the so-called "local budget", from which money could be drawn for a variety of needs, as it was directed from Moscow, or by orders of the local administration in the face of the Voronezh governor.

Key words: customs books, duties, Voronezh County, customs head, South of Russia, tavern.

Интерес к региональной истории на современном этапе развития исторической науки по-прежнему не угасает, так как, несмотря на широкий круг работ по социально-экономическому и политическому развитию России в этот период, многие вопросы ещё недостаточно изучены и требуют дальнейшего исследования с учетом региональной специфики. Имеющиеся сегодня обобщающие труды по истории таможенного и кабацкого дела в России базируются главным образом на опубликованных законодательных актах и на изданных нарративных материалах, причем деятельность таможенных учреждений и питейных заведений зачастую рассматривается изолированно друг от друга.

Таможенное и питейное управление на местах неоднократно становилось предметом научных исследований [1], однако следует отметить, что многие аспекты этой проблемы по-прежнему нуждаются в осмыслении и проработке.

Воронежский уезд, в силу особого пограничного положения, как и другие города «на Поле», представлял собой в обозначенный хронологический период территорию со своими, отличными от центральных районов страны, традициями и укладом, накладывавшими отпечаток на все стороны жизни населения, в том числе и на взаимоотношения власти и местных жителей [2]. Предпримем попытку проследить некоторые аспекты взаимоотношений власти и общества на местах на примере деятельности таможенных изб и кабаков, замененных во второй половине столетия на кружечный двор. Как известно, в обозначенный период организация таможенного и питейного управления в уезде осуществлялась верными таможенными и кабацкими головами или откупщиками, в обязанности которых входили сбор таможенных и питейных пошлин с населения, борьба с корчемством и контрабандой и т.д.

На наш взгляд, таможенные и кабацкие сборные деньги представляли собой довольно внушительные суммы, часть которых могла использоваться на месте в случае необходимости, то есть рассматриваться в качестве некоего местного бюджета [3].

Не останавливаясь на частных вопросах взаимоотношений таможенных и кабацких служителей с воеводами, а также возможных в этой связи злоупотреблениях с обеих сторон, предпримем попытку рассмотреть основные источники расходования собранных денежных средств за определенный период времени. Так, приведем в пример данные Воронежской расходной книги за 1620/1621 гг. [4]. Документы ведутся, начиная с февраля 1620 г., что в принципе было нетипично для XVII столетия, так как обычно новый таможенный и кабацкий голова вступал в должность с нового года, то есть с 1 сентября. Тем не менее, отметим, что записи отличаются аккуратностью, разбиты на абзацы, есть указание даты расходования денежных средств и описание причин такого расходования. Ввиду обширности материала сведем его часть в таблицу, отобрав для примера записи за четыре месяца, что, на наш взгляд, позволяет увидеть общую картину ведения подобной документации на Воронежском кабаке и таможне, а также позволяет в общих чертах очертить основные расходные статьи собранных денежных средств (см. табл. 1).

Таблица 1

**Воронежская таможенная и кабацкая
расходная книга 1620\21 гг. (февраль-май)**

Месяц записи	Сумма затрат	На что затрачены средства	Примечания
февраль	2 алтына 4 деньги	дрова	в таможенную и кабацкую «питущую» избу
февраль	3 алтына 3 деньги	дрова	в таможенную и кабацкую «питущую» избу
февраль	5 алтын 4 деньги	свечи	
март	4 алтына	«коробя»	«на козну»
март	20 алтын	дрова	в таможенную и кабацкую «питущую» избу
март	3 алтына 2 деньги	стол	в таможенную и кабацкую «питущую» избу
март	дано найму от привозу рубль 16 алтын 4 деньги	лед	в ледник
март	4 алтына 4 деньги	топтали снег ярыжки	на леднике

Продолжение табл. 1

март	10 алтын 2 деньги	2 бочки	на кабак
март	4 алтына с деньгою	бумага	
март	30 алтын 2 деньги	дрова	в таможенную и кабацкую «питущую «избу
март	9 алтын 2 деньги	Свечи	
апрель	23 рубля 30 алтын 10 денег	«на корм» до нижних юртов 24 человекам	«по наказной памяти воеводы Бориса Ивановича Нащокина дано из кобацкого и из таможенного доходу донским атоманам 3 человекам Семену Кутузову, Агею Касова, Воину Яковлеву и их станицы козаком донским 21 человеку что они ехали с Москвы на Дон в нижние и козачьи юрты»
апрель	6 алтын 4 деньги	от воску от битья	
апрель	3 алтына 2 деньги	«на корм» кабацким ярыжным	
апрель	20 алтын	На святой неделе в понедельник приходили попы городские всем собором с образы на кабацкий двор	дано на весь собор
апрель	7 алтын 2 деньги	Свечи	
май	5 алтын 4 деньги	бочка	«на кобак»
май	«умер на кобаке ярыжный Федор Фролов»	на погребенье и на похороны	3 алтына 2 деньги
май	3 алтына 2 деньги	ярыжным на корм	
май	4 алтына 4 деньги	от воску от битья	
май	4 рубля 16 алтын 4 деньги	по наказной памяти воеводы Бориса Ивановича Нащокина	«из кобацкого и из таможенного доходу греченом Юрию Костентинову да ивану Маркову, Микулаю Суколарскому на корм на 3 недели до первых козачих городков»
май	на 28 алтын вина	по наказной памяти воеводы Бориса Ивановича Нащокина	«дано калодезным мастерам Федору Юреву да Еументею Онцыфорову с кобака»
май	6 алтын 4 деньги	свечи	

Основными ежемесячными затратами таможенных и кабацких служителей за 1620/1621 гг., как следует из изученных материалов, были дрова (особенно много закупалось, что понятно, в зимний период), бумага (закупалась 4 раза за год) и свечи. Интересно, что затраты на свечи писались по итогам месяца отдельной строкой (в среднем выходило по 5-9 алтын), в летний период затраты были несколько меньше ввиду увеличения продолжительности светового дня.

За март 1620 г. основными источниками расходования денежных средств были закупка тары (бочки и «коробья»). Интересно, что 21 марта на воронежский ледник был

привезен лед (за который заплатили 1 рубль 16 алтын 4 деньги), который *«топтали ярыжки»*. Последние получили за работу 4 алтына 4 деньги.

Ярыжки, или ярыжные, - это, как представляется, чернорабочие, люди без определенных занятий, желающие подзаработать своим трудом на кабаке. К услугам ярыжных, как следует из источников, таможенные и кабацкие служители прибегали довольно часто, оплачивая их услуги сразу же по факту их выполнения, внося затраченные суммы в расходные книги особыми статьями [4.Л.7-11].

Согласно «Толковому словарю» В.И. Даля, ярыга – это необходимый человек «для рассылки, прислуги и исполнения разных приказаний; они ставились от общин и также звались земские ярыжки». Синонимом к ярыжке могли служить слова «пьяница», «шатун», «мошенник», «беспутный». Колоритные русские пословицы, связанные с ярыжками, говорят сами за себя. Например, *«с ярыжкой поводить без рубахи находится»*, *«за ярыжкою брань не пропадает»*, *«гори кабак с целовальником - а ярыжки на берег»*. Промышлять ярыжничеством, ярыжничаньем означало бездельничать на все лады и пьянствовать [5].

Ярыжные в записях, связанных с ежедневной рутинной южнорусских кабаков, упоминаются в источниках довольно часто. Например, в перечислении ежемесячных расходов на разные нужды: *«на бумагу, на свечи сальные, на дрова, и от винных горнов да кирпич и за глину и печником и ярышкам за работу и за кабацкую ковку и за винные котлы и за трубы за медные и кузнецом и от кабацких хором от новых и от старых за лес и плотником от дела и на всякие прикупки и ...и в хлевники ... и ярышке на похороны»* [6].

Воронежские кабацкие ярыжные, согласно рассматриваемой расходной книге, получали деньги *«на корм»* ежемесячно, а также дополнительно по случаю церковных праздников. Так, например *«в Светлое Воскресенье Христово»* им выделили 3 алтына 2 деньги, такую же сумму выписали в мае на Николин день, в июне на день Петра и Павла, на Рождество, в феврале 1621 г. *«в великий мясоед на заговение»*. Когда же в мае 1620 г. умер *«на кабаке»* ярыжный Федор Фролов деньги на его погребение и похороны также были взяты из средств воронежской таможенной избы и кабака (все те же 3 алтына 2 деньги).

Дважды за 1620/1621 гг. по особому указу воеводы из таможенных и кабацких денег выделялись денежные суммы *«на корм»* уезжающим в *«казацьи городки»*. Так, например, в апреле 1620 г. из таможенных и кабацких доходов была выделена довольно большая сумма 23 рубля 30 алтын 10 денег уезжающим на Дон воронежцам в количестве 24 человек: *«по наказной памяти воеводы Бориса Ивановича Нащокина дано из кабацкого и из таможенного доходу донским атаманам 3 человекам Семену Кутузову, Агею Касова, Воину Яковлеву и их станицы козаком донским 21 человеку что они ехали с Москвы на Дон в нижние и козацьи юрты»*.

28 мая дано снова *«из кабацкого и из таможенного доходу греченом Юрию Костентиннову да Ивану Маркову, Микулаю Суколарскому на корм на 3 недели до первых козацких городков»* 4 рубля 16 алтын 4 деньги опять же по распоряжению воеводы.

Еще одна существенная статья расходов таможенной избы и кабака в обозначенный период – это оплата труда наемных работников. В расходной книге упоминаются *«калодезные мастера Федор Юрев да Еуменций Онцыфоров»*, которые получали ежемесячно с июня по сентябрь оплату за свой труд *«с кабака»* вина на 28 алтын по указу воеводы [3.С.40].

Упоминаются в источниках и другие (оставшиеся неизвестными для нас) наемные работники, которые *«плели плетень»* на кабацком дворе, получив на этот раз за свой труд деньгами, привозили лед для ледника, участвовали в изготовлении меда на воронежском кабаке. Так, например, читаем, *«в том же числе»* (1 марта) *«изошло меду на ставку 4 пуда на ставку, на тот же мед изошло денег на хмель и на дрова и от воды и роботником 6 алтын, а цена меду по 26 алтын, слито меду 3 бодьи 12 полуведер, прибыли 4 рубли 8 алтын»* [3. С. 40].

Отметим также, что в расходной книге 1620/1621 гг. зафиксированы случаи выплат денежных средств священнослужителям [7], а также денежного жалования из таможенных и кабацких доходов. Так, в октябре 1620 г. по наказной памяти воронежского воеводы Б.И. Нащокина было велено взять в съездею избу «на расход з кабацкого и из таможенного доходу» 20 рублей «на государево жалование голове козацкому голове Ивану Яковлеву сыну Лоривонову». Этот случай не единичный в практике таможенного и питейного управления на местах. Весной 1664 года воронежский воевода Я.И. Татищев выдал подьячим приказной избы Федору Петрову «с товарищи» жалования 35 рублей из доходов кабака и таможни [8]. Тогда же были выданы деньги воронежскому гонному ямщику Я. Боготыреву 15 рублей [9].

По расходным книгам 1668 года «по грамоте из Розряду и по отписке из Белгорода и по памяти воронежского воеводы В. Уварова «отдано с кружечного двора вина 100 ведер воронежцу В. Титову да стольнику атаману Фролу Миналеву для колмыцких посланников да Ивану Кирилову сыну Хвастову 30 ведер» [10].

Интерес для исследования представляет вопрос о том, сопоставимы ли эти расходы с общими денежными суммами, собираемыми таможенными и кабацкими служителями. Как удалось установить, сопоставимы, более того, значительная часть нерастраченных на месте средств отправлялась в Москву по истечению срока «головства» [11]. Приведем в пример данные за июль 1620 г. из Воронежской расходной книги, оформив данные из нее для удобства также в виде таблицы [3] (см. табл. 2).

Таблица 2

Воронежская таможенная книга за июль 1620 г.

Дата	Торговец	город	сумма пошлины	товар
1 июля	Григорей Никитский	Оскол	23 алтына	6 пуд пороху
2 июля	Афанасий Савин Степан Олферов	Ливны	16 алтын	«60 концов холстов посканных» 80 суд красных блюд и братин 20 рогов «120 концов холстов посканных»
3 июля	Степан Яковлев	Переяславль	30 алтын	сто пуд соли
4 июля	Дружино Булгаков	Елец	3 алтына 2 деньги	12 прутов укладу 10 холстов
5 июля	Иван Половнев	Скопин	26 алтын 4 деньги	20 мешков соли
6 июля	Третьяк Степанов	Доброе	4 алтына	6 пудов соли 2 кади меду
7 июля	Михаил зять Филата Завалского		с 14 рублей взято 4 алтына 4 деньги	с выгонных лошадей
8 июля	Сергей Топарково	воронежский жилец Борщевского стана крестьянин	с 30 рублей взято 9 алтын	с выгонных лошадей
9 июля	Левонтий Мальцев	Курск	16 алтын	100 000 чесноку
10 июля	Василей Токарев	Елец	4 алтына	6000 чесноку «25 концов холстов посканных» 70 серпов 50 суд красных блюд и братин

Продолжение табл. 2

11 июля	Дружино Москвитин	Курск	30 алтын 3 алтына 2 деньги	8 пуд пороху
12 июля	Куприян Михайлов	Курск	2 алтына 4 деньги	12 000 чесноку
13 июля	Семен Алябьев	Курск	8 алтын 2 деньги	40 000 с шестью чесноку
14 июля	Кондратей Воротынцев	Курск	4 алтына 2 деньги	20000 чесноку 4 холста
14 июля	Герасим Иванов	Курск	4 алтына 4 деньги	25 000 чесноку
15 июля	Ондрей Калуженин	Курск	6 алтын 4 деньги	29000 чесноку 12 концов холстов
16 июля	Дружино Мядынцев Михаила Драчев	Курск	4 алтына 4 деньги	30000 чесноку
16 июля	Дмитрий Мядынцев	Курск	4 алтына	
17 июля	Савва Жилин	Ливны	14 алтын	«130 концов холстов посканных» 27 узд 100 суд красных блюд и братин 2 самопала
17 июля	Василей Салник	из Курска воронежский жилец	4 алтына	бочка масла «бочка селдеи» «30 концов холстов посканных» «полубочак масла»
18 июля	Хорлан Никитин	Данково	16 алтын 4 деньги	12 мешков соли
18 июля	Аврам Шемерянкин	Данково	10 алтын	40 пуд соли
18 июля	Тимофей Токар	Оскол	3 алтына 2 деньги	200 судов блюд и братин

Как видим, сбор таможенных пошлин был регулярным, Воронеж в начале семнадцатого столетия активно торговал с такими городами, как Оскол, Курск, Елец, Ливны и др. Отметим также, что в таможенной книге не нашли отражение доходы от продажи спиртных напитков на воронежском кабаке и выплаты «явок», тем не менее, зачастую они составляли собой весомую часть от всех собранных таможенными и кабацкими служителями денежных средств [2,11].

Таким образом, согласно материалам воронежских таможенных и кабацких книг за 1620/1620 гг. основные расходные статьи таможни и кабака – это, прежде всего, собственные нужды (ремонтные работы, закупка сырья) и расходы денежных средств и вина по распоряжению воеводы. Последнее подтверждает тезис о высокой роли местных администраторов в обозначенный хронологический период. Из таможенного и кабацкого бюджета выделяются средства на самые разнообразные нужды, в том числе на уплату жалования другим должностным лицам. Отметим здесь же, что таможенные и кабацкие книги содержат информацию не только об экономической составляющей жизни города и уезда, но и о социальной структуре местного населения и способах его взаимоотношений с представителями власти.

Библиографический список

1. **Раздорский А.И.** Головство и откуп. Очерки из истории таможенного и кабацкого дела на юге и западе европейской России в XVII веке (по материалам прихода-расходных книг московских приказов и городских таможенных и кабацких книг) / А.И. Раздорский. - М., 2017. - 259 с.
2. **Жиброва Т.В.** Расходные книги Воронежской таможни и кабака (кружечного двора) XVII века как исторический источник (к постановке проблемы) / Т.В. Жиброва // Техника и безопасность объектов уголовно-исполнительной системы. Сборник материалов международной научно-практической конференции. - 2018. - С. 482-483.
3. Памятники южновеликорусского наречия. Таможенные книги / [изд. подгот. С.И. Котков, Н.С. Коткова]. М., 1982.
4. Российский государственный архив древних актов (далее РГАДА). Ф. 210. Оп. 6-ж. Книги Денежного стола. Д. 275. Л. 1-2об.
5. Толковый словарь живого Великорусского языка В. Даля [Электронный ресурс] <http://slovardalja.net> (дата обращения 8.06.2019)
6. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Книги Денежного стола. Д. 58. Л. 27.
7. **Жиброва Т.В.** Церковь и государство: к вопросу об истории взаимоотношений на основе регионального материала XVII века / Т.В. Жиброва // Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» (г. Воронеж) Церковь и государство: Сб. ст. по материалам ежегодных Митрофановских церковно-исторических чтений. (7 декабря 2018 г.). – Воронеж: ВУНЦ ВВС «ВВА», 2018. – С. 9-14.
8. Государственный архив Воронежской области (далее ГАВО). Ф. И -182. Оп. 2. Д. 104. Л. 1-2.
9. ГАВО. Ф. И- 182. Оп. 2. Д. 68. Л. 4.
10. РГАДА. Ф. 210. Оп. 6-ж. Книги денежного ст. Д. 189. Л. 120 об. - 121.
11. **Жиброва Т.В.** К вопросу об экономике провинциального города (Воронежский уезд в XVII – начале XVIII вв.) / Т.В. Жиброва // Проблемы социальных и гуманитарных наук. Выпуск № 4 (17), 2018. – С. 54-60.

УДК 94

*Воронежский государственный университет
доктор исторических наук, доцент кафедры
регионоведения и экономики зарубежных стран
М.В. Кирчанов
Россия, г. Воронеж, тел. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

*Voronezh State University
Dr. Hab in History, Associate Professor of Chair of
Regional Studies and Foreign Countries Economies
M.V. Kirchanov
Russia, Voronezh, tel. 89805447525
e-mail: maksymkyrchanoff@gmail.com*

М.В. Кирчанов

КОНСТРУИРУЯ, ИЗОБРЕТАЯ И ВООБРАЖАЯ СОЦИАЛЬНУЮ ИСТОРИЮ АНГЛИЙСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ

Автор анализирует историю «Группы историков Коммунистической партии Великобритании». Предполагается, что Группа стала важным этапом в интеллектуальной и историографической истории Англии. Внутренние и внешние факторы, включая английское историографическое наследие и европейские континентальные влияния стали культурными и интеллектуальными стимулами для возникновения левых трендов в английской историографии. Автор полагает, что Группа была ревизионистским сообществом, которое предлагало фактически модернистские и конструктивистские подходы. Группа, как полагает автор, приняла активное участие в трансформации истории как науки, актуализируя ее социальные и экономические измерения. Историки группы с формальной точки зрения определяли себя как марксистов, но фактически они были активны в попытках заменить позитивистский дискурс попытками изобретения и воображения прошлого. Предполагается, что идеи группы имеют принципиально важное значение для изучения истории Английской революции и процессов модернизации, в том числе социальные и экономические трансформации и изменения.

Ключевые слова: историография, сообщество историков, «Группа историков Коммунистической партии Великобритании», социальная история, методология, ревизионизм, модернизм, конструктивизм, интеллектуальная история.

M.V. Kirchanov

CONSTRUCTING, INVENTING AND IMAGING SOCIAL HISTORY OF THE ENGLISH REVOLUTION

The author analyzes the history of the “Group of Historians of the Communist Party of Great Britain”. It is assumed that the Group became an important stage in the intellectual and historiographic history of England. Internal and external factors, including the English historiographic heritage and European continental influences, became cultural and intellectual stimuli for the emergence of left trends in English historiography. The author believes that the Group was a revisionist community that proposed modernist and constructivist approaches. The group, as the author believes, took an active part in the transformation of history as a science, actualizing its social and economic dimensions. From a formal viewpoint, the historians of the group defined themselves as Marxists, but in fact they attempted to replace the positivistic discourse with the invention and imagination of the past as the main languages of historical science. It is assumed that the ideas of the Group have fundamental importance for the further studies of the history of the English Revolution and the processes of modernization, including social and economic transformations and changes.

Key words: historiography, community of historians, “Group of historians of the Communist Party of Great Britain”, social history, methodology, revisionism, modernism, constructivism, intellectual history

Формулировка проблемы. 20 век стал важным этапом в развитии современной британской историографии и, несмотря на то, что английские историки предпочитали выделять себя из европейского историографического канона, общеисториографические, методологические и теоретические влияния, отразились на основных тенденциях развития английской историографии. В этой ситуации, вряд ли, представляется возможным писать о прямом и непосредственном влиянии, например, европейской континентальной микроистории, исторической антропологии или истории ментальностей на развитие английской историографии.

Автор полагает, что более корректным будет констатировать генезис и развития английских национальных школ в современной историографии, которые, конечно, были связаны с европейскими историографическими тенденциями, но генетически стали продолжением развития английской историографии 19 века. Анализируя английский историографический вклад в развитие исторической науки, вероятно, следует упомянуть два тренда, которые стали заметными интеллектуальными и культурными явлениями в историографии. Речь идет о “социальной истории” и “народной истории”, которые фактически стали попытками части представителей английского интеллектуального сообщества дать свой ответ на те вызовы, с которыми столкнулась позитивистская историография во второй половине 20 века.

Английская революция в историографии: от позитивизма к модернизму. Что представляла из себя английская историография к середине 20 столетия? Генетически она была связана с более ранними историографическими школами, но едва ли не основным и единственным языком истории был позитивизм, которые к 1940-м годам оказался в состоянии кризиса, так как историки-позитивисты не могли дать адекватные и нормальные объяснения тем системным вызовам, с которыми столкнулся Запад в 1920 – 1940-е годы. Чисто событийные версии описания и написания истории были, конечно, интересны и информативны, но они не могли объяснить ни первую, ни вторую мировые войны, ни генезис, ни развитие левых и правых недемократических режимов.

Поэтому, к середине 1940-х годов позитивистская модель исторического воображения оказывается в кризисном состоянии, что стимулирует культурные и интеллектуальные поиски английских историков, которые оказались чрезвычайно восприимчивыми к новым теоретическим и методологическим веяниям и тенденциям. Ответом английского исторического сообщества, точнее тех его представителей, которые придерживались принципов радикальной эпистемологии, стало появление объединения, известного как “Группа историков Коммунистической партии Великобритании” или “Communist Party Historians Group” [23], которая стала проводником и популяризатором радикальной эпистемологии, основанной на модернистских и конструктивистских тактиках и стратегиях понимания прошлого.

Цель статьи. Целью автора статьи является анализ роли и влияния этого академического и интеллектуального объединения на развитие английской историографии в контекстах изучения социальной и культуральной истории в рамках изучения истории английской революции и ее роли в генезисе политической модернизации и трансформации английской идентичности.

«Группа историков Коммунистической партии Великобритании»: формальные ориентации. С формальной точки зрения “Группа историков Коммунистической партии Великобритании” (далее: Группа), в состав которой входили английские историки левых взглядов и убеждений, была структурной частью Коммунистической партии [25]. Принадлежность к партии, вероятно, стала тем фактором, который обусловил цели Группы, состоявшие в изучении истории революции и применении марксистских методов для анализа прошлого. Группа [30] практически с самых первых шагов своего существования заявила о себе как объединении, участники которого использовали радикальную эпистемологию, не

описывая героическое прошлое в стиле романтической и позитивистской историографии, но реконструируя социальные, политические и экономические факты и процессы.

Несколько английских историков и интеллектуалов, включая Морис Добб (1900 – 1976) [29; 33], Кристофер Хилл (1912 – 2003) [1], Родни Хилтон (1916 – 2002) [3], Эрик Хобсбаум (1917 – 2012) [2; 4; 6] и некоторых других входили в состав Группы. С точки зрения историографического вклада и наследия, Кр. Хилл и Эрик Хобсбаум были наиболее значимыми фигурами Группы.

Группа [35] возникла во второй половине 1940-х годов, динамично развиваясь до 1956 года, связанного с событиями в Венгрии, заставившими некоторых левых английских интеллектуалов усомниться в универсальности и исключительной правильности коммунизма. Важным этапом в истории Группы стал 1952 год, когда по инициативе входивших в ее состав историков был основан журнал “Past and Present” [17; 31], ставший позднее одним из наиболее значимых, авторитетных и влиятельных периодических изданий в современной английской историографии. Формально Группа перестала существовать в 1991 году, когда КП Великобритании прекратила свою деятельность.

Культурный, интеллектуальный и историографический вклад в изучение Английской революции. Несмотря на то, что некоторые английские историки [32] пытались задавать вопрос об отсутствии развитой и сильной марксистской традиции в интеллектуальной истории Англии и сами отвечали на него негативно в силу своих идеологических и политических предпочтений, левые тренды, тем не менее, стали важным явлением в интеллектуальной истории и истории идей британской историографии во второй половине 20 века.

Участники Группы были активны в своих попытках найти новый язык для истории как науки. Отвергая позитивизм и романтизм, как архаичные явления в историографии, они стремились сблизить историю и экономику, полагая и надеясь, что использование экономических методов будет более эффективным для объяснения фактов и процессов социальной и экономической истории, в первую очередь – Английской революции. Кр. Хилл не был единственным сторонником и теоретиком социологизации английской истории. В близком направлении работал и другой английский левый историк Родни Хилтон [18; 19; 20; 21; 22], который анализировал историю средневекового крестьянства в контекстах социальной истории и интерпретировал акты протеста как проявления классовой борьбы.

Наиболее значимый вклад в изучении истории Английской революции из участников группы внес Кристофер Хилл.

Кристофер Хилл, ставший одним из интеллектуальных лидеров английской историографии второй половины 20 века [5; 34], известен своими работами по истории Английской революции, которые не только были для своего времени ревизионистскими, но и фактически стали попыткой предложить новый академический язык для описания / написания истории революции. Ревизионистскими тексты Кр. Хилла были потому, что он отказывался от романтического или позитивистского восприятия революции, предпочитая использовать методы модернизма и конструктивизма для ее описания – историю революции он конструировал, воображал и изобретал как процесс социальных и экономических трансформаций.

В этой интеллектуальной ситуации Кр. Хилл может быть признан как историк, внесший вклад в генезис новой социальной истории, которая предложила новый взгляд на социальную историю, отказавшись от примитивного коллекционирования фактов и их формализованной дальнейшей классификации в пользу интерпретации процессов через из конструкцию или наоборот попытки деконструкции, если эти процессы воспринимались как историографические конструкторы и изобретения предшествующих поколений историков. Кр. Хилл фактически попытался деконструировать более ранний нарратив о революции как

политическом или религиозном конфликте, вообразив ее как социальный конфликт и часть классовой борьбы.

Работы раннего Кр. Хилла были очень идеологичны и порой ортодоксальны – например, его исследования об Английской революции, проведенные им в 1940-е годы [15], утверждали вывод, что именно революция институционализировала капитализм как основу английской экономики. Этот вывод историка носил ревизионистский характер и привел его к конфликту с другими историками, полагавшими, что капитализм утвердился, как минимум, за столетие до революции. Кр. Хилл, в свою очередь, был сторонником концепции позднего утверждения капитализма в английской экономике, полагая, что более ранние формы отношений не могут быть определены как капиталистические. Как интеллектуал, который был левым, Кр. Хилл мучительно выбирал между базисом и надстройкой – если в ранних работах он уделял преимущественное внимание базису, то середине 1950-х годов перешел к анализу проблем надстройки, полагая, что социальные [13], культурные [12], религиозные [11] и интеллектуальные контексты [8] имеют большее значение для изучения истории Английской революции.

Пересматривая более ранние точки зрения своих историографических предшественников или оппонентов, Кр. Хилл пришел к выводу, что культурные, религиозные [9] и интеллектуальные активности [10] революционных лидеров или деятелей, живших за несколько десятилетий до революции, стали широким фоном, интерпретации и реинтерпретации которого конструировали различные образы революции. Кр. Хилл как ревизионист и историк конструктивистского направления был активен и в смелых интеллектуальных экспериментах – в частности, именно ему принадлежат немногочисленные в английской историографии тексты, которые рассматривают Английскую революцию не только как успешный буржуазный или религиозный проект, но и как неудачную попытку демократической революции [16].

Именно с радикальными революционными трендами 17 века Кр. Хилл связывал генезис английской левой политической и интеллектуальной традиции [7]. В целом, Кр. Хилл воспринимал революцию как конструкт [14], а в поздних текстах, пересмотрев свои более ранние предположения, предложил описывать революцию как одновременно религиозный, политический, культурный и социальный конструкт, который легитимировал в Англии ценности и принципы национализма. В свою очередь другие представители Группы [36] анализировали последствия, социальные и культурные эхо и отголоски революции в английской социальной истории 18 – 19 столетий. Наиболее активным в изучении последствий революции стал Эрик Хобсбаум [24;26;27;28], который не оставил о ней специальных работ, но другие его тексты были сфокусированы на тех исторических, социальных, политических, экономических, культурных и интеллектуальных явлениях, процессах и институтах, чье появление было невозможно без Английской революции, став ее политическим эхом или социо-культурным отголоском. Если Кр. Хилл стремился социологизировать и экономизировать историю революции, описав и вообразив в ее как конструкт, то заслуга Э. Хобсбаума состояла в генерализации этого подхода и его трансплантации на столетия всемирной истории, которые последовали после революции.

Выводы. Подводя итоги статьи, во внимание следует принимать несколько факторов.

“Группа историков Коммунистической партии Великобритании” стала важным явлением в интеллектуальной истории, истории идей, культуральной истории, и истории английской историографии 20 века. Генезис этого частично формального объединения имел преимущественно английские истоки, что не исключает фактор европейских континентальных культурных, интеллектуальных, историографических и политических влияний. Конечно, самым крупным фактором, который стимулировал появление этой группы стал успех коммунизма в СССР, что привело к институционализации особой, пусть и в значительной степени идеологизированной версии, исторического знания, которая в

отличие от позитивизма, оперировала качественно новым методологическим инструментарием, позволявшим писать не только событийную историю, но и актуализировать социальные и экономические факторы.

Другим фактором, который стимулировал появление этого историографического течения стало развитие левых политических, культурных и интеллектуальных трендов и течений в самой Великобритании. Третьим фактором, который, вероятно, в случае с английскими историками, был доминирующим стал кризис традиционной эпистемологии, основанной на позитивизме. Институционализация “Группы историков Коммунистической партии Великобритании” стала важным явлением в истории английской современной историографии, что позволило добиться качественного изменения и обновления методов, которые историки использовали при формировании и продвижении нарративов. Конечно, та версия истории, которую писали историки этой группы, сохраняла связи с традиционной версией исторического воображения, будучи преимущественно историей гранд-нарративов, но английские левые историки смогли освободить нарратив от гнета событийности и пут героического мифа, прибегнув к его социологизации и экономизации.

Деятельность “Группы историков Коммунистической партии Великобритании” содействовала тому, что английская историография стала более разнообразной и гетерогенной, а ее общий методологический и теоретический уровень в значительной степени вырос по сравнению с более ранними этапами, когда почти безраздельно доминировала позитивистская логика восприятия прошлого и написания / описания истории. Историческая роль и влияние “Группы историков Коммунистической партии Великобритании” сравнима с теми эффектами, которые имели для развития европейских континентальных историографий появление и развитие «школы “Анналов”» во Франции или микроистории в Италии. Если роль последних двух не вызывает сомнений в формировании новых подходов к восприятию истории французской революции или процессов генезиса перемен и модернизации, то английские левые историки стали новаторами, которые предложили новый методологический язык для описания / написания истории английской революции, но формально будучи левыми, английские «коммунистические историки» не ограничивали себя только и исключительно левым политическим каноном, стремясь писать синтетические и гетерогенные истории английской революции, которые одновременно были социальными, культуральными, интеллектуальными, религиозными, актуализируя одновременно макро- и микро-уровни исторического процесса.

Марксизм “Группы историков Коммунистической партии Великобритании” был английским европейским левым проектом, который пребывал в разительном противоречии с советской версией марксизма – именно этим, вероятно, следует объяснять то, что некоторые члены “Группы”, с одной стороны, отошли от Коммунистической Партии, которую воспринимали слишком просоветской, а, с другой, то, что их тексты на протяжении длительного времени были игнорируемы советской историографией, чьи представители формально имели больше свободы в изучении английских правых, нежели формально идеологически близких и родственных левых интеллектуалов.

В целом, автор полагает, что историографическое наследие “Группы историков Коммунистической партии Великобритании” нуждается в дальнейшем изучении в контекстах истории английской историографии, истории левых и истории революционных процессов как части проекта радикальной политической и социальной модернизации, которая позволила перейти от традиционного династического государства к государственности. Обращение к идейному и интеллектуальному наследию «Группы историков Коммунистической партии Великобритании» может стать тем фактором, который позволит расширить горизонты интерпретаций этого процесса.

Библиографический список

1. **Adamo P.** Christopher Hill e la rivoluzione inglese: itinerario di uno storico // *Società e Storia*. – 1990. – Vol. XIII. – P. 129 – 158.
2. **Bounds Ph.** From Folk to Jazz: Eric Hobsbawm, British Communism and Cultural Studies // *Critique: Journal of Socialist Theory*. – 2012. – Vol. 40. – No 4. – P. 575 – 593.
3. **Byers T.** Rodney Hilton (1916 – 2002): In Memoriam // *Journal of Agrarian Change*. – 2006. – Vol. 6. - No 1. – P. 1 – 16.
4. **Cronin J.** Creating a Marxist Historiography: the contribution of Hobsbawm // *Radical History Review*. – 1979. – Vol. 19. – No 1. – P. 87 – 109.
5. **Davis J.** Myth and History: the Ranters and the Historians. – Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
6. **Elliott G.** Hobsbawm: History and Politics. L.: Pluto Press, 2010.
7. **Hill Ch.** A Nation of Change and Novelty: Radical Politics, Religion and Literature in Seventeenth-Century England. L.: Bookmarks, 1995.
8. **Hill Ch.** Economic Problems of the Church: From Archbishop Whitgift to The Long Parliament. L.: Clarendon Press, 1956.
9. **Hill Ch.** God's Englishman: Oliver Cromwell and the English Revolution. L.: Dial Press, 1970.
10. **Hill Ch.** Intellectual Origins of the English Revolution. L.: Clarendon Press, 1965.
11. **Hill Ch.** Puritanism and Revolution: Studies in Interpretation of the English Revolution of the 17th Century. L.: Secker & Warburg, 1958.
12. **Hill Ch.** Society and Puritanism in Pre-Revolutionary England. L.: Seeker & Warburg, 1964.
13. **Hill Ch.** The Century of Revolution, 1603–1714. L.: W.W. Norton & Company, 1961.
14. **Hill Ch.** The English Bible and the Seventeenth-Century Revolution. L.: Penguin Book, 1992.
15. **Hill Ch.** The English Revolution, 1640. L.: Lawrence and Wishart, 1940.
16. **Hill Ch.** The World Turned Upside Down: Radical Ideas During the English Revolution. L.: Penguin Book, 1972.
17. **Hill Ch., Hilton R., Hobsbawm E.** Past and Present. Origins and Early Years // *Past and Present*. – 1983. – No 100. – P. 3 – 14.
18. **Hilton R.** A Medieval Society: the West Midlands at the end of the thirteenth century. Cambridge: Cambridge University Press, 1966.
19. **Hilton R.** Bond Men Made Free: medieval peasant movements and the English rising of 1381. L.: Routledge, 1973.
20. **Hilton R.** English Peasantry in the Later Middle Ages. Oxford: Oxford University Press, 1975.
21. **Hilton R.** The Economic Development of some Leicestershire Estates in the 14th & 15th Centuries. Oxford: Oxford University Press, 1947.
22. **Hilton R.** The English Rising of 1381. Cambridge: Cambridge University Press, 1950.
23. **Himmelfarb G.** The New History and the Old: Critical Essays and Reappraisals. Cambridge, Mass.: Belknap Press, 2004.
24. **Hobsbawm E.** Industry and Empire: From 1750 to the Present Day. L.: Pelican Books, 1968.
25. **Hobsbawm E.** Interesting Times: A Twentieth-Century life. L.: Allen Lane, 2002.
26. **Hobsbawm E.** Nations and Nationalism Since 1780: Programme, Myth, Reality. Cambridge: Cambridge University Press, 1991.
27. **Hobsbawm E.** Primitive Rebels: Studies in Archaic Forms of Social Movement in the 19th and 20th centuries. Manchester: Manchester University Press, 1959.

28. **Hobsbawm E.** The Age of Revolution: Europe 1789–1848. L.: Abacus, 1962.
29. **Hollander S.** The Economics of Karl Marx: Analysis and Application. Cambridge: Cambridge University Press, 2008.
30. **Kaye H.** The British Marxist Historians: an introductory analysis. Cambridge: Polity Press, 1984.
31. **Le Goff J.** Past and Present. Later History // Past and Present. – 1983. – No 100. – P. 14 – 28.
32. **McKibbin R.** Why Was There No Marxism in Great Britain? // The English Historical Review. – 1984. – Vol. 99. – No 391. – P. 297 – 331.
33. **Meeks R.** Obituary of Maurice Herbert Dobb // Proceedings of the British Academy. – 1977. – Vol. 53. – P. 333 – 344.
34. Reviving the English Revolution: Reflections and Elaborations on the Work of Christopher Hill / eds. **G. Eley, W. Hunt.** L.: Verso, 1988.
35. **Samuel R.** British Marxist Historians, 1880 – 1980 // New Left Review. – 1980. – Vol. 120. – March – April. – P. 21 – 96.
36. **Saville J.** Rural Depopulation in England and Wales, 1851 – 1951. L.: Routledge, 1957.

УДК 93

*Воронежский государственный технический
университет
ст. преподаватель кафедры экономики и основ
предпринимательства
Е. А. Кузьмин
Россия, г. Воронеж, тел. 8-908-133-63-43
e-mail: kuzmin.str@mail.ru*

*Voronezh State Technical
University
Senior Lecturer of the Chair of Economics and Business
Foundations
E. A. Kuzmin
Russia, Voronezh, tel. 8-908-133-63-43
e-mail: kuzmin.str@mail.ru*

Е.А. Кузьмин

ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ НА РУСИ

Настоящая статья ставит предметом своего исследования церковную десятину как институт финансирования православной церкви на Руси. Централизованная единая религия, призванная объединить власть и территории, требовала больших денежных и натуральных вливаний. Рассчитывать на щедрые пожертвования частично воцерковлённого населения было сложно, и перед властью встал вопрос закрепления на законодательном уровне института десятины, по сути систематических отчислений в пользу церкви со стороны государственного аппарата.

Ключевые слова: государство, церковь, православие, Русь, Византия, государственный аппарат, христианство, законодательство.

E.A. Kuzmin

THE ECONOMIC POSITION OF ORTHODOXAL CHURCH IN RUSSIA

This article focuses on the Church tithe as an institution of financing the Orthodox Church in Russia. Centralized single religion, designed to combine power and territory required a great deal of cash and in kind investments. It was difficult to count on the generous donations of the partially churchd population and the authorities faced the question of securing the tithing institution at the legislative level, in fact, systematic contributions to the Church from the state apparatus.

Key words: state, Church, Orthodoxy, Russia, Byzantium, state apparatus, Christianity, legislation.

После принятия Православия на Руси началось бурное развитие церковных структур. Достаточно быстро были возведены многочисленные храмы и монастыри. Сильно развитая церковная структура требовала больших финансовых вливаний. Оно и понятно, что строительство храмов, содержание причта и многое другое, учитывая сильно расширенную компетенцию по сравнению даже с Византией необходимо было не только поддерживать, но и развивать. Однако, возникает вполне закономерный вопрос, каким образом в централизованном порядке урегулировать порядок и суммы отчислений со стороны государства на церковные нужды? Все дело в том, что княжеские уставы имели в качестве предмета своего регулирования вопросы организации, деятельности и финансирования не Церкви в целом, а отдельных епархий, находящихся под юрисдикцией того или иного князя. Но власть на Руси быстро стала в полной мере «воцерковленной» и каждый из князей все равно заботился об обеспечении Церкви. Церковная десятина возникает сразу после принятия Православия.

Об этом содержатся сведения и в Новгородской летописи, и в Повести временных лет, когда креститель Руси князь Владимир распорядился передать от всех своих владений, включая города, десятую часть прибытков.

Дело не ограничивалось простыми пожертвованиями и подарками в виде богослужебной утвари, облачений и икон в драгоценных окладах. Появилась сложная система взимания средств на нужды православия. Сама система содержания церкви имеет свой прообраз со времен Ветхого Завета. Изначально Моисей призывал еврейский народ жертвовать на нужды определённое имущество, причём размер отчислений не оговаривался: «Сделайте от себя приношения Господу; каждый по усердию пусть принесёт приношение Господу» [1]. Спустя некоторое время была установлена десятина, т. е. на содержание священников и храма, на жертвоприношение следовало выделять условно десять процентов от всего полученного натурального дохода [2]. Уподобляясь Ветхому Завету, эту систему податей или по-нашему налогов называли также десятиной, то есть равной 10% от того или иного вида дохода, продукции или плодов. Историками ставится вопрос о происхождении самой десятины на Руси. Дело в том, что в Византии священники и диаконы могли использовать продукты, денежные средства и недвижимость, переданные им в дар от прихожан или власти. Дозволялось и взимание десятины (т.е. 10 процентов от доходов или плодов по примеру из Ветхого Завета). И наконец, была традиция сохранившееся и в современных храмах. Это возможность получать средства, которые жертвовались при совершении богослужений или треб (молебны, освящение колесницы, панихиды и др.). Следует оговориться, что взимание «десятины» было, в основном, делом необязательным. При этом на Востоке империи эта традиция не прижилась и носила преимущественно добровольный характер, поскольку формально была отменена Юстинианом I (VI в.). Централизовано десятина возрождается только в XI веке и носит натуральный характер (продукты, приплод скота и т.д.). На Западе же это стало обычаем, причем взимание осуществлялось в централизованном порядке, но разница с десятиной на Руси существенно. У нас взимание происходило с князей, в западном понимании платить должно было население. Так что римское и византийское право формально не знают подобного института взимания средств на нужды религии и возникает вопрос о заимствовании её из других стран с христианской [3.С.220] и нехристианской традицией [4.С.235]. Версий много. Некоторые в своих исследованиях, посвященных данному вопросу отмечают, что десятина вполне могла существовать и ранее в самом языческом культе славян или она была создана действительно властью по богословскому прообразу Израиля [5.С.76].

На Руси «процентная ставка» очень часто не соответствовала своему названию и поэтому, в дальнейшем мы будем использовать понятие «десятина», как обозначающее все возможные поступления в церковный бюджет. Из источников того периода видно, что размер взимаемого имущества доходил до 50%. Но надо заметить, что во многих случаях в качестве десятины выступала не процентная ставка, а фиксированная денежная сумма. Так, например, размер отчислений от княжеского суда составлял 15 кун [6.С.72]. Княжеский суд выступал лишь одним из многих источников формирования церковного бюджета. Средства перечислялись не простым церквям, расположенным в определенной местности, а только соборным, а затем церковное руководство само перераспределяло материальные ресурсы.

Я. Н. Щапов выделяет два основных этапа развития экономического положение церкви в Древней Руси. Эти этапы полностью соответствуют социально-экономическому положению самого государства. Первый этап относится к XI столетию и характеризуется появлением самой десятины и одноимённой церкви, где она хранилась [7.С.120]. В этот период в летописях отсутствуют сведения о наличии у архиереев и монастырей земельной собственности. Существование самой организации осуществлялось только за счёт определённых отчислений. Оно и понятно, ведь сама власть ещё не могла считаться полноправным феодалом. Переход к феодальной формации только набирал обороты и было

бы просто опасно предоставлять церкви какие-то земельные права, несмотря на почти безграничное доверие со стороны государственного аппарата. Раскопки проведённые в Киеве показали, что Десятинная церковь помимо богослужебной части имела большие по размерам пристройки [8.С.85] предположительно в которых располагались хранилища «десятины». Авторы исследований предполагают, что помимо собственно дорогого богослужебного имущества в храме находились и многие драгоценные предметы свидетельствующие, что уплата осуществлялась не только посредством денег.

Второй этап относится к XII-XIII векам. Он обозначен как время усиления имущественного господства церкви и становления её в качестве могущественного феодала. Происходит передача большого количества земель монастырям и епархиям. При этом с целью предотвращения безграничного увеличения их числа, вводится ряд ограничений на такую передачу. Кроме того, земли нельзя было перепродавать в дальнейшем. Со стороны властей передаются и обычные участки и даже села [9.С.332]. О владении городами речи не шло [10.С.367-368] по причине отнесения их к собственности князей, а церковь получала с них только доходы.

Далее следует привести примерный перечень финансовых источников, с которых происходило взимание «десятины»:

1) Поступления от полюдья. Об этом известно из Смоленской уставной грамоты 1136 года [11.С.143]. Сбор полюдья осуществлялся дважды в год путем объезда князем и его дружиной своих территорий. Передавалась часть и от всевозможных налогов, пошлин, штрафов и т. д.

2) Отчисления от пошлин, которые уплачивались княжескому суду [12.С.122-125]. Подобный вид поступлений действовал относительно не долго, до XII века.

3) «Десятая неделя торга». Согласно многим редакциям различных Уставов, поступления от торговли направлялись в государственный бюджет в течение девяти недель, а в десятую неделю торговли налоги направлялись Церкви.

4) Служба мер и весов. Историки спорят об исконной принадлежности этой службы церкви, однако западные аналогии говорят о постепенном переходе её от власти государственной к церковной. В той же Византии изначальным хранителем эталонов измерений была королевская власть. Церковь отвечала за неё лишь в некоторых регионах. Русское православие в этом плане стоит особняком, поскольку самые первые упоминания об этой службе говорят сразу о её принадлежности церкви. Почему церкви? По мнению историков и богословов эта деятельность требовала больше честности, чем усердия и, по мнению власти именно церковное ведомство должно было отвечать за данную функцию [13.С.139-140].

5) «Погородие». Один раз в год правящий архиерей объезжал свою епархию. Во время поездки он решал множество вопросов находящихся в его компетенции: церковный суд, проверка деятельности прихода и самое главное – сбор указанного налога. «Погородие» было дополнительным налогом, и его уплата не освобождала от уплаты остальных взносов. Состоял этот налог из двух частей: основной (фиксированной и обязательной) и дополнительной (размер определялся населением самостоятельно и уплата не была обязательной). Дополнительную часть называли «почестье» и она выступала в качестве своеобразного индикатора, указывающего на степень уважения и признания архиерея. Чем больше денег поступало в качестве «почестья», тем большим было уважение к определенному владыке [14.С.146]. Оно свидетельствовало о возросшей со временем роли церкви с одной стороны и роли епископа с другой, так как он должен был объезжать свою территорию не только как управленец, но и как духовник народа. Для отдалённых населённых пунктов это всегда было большим событием. На взгляд автора исследования «почестие» это явление говорящее и о признании православия на территории Руси, поскольку, если бы не уважали, то и не платили бы. Таким образом, все предпринятые до

этого государственно-церковные меры по утверждению нового мировоззрения и новой системы права возымели действие.

Предоставляя церкви «десятину», государство делало очередной шаг на встречу церкви и её идеям, поддерживая и развивая новую систему отношений. В ведении церкви предоставили некоторые права, бывшие исконно государственными, что по смыслу княжеских Уставов свидетельствует о взаимовыгодном сотрудничестве двух институтов [15. С. 140].

Сама система церковной организации того времени разительно отличалась от византийской, конечно, и по числу епархий и митрополитов и по самой системе организации и управления. Количество епархий было небольшим и их территориальное устройство совпадало с границами княжеств. Причины тому заключаются в том, что на Руси система финансирования совпадала с княжествами. Ведь был отличный от Запада принцип централизованных отчислений со стороны власти и создавать епархии исходя из принципа оптимального управления и количества приходов не имело смысла. О византийском примере содержания храмов со стороны прихода не могло быть и речи на тот момент, хотя, как показывает и современная система епархиального устройства, для России этот принцип соответствия епархии субъекту остаётся без изменения.

Время после Крещения Руси необходимо обозначить, как период больших перемен и в жизни религиозной и в формировании церковных структур. Конечно же, непосредственную роль в этом играла сама государственная власть в лице своих представителей - киевских князей. Именно от них напрямую зависело положение православия, поскольку князья предоставляли необходимые права новой вере и снабжали её материальными средствами. В то время христианство могло существовать лишь за счет отчислений со стороны государства. В какой-то степени это естественный процесс, поскольку такая мощная, большая и хорошо структурно образованная организация не была в состоянии содержаться только за счет добровольных пожертвований со стороны частных лиц, т. е. прихожан. Это можно назвать, в какой-то степени отчислениями из государственного бюджета.

Библиографический список

1. Исх. 35, 5.
2. Втор. 14, 22.
3. **Тихомиров М. Н.** Исторические связи России со славянскими странами и Византией. М., 1969.
4. **Гельмольд.** Славянская хроника. М., 1963.
5. **Петрухин В. Я.** К проблеме происхождения древнерусской десятины: «Ветхий Завет» и древнерусская традиция // ВЕДС. М., 1996.
6. Правда Русская. М.; 1940. Т. 1.
7. **Щапов Я. Н.** Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI—XIV вв. М., 1972.
8. **Корзухина Г. Ф.** К реконструкции Десятинной церкви // СА. 1957. № 2.
9. **Щапов Я. Н.** Церковь в системе государственной власти Древней Руси // Древнерусское государство и его международное значение. М., 1965.
10. Феодалные землевладения в Северо-Восточной Руси. М., 1947. Т. 1.
11. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.
12. **Щапов Я. Н.** Княжеские уставы и церковь в Древней Руси XI-XIV вв. М., 1972.
13. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984.
14. Древнерусские княжеские уставы XI-XV вв. М., 1976.
15. Российское законодательство X-XX веков. Т. 1. М., 1984.

УДК 930

*Министерства промышленности и торговли
Российской Федерации
начальник отдела военно-технического
сотрудничества Департамента промышленности
обычных вооружений, боеприпасов и спецхимии,
член Союза писателей России
В.Е. Ларионов
Россия, г. Воронеж, e-mail: vladlar1965@mail.ru*

*Ministry for industry and trade of the
Russian Federation
Head of the branch for military-technical cooperation of
the Department of conventional arms industry,
ammunition and special chemistry,
The member of The Writers' Union of Russia
V.E. Larionov
Russia, Voronezh, e-mail: vladlar1965@mail.ru*

В.Е. Ларионов

**ОБРАЗ ВАРЯГОВ В ДРЕВНЕРУССКОЙ МИНИАТЮРЕ РАДЗИВИЛЛОВСКОЙ
ЛЕТОПИСИ**

Статья посвящена вопросу отображения варягов в миниатюрах Радзивилловской летописи и ряда других лицевых памятников древнерусского времени. Особенности и характер работы миниатюристов средневековья с фактическим материалом, их особый символический «язык» и его отображение на страницах летописи позволяют нам рассматривать миниатюры как важный исторический источник. Внимание миниатюриста к деталям вооружения, одежды, четкая этническая градация в изображении головных уборов, в особенности воинских шлемов, позволяют нам проанализировать взгляд древних миниатюристов и летописцев на этническую природу варягов.

Ключевые слова: древнерусская миниатюра, Рюрик, вооружение, шлемы, варяги, княжеская шапка, древнерусская дружина, Гаврило Алексич.

V.E. Larionov

**THE IMAGE OF VARANGIANS IN THE ANCIENT MINIATURES OF
RADZIVILL CHRONICLE**

The Article is devoted to the display of Varangians in the miniatures of the Radziwill chronicle and a number of other manuscripts of old Russian time. The features and nature of the work of miniaturists of the middle ages with the actual material, their special symbolic "language" and its display on the pages of the chronicle allow us to consider the miniatures as an important historical source. Miniaturist's attention to the details of weapons, clothing, clear ethnic gradation in the image of hats, especially military helmets, allow us to analyze the view of ancient miniaturists and chroniclers on the ethnic nature of the Varangians.

Key words: Old Russian miniature, Rurik, weapons, helmets, varangians, Prince's cap, old russian squad, Gavrilko Alexich.

Древнерусская миниатюра, в качестве важнейшего исторического источника, уже давно находится в поле зрения отечественной исторической науки. Изучению миниатюр в разное время и под разным углом зрения посвящены работы Ф.И. Буслаева, В.В. Стасова, И.Е. Забелина, В.В. Прохорова, Н.В. Султанова, Н.П. Кондакова, В.И. Сизова, Д.В. Айналова, М.И. Артамонова, М.В. Алпатова и многих других специалистов и исследователей. К сожалению в императорский период русская историческая наука игнорировала этот важнейший исторический источник, никак не подозревая огромного исторического потенциала древнерусской миниатюры.

После работы А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник», историческая достоверность изображений, помещенных в лицевых рукописях не вызывает сомнений.

Работа А.В. Арциховского открыла новые перспективы в изучении материальной культуры древнерусского времени, новые перспективы в решении интересных задач, новые возможности использовать миниатюру в уточнении наших знаний о символике, идеологии, политике древнерусского периода. Дальнейшие исследования отечественных специалистов древнерусской миниатюры уже будут основываться на капитальном труде А.В. Арциховского.

Для своего исследования А.В. Арциховский выбрал пять самых интересных лицевых сборников: Радзивилловскую летопись, Никоновскую летопись, «Житие Бориса и Глеба» в двух списках XIV и XVI веков, «Житие Сергия» и «Житие Антония Сийского». Эти сборники ярчайшим образом отражают пути развития древнерусской миниатюры с периода домонгольской Руси до конца XVII столетия. А.В. Арциховский убедительно доказал, что в отношении рисунков Радзивилловской летописи и других лицевых сборников мы можем смело предполагать наличие древних оригиналов, по которым были выполнены миниатюры указанных памятников. Особое внимание Арциховский уделял изучению изображений оружия, доспехов, головных уборов и одежды. В «Сказании о Борисе и Глебе» в списке XIV века и в Радзивилловском списке летописи XV века позволяют нам значительно обогатить наши представления об эпохе, столь бедной письменными памятниками. При анализе миниатюр Никоновской летописи А.В. Арциховский обосновывает свой взгляд, что при изображении более ранних событий, авторы явно пользовались иллюстративным материалом, адекватно отражавшим реалии древней эпохи. Архаичные элементы миниатюр позволяют утверждать, что и для Радзивилловского сборника были использованы иллюстрации из памятника, по крайней мере, XIII столетия, причем первой четверти этого непростого для русской истории века. М.Д. Приселков считал, что в основе сюжетов и изобразительных деталей Радзивилловского списка лежит владимирский летописный свод 1212 г.[1.С.84]. Таким образом иллюстративный материал Радзивилловского летописного списка может служить важнейшим источником по истории древнерусского времени, в том числе касательно тех исторических проблем, которые до сих пор не находят себе удовлетворительного решения. Еще раз отметим особое внимание миниатюристов к изображению оружия и одежды., А.В. Арциховский нашел ряд убедительных доказательств того факта, что миниатюристы зачастую были весьма информированными людьми, и изображения в летописи подчас более достоверно отражали исторические реалии, чем сам текст. Миниатюристы очень точны в передаче тех деталей, которые они считали принципиальными.

Исторические знания миниатюристов были серьезны и глубоки. Это ясно из того, что Александра Македонского они изображают согласно античной традиции безбородым, что отмечено в работе А.В. Арциховского. Миниатюристы «прекрасно знали различие в оружии, доспехах и модах людей Востока и Запада, четко проводя эти различия в своих рисунках. Они умело изображали и шведские ладьи со щитами на бортах, и английские резные корабли»[2.С.241]. Миниатюристы очень четко различают восточный и западный доспех, в особенности шлемы. К восточному типу шлемов-шишаков относятся в миниатюрах такие народы как русские, волжские и дунайские болгары, сербы, татары. К западному типу относятся немцы, шведы, норвежцы, иногда литовцы. Эти народы традиционно одеты в полусферические шлемы типа касок. При этом следует обратить внимание, что в миниатюрах мы можем видеть изображение уникального шлема, который хранится в Оружейной палате Московского кремля, украшенный клеймами деисусного чина. Это еще раз доказывает определенную щепетильность миниатюристов в изображении предметов вооружения, которое выступает устойчивым этническим маркером в миниатюрах. В качестве

еще одного примера можно привести миниатюру, на которой мы видим приношение дани чудскими племенами Мстиславу Владимировичу Великому князю Киевскому. Чудь одета в примечательные головные уборы, похожие на женские платки.

Выявленные особенности работы древнерусских миниатюристов интересно рассмотреть в разрезе так называемого «варяжского вопроса». Учитывая, что авторы миниатюр Радзивилловской летописи пользовались прототипами из иллюстративного ряда летописного свода начала тринадцатого столетия, мы можем предположить, что для людей той эпохи еще не существовало проблемы этнической идентификации варягов, которая встала перед исследователями значительно позже, через несколько столетий, когда варяги сошли с мировой исторической сцены и стали народом-загадкой. Вполне вероятно, что миниатюристы домонгольского времени, как и авторы начального летописного свода настолько хорошо знали варягов, что не нуждались в их дополнительном текстовом описании, не видели необходимости давать дополнительные их атрибуты и пояснения современникам, которым варяги также были хорошо знакомы. Именно в иллюстративном материале мы можем почерпнуть ряд особенностей, которые могут пролить свет на этническую природу варягов.

Варяги появляются на страницах летописи в связи с легендой о призвании трех братьев, Рюрика, Синеуса и Трувора. Посмотрим, как изображал миниатюрист Радзивилловской летописи варяжских князей.

На миниатюре: «плата дани славянами (кривичами) и чюдью — варягам, а полянами, северянами и вятичами — хазарам» мы видим славян, которые подносят дары слева от зрителя сидящему варяжскому князю в древнерусской княжеской шапке с опушкой, а вправо от зрителя размещено изображение хазарского кагана, который значительно больше варяжского князя и одет в причудливый головной убор. Тронное место с сенью хазарского владыки резко контрастирует с т.н. «столом», т.е. тронным местом варяжского князя, изображенным очень скромных размеров. Следующая миниатюра: «посольство славян к варягам; поход варяжских князей со своими родами в славянские земли». Здесь также мы видим варяжского князя в традиционной древнерусской княжеской шапке с опушкой. И второй сюжет миниатюры: «поход варяжского конного войска к словенам». Отметим, поход возглавляет, очевидно, князь Рюрик. На голове у Рюрика головной убор, который, безусловно, здесь призван изобразить некую корону. Среднеевропейский средневековый материал, связанный с головными уборами владельческих особ позволяет нам провести отдаленную аналогию головного убора Рюрика на миниатюре с средневековыми германскими коронами герцогов. Вероятно, миниатюрист хотел подчеркнуть княжеское достоинство Рюрика до его призвания. Но и сам выбор прототипа для короны, возможно, был сделан миниатюристом исходя из раннесредневековых представлений древнерусского общества о родине Рюрика с братьями. Необходимо добавить, что войско, сопровождающее Рюрика к словенам, одето в древнерусские доспехи с восточными шлемами-шишаками. Миниатюра «княжение варяжских братьев: Рюрика, Синеуса и Трувора» показывает нам князей, сидящих на своих «столах». При этом, Рюрик в центре одет в древнерусскую княжескую шапку. Ее же подобие мы можем видеть на голове у Синеуса. Трувор, самый молодой и безбородый, сидит без головного убора. Следующий сюжет отражен в миниатюре, на которой «Аскольд и Дир, просят у Рюрика в Новгороде разрешения на поход в Царьград; на этом же рисунке - прибытие Аскольда и Диры на кораблях с дружиной к Киеву». Снова мы видим Рюрика в образе традиционного древнерусского князя в шапке с опушкой. Войско, на кораблях в походе к Киеву для нас тоже интересно. Основная масса варяжских дружинников Аскольда и Диры одеты в классические русские шлемы. Но один персонаж на корабле заслуживает внимания. Он одет в западноевропейские латы. Следующая миниатюра: «поход Аскольда и Диры на Царьград; совет греческого епарха с военачальником и представителем власти в Царьграде». Здесь уже самого Аскольда мы

видим в русской княжеской шапке, а вся его конная дружина в классических древнерусских доспехах и шлемах. Следующие миниатюры, изображающие перипетии битвы у стен Царьграда: «Проникновение русских военных дружин на кораблях в Суду и осада ими Царьграда»; возвращение императора Михаила из похода на агарян для защиты Царьграда», «погружение в море патриархом Фотием ризы св. Богородицы; возникновение бури, разметавшей корабли русских язычников» - на всех миниатюрах мы можем видеть войско Аскольда и Дира точно таким же, как миниатюрист и в дальнейшем будет изображать исключительно древнерусские дружины. Этими миниатюрами мы можем очертить условно наидревнейший период бытования варягов в отечественной истории и на страницах русского летописания. Далее начинается эпоха Вещего Олега. Рассмотрим две миниатюры: «передача Рюриком перед смертью княжения своему родственнику Олегу и назначение его опекуном своего малолетнего сына Игоря» и «поход Олега на Смоленск». Вновь, в лице Рюрика и Олега, мы видим князей в древнерусских княжеских шапках и войско одето исключительно в русский доспех. Далее миниатюра изображает один из поворотных моментов русской истории – «убийство Олегом в Киеве Аскольда и Дара». И варяжская дружина Олега и он сам ничем не отличаются от позднейших изображений древнерусского воинства и русских князей в Радзивилловской летописи. Далее, минуя время князя Игоря, княгини Ольги и Святослава мы обратимся к эпохе князя Владимира Святославича и посмотрим, как отображены варяги в миниатюрах, иллюстрирующих этот период. Например, интерес представляет миниатюра, где по приказу Владимира два варяга пронзают мечами князя Ярополка. Оба варяга одеты как и иные древние русичи на миниатюрах. Однако высокий статус этих варягов отмечен княжескими древнерусскими шапками, хотя в летописном тексте данная особенность никак не объясняется. Для Владимировой времени в Радзивилловском летописце «есть и сцены, изображающие отношения между князем-сюзереном и князьями-вассалами. Достаточно взглянуть на миниатюру, где Владимир Святославич раздает города избранным варягам (44 об). Он сидит на столе в княжеской шапке. Перед ним стоят, склонившись, три варяга, тоже в княжеских шапках. Справа едут всадники в шлемах, это тоже варяги, которых Владимир не удостоил такой чести»[З.С.62]. Здесь интересны несколько моментов. Во-первых, варяги изображены в княжеских шапках, в которых традиционно и устойчиво изображаются в миниатюрах только русские князья Рюриковичи. При этом необходимо отметить, что шапки на варягах именно древнерусские. Иноземным государям миниатюристы усваивают совершенно иные головные уборы. Воины варяги тоже не отличаются по шлемам на этой миниатюре от иных древнерусских воинов. Второй интересный момент, который необходимо выделить – это отмеченные миниатюристом некие варяжские вассальные князья этого периода.

Таким образом, мы видим, что для эпохи от призвания князей новгородскими словенами до князя Владимира Святославича миниатюрист изображает варягов также как и вообще он изображает русских князей и воинство домонгольского периода, несколько не подчеркивая в рисунке этнических отличий варягов от восточнославянского населения Руси. Определенным исключением в Радзивилловском летописце может быть только отображенная в миниатюре сцена избиения новгородцами варягов в Новгороде при князе Ярославe Мудром. На миниатюре побитые варяги изображены в особых шлемах, с некими полями, наподобие современных шляп. Здесь мы видим определенную разницу, которую подчеркивает миниатюрист между русскими шлемами новгородцев и необычными шлемами варяжской дружины Ярослава. В качестве еще одной иллюстрации, мы можем привести изображения варягов в лицевом «Сказании о Борисе и Глебе» XIV века, где также есть миниатюры с участием варягов. На рисунке 11 варяг добивает Бориса мечом. В 27-ой миниатюре «Варяг вступи на гроб святого Бориса и Глеба, и вошел пламень из гроба святых и опали ему нозе», в 28-ой миниатюре «варяг показывает нозе опалене своей дружине от

гроба святых Бориса и Глеба»[3.С.240-241]. В этих миниатюрах мы снова видим варягов ничем не отличимых от древнерусских дружинников.

Итак, мы можем говорить, что для домонгольских миниатюристов и миниатюристов XIV-XV веков варяги не отличаются от иных восточноевропейских народов по оружию, доспехам и одежде. Они совершенно не отличимы от иных восточнославянских племен. То же касается и изображения варяжских князей, которые носят характерные древнерусские княжеские шапки с меховой опушкой. Ничего в их костюме не выдает их иноземного происхождения. Исключением здесь является дружина Ярослава, побитая новгородцами в Великом Новгороде. Здесь миниатюрист решил показать наличие определенного различия в доспехе, а именно в шлемах, варяжской и русской дружин. Мы можем предположить здесь скандинавский элемент варяжской дружины, которая формировалась в Новгороде под покровительством князя Ярослава. Однако мы не наблюдаем традиции изображать подобные шлемы «с полями» для скандинавских воинов в русских миниатюрах впоследствии. В миниатюрах Лицевого свода XVI столетия шведы изображаются в западноевропейских шлемах в виде сферических «касок». Зато герой Невской битвы со шведами Гаврило Алексич изображен именно в таком шлеме, в которых изобразил миниатюрист Радзивилловской летописи побитых в Новгороде варягов. Таким образом, мы должны констатировать, что в миниатюрах Радзивилловского летописного свода и ряда других древнерусских лицевых памятников мы можем отметить два сложившихся образа варягов по их доспехам, а именно шлемам. Один из них не отличим по этническим маркерам вооружения, которые употребляли миниатюристы, от иных восточнославянских племен. Другой – вероятно связан с иной волной варягов, не совсем тождественных тем варягам, которые играют ключевую роль в начале русской истории. Но однозначно связать этот второй образ варягов в миниатюрах Радзивилловской летописи именно со скандинавскими наемниками князя Ярослава у нас нет веских оснований на основании особенностей «языка» миниатюр данного летописного свода.

Библиографический список

1. **Приселков М.Д.** Лаврентьевская летопись // Ученые записки ЛГУ. № 32.
2. **Рыбаков Б.А.** Окна в исчезнувший мир. По поводу книги А.В. Арциховского «Древнерусские миниатюры как исторический источник». М.: Изд. МГУ, 1944.
3. **Арциховский А.В.** Древнерусские миниатюры как исторический источник. Томск-Москва. 2004.

УДК 94(47).084

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат исторических наук, преподаватель
кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
С.А. Меганов
Россия, г. Воронеж, тел. (473)277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru

Military educational scientific center of the air force Air Force Academy named after Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin
Ph.D. in History,
senior lecturer humanities and social and economic sciences chair
S. A. Meganov,
Russia, Voronezh, tel. (473) 277-51-34;
e-mail: sergmeg@rambler.ru

С.А. Меганов

**ПАРТИИ БОЛЬШЕВИКОВ И ЛЕВЫХ ЭСЕРОВ В РЕВОЛЮЦИОННЫХ СОБЫТИЯХ
1917-1918 гг.**

В статье рассматриваются особенности взаимодействия большевиков и левых эсеров. Исследуя роль и место политических партий в событиях 1917 г., можно прийти к заключению, что политические партии большевиков и левых эсеров стали главной движущей силой революционных процессов Октября 1917 г., а их межпартийная борьба являлась ключевой в политической борьбе Октября 1917 г.

Ключевые слова: революция, политическая партия, пролетариат, большевики, левые эсеры.

S.A. Meganov

**THE PARTY OF BOLSHEVIKS AND LEFT SOCIALIST-REVOLUTIONARIES IN THE
REVOLUTIONARY EVENTS 1917-1918**

The article discusses the features of the interaction of the Bolsheviks and the left SRS. Studying the role and place of political parties in the events of 1917, it can be concluded that the political parties of the Bolsheviks and the left SRS became the main driving force of the revolutionary processes of October 1917, and their inter-party struggle was the key in the political struggle of October 1917.

Key words: revolution, political party, proletariat, Bolsheviks, left social revolutionaries

Широкий спектр различных аспектов межпартийных взаимоотношений большевиков и левых эсеров являлся предметом постоянного внимания со стороны отечественных исследователей, как советских, так и российских. Существовала возможность для наиболее взвешенного и основательного подхода к решению вышеуказанных проблем в период 1960-1990-х гг., что уже нашло свое выражение в некоторых публикациях советских авторов [1]. Одной из актуальных и неоднозначных проблем глубокого всестороннего исследования вопросов межпартийных взаимоотношений в период появления новой советской государственности является вопрос о власти, ключевой вопрос практически любой революции, остро вставший перед Советской властью после победы Октябрьского вооруженного восстания 1917 г. в Петрограде, рассмотренный в работах авторов уже позднего советского времени, а также историков и публицистов постсоветского периода [2].

Актуальность проблемы, поставленной в заголовок, обусловлена необходимостью пересмотра уже имеющихся авторских точек зрения в контексте последних исторических исследований, возможностью формирования иных подходов к истории 1917 г.

После Октябрьской революции 1917 г. в России было образовано первое в истории коалиционное советское правительство, куда кроме партии большевиков первый и единственный раз вошли семь представителей партии левых эсеров (ПЛСР): А. Л. Колегаев был назначен наркомом земледелия, И. З. Штейнберг — наркомом юстиции, П. П. Прошьян — наркомом почт и телеграфов, В.Е. Трутовский — наркомом по делам местного самоуправления, В.А. Алгасов — внутренних дел без портфеля, с решающим голосом, В.А. Карелин — имуществ Республики, А.И. Бриллиантов — министр без портфеля, тем самым сложилась самая крупная коалиция в первом Советском правительстве двух ведущих политических партий — большевиков и левых эсеров. Представители партии левых эсеров возглавили ряд весьма важных ведомств: наркоматы Земледелия, Имуществ, Местного самоуправления, Почт и телеграфов, Юстиции [3,С.354]. Левые эсеры начали активную работу в аппарате Совнаркома, и поначалу сотрудничество обеих советских партий было достаточно продуктивным — до 3 марта 1918 г. левые эсеры поддерживали большевиков по всем главным вопросам. При решении основополагающих вопросов и актуальных проблем (Учредительное собрание, национализация земли) члены ЦК большевиков и ЦК ПЛСР собирались вместе для согласования действий. Это было взаимовыгодное сотрудничество, т.к. большевики стремились привлечь на свою сторону проэсеровски настроенные крестьянские массы, а их новые союзники не хотели оставаться за бортом социалистического строительства [4,С.161]. Главной причиной, позволившей левым эсерам согласиться на участие в правительстве, было принятие (а фактически незаконное использование) большевиками их идеи о социализации земли, нашедшей свое выражение в первом законе Советской власти, принятом Вторым Всероссийским съездом Советов «Декрете о земле». В конце октября 1917 г. большевики вступили в союз с левыми эсерами, так как аграрная программа левых эсеров и их подход к решению земельного вопроса оказали на подавляющее большинство населения России — крестьян, решающее влияние. Левые эсеры, занимая в Октябре 1917 г. важные посты в кабинете, как и большевики, отвечали за ключевые в условиях продолжения революции направления деятельности правительства, что позволило расширить социальную базу управленческих процессов и тем самым укрепить государственную власть. Союз большевиков с левыми эсерами оставил заметный след в управленческой практике первых месяцев советской власти. Представители левых эсеров входили не только в центральные органы управления, но и в состав правительств национальных республик, ревкомов органов борьбы с контрреволюцией, руководства армейскими частями [5,С.212]. При их непосредственном участии была разработана и принята III Всероссийским съездом Советов «Декларация прав трудящегося и эксплуатируемого народа», провозгласившая Россию Республикой Советов и отвергнутая большинством Учредительного собрания. Большевики и левые эсеры единодушно проголосовали во ВЦИК за роспуск Учредительного собрания. Левые эсеры в конце 1917 г. «представляли собой оппозицию, которая не отказывалась от совместных действий с большевиками, поддерживала их по более существенным вопросам, чем те, по которым выступала против» [5,С.212]. Блок с левыми эсерами позволил большевикам решить важнейшую политическую и управленческую задачу — объединить Советы рабочих и солдатских депутатов с Советами крестьянских депутатов (так сложился союз рабочих и крестьян в управлении, просуществовавший все годы Советской власти). Взаимоотношение большевиков и левых эсеров, оформившееся в союз, в относительно короткий исторический период дает основание полагать возможность существования многопартийного правительства в самом начале существования Советского государства.

В конце ноября – начале декабря 1917 г. были практически урегулированы основные разногласия между большевиками и левыми эсерами по важнейшим государственным вопросам, что позволило приступить к созданию первого советского двухпартийного правительства. 6 ноября 1917 г. левые эсеры вошли во ВЦИК. Большевики уже 6 ноября предложили им войти в состав Президиума, на что со стороны левых эсеров последовал отказ [5.С.213]. 11 ноября 1917 г. мастерски и с высокой степенью профессионализма большевики на Чрезвычайном съезде крестьянских депутатов использовали левых эсеров против позиций эсеров, что привело к сближению с левыми эсерами и созданию коалиции против эсеров, а впоследствии устранению эсеров с политической арены. С 19 ноября по 1 декабря 1917 в Президиум вошли П. П. Прошьян, В.А. Карелин, А.М. Устинов.

Остается фактом, что и большевиками, и левыми эсерами Советская власть после Октябрьской революции 1917 г. воспринималась исключительно положительно. Основные разногласия между этими партиями в ноябре 1917 г. развернулись вокруг диктатуры пролетариата, как основного принципа формирования новой политической системы. Большевики однозначно высказывались за доминирование диктатуры пролетариата. Так как большевистская партия признавала только диктатуру пролетариата, выражала ее интересы и практически олицетворяла такую диктатуру, а партия левых эсеров отстаивала идею однородного социалистического правительства из представителей всех социалистических партий (большевиков, меньшевиков, эсеров, левых эсеров), то о партиях в правительстве не признающих такую диктатуру не могло быть и речи. Имелись существенные противоречия относительно участия партий в работе Учредительного собрания и его значении в формировании новой многопартийности в стране в конце 1917 – начале 1918 г. (в период проведения выборов в Учредительное собрание). Большевики не связывали с Учредительным собранием особых ожиданий, не рассматривали его как основной орган государственной власти, в то время как левые эсеры рассматривали его как основную форму российского народовластия. Несхожесть взглядов не помешала левым эсерам поддержать большевиков во время разгона Учредительного собрания 7 января 1918 г. Партии большевиков и левых эсеров 7 января 1918 г. устранили с политической арены Советской России Учредительное собрание – единственный легальный многопартийный орган власти, избранный к ноябрю-декабрю 1917 г. путем прямых выборов всего населения страны. Период с начала января по март 1918 г. был временем наибольшего благоприятствования в отношениях большевиков и левых эсеров как раз из-за совместных действия по разгону Учредительного собрания 7 января 1918 г. по декрету ВЦИК. Особое место во взаимоотношениях партий большевиков и левых эсеров принадлежит созданию в феврале 1918 г. расширенного Президиума ВЦИК, до этого однопартийного, созданного в качестве оперативного штаба во время наступления немецких войск на Петроград в конце февраля 1918 г. И большевики, и левые эсеры, вступившие в союз, однозначно приветствовали создание расширенного Президиума, который координировал деятельность большевиков и меньшевиков, которые являлись профессиональными военными, для создания Комитета революционной обороны Петрограда.

Следует отметить, что относительное спокойствие во взаимодействии двух революционных партий длилось недолго, менее двух месяцев (с 7 января до 3 марта). Подписание большевистской делегацией во главе с А. Иоффе, Л.Д. Троцким Брест-Литовского мира с Германией 3 марта 1918 г. явилось первым ударом, приведшим к разрыву коалиции. Подписание Брестского (Брест-Литовского) мирного договора России и Германии явился той точкой невозврата в сотрудничестве двух партий, после которого и большевики и левые эсеры отказались от принятия конструктивных решений в налаживании сотрудничества по важнейшим внутриполитическим и внешнеполитическим вопросам. Левые эсеры начали пропагандистскую (информационную) войну против большевиков, что очень успешно используется как метод и сегодня на современной политической арене.

Последовательно подчеркивая свою позицию по Брестскому миру левые эсеры проигнорировали существующую реальность: усталость от войны, ее деструктивный характер, нежелание большинства населения страны ее продолжать. Брестский мир был очень сильным ударом по престижу левых эсеров. Доверие крестьян к партии, которая требовала продолжения войны и в этом вопросе оказалась в одном лагере с буржуазией и всеми контрреволюционерами, сильно пошатнулось. В силу того, что левые эсеры не выступали в марте 1918 г. против Советской власти и продолжали оставаться советской партией, они и после IV съезда Советов сохранили за собой в некоторых губерниях поддержку и доверие довольно значительной части крестьянства. После 3 марта 1918 г. левые эсеры отказались подчиниться решению VII Всероссийского съезда Советов о заключении Брестского мира. 15 марта 1918 г. начался выход левых эсеров из Совнаркома в знак протеста против Брестского мира. 18 марта стало днем выхода из правительства всех левых эсеров. Вместо них в правительство были введены представители большевиков. История двухпартийного Советского правительства (17 ноября 1917 г. – 18 марта 1918 г.) завершилась. СНК стал однопартийным. Однако, несмотря на это, левые эсеры сохранили свои места во ВЦИКе и в местных органах власти [4;161].

Ситуация вновь стала накаляться к началу лета 1918 г., когда большевики издали декреты «О продовольственной диктатуре» и «О комитетах бедноты», при помощи которых стремились решить острую проблему нехватки продовольствия в стране. Такие экстренные меры не могли не вызвать сильную волну возмущения политикой правящей партии со стороны главных защитников трудового крестьянства – левых эсеров. В этом смысле продовольственный вопрос явился своеобразной лакмусовой бумажкой, которая выявила коренные противоречия в левом лагере. Противостояние двух партий уже носило всероссийский характер, накалялось в Советах всех уровней и отличалось большим разнообразием форм – вплоть до вооруженного выступления в Москве в 1918 г. [4.С.160]. Левые эсеры справедливо обвиняли большевиков в низведении Советов до слепого орудия своей политики, в том, что «те разгоняли местные Советы и прижимали трудового крестьянина» [4.С.161]. Большевики, в свою очередь, не оставались в долгу, обвиняли левых эсеров в контрреволюции, буржуазном перерожденчестве [4; 162], хотя даже широко известный советский исследователь политических партий историк К.В. Гусев признавал, что они были партией трудового крестьянства [5.С.212].

Сама идея продовольственной диктатуры, разработанная партией большевиков в начале 1918 г., для решения продовольственного вопроса, была неприемлема как программным установкам левых эсеров, так и их демократическим убеждениям. Они не могли согласиться с идеей централизации в решении продовольственного вопроса, поскольку считали необходимым проводить его посредством активной деятельности Советов. Особые возражения со стороны ПЛСР были вызваны пространными формулировками большевиков относительно определения категорий крестьян, подлежащих хлебной экспроприации. В декрете о продовольственной диктатуре помимо обычных терминов – «деревенская буржуазия» и «кулаки» – упоминались и «владельцы хлеба» вообще [6.С.263]. Подобная размытость в определении объекта экспроприации давала левым эсерам справедливые основания полагать, что «карающий меч пролетариата» опустится на головы прежде всего трудового крестьянства [6.С.263]. Несмотря на то, что левые социалисты-революционеры всегда стояли за жесткую политику в отношении «кулаков», они и в этом случае имели в виду не методы террора, а, прежде всего, меры экономического характера.

На Третьем съезде ПЛСР (28 июня – 1 июля 1918 г.) была санкционирована свобода действий ЦК ПЛСР, однако левые эсеры явно переоценили свои силы в условиях утверждения диктатуры партии большевиков. Они полагали, что сложилась весьма благоприятная ситуация для изменения политики СНК. Во время работы V Всероссийского

съезда Советов 4-10 июля 1918 г. в Москве левые эсеры не были поддержаны большинством его делегатов, которые выступили за большевистские резолюции. ЦК ПЛСР решился на крайние меры – убийство германского посла В. Мирбаха с целью ликвидации Брестского мира с Германией и организации «революционной войны с германским империализмом». Результат был прямо противоположным – левые эсеры дали большевикам прекрасный повод для своего разгрома и окончательного установления однопартийной политической системы.

ПЛСР отдавала себе отчет в том, насколько сложная и опасная проблема сложилась в России к лету 1918 г. в продовольственной области. Но вместе с тем она не желала приносить свои принципы в жертву политической конъюнктуре, как бы тяжело это ни было в условиях практически полного военно-политического доминирования большевиков. Левые эсеры выдвинули собственную альтернативу по решению продовольственного вопроса. Она заключалась в стремлении добыть хлеб исключительно через Советы крестьянских депутатов и разъяснительную работу среди сельского населения [7.С.53].

В июле 1918 г. кризис партии левых эсеров только усиливался. Провал попытки левых эсеров получить большинство привел к кризису партии. Левым социалистам-революционерам не удалось получить большинство голосов делегатов на выборах на V Всероссийский съезд Советов, который стал ареной противостояния двух партий. ПЛСР(и) представляли лишь 30% делегатов съезда, тогда как большевики составляли 66%. [7.С.5]. 4 июля 1918 г. в день открытия съезда между большевиками и левыми эсерами произошли жесткие столкновения по вопросам внешней политики [4.С.37]. 5 июля 1918 г. конфронтация между двумя партиями продолжалась по основным вопросам внутренней политики. Большевики фактически сорвали выступление старейшего члена ПЛСР Спиридоновой, а глава правительства В. И. Ленин назвал сложившуюся ситуацию «бесповоротным разрывом» между большевиками, «которые тяжесть положения переносят, говоря народу правду», и теми политиками, которые «выполняют работу провокаторов» [5.С.97]. При этом В.И. Ленин отметил, что выступать против комбедов могут «только враги социализма», чем нанес ПЛСР болезненный удар. Крушение двухпартийности вследствие непримиримости позиций большевиков и левых эсеров становилось неизбежным. Партия левых эсеров, полностью осознав всю невозможность изменить внутреннюю политику СНК легальным путем, решила на восстание в столице 6 июля 1918 г., подавление которого поставило точку в существовании двухпартийности в центральных органах государственной власти. Решение ЦК ПЛСР раскололо левоэсеровскую партию надвое, часть которой осудила политику Центрального комитета, а часть выступила в поддержку ЦК, что привело к исключению этой части левых эсеров из Советов [6.С.263]. Таким образом кризис углубился. В течение всего лишь нескольких месяцев двухпартийная советская политическая система в новой советской России целиком и полностью прекратила свое существование не только на общегосударственном уровне, но и одновременно и на региональном уровне.

Левые эсеры, которые являлись «другой партией Октября», в первые полгода существования Советской власти наравне с большевиками участвовали в формировании и деятельности органов власти и управления. Создание двухпартийной советской политической системы позволило ПЛСР(и) оказывать влияние на деятельность государственных органов власти и управления как в центре, так и на местах. Участие левых эсеров в становлении советского государства помогло большевикам решить кадровые проблемы, а также способствовало упрочению советской власти в деревне, где большую популярность до октября 1917 г. имели эсеры. Переход большевиков после Октября 1917 г. к установлению «диктатуры пролетариата» неизбежно приводил к столкновению интересов партии В.И. Ленина с партией левых эсеров. Идеологические противоречия между двумя политическими силами, стоявшими ранее на одной практически политической платформе стали главной причиной крушения их союза. Нацеленность в начале 1918 г. левоэсеровских лидеров на разрыв Брестского мира (март 1918 г.) и одновременно неуступчивость

большевиков приводили к кризису и краху двухпартийности. Тем не менее, наличие в начале существования Советской власти небольшевистской социалистической партии, встроенной в советскую политическую систему, делало данный период (октябрь 1917 – март 1918 гг.) уникальным в политической истории России. Существовавший в рамках советской политической системы определенный демократизм в относительно небольшой исторический период позволял представителям левых эсеров влиять на принятие государственных решений и в полной мере участвовать в работе всех советских учреждений. Однако такой период многопартийности был в истории Советской России очень недолгим, возможность дальнейшего существования двухпартийного а затем многопартийного правительства, в рамках оформления государства диктатуры пролетариата оказалась невозможна.

Библиографический список

1. **Астрахан Х.М.** Большевики и их политические противники в 1917 г. /Х.М. Астрахан – Л.: Лениздат, 1973; **Гусев К.В.** Крах партии левых эсеров. / К.В. Гусев. – М.: Мысль, 1963; Он же. Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. – М.: Мысль, 1975; **Непролетарские партии России: урок истории.** – М., 1984; **Спирин Л.М.** Классы и партии в гражданской войне в России (1917-1920). / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1967; **Спирин Л.М.** Крах одной авантюры. / Л.М. Спирин – М.: Политиздат, 1971.
2. История политических партий России. – М.: Высш. школа, 1994; **Литвин А.Л., Овруцкий Л.М.** Левые эсеры: программа и тактика (Некоторые вопросы)/ А.Л. Литвин, Л.М. Овруцкий. – Казань: КГУ, 1992; **Стариков С.В.** Политическая борьба в Поволжье: левые социалисты в 1917–1918 г.г. / С.В. Стариков. Йошкар-Ола, 1996.
3. История политических партий в России. – М.: Высш. школа, 1994.
4. **Спирин Л.М.** Классы и партии в гражданской войне в России. (1917-1920). / Л.М. Спирин. – М.: Мысль, 1967.
5. **Гусев К.В.** Партия эсеров: от мелкобуржуазного революционизма к контрреволюции. / К.В. Гусев. – М.: Мысль, 1975.
6. Декреты Советской власти. Т. 2. – М.: Госполитиздат, 1959.
7. **Стариков С.В.** Казанские левые эсеры и продовольственный вопрос (март 1917 – июль 1918 г.г.) // Марийский археографический вестник. Вып. 5./ С.В. Стариков – Йошкар-Ола, 1995.
8. Советы в Октябре. Сб. документов. / Под ред. С.А. Пионтковского. /С.А. Пионтовский. – М.: Издательство Коммунистической академии, 1928. – 382 с.
9. **Литвин А.Л.** Левые эсеры: программа и тактика. – Казань: Издательство Казанского университета, 1992. 142 с.
10. **Павлов Б.В.** РСДРП (б) РКП (б) в политической системе Советской России. 1917 - середина 20-х гг.: дисс. докт. истор. наук: 07.00.02.: защищена 16.06.2004 / Борис Викторович Павлов. – СПб.: СПбГУ, 2004. – 680 с.
11. **Саранцев Н.В.** Большевистская партийно-политическая элита: возникновение, становление, трансформация (начало 1900-х конец 30-х годов): дисс. докт. истор. наук. 07.00.02.: защищена 29.06.2004 / Николай Владимирович Саранцев. – Саратов: Саратовский гос. соц-эконом. университет, 2002. – 448 с.
12. **Соколов К.Н.** Правление генерала Деникина. Из воспоминаний. / К.Н. Соколов. – М.: Кучково поле, 2004. – 304 с.
13. **Суслов Ю.П.** Политические партии и крестьянство Поволжья (1917 -1920). Дисс. докт. ист. наук: 07.00.02: защищена 25.02.1995 / Юрий Павлович Суслов. – Саратов: Саратовская экономическая академия, 1995. – 209 с.

14. **Ташпекова А.Т.** Становление политических партий Российской Федерации на региональном уровне. Автореф. дисс. канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 12.10.2001. /Алма Тлекалиевна Ташпекова. – Саратов: Саратовская экономическая академия, 2001. – 17 с.
15. **Ткачев В. И.** Формирование механизма партийной власти в советской политической системе. Октябрь 1917-1930-е годы (на материалах Поволжья). Дис. докт. истор. наук: 07.00.02: защищена 06.06.2006 / Вениамин Иванович Ткачев. – Саратов: Саратовский гос. соц-эконом. университет, 2006. – 298 с.
16. **Ткачев В.И.** Борьба партийных организаций Нижнего Поволжья за идейно-организационное единство своих рядов (1921-1925 гг.). Дис. канд. истор. наук.: 07.00.02: защищена 06.02.1972 / Вениамин Иванович Ткачев. – Саратов: Саратовский государственный университет, 1972.
17. **Шугаев А.А.** Развитие партийной системы России на региональном уровне. Дис. канд. полит. наук: 23.00.02: защищена 24.11.2009 / Александр Александрович Шугаев. – Саратов: Саратовский государственный университет социального управления, 2009. – 202 с.
18. **Шульгин В.В.** Дни. / В.В. Шульгин. – Л.: Прибой, 1925. – 228 с.

УДК 93/94

*Воронежский государственный университет
Зональная научная библиотека
реставратор
В.Н. Ряполов
Россия, г. Воронеж, тел. 8908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

*Voronezh state University
Zonal scientific library
restorer
V.N. Ryapolov
Russia, Voronezh, tel. 8908 131 87 75
e-mail: ryapoloff.v@yandex.ru*

В.Н. Ряполов

МИР «БЕЛЫХ ГОЛУБЕЙ» (СКОПЧЕСТВО)

Статья посвящена истории возникновения, развития и исчезновения русской мистической секты скопцов.

Ключевые слова: православие, церковь, мистическая секта, изуверство, скопцы.

V.N. Ryapolov

THE WORLD OF "WHITE DOVES" (SKOPTSY)

The article is devoted to the history of the origin, development and disappearance of the Russian mystical sect of the scopians.

Key words: Orthodoxy, Church, mystical sect, fanaticism, Skoptsy.

«Все части человеческого тела, как и всех одушевленных тварей, насажденные по разуму и хотению всеблагого, премудрого, пречистого Художника Господа Бога, – благопотребны и святы, чисты, неблазненны, необходимы к бытию и благобытию людей и животных, а также к украшению и великолепию их. Все, что сотворил Господь, добро».
Святой Иоанн Кронштадтский [10.С.18].

Традиция скопчества или оскотления имеет тысячелетнюю историю. Хирургическое вмешательство с целью лишить мужчину возможности сближения с женщиной применялось еще в античных государствах Греции и древнего Рима, и было одной из форм уголовного наказания преступников. Наряду с наказанием встречались евнухи и при храмах, что было результатом жертвенного самооскотления. В древнем Египте, Вавилоне, Персии, Месопотамии кастрировали тысячи военнопленных, преследуя цель сделать из них рабов подобных скоту, не способному ни к чему кроме работы. Языческие религиозные культы древневосточных цивилизаций западных областей Малой Азии, еще за 1300 лет до рождения Христова, применяли кастрацию как обязательный ритуал храмового жертвоприношения. Здесь скопцами становились не обязательно рабы, а вольные жители, посвятившие свою жизнь служению в святилищах, посвященных богини Кибелы, Артемиды Эфесской, Астарты Сирийской и в культе Аттиса. Еврейское религиозное законодательство, ни чего не имея против такой процедуры над рабами, крайне негативно относилось к скопчению единоплеменников: «У кого раздавлены ятра или отрезан детородный член, тот не может войти в общество Господне» (Втор. 23:1).

Созданный в древнейших государствах восточной деспотии, а затем плавно перешедший в исламский мир институт евнухства, востребовал наличие людей покорных, преданных, обладавших мужской силой, но совершенно безопасных в половом отношении для владельцев больших гаремов. Этот институт существовал везде, там, где существовала полигамия или многоженство, и прекратил свою историю в Османской империи лишь на рубеже XIX – XX века. В Средневековье бытовало такое мнение, что если кастрировать юношу, обладавшего великолепным голосом, то этот голос сохранится у него на протяжении всей жизни. Для этого применялось осклопление. Такие кастраты зачастую представляли собой состав папских хоров в Риме, а некоторые из них были достаточно могущественными фаворитами у папского престола или в домах знатных аристократических родов, феодально-раздробленной в то время, Италии. Да и в России на придворных концертах у Анны Иоановны, восхищал гостей своим голосом «кастрат Дрезр», за что получал годовое жалование 1237 рублей [11.С.32]. Конечно, и кастраты, и евнухи ни когда не пользовались уважением общества, они представляли собой, как бы, искаженных, изуродованных людей, но их существование можно было «оправдать практической целесообразностью» и применялось осклопление в отношении этих несчастных не по доброму их согласию, а зачастую насильственно, особенно это касалось исламского мира. Коран запрещал кастрацию единоверцев, поэтому готовых евнухов продавали на невольничьих рынках Востока, это были европейцы или африканцы, которых после кастрации заставляли принять ислам и лишь после того допускали к гарему. Кроме практических целей осклопление иногда стремилось придать своему изуверству и религиозный оттенок. Так александрийская философская школа видела в осклоплении одно из наиболее главных средств для поддержания духа в борьбе с плотью. К этой школе относился и знаменитый философ христианства скопец Ориген. Оскопил он себя в припадке фанатизма. И когда в 230 году приехал из Александрии в Кесарию Палестинскую и был посвящен в пресвитеры, то спустя некоторое время лишен сана, т.к. осклопление по церковным правилам Кесарии не давало возможности занимать священническую должность [17.С.387]. Во II веке существовала гностическая, аскетическая секта «энкратитов», выступавшая против браков. Конечно, Церковь не могла смириться с существованием такого противоестественного, антихристианского взгляда на смысл человеческого существования.

Вселенские соборы, стоявшие в основании общехристианского канонического права, крайне строго относились к скопчеству, считая его тяжким грехом, за который клирик лишался духовного сана, а мирянин отлучался от церкви. Константинопольский собор на этот счет издал постановление, снабженное предисловием: «Божественное и Священное Правило Святых Апостолов признает скопящих самих себя за самоубийц. Отсюда явным становится, яко, еще скопящий самого себя самоубийца есть, то скопящий другого, без сомнения, есть убийца. Можно же праведно реши, яко таковой оскорбляет и само создание» [1.С.317-318]. С течением времени строгость взглядов утратилась настолько, что в византийской церковной иерархии появился ряд скопцов достаточно высокого положения. Да и Русь принявшая Православие из Византии стала отражением этих традиций. В истории Христианства, недопонимание евангельского изречения: «ибо есть скопцы, которые из чрева матерного родились так; и есть скопцы, которые осклоплены от людей; и есть скопцы, которые сделали сами себя скопцами для Царства Небесного» (Мф. 19:12), всегда было основой для самоосклопления. Но чаще всего, это были случаи единичные и связанные в первую очередь с аскетическим фанатизмом, и лишь в XVIII веке оно стало базой формирования религиозной секты скопцов. Заблуждение их заключалось в том, что они не понимали того, что Спаситель ни как не мог поставить скопцов выше всех праведников и обещать им только лишь за один этот радикальный поступок Царствие Небесное. В своем выражении он в первую очередь говорил о девстве не только женском, но и мужском, когда человек физически в состоянии к супружеским отношениям, но добровольно воздерживается

от них, а так же от соблазнов и наслаждений земного существования путем волевого напряжения психики, что недостижимо для каждого человека. Понимая, как трудно быть девственником, Христос и не обязывал никого на этот подвиг, а говорил: «Кто может вместить, да вместит» (Мф. 19:12). Однако сектантам казалось, что оскотление приблизит их к Богу, станет стержнем, защищающим их от греха, по полной невозможности совершить его: «А Я говорю вам, что всякий, кто смотрит на женщину с вожделением, уже прелюбодействовал с ней в сердце своем. Если же правый глаз твой соблазняет тебя, вырви его и брось от себя; и если правая твоя рука соблазняет тебя, отсеки ее и брось от себя. Ибо лучше для тебя, чтобы погиб один из членов твоих, а не все тело было ввержено в геенну» (Мф. 5: 28, 29, 30). Но при этом они забывали о том, что оскотление, ни как не в состоянии отсесть греховных помыслов, для чего необходима в первую очередь жестокая борьба с плотью, молитва и сила воли. Конечно, нет ни каких сомнений, что добровольное девство освобождает человека от житейских забот, семейных уз, плотских наслаждений, земных привязанностей, от всего, что отвлекает от мысли о Боге. И люди решившие принять девство не оскотляются, а, уходя в монастырь, бросают мир и постригаются в монахи.

Л.Н. Толстой, будучи великим писателем, что признавалось всеми не зависимо от его религиозных воззрений, имел огромную, как принято говорить сейчас, аудиторию. Люди писали ему со всей страны, и он старался каждому ответить или лично, или через заметки в издаваемых газетах и журналах. Один из вопросов читателей касался скопцов: «справедливо ли суждение о них, что они дурные люди, и справедливо ли скопцы понимают Евангелие, 19 гл. Матфея, на основании этой главы, стиха 12, оскотляя себя и других». И что интересно, Толстой давал ответ, с которым не возможно не согласиться, при этом, помня, о том, что он не раз выступал защитником сектантов-духоборов, баптистов и пр.

На первый заданный вопрос, он отвечал: «что дурных людей нет, и все люди одного Отца дети, и все братья, и все равны – не лучше и не хуже одни других». На второй: «с полной уверенностью отвечаю, что понимают они Евангелие неверно и, оскотляя себя и в особенности других, совершают поступки прямо противные истинному христианству. Христос проповедует целомудрие, но целомудрие достойно, как и всякая добродетель, когда оно достигается усилием воли, поддержанным верою, а не тогда, когда оно достигается невозможностью греха...» [20.С.220-221].

Со временем скопчество, как один из видов русского сектантского разномыслия начало привлекать к себе внимание не только служителей Церкви, ведших с ним борьбу, но и исследователей. Вследствие чего со 2-й половины XIX века, в России начинает появляться целый пласт исследовательской литературы посвященной проблеме русского сектантства, особенно в лице хлыстовства и скопчества. Авторы единогласно видели в нем мистический след, связанный с ложным толкованием ряда положений Священного Писания. В годы советской власти религиоведческая наука так же пыталась найти ответ на вопрос причины появления скопчества. Так в изданной в 1937 году монографии Н.Н. Волкова «Скопчество и стерилизация», как теперь принято говорить, «красной нитью» проходила идея, что «скопчество развивается в те периоды человеческой истории, когда появляется классовое неравенство, войны и тирания деспотов» [3.С.5] или у Н.М. Никольского в «Истории русской церкви» (М.-Л. 1931): «Скопчество сделалось в начале XIX века специфической религией купцов, фабрикантов и ростовщиков; но оно первоначально зародилось в крестьянской среде. <...> и связано с возникновением промышленного капитала» [14.С.256]. Подход конечно известный, хотя сами монографии не лишены интереса, обладая любопытным фактологическим материалом.

Единичные случаи религиозного фанатизма, привели к тому, что постепенно скопчество сорганизовалось в секту, создало свое учение и стало его практиковать в жизнь.

Впервые в России о секте скопцов упоминалось в указе императрицы Екатерины II от 2 июля 1772 года, когда она отправляла в город Орел полковника Волкова, с целью принять

меры против «нового рода некоторой ереси». При этом абсурдность поступков сектантов удивила императрицу и даже вызвала у нее некоторое недоверие, почему полковник Волков в первую очередь обязан был удостовериться «действительно ли там состоит такое дело». Однако на всякий случай, Екатерина

велела разделить участников секты на три категории:

- начинщики или те, которые изуродовали,
- те, кои были уговорены, других на это приводили,
- те простаки, кои, быв уговорены слепо повиновались безумству наставников

[1.С.318].

Так же рекомендовалось, «высечь кнутом в тех жилищах, где они проповеди свои проводили и где более людей уговаривали, а потом сослать их в Нерчинск вечно» [3.С.54]. Следствием было выявлено 60 скопцов, арестовать удалось 33 человек, остальные разбежались. Что докладывал полковник императрице, к сожалению, осталось неизвестным. После этого указа прошло двадцать восемь лет, и, казалось бы, секта исчезла навсегда и не стоила упоминания о ней. Однако в 1800 году все в той же Орловской губернии случайно были открыты восемь скопцов, которые на следствии показали, что примерно тридцать лет тому назад их оскотил беглый человек, некто Андрей Иванов, которого власти разыскали и определили в Шлиссельбургскую крепость. Следствие по вновь открывшемуся делу секты возглавил чиновник из Петербурга Юрашкевич, который в своих донесениях о ней сообщал в столицу, что «тон сектантов есть тот, что они мяса никогда не едят, перестают довольно с молодых лет исполнять супружеские обязанности со своими женами, предполагая за то прощение грехов, и не хотят дочерей своих выдавать замуж, поставляя замужество в грех, а те, которые имеют более твердости духа, скопят себя равномерно для спасения души и чтоб укротить любострастные желания» [1.С.319]. В целях не допустить распространения духовной заразы, все выявленные скопцы были собраны и помещены в крепость Динамюнде, недалеко от Риги. Однако остановить процесс уже не удалось. Проводимые розыскные мероприятия пролили некоторый свет на историю зарождения секты, и как оказалось, корни ее, все-таки, произрастали из Орловской губернии. А стоял во главе секты скопческий наставник, ставший впоследствии, как говорили скопцы, «искупителем» Кондратий Селиванов. Личность темная, происхождения неизвестного, но мятухая, ищущая чистоты нравов и начавшая свою «искупительную» деятельность, как и большинство скопцов, в лоне секты «христовщины» или «людей Божьих», более известной как хлысты, а точнее в «корабле» известной во второй половине XVIII века орловской «богородицы» Акулины Ивановны. Не менее популярной, была и заместительница Акулины – Анна Романовна, прославившаяся на Орловщине умением предсказывать погоду, лов рыбы, урожай и т.д. [12.С.129]. Изначально хлысты были сторонниками строго воздержания от всяческих соблазнов, а особенно от «женской лепости», но время шло, и взгляды сектантов начали трансформироваться в сторону смягчения нравственных устоев, появились теории, что воздержание это тяжело и мужчина может жить с женщиной по обоюдному их согласию, что, в общем-то, основной массой хлыстов было воспринято даже очень благосклонно. Но в среде сектантов всегда находились консерваторы, люди крайних, ортодоксальных взглядов, среди которых выделялся Кондратий Селиванов. По свидетельству официального документа, в то время, когда основателю скопческой секты было лет тридцать пять, он был роста среднего, лицом бел, нос имел острый, волосы желторусые и не имел бороды [12.С.117]. На собраниях хлыстов он был молчалив, отличался замкнутостью, ни с кем не вступал в споры, сидел всегда возле порога, и часто наблюдая за жизнью своих духовных братьев и сестер, размышлял на тему падения истинности, чистоты веры, о грехе, опутавшем человечество, которое необходимо было спасти, осуществив новозаветное: «Как закон, ослабленный плотью, был бессилен, то Бог послал Сына Своего в подобии плоти греховной в жертву за грех и осудил грех во плоти. Помышления плотские суть смерть, а помышления духовные –

жизнь и мир. Потому что плотские помышления суть вражда против Бога.... По сему живущие во плоти Богу угодить не могут» (Рим. 8:3, 6, 7, 8). Думая обо всем этом, Селиванов видел свою «искупительную» миссию, считая себя «вновь пришедшим» от Бога, при этом главным врагом человечества, для него, выступала, конечно же, женщина, со всеми ее пороками, требующая роскоши, богатства, делающая мужчину слабым, лживым сластолюбцем, подверженным гордыни, унижающим слабого и пресмыкающимся перед сильным. Предаваясь размышлениям о спасение, в голове у Селиванова родилась идея оскотления, вроде бы и радикальная, но при этом и самая надежная, не дающая, ни одного шанса отступления назад. Вот эту-то идею и начал проповедовать среди хлыстов Кондратий, внеся в умы сектантов разброд и, по сути, расколов секту. Не имея ни каких личных интересов, а, заботясь лишь только о духовном спасении человечества, Селиванов, своими реформами, нажил себе огромное количество врагов, особенно среди, почивавших в тепле и сытости, хлыстовских «богородиц», «христов» и «пророков». Проповедуя, скопческое спасение, Селиванов вместе со своим другом и «сотаинником» Мартыном Родионовым – «Мартынушкой», обходили «корабли», пока хлысты не восстали против изуверов. Покушений было много и попытка убить камнем из-за угла, и стрельба из ружья, и травля собаками; скопцам приходилось прятаться и в стогах, и в падежной яме, и в свином хлеву, пока после проповеди на одном из хлыстовских соборщ Мартын не был убит, а Кондратию удалось спастись [18.С.104]. Знавшие лично Селиванова могли сравнить и противопоставить его и его образ жизни с жизнью хлыстовской аристократии: «Спал он на досках, только простынею, бывало, их накроет. И ел мало – самую малость. Когда яблоко откусит, вишенку съест, земляники попробует.... В чем и душа держалась! Точно восковой – царская порода, известно, деликатная. Молчалив был очень. Сидит, бывало, у столика – ручки сложит крестом, пальчиками крестное знамение, обеими руками и голову на них положит – значит молится. И так целые часы, а то и целые дни сидит» [12.С.121]. Привлекал к себе людей Кондратий мягкостью, незлобивостью, приветливостью к окружающим, тихим вкрадчивым голосом и желанием прощать всех, даже оступившихся, поэтому люди тянулись к нему, понимая, что в любом случае в лице Селиванова встретят заботу, понимание и сочувствие. Его ближайшим помощником в деле спасения человечества от греха после гибели Мартына, стал Александр Шилов, личность беспокойная, находящаяся в постоянном поиске правды, истинной веры, поменявший в течение жизни всевозможные секты, «корабли» и согласия. Жена и дети, оказавшиеся обузой в деле удовлетворения духовного голода, были им оставлены. А сила голода была такова, что по его собственному признанию, «если бы нашел самую истинную веру Христову, то не пощадил бы своей плоти, рад бы головушку за оную сложить, и отдал бы плоть свою на мелкие части раздробить» [1.С.321].

Хлысты, понимая, что размах в деле оскотления может привести к необратимым последствиям, и они потеряют большую часть своих адептов, приняли решение, выдать властям Селиванова и Шилова. Селиванов был арестован в Сосновке Тамбовской губернии, там же наказан кнутом и сослан в 1774 году в Сибирь в Иркутск на каторжные работы [7.С.116]. Шиллову удалось скрыться, и еще некоторое время заниматься своим скопческим ремеслом в северо-западных и западных областях России, пока в 1789 году он не был пойман в Петербурге и определен в крепость Динамюнде. Селиванов же, не желая расстаться со своими «духовными детьми», бежал из Сибири и в 1795 году объявился в Москве, при этом не придумал ничего лучшего, как объявить себя императором Петром III. Есть мнение, что по дороге на каторгу Селиванов встречался с Пугачевым, выдававшим себя за Петра III [7.С.116], видимо «искупителю» понравилась эта идея, он перенял ее и держался за нее всю жизнь. Этот поступок можно было считать не просто неосмотрительным, но даже и безрассудным, особенно после еще всем памятного пугачевского бунта. При этом что интересно, вплоть до начала XX века в памяти скопцов он так и остался покойным государем Петром Федоровичем, личность которого во многом была притягательна для русских

скопческих кругов. Будучи по воспитанию протестантом, император действительно довольно лояльно относился к религиозным отщепенцам от Православия – сектантам и раскольникам. Да и к тому же у скопцов существовало множество близких по содержанию легенд, по одной из которых Петр III был оскотлен еще в Голштинии, а Екатерина II возненавидела его за то, что он был не способен к супружеским обязанностям, за это и решила его убить и завладеть царством. Узнав об этом, царь переоделся в одежду солдата и пошел под видом простого мужика ходить по Руси и проповедовать [21.С.58].

Арестованный в Москве, Селиванов пережил смерть Екатерины II и был доставлен в Петербург к императору Павлу Петровичу, которому было интересно взглянуть на человека выдававшего себя за горячо любимого им отца. На встрече Селиванов заявил императору, что признает его своим сыном, если тот оскотит себя [2.С.121]. В результате самозванец был водворен на пять лет в Обуховскую больницу, игравшую в то время роль дома сумасшедших. После смерти императора Павла I Селиванов был освобожден, переведен в богадельню Смольного монастыря, а через три месяца вовсе отпущен, вступившим на престол Александром I, на свободу. Наступившая александровская эпоха стала «золотым временем» расцвета русского мистицизма, сектантства, в том числе и скопчества. Длилось оно с 1802 по 1820 гг. Хлысты и скопцы, вышедшие из подполья, высоко оценили представленную им пору, запечатлев ее в поэзии:

«Среди Питера встроен был дом,
Самому Христу было прибежище в нем,
Протекал там живой воды тихий Дон,
Разливалась там Сладим река,
На страже были евангелистами Марко да Лука,
Стеречь всему дому мастера;
Там написаны были златые литера,
Под названием: «святой храм».
Сходились, съезжались со всех сторон,
Не боялись иудеев черных ворон,
В Лавре были белосветские скопцы,
А садовники были все духовные дельцы,
Торговали иноземные купцы,
Это было злато время и пора,
К нам явилась благодатная гора,
Посвещала благоутренняя заря.
Искупитель назвал Питер «Сион град».
Пресчастливы, преблаженны те года.
Приходили к нему царские рода,
Все со страхом покоряли сердца,
Прославляли искупителя-отца» [1.С.324].

В эти годы в среде скопчества появился удивительный, а, по сути, утопический проект политического переустройства России. Автором его был человек европейского уровня образования Алексей Михайлович Елянский (в некоторых источниках Еленский). Поляк по происхождению, служивший камергером при дворе Станислава-Августа Лещинского, после третьего раздела Польши, перебравшись в Россию, вступив на русскую службу, приняв Православие, стал действительным статским советником [16.С.77-78]. Однако встреча с Селивановым, полностью переменила его жизнь, он оскотился и уверовал в скопческие идеалы. В результате своего духовного перевоплощения, Еленский написал и в 1804 году и подал Александру I через фаворита Новосильцева известное письмо, где предлагал химерический проект устройства страны по образу скопческого «корабля». Проект состоял из двух частей: проекта государственного переустройства России и апологии

скопчества. Полностью он был опубликован в книгах Константина Кутепова «Секты хлыстов и скопцов» (Казань, 1882) и Владимира Андерсона «Старообрядчество и Сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия» (СПб., 1909). Если не передавать его содержание полностью, а выделить основные идеи, то суть его заключалась в следующем: В основе лежал монархический строй, поэтому письмо начиналось словами «возвестила премудрость небесная устами Иисуса Сирахова и гласом многих пророков: еще кто не любит царя и верности ему не хранит, всякую клевету на себя привлечет; еще же кто не радит о отечестве, в числе живых людей да не именуется».

Само государство, если можно так сказать, представляло собой «флотилию кораблей», подчиненных императору и особой «небесной канцелярии».

О своей роли в этой утопии, Еленский говорил следующее: «На меня возложена должность от непостижимого Отца светов, как грамотных в иеромонахи, так и простячков, в духе пророческом находящихся истинных и сильных, набрать не только на корабли, но даже и в сухопутную армию, и я с двенадцатью пророками обязан буду находиться всегда при главном армии правителе небесного ради совета и воли Божией, которая будет открываться нам при делах, нужных на месте. Наш настоятель (*это уже Селиванов*) – боговдохновенный сосуд, в котором полный Дух небесный Отцом и Сыном присутствует, обязан быть при лице самого Государя Императора, и как он есть вся сила пророков, так все тайные советы, по воле премудрости небесной, будет опробовать и нам благословение и покровы небесные будет посылать и молитвы наливать, яко кадило, на всех людей ищущих Бога» [1.С.325-327].

Так вкратце определял свое место и место «сосуда боговдохновенного» в этом скопческом государстве Еленский. Наиболее интересна вторая часть проекта, называемая «Известие, на чем скопчество утверждается». Как и во всяком сектантском произведении, в первую очередь, автор пытался обосновать истинность своего учения и в то же время показать заблуждения, и греховность, в которых находятся православные. «Так низкое и дешевое христианство сделалось, яко вси богоотступники и злейшие мира любители, блудники и пьяницы, христианами называются... Сия правда хотя и колка, однако нельзя умолчать, ибо сколько слаба их жизнь и не воздержана, сколько далеки от благодати Святого Духа, заключены в неверии и суеверии, ибо их вера на языках, а не на чистейших и непорочных делах...» [1.С.334]. В противовес православным у скопцов «Чистота плоти от главы до ног, и из уст ни когда не выходит гнилое слово ругательное или клятвенное, но тихие и смиренные глаголы, даже не годится имени темного врага Божия ни в каком разговоре, всякого рода хмельные напитки запрещены, и кофия не употребляется, яко разжигание плоти делает, и во ядении со искусством того не ядят, по большей части от мясоядения удаляются; однако не под грехом если в нужде кто поест, а напитки хмельные под грехом, запрещены, яко они не от нужды, а от слабости. Не дозволяется на пиры, на свадьбы, на пиры, на маскарады, на качели ходить, а подобные зрелища запрещены, яко они не от Христа, а от мира заведены, лучше ходить в церковь явную, слушать литургию, яко она наша и от истинного духа с небес составлена и прочего чтения и пения; ибо взявши их от книг, да их же книжников обличать можно за неисполнение и злоупотребление. Не дозволяется ближнему лгать, запрещается всякого человека обманывать явностию, а быть хитрым и мудрым, яко змия, скрывая дело Господне, скрывая в тайне посты, молитвы, милостины и все добродетели духовныя» [1.С.336]. Конечно, этот проект по праву можно отнести к одному из литературных памятников догматического содержания российского сектантства первой четверти XIX века, где кроме плана создания невозможного, химерического государства, присутствует и попытка аргументировано на основе Святого Писания доказать истинность и жизненность скопческого мировоззрения. Так, например: «Моисей в Законе написал: скопец да не будет служай дому Господню, яко сам он есть жертвенник и не будет служай алтарю, и не будет приносяй жертвы и службы. Но закон Моисеем дан бысть, а благодать и истина Иисус Христос бысть (Иоанн. 1,17) и для того по

благодати, яко сосуди очищенные, были не только иноками, священниками, но и архиереями скопцы были поставляемы, ибо сии скопцы не ради корыстолюбия, но ради чести мира, но прямо ради Царствия Небесного» [1.С.339].

Ознакомившись с проектом, Александр I приказал Еленского, как явно ненормального человека, отправить в Суздаль в Спасо-Евфимиевский монастырь [16.С.81], а с Селиванова приказал взять расписку не производить больше осклоплений. Тот дал такую подписку, но осклопления продолжались. После освобождения из богадельни, Селиванов проживал в Петербурге в доме богатейших скопцов Ненастьева, затем с 1811-го по 1817-й в доме купца-скопца Ивана Кострова, прогневавшись на Кострова, переместился во вновь отстроенный дом купца Михаила Назаровича Солодовникова, который именовался, не иначе как «домом божьим» или «горним Сионом». На торжествах и радениях у Селиванова иногда собиралось до 300 человек скопцов обоего пола [12.С.199-200]. При помощи сильных покровителей он достиг даже того, что выход к нему полиции был запрещен по высочайшему повелению. Значение его все возрастало и не только между скопцами, но даже среди православного общества столицы, привлекая к Селиванову множество суеверных посетительниц из купчих и знатных барышень. В 1805 году его посетил даже сам император Александр Павлович [2.С.121]. Существует мнение, что разговор был посвящен возможной войне с Наполеоном. Скопцы, конечно, рассматривали эту встречу как знак высочайшего благоволения к ним со стороны августейшей особы, хотя справедливости ради, надо отметить, что это было время расцвета мистического сектанства в России, и ни одна из сект преследованию не подвергалась. В годы благоденствия единственное, что было запрещено скопцам, так это «огненное крещение», т.е. изуверская операция, которая представляла собой отнятие яичек («удесных близнят») с частью мошонки посредством отжигания их раскаленным железом. В это же время, Селиванов написал «Похождения» и «Страды», где передал тяжесть своего положения, находясь в ссылке в Сибири. Казалось бы, спокойная во всех отношениях жизнь, вдруг дала трещину. Причиной стало необузданное желание скопческой аристократии привлекать в свои ряды все большее и большее число приверженцев, не зависимо от рода их деятельности и состояния. Когда это были лица гражданского состояния, власти делали вид, что этого не замечают, но когда «скопческие корабли» появились в армии, подрывая установленный порядок и дисциплину, терпение кончилось. Мало того, петербургский генерал-губернатор Милорадович получил донесение, что одна из скопческих девиц бесстыдно именует себя супругой великого князя Михаила Павловича. В итоге, по высочайшему повелению 17 февраля 1820 года был создан секретный комитет из высших духовных, военных и гражданских лиц, близких к императору, с целью тайно с большой деликатностью препроводить Кондратия Селиванова в Суздальский Спасо-Ефимьев монастырь, а настоятелю, было направлено предписание принять ссылаемого «с человеколюбивою ласковостью и поместить его в келью, которая бы служила, по уединению своему, к спокойствию его и ко благоразмышлению» [1.С.341]. Неожданное исчезновение «искупителя», переполошило все скопческие «корабли», гонцы бросились по всем дорогам искать дорогого «батюшку», пытаясь, напасть на след и лишь только под Тосной удалось его настичь, там и разыгралась сцена прощания «сирот» со своим «батюшкой» [12.С.209]. Конечно, борьба со скопчеством не ограничилась лишь одним удалением и изоляцией «искупителя», удар был нанесен и по ряду других «кораблей» России, где видных скопцов также препроводили в монастыри. Так, в 1820 году ссыльные скопцы завели «скопческий корабль» даже в Соловецком монастыре, куда они были посланы на духовное исправление [2.С.159]. Что касается Селиванова, то он тихо скончался 20 февраля 1832 года в монастыре, где и был похоронен. Однако, по мнению скопцов, умереть он не мог, а спрятался лишь до поры до времени в Суздале или, по мнению других, «в землях иркутских», чтобы дожидаться своего часа, объявиться в Москве и навести полный переворот в умах и сознании людей, создав скопческое государство.

«Скоро батюшка явится,
Красно солнышко прикатится,
В дом Давыдов возвратится,
На престоле воцарится» [8.С.204].

Вообще удивительно, и бросается в глаза то, что одновременно своим взлетом и в то же время своим ничтожеством, Кондратий Селиванов стал как бы своеобразной предтечей Григория Распутина, и временное расстояние между ними, составило сто лет.

Конечно, удар, нанесенный по скопчеству в конце эпохи Александра I и гонения, продолжившиеся во времена его брата Николая Павловича, смогли побороть внешнюю, лицевую сторону жизни скопцов. Они стали незаметны, секта насторожилась, замкнулась в себе, не афишировала свои радения, но при этом не переставала распространять свои метастазы по всей стране. «Скопческие корабли» появились на окраинах империи в Сибири, Прибалтике, Молдавии. Состав «кораблей», часто был неоднороден, как по материальному благополучию, так и по целям, приведшим людей в лоно скопчества. Для людей состоятельных, и достаточно образованных увлечение скопчеством было своеобразной экзотикой, и они легко переходили из одной мистической секты в другую в поисках развлечения, при этом, не теряя своих физических «достоинств». Для темной массы русского народа сектантство в некоторых случаях действительно могло заменить Православие, т.к. секта черпала свои силы в самой гуще человеческих страданий, бесправия, беспробудного горя и унижения.

«В нищенских домах,
В чистых душах
Ангелы поют
Христа даруют» –

пели скопцы [1.С.342].

Зачастую внешний аскетизм, сочувствие, вкрадчивость и мягкость слов проникающих в самую душу человека находили в нем ту струнку, которая помогала видеть в сектанте своего, родного, очень близкого человека, полностью доверять ему. Скопчество в некоторых случаях давало возможность бедняку вырваться из нищеты. Так богатые купцы, не имея детей в силу своего оскпления, делали наследниками, совершенно чужих, бедных юношей, но при условии, как они говорили «обеления», которые в свою очередь делали богачами других «счастливчиков». Об этом же писал и обер-прокурор Св. Синода К. Победоносцев: «И действительно, ни один скопческий «корабль» не допустит, чтобы имущество, оставшееся после смерти кого-либо из его членов, досталось не скопцу, хотя бы даже и родственнику покойного. Все такие имущества укрепляются обычно за кем-либо из членов секты. Путем такого перехода скопческих имуществ от одного члена секты к другому и создаются те колоссальные, скопческие кагальные богатства, которые с одной стороны составляют основание выдающегося благосостояния скопцов, а с другой служат целями их пропаганды» [5.С.190]. В XIX веке к скопческим купцам-миллионерам относились известные московские и петербургские купцы Садовников, Антонов, Кобычев, Васильев и т.д. Что интересно оскпленные миллионеры занимались и меценатством, отдавая сотни тысяч рублей на позолоту церковных куполов, дарили драгоценные ризы и заказывали тяжелейшие священные сосуды из серебра, за что иногда получали награды медалями, орденами, становились почетными гражданами обеих столиц и провинциальных городов [3.С.60]. Но здесь, как мне думается, имело место какое-то плутовство или двурушничество со стороны скопцов, т.к. мало кто знал, или догадывался об истинном положении дел в душе мецената. С другой стороны, возможно, не только беспросветная нужда, но и какая-то религиозная одержимость, неистовство, возникавшее в определенной части народа, толкали людей к безрассудству и вступлению в секту. К тому же надо сказать, что находиться в секте с точки зрения интеллектуальной работы мысли было не сложно. Многие секты за все время

своего существования так и не смогли создать своего догматического учения, с определенным объемом литературы, религиозной логикой, формулировками и терминологией, за исключением фольклора, о чем будет сказано ниже. Например, что мог сочинить невежественный, безграмотный Селиванов, считавший, что догма может лишь только душу иссушить. Да и с самого момента зарождения скопчество обросло огромным количеством местных народных наслоений, обусловленных разницей традиций и укладов жизни. Поэтому определить, где изначальные традиции, а где привитые временем, практически невозможно. Но при этом независимо от пестроты территориальных народных воззрений, да и в отличие от тех же хлыстов, не помнящих кто, когда и где стоял у истоков их веры, у скопцов выработалась как бы единая, всеобщая идея. Суть ее заключалась в следующем, например, если каждый «хлыстовский корабль» имел своего «христа» или свою «богородицу», то у скопцов существовал своеобразный «централизм». Христов признавалось два – первый Спаситель. Второй – Селиванов, пришедший на землю в облике царя Петра III, который должен был стать единым царем, единым судьей и освободить народ от множества «пороков». Свою общину Селиванов переименовал в «Царский Корабль», к которому другие общины привязывались, как «легкие лодочки» [21.С.80-81]. Происхождение Селиванова было также не обычно, родился он не от простой женщины, а от «пренепорочной девы», которой скопцы почему-то считали императрицу Елизавету Петровну, временно скрывавшуюся в Орловской губернии под именем Акулины Ивановны для рождения наследника. В своих «Страдах» Селиванов указывал, что: «А я не сам пришел, а прислал меня сам Отец Небесный и матушка Акулина Ивановна пречистою утробой, которая греха тяжкого недоточная, чистая девица непорочная...» [15.С.493]. Рожденный от императрицы, Петр III по благодати, данной ему от Господа, превосходил Иисуса Христа. Узнав, заранее о готовящемся против него заговоре, он тайно покинул Петербург, принял «огненное крещение», стал «Белым царем» и уже как Кондратий Селиванов вернулся в Россию, чтобы во всем торжестве воцарить царство скопческое. Размах идеи был таков, что скопцы не ограничивались лишь одной Россией, а включили в свое царство и ряд европейских государств, в том числе и мусульманскую Турцию. Царство это должно было стать царством спасения от соблазнов, особенно от «женской лепости» («Лепость» – синоним чувственной красоты, сладострастия) [8.С.203] ибо «лепость яко моль, точит и поедает добродетель и изгоняет благодать Божию. А без благодати Божией, яко нива необработанная пуста есть и бесплодна, тако и человек без Святого Духа пуст есть и бесплоден» [1.С.345], говорили они. Освобождение от соблазнов было одно – оскотление, но тогда пресекался род человеческий. И здесь скопцы нашли «выход». Они считали, что способ размножения, пока тайный для них, даст Господь. По их мнению, первые люди Адам и Ева, находясь в первобытном своем состоянии, не имели внешних половых органов, и лишь после того, как Господь изгнал их из рая за грехопадение, эти органы у них появились. Следовательно, оскотившись, человек очищался и приближался к изначальному своему богоподобному состоянию, что, кстати, они полагали угодным Господу Богу. В основе этого решения лежал непосредственное понимание слов: «Итак, умертвите земные члены ваши: блуд, нечистоту, страсть, злую похоть и любостязание, которое есть идолослужение» (Кол. 3:5).

Скопцы верили, что когда их число достигнет 144 тысячи, наступит страшный суд, за которым будет торжество последователей скопчества. «И взглянул я, и вот Агнец стоит на горе Сионе и с Ним 144 тысячи, у которых имя Отца Его написано на челах. Это те, которые не осквернились с женами, ибо они девственники: это те, которые следуют за Агнцем, куда бы Он не пошел. Они искуплены из людей, как первенцу Богу и Агнцу» (Откр.14:1, 4). По этому поводу философ Василий Васильевич Розанов замечал: «Но ведь «на том свете» исчислены все души, конечно – вне внимания к возрасту. «144 000» давно восполнены младенцами умершими, которые, конечно, «не осквернились с женами», восполнены и даже переполнены. Совершенно очевидно, что Иоанн Богослов разумел под «неосквернившимися

с женами» что-то совершенно иное, нежели безбрачие, какой-то метафизический секрет, хотя в сфере пола же ... что Селиванову и его последователям и не брезжило на уме. Но, во всяком случае, секта эта проскользнула мимо своей темы» [19.С.86].

По легенде скопцов, большинство основателей секты были людьми далеко не простого происхождения, если уже известные нам Селиванов был «Христом II» и Петром III, а Акулина Ивановна – царицей Елизаветой Петровной, то Мартын Радионов, он же «Мартынушка», «благовестничек Христов», – генералом из князей Дашковых; Александр Иванович Шилов, «предтеча» – графом Чернышевым; пророчица Анна Романовна – сестрой княгини Екатерины Дашковой, да и император Александр I и великий князь Константин были скопцами. Поэтому и легендарный Федор Кузьмич под именем, которого якобы скрывался в Сибири император, так же был скопцом [3.С.64].

По своей значимости у скопцов выделялось несколько, если можно так сказать, основополагающих ритуалов. Первейшим конечно было оскотление или приведение себя в изначальное, «догрехопаденное» состояние. Способов существовало несколько. Изначально применялось так называемое «огненное крещение», путем отжигания яичек с частью мошонки раскаленным железом. Со временем этот изуверский способ отошел и вместо раскаленного железа начал применяться любой острый предмет, будь то нож или бритва. Мошонка перетягивалась нитью и все, что в ней находилось, отрезалось, при этом мог применяться и раскаленный металл, но лишь с целью прижигания раны, чтобы остановить кровь. Этот способ оскотления начал использоваться сектантами, еще с екатерининских времен, т.е. с момента организации секты, назывался «первой печатью», но с годами он показал свое «несовершенство», т.е. не гарантировал от грехопадения. Так оскотленный молодой человек мог вполне совокупляться с женщиной, единственное, чего у него не было так это семяизвержения, что могло довести его до полного изнеможения. Поэтому, наиболее радикальные скопцы, в целях достижения полнейшей чистоты, решили отсекалть у себя еще и половой член, именуемый «ключом бездны», где под «бездной» понимался женский половой орган. Здесь уже применялся рубящий предмет топор или долото. Такая операция называлась «полным крещением» или наложением «царской или второй печати». Существовала еще и «третья печать», когда у мужчины отрезались соски, но применялась она очень редко, из-за своей бессмысленности. В середине XIX века вторая операция или «царская печать» признавалась не всеми скопцами, что дало повод к расколу в секте. Как писал Владимир Андерсон «старые скопцы», ограничившие себя лишь отнятием «удесных близнят» почитали «царскую печать» преступным нововведением, получившим свое начало от Замосковных скопцов, которых называли «псами», не постигшими истинного разума Святого Писания. При этом они ссылались на «искупителя» Селиванова, который якобы не одобрял такого неистовства и воспрещал его ученикам [1.С.346-347]. Хотя вопрос этот спорный, т.к. в своих «мемуарах» о времени проведенном в ссылке «искупитель» писал, что когда пошел в Иркутск, «товару у него было за одной печатью», а «когда из Иркутска прибыл в Россию, тогда вынес товару за тремя печатями» [15.С.498].

Как говорилось ранее, скопческое мировоззрение и борьба с плотью отличались еще и местными народными обычаями, так в Тамбовской губернии существовали скопцы получившие название «перевертыши», которые не лишали себя ни каких частей тела, но еще с детства перекручивали каким-то способом семенные каналы в мошонке, чем лишали себя возможности иметь детей, что, по их мнению, приравнивалось к оскотлению.

Оскотление применялось и в отношении женщин, получивших название «скопчих». Цель была таже, уберечь человека от «грехопадения». «Ибо приходят дни, в которые скажут: «Блаженны неплодные, и утробы не родившие, и сосцы не питавшие!» (Лк. 23:29) Если оскотление мужчины, а особенно «полное крещение», уберегало его от физической возможности сближения с противоположным полом, то оскотление женщины – уродовало ее, делая сексуально не то, что непривлекательной, но даже отталкивающей. Как можно, без

содрогания, было видеть женщину с надрезанными или полностью отнятыми грудями. То же надругательство применялось и в отношении внешних половых органов, т.е. вырезалось буквально все, что выступало. Здесь надо заметить, что все эти операции проходили без анестезии и буквально в антисанитарных условиях. Как сознавали скопцы некоторые жертвы «умирали тут же на месте, исходя кровью, другие подвергались воспалениям и продолжительным страданиям, от которых также нередко умирали впоследствии» [13.С.543]. Но при этом надо сказать, что в отличие от мужчин, женщины не теряли своих детородных функций, скопцы не достигли того уровня, что бы делать сложнейшие хирургические операции. И, как известно, бывали случаи, что скопчихи отошедшие от секты рожали детей, к тому же и нескольких.

Огромную работу в деле судебно-медицинской экспертизы ритуальной кастрации провел профессор кафедры судебной медицины Санкт-Петербургской военно-медицинской академии и директор Департамента медицины МВД Евгений Пеликан, издав в 1872 году «Судебно-медицинские исследования скопчества». Работа эта имела государственный заказ и была пособием для экспертов по уголовным делам, связанным с ритуальным оскотлением. В книге Пеликан привел фотографии, используемые до настоящего времени, зарисовки, откровенное описание органов, хирургической техники, последствий произведенных операций, методов кастраций и как можно их определить по оставленным на теле шрамам, а так же многое другое [21.С.83-84].

Следующим ритуалом по значимости после оскотления было радение. Целью его было с одной стороны славословить Господа, а с другой – убивать грешную плоть. Поводы для проведения радения могли быть разнообразные, это и кануны больших православных праздников, и именины, и поминки, и даты связанные с жизнью Селиванова или просто случайное желание местного «пророка». Происходило это все в доме какого-нибудь богатого единоверца. Приходящий в дом, обязан был сделать три земных поклона перед образами, перекреститься обеими руками, держа в одной из них «покрова», т.е. белый платок сложенный углом. Потом шли поклоны «братьям», сидевшим справа, затем «сестрам» на противоположной стороне. Мужчины одеты были в белые длинные рубахи, подпоясанные пояском, женщины в платья любой расцветки, но поверх них, желательно, в белые кофты, ибо сказано: «Побеждающий облечется в белые одежды» (Откр. 3:5). Радение начиналось с распева. Затем виновник «собора» обращался с просьбой к одному из «братьев» или «сестер» с просьбой о пророчестве. Собрание поддерживало эту просьбу словами «просим» или «дай, господи». После чего пророк или пророчица делали земной поклон, говоря «Братцы и сестрицы, простите и благословите». Начинаясь общая молитва, ничего не имеющая общего с этим словом в прямом его смысле, представляющая собой очередной распев, но считавшийся наиболее действенным. После молитвы «пророк» трижды говорил: «Христос воскрес», пропевал очередной распев с просьбой ко всем наиболее чтимым, умершим скопцам Селиванову, Акулине Ивановне, Мартынушке с просьбой оказать помощь в пророчестве. После всех подготовок начиналось пророчество, как правило, о скором пришествии Селиванова, о воцарении царства скопческого, о необходимости терпеть и ждать, ну а по просьбе некоторых, скопцы получали личное пророчество. Заканчивалось оно словами: «Оставайтесь, праведные, Бог с вами, три покрова над вами; доволен дух святой вами; покати, агнец, со словами во седьмые небеса, прости мои немощные тела» [3.С.70]. И конечно, кульминацией «собора» было само радение. В народе оно получило название «кружений» или «скаканий», хотя сами скопцы называли его «баней или пивом духовным», а то и «божией работой». Пророк или пророчица начинал вращаться на одном месте с лева направо по ходу солнца – «посолонь». К нему присоединялись собравшиеся, делавшие движения, получившие название «крестиком», «кораблем» или «стенкой». Все это сопровождалось пением и достаточно интенсивными движениями, продолжавшимися порой всю ночь. При этом во избежание случайных свидетелей радения, окна и двери

запечатывались наглухо. Духота достигала такого уровня, что человек потом в течение нескольких дней не мог прийти в себя.

Следующей значимой процедурой было принятие в секту. Вновь обращаемого, еще до оскотления, приводили на собрание, в отдельной комнате его одевали в длинную, белую рубаху. После чего «брат», уговоривший оскотиться, выходил сам и выводил «новика» в общее собрание, где все сидели с зажженными свечами. Выходившие были без обуви, в знак того, что сие место свято. Собравшиеся начинали задавать вопросы, как бы сомневаясь в искренности намерений вновьпринимаемого спасти свою душу. Когда все «сомнения» развеивались, собрание давало согласие принять в секту. Привод длился несколько часов, после чего «новик» давал клятву под любыми угрозами не выдавать тех, кто его оскотит, членов секты, а так же прощался и разрывал все связи с миром и обществом. «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей. Ибо все, что в мире, похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, – не от Отца, но от мира сего» (1Ин. 2:15, 16). Затем он получал свечу, «покров», что считалось первым шагом на пути ко спасению. Само же спасение начиналось с момента оскотления [3.С.71-72]. Что интересно, давшие клятву часто ее исполняли. Во время судебных процессов, скопцы нередко рассказывали, что их оскотил давно умерший дед или бабка, а то и случайный цыган-коновал или объясняли это травмой от удара копытом лошади или падения с дерева, во время которого, зацепившись за сук мошонкой отрывал ее и все богатство в ней содержащееся. А, например, когда во второй половине 1901 года в Скопинском уезде Рязанской епархии было, случайно, обнаружено 16 скопцов и 26 скопчих со следами физического оскотления и они были преданы суду, то на вопрос, «кто побудил их к этому?». Они заявили: «никто не учил нас этому, мы сами оскотили себя; в этом нет ни какого преступления; разве мы не вольны в своем теле?» [5.С.191].

Внешне, скопец, уходя в секту, как уже говорилось, не порывал связей с миром, ходил в храм, участвовал в таинствах, но во всем этом был как бы тайный его смысл – двоедушие. При этом, как писал в своем отчете за 1901 год обер-прокурор Св. Синода К. Победоносцев: «Страшная скрытность скопцов лишает православных миссионеров возможности следить за ними и своевременно оказывать на них должное воздействие» [5.С.189]. Отчасти страх язвительных насмешек, преследования со стороны властей с неизбежным следствием и далеко неприятными вопросами, на которые под клятвенным запретом отвечать было нельзя. Да и оскотленные купцы побаивались отторжения их со стороны своего купеческого сословия, что в конечном итоге могло привести просто к разорению. Являясь отщепенцами от Православия, скопцы скопировали некоторые обряды, создав свой культ. У них появились свои святые в лице Селиванова, Акулины Ивановны, Шилова, страдальца Мартынушки, убитого хлыстами. С их образами часто писались иконы. Дома, где они проживали, а особенно вещи, которые носили или которыми пользовались, почитались как реликвии. Таинство причастия они заменили своим, освящая хлеб на могиле Шилова, даже соорудив отверстия вглубь могилы, куда опускали хлеб или баранки, кусочки которых, как великую святыню раздавали во время радения.

За время существования секты в ее недрах развивалось и поэтическое творчество, очень понятное для широких масс и близкое к русским народным песням. По мнению самих сектантов, происхождение распевацев было не человеческое. По их верованиям, они «уложены Духом Святым через уста пророков» и считаются как бы «спавшими с неба». Неудивительно, что скопцы и хлысты, так высоко думая о происхождении своих духовных песен или распевацев, питали к ним глубокое уважение и поэтому называли «песнями херувимскими или серафимскими», «песнями евангельскими», «песнями дорогими» и т.д. [12.С.525-526]. Не беря во внимание «Страды» и «Похождения», в которых описывались страдания «искупителя» Селиванова, насчитывается более 500 распевацев и духовных стихов, по своему содержанию и смысловому наполнению делящихся примерно на три категории:

- хвалебно-исторические стихи, посвященные скопческим святым;
- обличительно-пророческие, предсказывающие скорое пришествие Селиванова и ужасы грядущего его суда;
- поучительные и бытовые [3.С.73].

Огромную работу по изучению фольклора, ритуалов, идеологии хлыстовщины и скопчества провел автор монографии «Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект» А.А. Панченко. Описывая народную культуру сектантов, он замечает в ней изобилие метафор и символов. Так в работах дореволюционных авторов и в поэтическом творчестве скопцов автор обнаружил огромное количество иносказательного или образного наименования оскпления, например *печать*, *убеление (обеление)*, *чистота*, *крещение (огненное крещение)* (в этом случае *мастер-оскопитель* считается *крестным батюшкой*), *обрезание*. Оскопиться – *сложить белый камушек (ставить на бел камушек)*, *сесть на коня*, *сесть на белого коня*, *сесть на пегого коня и пересест с пегого коня на белого коня* (соответственно двум степеням оскпления), *победить змия*, *отсечь голову змию*, *одеть белую ризу*. Оскопленный и не оскопленный противопоставляются как *белая овца/козел*, *белая голубица/пегая кукушка* и т.п. [15.С.372] (*курсив А.А. Панченко*). Образное выражение «сесть на белого коня» часто у скопцов ассоциировалось с иконографией Георгия Победоносца убивающего змея или грех. Да и в поэтическом творчестве Селиванов не мог явиться иначе кроме как искупитель или победитель змея-греха и только на белом коне:

«Уж на той колеснице огненной
Над пророками пророк сударь гремит,
Наш батюшка покатывает.
Утверждает он святой Божий закон.
Под ним белый храбрый конь...».

Или, неотвратимость Страшного суда, на котором судьей выступал опять же Селиванов.

«Страшно время, други, будет,
Как господь судьбой засудит,
Земная жизнь други решится,
Судьба божия совершится,
Белый конь у нас явится,
На коне сидит бел-мужествен,
Всем грешным ужастен...» [15.С.382-383].

Конечно же в основе этого несложного поэтического творчества лежал стих главы 19 «Откровений Святого Иоанна Богослова»: «И увидел я отверстое небо, и вот конь белый, и сидящий на нем называется Верный и Истинный, Который праведно судит и воинствует». (Откр. 19:11).

Чистота и непорочность жизни, к которой стремились скопцы, делала их в их же поэтическом творчестве, подобными библейскому белому голубю, в облики которого Дух Святой являлся на землю:

«– Уж вы голуби,
Уж вы белые,
Уж где же вы летали?
– По поднебесью.
Мы не голуби,
Мы не белые,
Уж мы ангелы,
Все архангелы,
На сыру землю
С неба сосланы...» [15.С.474].

Оскопление не могло не отразиться на здоровье людей, получивших «крещение» особенно в раннем возрасте. Е. Пеликан приводит такие физические изменения, как уменьшение гениталий, высокий голос, мало волос на теле, апатичная манера и болезненно-желтый цвет лица [21.С.84]. Ученые-психологи еще в конце XIX века выявили некоторые отклонения и в психическом развитии скопцов. Физиологические изменения в организме, становились причиной оскудения красок окружающего мира, исчезал интерес к противоположному полу, желанию любить и быть любимым, терялся ряд черт мужского характера как то – детская страсть к поискам приключений, свершению подвигов, с годами перераставшая в чувства патриотизма и гражданской ответственности перед обществом. Для скопца, не существовало ни каких забот кроме интересов его секты, хотя при этом можно было выделить такие черты как эгоизм, алчность в отношении денег и скупость. Если в первые годы становления секты, можно было выявить такие положительные черты, как благолепие, попечение, радение, мягкость, взаимопомощь, то со временем расслоение секты привело к внутренней жесткой, а то порой и жестокой борьбе за правообладание капиталами умершего, ведь с годами несметные богатства передавались не по наследству, а по принадлежности к секте. Здесь уже проявлялись такие уродливые черты как лезть, зависть, умение втереться в доверие и другие мерзости, тянущие за собой целую вереницу грехов. В итоге основная масса скопцов, дожив до старости, умирала в нищете, без родных и близких, не имея ухода, в нетопленных старых, развалившихся хижинах, без воды и пищи. Конечно, слезы дожившего до старости и разуверившегося скопца представляли собой душераздирающее зрелище. Сектанты пытались найти выход из этого положения, создавая свои поселения в Сибири, Якутии, в какой-то степени может быть и искусственно, когда во второй половине XIX века правительство начало ссылать их в эти суровые края на вечное поселение. Однако, скопцы, даже если и была возможность, не покидали их, понимая, что в одиночку им не выжить. Другой чертой сектантов была хитрость и коварство в привлечении новых adeptов. К. Победоносцев писал, что: «К счастью, по замечанию миссионеров, почти все скопцы девствуют или вдовствуют, брачных же среди них очень мало, почему скопческая секта не может размножаться путем естественного прироста, а только путем пропаганды» [5.С.191]. Конечно, эта мысль обер-прокурора спорная и согласиться с ней невозможно, еще неизвестно, что давало бы больший прирост или рождаемость, или пропаганда и, что в данном случае лучше. Но, однако, в мастерстве «улавливать души» скопцы, в отличие от других сект опередили всех. Недаром, по этому поводу, философ В.В. Розанов писал: «О, девушки и мужчины: топчите копытами, раздирайте рогами это проклятое скопческое отродье. Гоните его за забор. Скорее гоните из сада своего: смотрите, это резчик-скопец подкрадывается к вам с кривым ножом, чтобы отрезать то, что ему самому подлецу не нужно» [19.С.173].

Как писалось раньше, «в условиях царского режима», скопцы преследовались правительством и Православной Церковью и, по сути, были одной из самых гонимых сект России, причиной тому был изуверский ритуал оскопления. Начиная со времен Александра I, после 1820 года, начались первые уголовные дела, но только в отношении лиц, занимавшихся оскоплением, которых выявить, часто не удавалось. Жертвы выдумывали любые небылицы, вплоть до того, что мошонку оторвало осколком снаряда во время боя с французами. Николай I ужесточил преследование, считая религиозное отступничество неповиновением власти. К «особо вредным» были отнесены секты духоборов, иконоборцев, молокан, жидовствующих, хлыстов и скопцов. Особенно последние две, в которых лидеры представлялись воплощением Бога. Судебная реформа, 60-х годов XIX века, проведенная Александром II, дала «некоторую пользу» скопцам. Присутствие на судебном заседании присяжных, давало возможность красноречивому адвокату выбить у них слезу и тем самым оправдать обвиняемого, что иногда и случалось. Александр III, проводивший «контрреформы», после убийства отца в 1881 году, расширил права лишь старообрядцам. Скопцы же были признаны нежелательным элементом, продолжали преследоваться по закону. В ссылке для

них предусматривался особо жесткий режим, со строгим надзором за малейшими перемещениями. Ссылались они в Восточную Сибирь, Якутию, частично в Закавказье, а часть «кораблей», в целях избежать преследования властей иммигрировали в придунайские города, где, кстати, в 1870-х годах появилось новое движение, вошедшее в литературу под названием «новоскопчества». Во главе движения стал крестьянин Московской губернии Кузьма Федосеевич Лисин, решивший вернуться к чистоте веры и провозгласивший себя «вторым икупителем». Причиной тому стал кризис внутри секты связанный с имущественным расслоением сектантов, а отсюда и злобой, завистью, не желанием поделиться, помочь нуждающимся. По своей сути «новоскопчество» мало чем отличалось от традиционных воззрений, за исключением того, что оно дало своеобразный всплеск в количественном отношении вновь обращенных, особенно в южных районах империи Одессе, Николаеве, Бердянске, Мелитополе и окрестностях. Возможно, это было связано с тем, что Лисин проповедовал «духовное скопчество», т.е. обуздание желаний и господство над ними, и придавал физическому оскотлению лишь подсобное значение [14.С.307]. В 1876 году Лисин и его окружение были приговорены судом в Мелитополе к ссылке в Сибирь и к каторжным работам. Оставшиеся на свободе последователи объединились в крепкую общину, просуществовавшую до 1910 года. Одним из членов общины был, оскотленный в десятилетнем возрасте Никифор Петрович Латышев, ставший в последствии постоянным корреспондентом и передавший большое количество бумаг секты соратнику Ленина В.Д. Бонч-Бруевичу. Бумаги в настоящее время хранятся в Архиве Государственного музея истории религии Санкт-Петербурга [21.С.15]. Латышев стал и героем книги американской исследовательницы русского сектантства Лоры Энгельштейн «Скопцы и Царство Небесное». Закончилось преследование скопцов указом Николая II от 25 июня 1905 года, давшим возможность сектантам самим выбирать себе место проживания. Более чем тысяча скопцов покинула Сибирь и растворилась на просторах империи. На некоторое время они пропали из видимости, но непреодолимое желание «спасаться и спасать других» выбросило их на поверхность уголовно-процессуальной жизни России. До начала Первой мировой войны прошел ряд процессов, освещенных в газетах и журналах.

В 1910 году в Харькове было привлечено 142 скопца подсудимых и 250 свидетелей.

В 1911-м несостоявшийся процесс в Москве. В этом же году процесс в Курске – 22 подсудимых.

В 1912-м арестовано 80 скопцов в Острогожске Воронежской губернии и 26 человек в Уфе.

В 1913-м арестовано 27 скопцов в Екатеринбургской губернии, 5 человек в Рязанской и слушалось громкое дело вышневолоцкой секты [3.С.99].

Здесь необходимо понимать, что привлекались к уголовной ответственности люди не за принадлежность к секте, а за участие в ритуальном оскотлении новообращенных. Что касается Воронежской губернии, то здесь показателен пример скорости распространения секты. Если, в составленной приходским духовенством «Ведомости о количестве сектантов и раскольников в уездах губернии за 1899 год», и опубликованной в «Воронежских епархиальных ведомостях», скопцы и шалопуты (*Шалопуты, т.е. люди шального пути. Одно из ответвлений хлыстовщины, возникшее в 60-х годах XIX века. Название употреблялось, в том числе, и на востоке Воронежской губернии. – В.Р.*) проживали только в Новохоперском и Коротоякском уездах, в количестве 88 человек, а в Острогожске их не было [4.С.392-393], то спустя 13 лет, как показано выше, в Острогожске уже было арестовано 80 скопцов.

События Первой мировой войны, две революции 1917 года, а затем и Гражданская война поглотили в себе жизнь сектантов, о их существовании забыли. Особенно Гражданская война разбросала «корабли» по необузданному морю, наполненному страхом, гонениями, смертями, миллионеры-скопцы потеряли свое состояние в ходе национализации, а молодежь вынуждена была брать в руки оружие и воевать по обе стороны фронта. Однако с

установлением мира, жизнь сектантов как бы наладилась. Советская власть признала их жертвой, гонимой царизмом и Православной Церковью, а отсюда полное сочувствие и понимание со стороны большевиков. Последние еще в 1903-м признали сектантов демократами и бунтарями против существующего строя [21.С.15]. В годы НЭПа с разрешением частного капитала, сектанты воспряли. Стали появляться «корабли» в крупных городах страны, куда из темных деревенских уголков завозились юноши и девушки для работы на мануфактурах, и где попадали под влияние сектантов, а так же и в селах во время создания крупных аграрных арендных хозяйств, при использовании наемного труда. Обычно артельно заработанные деньги шли в общий котёл «корабля», что было выгодно изуверам, стоящим во главе секты. Однако положение изменилось в 1929 году с введением «Законодательства о религиозных культах». Большинство известных сектантских общин было закрыто в принудительном и административном порядке. А по некоторым скопческим «кораблям» прошли уголовные процессы: в декабре 1929 года в Саратове, а так же в этом году и 1930-м в Ленинграде. Причиной тому стала подготовка страны к принудительной коллективизации на селе. Теперь скопец не мог считаться образцом рачительного хозяина. Он стал кулаком и эксплуататором, наживающимся на труде других и мешающим развитию социализма. Одним словом пережиток прошлого, мракобес и враг, с которым советская власть должна беспощадно бороться и победить его. И что интересно победила. Осуждали скопцов не только как членовредителей, но и за участие в организации контрреволюционной деятельности. По итогам ленинградского дела, в целях атеистической пропаганды среди населения, Центральный совет союза воинствующих безбожников СССР в 1930 году выпустил небольшую книгу Евгения Горского «Изуверы». В книге автор рассказал, что в 1929 году под Ленинградом в деревне Большое Волосово была обнаружена скопческая секта в составе 40 человек, а так же из 27 человек в самом Ленинграде. Секты находились между собой в постоянном контакте. Во главе деревенской находились, как тогда говорили, богатые кулаки, а во главе городской бывшая купчиха, ювелир и дворник. Возглавлял их некто Ломоносов, постоянно проживавший в Москве и приезжавший в Ленинград по телеграмме для производства ритуальных операций. При обыске весь необходимый арсенал для этого у него был найден. Как говорил Ломоносов, он дал обет Богу произвести двадцать осклоплений и часто иносказательно хвастался: «Восемнадцать белых риз я уже надел с помощью Божией, надену и еще две» [6.С.11-12]. За время существования секты с 20-х годов XX века, было осклоплено более десяти человек, как сельских, так и городских жителей. Часть сектантов имела «малую печать», часть «большую». Жертв увещевали и принуждали войти в секту разными способами, так Петр Пивдунин в 1922 году был насильно осклоплен отцом, Н. Бутинов в 1919-20 гг. согласился после того, как мать пригрозила осклопить ночью сонного. Один из семьи Пивдунинов дал согласие на операцию после того, как ему купили новые черные ботинки и синий костюм из «Ленинградодежды», а еще семеро поверили в обещание: «Примешь печать, до самой смерти здоровым будешь. Никакая болезнь тебе не страшна, а жить будешь праведной жизнью многие лета» [6.С.16-17]. Каждый новый член давал клятву, за нарушение, которой грозила смерть. «Скопчество – подвиг, – говорил Ломоносов – если от него отойдешь, то или головой прыгай в Неву, или все равно смерть...» [6.С.17]. Да и немудрено, если еще в 50-е годы XIX столетия по Москве ходила молва, что двое братьев миллионеров-скопцов заживо сожгли свою сестру, за то, что она, будучи не осклопленной, решила выйти замуж по любви. Накануне свадьбы, ночью, они подожгли постель, несчастная, обуглилась, хотя сама горница не пострадала. Братьям это сошло с рук, «доказавшим», что несчастный случай произошел от искры упавшей ночью от горевшей лампадки [13.С.543-544]. Достаточно откровенно сказал во время следствия о ленинградской секте скопец Бутинов: «В секте губится и отнимается у человека вся жизнь. Волей-неволей человек становится идиотом и эгоистом. Он видит, что назад уже вернуться нельзя, и старается вовлечь в секту больше равных себе, даже если и сознает, что делает подлость» [6.С.17-18].

В вину сектантам было поставлено не только уродование людей, но и пропаганда монархического строя, не в прямом смысле, а видимо в ожидании вечного царства Селиванова и антисоветская агитация в утверждении того, что советская власть не угодна Богу. В результате под суд попали лидеры деревенских и городских «общин-кораблей». В апреле 1929 года Окружной Ленинградский суд осудил 15 человек из Б.-Волосово, назначив наказание от двух до четырех лет лишения свободы, с конфискацией 50% имущества и высылкой после отбытия срока наказания из Ленинградской области на пять лет. В январе 1930 года к десяти годам был приговорен Ломоносов, лидеры городских «кораблей» к восьми и наиболее активные члены секты от двух до семи лет лишения свободы. Вовлеченные обманом и страхом от уголовной ответственности были освобождены. И как обычно «Оба приговора были встречены трудящимися с большим удовлетворением». Суд завершился речью директора Института этнографии АН СССР и главы Ленинградского отделения Союза воинствующих безбожников Николая Маторина, где он подчеркнул классовый характер враждебности скопцов к советской власти, их симпатии к буржуазно-капиталистическим отношениям. В выступлении он добавил, что они являются не врагами официальной религии, а ярчайшими ее представителями, в пророчествах которых слышны «знакомые ноты антисоветской, кулацкой и буржуазной агитации» [21.С.250-251]. Казалось бы, после такого разворота отношений советской власти к сектантам, скопцов должен был бы поглотить сталинский ГУЛАГ, а те, которые остались на свободе, уйти в мир иной от старости. Оказалось, нет. Последние осколки некогда многотысячной секты удалось встретить журналисту «Московского комсомольца» Александру Колпакову [9]. В статье «Выжженная плоть. Со скопцами в XXI век» в 1999 году, он рассказал о случайной встрече в одной из подмосковных электричек со скопцом, некто Анатолием, распеваящим «корабельные» распевцы и тем самым путем подаяний, зарабатывающим себе на жизнь. Автору удалось побеседовать с ним и даже договориться о посещении «корабля», но лишь с одним условием – без фотоаппарата, но с диктофоном, что бы записать скопческие распевы. О себе Анатолий рассказал, что в середине 50-х годов лишился родителей и попал на воспитание к родственнику старику в деревню под Рязанью, где старик и уговорил 14 летнего мальчика оскотиться в бане, пообещав ему подписать дом и подарить жестяную коробку доверху набитую николаевскими червонцами. После выздоровления старик повел Анатолия к скопцам, которые оказались далеко немолодыми людьми, но среди них было и трое ребят близкого по возрасту к Толе. Что касается встречи, то скопец не обманул, она состоялась на одной из ветхих дач в подмосковной Ухтомке. На «корабле» журналиста встретили семь мужчин, одетых в белые рубахи, состоялось пение на диктофон. Пение шло по нарастающей и сопровождалось кружениями и выкриками типа «...Осподи Иисусе». Анатолий комментировал это тем, что «Дух Святой пробирает». Закончилось все чаепитием, рассказами участников радения своих историй. Там оказалось два брата-близнеца, поведавших, что в деревне под Саратовом их оскотил отец, до этого сам, «очистившийся» за неделю до Пасхи. «Привел в баню, дал каждому прикусить зубами ручку от деревянной ложки и велел говорить «Христос Воскресе!», а сам поставил нас перед деревянным корытом с теплой водичкой и стамеской да киянком – чик-чик. Потом собрал яички и в печку кинул, а мы стояли и слушали, как они там трещат и лопаются. По сей день слышу этот звук...»[9].

Прошли уже десятилетия, и встретить в обыденной жизни скопца-сектанта, наверное, уже и невозможно. Они исчезли, их поглотила история вместе со страшным их ритуалом. Если вдуматься, осуждать этих людей, в течение двух столетий, уродовавших себя и свою жизнь, наверное, невозможно, да и нельзя, большинство из них жертвы, заблудшие, но честные люди, искавшие Царствия Божия на земле и в мире будущем. В большей степени их невежество, где-то доверчивость и простодушие, сломали им жизнь, что может вызывать лишь чувство жалости, досады и сожаления. Поэтому хотелось бы сказать им словами Спасителя: «Отче! Прости им, ибо не знают, что делают...» (Лк. 23:34).

Библиографический список

1. **Андерсон В.** Старообрядчество и Сектантство. Исторический очерк русского религиозного разномыслия / В. Андерсон. – СПб.: Изд. В. И. Губинского, 1909. – 460 с.
2. **Башилов Б.** История русского масонства / Борис Башилов. – М.: Православное издательство. «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. – 640 с.
3. **Волков Н.Н.** Скопчество и стерилизация. (Исторический очерк) / Н.Н. Волков. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1937. – 136 с.
4. Воронежские епархиальные ведомости. № 9 от 1 мая 1899 года.
5. Всеподданнейший отчет обер-прокурора Святейшего Синода К. Победоносцева по ведомству православного исповедания за 1901 год. СПб.: Синодальная типография, 1905. – VIII, 338, 74 с.
6. **Горский Е.** Изуверы. (Ленинградская секта скопцов) / Евгений Горский. – М.: Издательство «Безбожник», 1930. – 40 с.
7. **Добротворский И.** Люди Божии. Русская секта так называемых духовных христиан / И. Добротворский. – Казань: Университетская типография, 1869. – II, IV, 200 с.
8. **Ельчанинов А., Флоренский П., Эрн В.** История религии. 2-е изд. / Александр Ельчанинов, Павел Флоренский, Владимир Эрн. – М.: Русский путь; Париж: YMKA-Press, 2005. – 256 с.
9. **Колпаков Александр.** Выжженная плоть. Со скопцами в XXI век. // «Московский комсомолец» от 29. 04. – 6. 05. 1999.
10. **Иоанн Кронштадтский,** Св. праведный. Христианский смысл жизни. Сборник статей / Св. праведный Иоанн Кронштадтский. – М.: ДАРЪ, 2008. – 576 с.
11. **Курукин И.В.** Анна Леопольдовна / Игорь Курукин. – М.: Молодая гвардия, 2012. – 303 с.
12. **Кутепов К.** Секты хлыстов и скопцов / Константин Кутепов. – Казань: Типография Императорского Университета, 1882. – 575, II с.
13. **Ливанов Ф.В.** Раскольники и острожники: очерки и рассказы: в 4 т. / Федор Васильевич Ливанова. – Изд. 2-е, вновь пересм. автором, испр. и доб. новыми очерками. – СПб.: типография д-ра М. Хана, 1872, Т. 3. – XIII, [2], 626 с.
14. **Никольский Н.М.** История русской церкви / Николай Михайлович Никольский ; Центр. совет союза воинствующих безбожников СССР. – Изд. 2-е, пересмотр. и доп. – М.-Л.: ОГИЗ: Московский рабочий, 1931. – 398, [2] с.
15. **Панченко А.А.** Христовщина и скопчество: фольклор и традиционная культура русских мистических сект / А.А. Панченко. – М.: ОГИ, 2002. – 544 с.
16. **Пругавин А.С.** Раскол вверху. Очерки религиозных исканий в привилегированной среде / А.С. Пругавин. – СПб.: Издание товарищества «Общественная польза», 1909. – 268 с.
17. **Ранович А.Б.** О раннем христианстве / А.Б. Ранович. – М.: Издательство Академии Наук СССР, 1959. – 524 с.
18. **Реутский Н.В.** Люди Божьи и скопцы. Историческое исследование / Н.В. Реутский. – М.: Типография Грачева и К° у Пречистенских ворот, дом Шиловой, 1872. – 230 с.
19. **Розанов, В. В.** Сочинения: В 12 т. Т. 2. Юдаизм. Сахарна / В. В. Розанов. – М.: Издательство «Республика», 2011. – 622 с.
20. **Толстой, Л. Н.** Мысли об отношениях между полами / Л. Н. Толстой // Полн. собр. соч. – М.: Типография товарищества И.Д. Сытина, 1913. – Т. XVIII: – 324 с.
21. **Энгельштейн Лора.** Скопцы и Царство Небесное: Скопческий путь к искуплению / Лора Энгельштейн. – М.: Новое литературное обозрение, 2002. – 336 с.

УДК 94(47).042

*Воронежский государственный университет
студентка 4 курса исторического факультета
А.Ю. Сухачева
Россия, г. Воронеж, тел. (950) 761-70-00
e-mail: Anastasia.suha4ewa@yandex.ru*

*Voronezh State University
Student of the history Department
A. Y. Suhacheva
Russia, Voronezh, tel. (950) 761-70-00
e-mail: anastasia.suha4ewa@yandex.ru*

А.Ю. Сухачева

ВОЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОДА САБУРОВЫХ

В статье рассматривается военная деятельность бояр Сабуровых. Многим известны Соломония Сабурова – первая жена Василия III, насильно постриженная им в монахини, Евдокия Богдановна – жена царевича Ивана Ивановича, которую Иван Грозный сослал в монастырь. Однако мало внимания уделяется их родственникам-военным деятелям, которые защищали честь своей семьи, страны. В данной статье подробно рассмотрена биография тринадцати военных деятелей из рода Сабуровых с XVI в. – до начала XVII в.

Ключевые слова: Сабуровы, военное дело, воеводы.

A.Y. Suhacheva

MILITARY ACTIONS OF THE REPRESENTATIVES OF THE SABUROVS

The article discusses the military activities of the boyars Saburov. Many people know Solomoniya Saburova - the first wife of Vasily III, forcibly tonsured as a nun, Evdokia Bogdanovna - the wife of Prince Ivan Ivanovich, exiled to the monastery by Ivan the Terrible. However, little attention is paid to their military relatives, who defended the honor of their family and country. In this article, the biographies of thirteen military figures from the Saburov family from the 16th century until the beginning of the 17th century.

Key words : Saburovs, military, voivods.

Конец XV – XVI вв. начало образования Российского государства. Завершалось объединение русских земель под властью «великого князя», а чуть позже и «государя всея Руси» Ивана III. Такой поворот в сторону централизации затронул все сферы жизни - в том числе и военную. Отныне на смену княжеским дружинам и отрядам приходит общерусское войско, которое формировалось из служилых людей по прибору и служилых людей по отечеству (служилые князья, бояре, окольные, дворяне, дети боярские).

Сабуровы – были одним из боярских родов, которые несли военную службу русским царям на протяжении многих лет. Основатель рода – Фёдор Иванович Сабур, был костромским боярином, который находился на службе у Дмитрия Донского. В битве на Куликовом поле он храбро сражался в полку у Ивана Родионовича Квашни. А впоследствии служил у великого князя Василия Дмитриевича [2.С.163]. У Фёдора Ивановича было большое потомство [30.С.240]. В дальнейшем род Сабуровых расширился, что привело к образованию в нем таких ветвей, как: Пешковы, Пилемовы, Сверчковы, Вислоуховы, Папины и т.д. В рамках данной работы мы рассмотрим военную деятельность представителей последних трех фамилий.

Основателем ветви Сверчковых-Сабуровых был Константин Фёдорович [30.С.245]. Его сын - Юрий, один из самых знаменитых представителей этого семейства, так как являлся тестем Василия III. До свадьбы своей дочери – Соломонии, Юрий Константинович руководил переписью Обонежской пятины [4.С.193].

В росписи от 1501 г. он упоминается как наместник в Кареле [7.С.67]. В сферу деятельности наместника входили вопросы местного самоуправления, снаряжение на военную службу, починка дорог, мостов и т.д. Наместники назначались в большие и уездные города и часто находились в подчинении у воевод [1.С.13]. Уже в 1506 г. он участвовал в казанском походе и был послан в Муром в рати Д. В. Щени. Юрий Константинович командовал сторожевым полком [8.С.98], таким образом Василий III хотел возвысить своего тестя. Сторожевой полк должен был в походе прикрывать основные силы, заниматься разведкой и т.д, а в бою составлял арьергард русского войска и находился в резерве [1.С.435]. Но проблема в том, что Юрий Константинович затеял местнический спор с боярином С. И. Воронцовым, который стоял во главе передового полка, и поэтому поход пришлось отложить [6.С.207]. Передовой полк был, безусловно, честнее сторожевого. К тому же, он по росписи стоял следом за большим полком, далее шли полк правой и левой руки и только потом сторожевой. Становится понятно, что Юрий Константинович хотел, что называется прыгнуть выше головы, но у него не получилось. В 1509 г. упомянут в чине окольничего. Умер в 1511/12 г. [4.С.193]. Стоит отметить, что приближение к царской семье сыграло определенную роль в военной карьере Юрия Константиновича, но при этом добиться поста командующего передового полка ему так и не удалось.

У Юрия Константиновича был сын Афанасий, который уже служил Ивану Грозному. В 1545 г. царь Иван Васильевич послал своих воевод под Казань на судах. В Муроме остались русские войска. Воеводой большого полка был Фёдор - Демид Семенович Воронцов, а Афанасий Юрьевич служил воеводой передового полка. Он «бил челом государю на Федора в отечестве», и царь прислал Сабурову на Воронцова невместную грамоту [10.С.318]. В 1552 г. т.е во время третьего Казанского похода Ивана Грозного (июнь-октябрь 1552 г.), Афанасий Сабуров «годовал» в Васильгороде первым воеводой [11.С.426].

Брат Юрия – Иван Константинович, также служил наместником, но в Городецке в 1502 г., правда числился он лишь вторым после князя Бориса Петровича Моложского [7.С.77]. В 1510 г. Ивана Константиновича посылают в Псков писцом. С 1517 – 1525 гг. служил новгородским дворецким [6.С.207]. В 1512-1522 гг. шла русско-литовская война, в ходе которой Василий III пытался присоединить Смоленск. Русская армия располагалась тогда в деревне Долгий мост. В передовом полку служил Яков Захарьич Кошкин и Иван Константинович Сабуров. Место, которое занимал Иван Сабуров, можно назвать престижным, но с оговоркой. Дело в том, что последовательность, в которой идет перечисление полков и воевод, напрямую отражает их положение в военной иерархии. А по росписи после большого полка – основная сила русских войск, идет передовой полк [9.С.145]. В походе он охранял основные силы, в бою принимал первый удар противника, создавая тем самым выгодные условия для нанесения удара неприятелю. Обычно передовой полк располагался впереди большого полка [1.С.128]. Таким образом, место второго воеводы передового полка на тот момент было не таким престижным, как второй или первый воевода большого полка, но и к тому же довольно опасным.

Еще один представитель ветви Сверчковых- Сабуровых - Тимофей (Замятня) Константинович, до мая 1505 г. служил наместником на Вятке [1.С.319]. Вероятно, в его военные обязанности были следующие – оборона, мобилизация служилых людей, действия по предупреждению неожиданных нападений и т.д. В 1512-1522 гг. шла русско-литовская война. В 1514 г. царь Василий III велит своим воеводам собраться по росписи в Великих Луках, чтобы потом отправиться под Оршу [9.С.140]. Первым воеводой в сторожевом полку служил Замятня Константинович Сабуров. Полк, в котором он служил, являлся не самым престижным, так как по росписи он числится самым последним [9.С.141], однако функция у него была важная: охранять тыл войска. Битва под Оршей была неудачной для русских сил. В ее ходе Замятня Константинович погиб [1.С.319]. Действительно, далее в разрядных книгах его имя не упоминается.

Представители другой ветви Сабуровых – Вислоуховы были потомками Семена Фёдоровича Вислоуха [30.С.241]. Они также, как и их родственники, несли военную службу. Один из сыновей Семена Фёдоровича – Тимофей, был участником событий 1521 г. Тогда великий князь Василий Иванович вместе со своими боярами и «братией» пошел на Коломну, чтобы выступить против крымского хана Мехмет Гирея. В передовом полку вместе с князем Михаилом Ивановичем Кубенским служил Тимофей Семенович Сабуров, однако в росписи присутствует не точность, потому что Тимофей Сабуров упомянут под другим отчеством – Фёдорович [9.С.187]. В 1523 году он служил на пристани за Опочкой – городом в Псковской области [1.С.90], вторым воеводой правой руки снова вместе с князем Михаилом Ивановичем Кубенским [9.С.188]. До 1537 г. воевода передового полка считался выше, чем воевода полка правой руки [5.С.15]. Но проблема в том, что в росписи, которая представлена в источнике, полк правой руки стоит следом за большим полком [9.С.188]. Если опираться на это, то выходит, что Тимофей Семенович не потерял место в военной иерархии, а просто сменил должность со второго воеводы передового полка на воеводу полка правой руки.

Племянник Тимофея Семеновича – Григорий Юрьевич был участником Ливонской войны 1558-1583 гг. В 1560 г. царь Иван Васильевич отправил своих воевод под Вильяном. Соответственно, в связи с этими событиями была составлена роспись. По ней Григорий Юрьевич Сабуров служил в сторожевом полку под Вильяном у князя Андрея Ногтева четвертым головой т.е. командиром. Вместе с ним также служил его родственник – Строй Фёдорович Сабуров, который служил седьмым головой у князя Андрея Ногтева [12.С.82].

Еще один брат Тимофея Семеновича - Строй Фёдорович также был участником Ливонской войны. Известно, что он служил в сторожевом полку Андрея Ногтева головой, как и его брат Григорий Юрьевич Сабуров. Правда если Григорий Юрьевич упомянут четвертым головой в полку, то Строй упомянут предпоследним – седьмым [12.С.82]. Это говорит о том, что Григорий Юрьевич «честнее», чем Строй Фёдорович.

Самым активным из всех племянников Тимофея Семеновича был Иван Иванович Сабуров-Вислоухов. В 1571 г. он служил первым годовым воеводой в городе Ругодив (Нарва) вместе с князем Иваном Ивановичем Елецким и Григорием Давидовичем Путятинным [13.С.276]. В 1573 г. был годовым воеводой в городе Тольсбурге (замок Тоолсе) [14.С.319]. В 1575 г. служит воеводой в том же городе [15.С.373]. В 1578 г. в городе Тарвасе (Тарвасту) Иван Иванович был осадным головою [16.С.42]. Осадный голова являлся товарищем воеводы, но мог выступать в качестве самостоятельного военачальника. В ведении осадных воевод находились осадное дело и осадные люди. В данном случае Иван Иванович выступал в качестве самостоятельного военачальника, потому что по росписи в Торвасе он единственное должностное лицо в городе. В 1579 г. он служил так же осадным головою в Тарвасе (Тарвасту) [17.С.69]. Известно, что в 1 августа того же года Иван Иванович писал самому государю, что к городу приближается отряд «свейских немцев» т.е. шведов. Государь отреагировал и прислал подмогу [17.С.85]. С 1580 [18.С.147] -1581 [19.С.166] гг. он служил в Тарвасе годовым воеводой. В 1582 г. Иван Сабуров служил в Великом Новгороде третьим воеводой. Однако из-за этого между ним и другим воеводой – Петром Семеновичем Лобановым-Ростовским возник местнический спор, в ходе которого Иван Иванович его проиграл и остался «товарищем» воеводы [20.С.219]. В 1583 г. начинается другой местнический спор. Он разгорелся, когда государь велел быть воеводам по росписи в Великом Новгороде: Василию Юрьевичу Голицыну Булгакову, Панкратию Яковлевичу Салтыкову, князю Петру Семёновичу Лобанову-Ростовскому, да Ивану Ивановичу Сабурову, князь Григорьев Чорту Ивановичу Долгорукому. Роспись по сути была та же, что и в 1582 г., но она опять же не удовлетворила Ивана Сабурова. Списков он не взял и бил челом не только на Петра Лобанова-Ростовского, но и на Панкратия Салтыкова. Царь приказал боярам судить его участников, однако «суд не случился, потому что застала служба» [21.С.11]. В 1584 г. Иван Иванович Сабуров опять затевает местнический спор,

который опять же не будет решен. Но важно то, что он уже упомянут в чине окольного [22.С.38]. В 1585 г. Ивана Ивановича «по немецким вестям» отправляют на Ладогу «для прихода свийских немец», а в подчинении у него были: воевода Федор Данилович Лошаков-Колычов, Василий Иванович Белеутов-Редегин, наместник Федор Микитич Кобылий, голова Иван Андреевич Судаков [23.С.61]. В 1586 г. царь – Фёдор Иоаннович призвал его в Москву [24.С.80]. В мае 1588 г. царь велит своим воеводам быть по полкам «для прихода» крымских татар. Главкомандующим был назначен Фёдор Иванович Мстиславский [25.С.114]. У него в подчинении находилось несколько воевод, в том числе Иван Иванович Сабуров. Он служил «у наряду» воеводой большого полка в городе Серпухов. Иным словом Иван Иванович командовал артиллерией. Однако его место пытался оспорить Василий Иванович Ростовский, и у них был с Сабуровым суд [25.С.115]. В 1589 г. государь велел своим боярам и воеводам явиться в Великий Новгород на годованье. И здесь опять же начался местнический спор. Дело в том, что главным воеводой был Иван Иванович Голицын, а Иван Иванович Сабуров должен был ему подчиняться так как упомянут вторым воеводой. Дело закончилось тем, что Ивана Сабурова за это челобитье бросили в тюрьму на неделю [26.С.140]. Но даже это не повиляло на упрямого окольного. В том же году для прихода шведов царь велит «быти воеводам по росписи» [26.С.141], Иван Иванович Сабуров был первым воеводой левой руки, и он вновь затевает местнический спор. На этот раз с Дмитрием Хворостинным, который являлся вторым воеводой большого полка. Ко всему прочему последний начал хвастаться перед Сабуровым своим положением, поэтому Иван Иванович бил челом на Хворостина боярам и воеводам, но царю челобитную не послал [26.С.142]. Позже «Ивану Сабурову велел государь быти из годовой службы в розряде в левой руке в больших» [26.С.143]. В том же году начались военные действия со шведами, и поэтому государь велел быть своим воеводам по полкам [26.С.152]. У наряда первым воеводой служил Иван Иванович Сабуров [26.С.153]. В ходе боевых действий русские войска заняли Ям и Ивангород, в котором и служил первым воеводой Иван Сабуров [26.С.161].

Одной из самых младших ветвей рода Сабуровых были Папины, основателем которой был Фёдор Семенович Папа [30.С.243]. Примечательно, что они также являлись потомками и Семена Ивановича Вислоухова [30.С.241]. Но при этом, они ничем не уступали своим «старшим» родственникам, а порой и превосходили их. Одним из талантливейших представителей этой фамилии был Семён Фёдорович – сын Фёдора Семеновича Папина. Русские дворяне начинали службу примерно с 15 лет. В 1573 г. Семён Фёдорович упоминается как голова у воеводы Михаила Безнина, который должен был из Пайды идти воевать в колыванские места против немцев. И нужно отметить, русские войска добились успеха в этом предприятии. С сеунчем – сообщением о взятии шведской крепости Семен Фёдорович ездил в Старицу к царю Ивану Васильевичу [3.С.178]. В результате государь пожаловал Семёну Фёдоровичу в кормленье Белый город и сделал его наместником [14.С.330], а также наградил соболями, дорогой тканью. Согласно боярским спискам 80-х гг. XVI в. Семён Фёдорович имел чин московского дворянина [3.С.178]. В 1581 г. он служит первым местным воеводой в Ракоборе (Раковор, Раквере) вместе с князем Фёдором Крапоткиным [19.С.196]. В 1583 г. он служит первым воеводой в Торопце вместе с Григорием Петровичем Колединским [21.С.14]. В 1584 г. Семен Фёдорович находится в должности наместника на крепости Белой [22.С.32]. Летом этого же года он получил приказ прибыть в Москву, и здесь ему дали предписание ехать на южные окраины, чтобы строить на берегу реки Воронеж крепость. Город возводился, судя по всему, зимой 1585-1586 г. [3.С.178]. В разрядных книгах в 1586 г. Семён Фёдорович уже упомянут, как воевода в Воронеже [24.С.88]. Построив один город, Семен Федорович отправляется в Поволжье строить крепость Цивильск [3.С.180]. В 1588 г. в феврале государь – Фёдор Иванович велел своим воеводам идти в Астрахань, видимо, для подавления восстания местных народностей.

По росписи первым воеводой сторожевого полка был Семен Фёдорович Сабуров [25.С.109]. В июне 1589 г. его посылают в Орешек [26.С.141]. В 1590 г. в январе царь Фёдор Иванович велел идти воеводам за Невское устье в «Свицкую землю», т.к. началась русско-шведская война. Семён Фёдорович был в передовом полку первым воеводой [26.С.154]. Ему было приказано штурмовать Иван – город [26.С.161]. 25 февраля 1590 г. крепость была взята. 4 апреля 1591 г. Семён Фёдорович стал окольничим [3.С.180]. В 1591 г. крымский царь перешёл Оку и направлялся к Москве. Царь Иван Фёдорович велит своим боярам и воеводам встать обозом у Даниловского монастыря. В разряде написано, что окольничий Семён Фёдорович стоит воеводой в «дошаном городе» в обозе [27.С.214]. Чуть позже царь отправит его за крымским царем в качестве руководителя полкового наряда [27.С.219]. Он даже получит вознаграждение за работу [27.С.225]. В феврале 1595 г. Семён Фёдорович служит в Чернигове [29.С.84]. В конце XVI в. создается так называемый Тобольский разряд. Он должен был давать общее направление деятельности сибирских воевод [31.С.114]. В 1599 г. воеводой в Тобольск был направлен Семен Фёдорович Папин. Воеводы окрестных городов, по сути, находились в подчинении у тобольского воеводы. Они даже не имели права писать в Москву «в обход» Тобольска. Сабурову поручалось «промышлять по всем сибирским городам ... воеводам и головам», а «начальным людям» всех остальных городов «восточной страны» сообщать о происходящем в подведомственных им уездах в Тобольск, дабы там «всякие государевы дела были ведомы». Ранее никто из членов Боярской думы в Сибирь не назначался. Семен Федорович, будучи родственником нового царя – Бориса Годунова, получил право, выполняя предписания правительства, «указывать» администраторам всех остальных сибирских городов. К сожалению, именно в Тобольске Семен Фёдорович в 1601 г. умрет [31.С.115]. Можно предположить, что Сабуров был искусным воином, хорошим воеводой. Однако, чиновником он себя не видел [3.С.180].

Верига Фёдорович Сабуров – был родным братом Семена Фёдоровича. В 1580 г. он служил в городе Солочи [18.С.148]. В 1581 г. он продолжает служить там же [19.С.166]. Известно, что в 80-е гг. XVI в. Верига Фёдорович носил чин московского дворянина [3.С.178]. В 1591 г. Верига Фёдорович служит вторым воеводой в Пскове, а первым был князь и боярин Григорий Андреевич Куракин [27.С.175]. В 1592 г. Верига Сабуров служит опять же в пределах Пскова походным воеводой (не уточняется, куда именно его посылают) вместе с князем Владимиром Кольцовым Мосальским [28.С.43]. В 1593 г. он находится на годованье все в том же Пскове в качестве первого воеводы [29.С.54]. Но в июле того же года государь отзывает Веригу Фёдоровича [29.С.61]. Далее упоминаний о нем нет.

Степан Фёдорович Сабуров – еще один сын Фёдора Семеновича Папина. Степан Фёдорович впервые упоминается в 1571 г. в качестве второго воеводы в Вильяне [14.С.347]. В 1575 г. он служит там же [14.С.372]. В 1576 г. его переводят служить первым воеводой в Ракоборе [14.С.400], и там же он служит в 1581 г [19.С.166]. Примечательно, что в этот период своей службы, его упоминают под именем Стефан [16.С.42]. В том же году его посылают «в прибавку» в город Псков [19.С.191]. В 1581 г. он упомянут головой в Вильяне, в его подчинении находились Посник Елизарович Кутузов, Иван Мотякин [19.С.196].

Иван Фёдорович Сабуров – родной брат Семена, Вериги и Степана. В 1575 г. Иван Фёдорович поставлен городовым воеводой в Тарвасе [15.С.375]. В 1578 г. он служит в Вильяне первым воеводой с Иваном Григорьевичем Волынским [16.С.27]. Последний, видимо, не удовлетворённый своим положением начал местнический спор [16.С.28], который государь не одобрил. Он писал: «ты месничаеся безделье: ни отцом, ни дедом тебе с Иваном не сошлось» [16.С.29]. В том же году Иван Фёдорович Сабуров упомянут осадным головой в Вильяне с Микитой Григорьевичем Бороздиным [16.С.42]. Там же он в 1579 г. служит так же осадным головою, но теперь у него в подчинении также находится Микифор Бобошин [17.С.69].

Таким образом, рассмотрев 13 биографий, проанализировав всю собранную информацию о военных представителях рода Сабуровых, можно сделать вывод о том, что они играли определенную роль в военных предприятиях государства, но значительных позиций при дворе так и не сумели достичь. Никто из них так и не смог добиться поста главнокомандующего, но отдельные личности смогли добиться довольно неплохого положения в военной иерархии: Иван Иванович Сабуров (воевода большого полка «у наряда»), Иван Константинович Сабуров (второй воевода передового полка), Тимофей Семенович (второй воевода передового полка), Афанасий Юрьевич (первый воевода передового полка). Воеводой полка правой руки служил лишь Тимофей Семенович Сабуров, по росписи он стоял вторым воеводой. А воеводами сторожевого полка являлись Юрий Константинович, Замятня Константинович, Тимофей Константинович, Семен Фёдорович Сабуровы.

Стоит все-таки отметить, что Сабуровы стали участниками практически всех военных действий, которые на тот момент были. Они участвовали в русско-литовской войне 1512-1522 гг., отражали набеги казанских, крымских татар, несли военную службу в Ливонскую войну 1558 -1583 гг., в русско-шведская война 1590-1595 гг.

Однако этот род находился то около трона, то в опале. Поначалу, посредством брака Василия III и Соломонии, Сабуровы возвысились. Но развод с Соломонией сильно ударяет по позициям представителей рода. Но вскоре им вновь улыбается удача и дочь Богдана Сабурова – Евдокия выходит замуж за царевича Иван Ивановича. Хотя молодожены не успели оставить потомства, брак значительно укрепил положение рода и уже к концу XVI в. его представители активно участвуют в военной и государственной жизни страны. С приходом к власти Бориса Годунова начинается новое возвышение Сабуровых. Их деятельность становится более активной, их имена чаще упоминаются в Разрядных книгах. Хотя некоторые историки считают, что государственными и административными талантами Сабуровы так и не блеснули, стоит признать, что среди них встречались довольно активные деятели. Подводя итог, следует сказать, что Сабуровы – это род, который несмотря на неудачи, опалы, пытался укрепить свои позиции в элите русского общества, но так и не забрался на самую его вершину.

Библиографический список

1. **Богуславский В. В.** Славянская энциклопедия Киевская Русь – Московия в 2-х томах. Т. 2. /В. В. Богуславский. — М.: Олма-Пресс, 2003. — 816 с.
2. **Веселовский С. Б.** Исследования по истории класса служилых землевладельцев. — М.: Наука, 1969. — 584 с.
3. **Глазьев В. Н.** Не хотел "сидеть в избе". Основатель Воронежа воевода Семен Сабуров /В. Н. Глазьев // Подъем. Воронеж. 2011. № 9. С. 177-181.
4. **Зимин А. А.** Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. — М.: Наука, 1988. — 350 с.
5. **Корзинин А. Л.** Порядок иерархии полковых воевод в последней четверти XV — конце XVI в. /А. Л. Корзинин // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2006. №4 (2). С. 11-23.
6. **Морозова Л. Е.** Брачная политика Василия III /Л. Е. Морозова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. 2017. № 7. С. 200-224
7. Разрядная книга 1475-1503 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977. С. 13-82.
8. Разрядная книга 1504-1513 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977. С. 83-137.

9. Разрядная книга 1514-1523 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977. С. 138-188.
10. Разрядная книга 1545-1549 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1977. С. 318-367.
11. Разрядная книга 1552-1554 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. I. Ч. 3. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1978. С. 408-476.
12. Разрядная книга 1560-1562 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1981. С. 63-110.
13. Разрядная книга 1568-1571 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1982. С. 221-284.
14. Разрядная книга 1572-1573 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1982. С. 285-348.
15. Разрядная книга 1574-1576 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. II. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1982. С. 349-416.
16. Разрядная книга 1578 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 5-45.
17. Разрядная книга 1579 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 46-86.
18. Разрядная книга 1580 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 87-158.
19. Разрядная книга 1581 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 159-205.
20. Разрядная книга 1582 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 1. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 206-233.
21. Разрядная книга 1583 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 3-24.
22. Разрядная книга 1584 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 25-41.
23. Разрядная книга 1585 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 42-67.
24. Разрядная книга 1586 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 68-93.
25. Разрядная книга 1587-1588 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 94-120.
26. Разрядная книга 1589-1590 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 121-172.
27. Разрядная книга 1591 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 2. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1984. С. 173-237.
28. Разрядная книга 1592 г. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 3. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1989. С. 3-45.
29. Разрядная книга 1593-1595 гг. // Разрядная книга 1475-1605 гг. Т. III. Ч. 3. М.: Институт истории АН СССР, Наука, 1989. С. 46-100.
30. Родословная книга князей и дворян российских и въезжих. Ч.1 / Под ред. Н. Новикова. М: Университетская типография Н. Новикова, 1787. – 393 с.
31. **Солодкин Я. Г.** О времени образования Тобольского разряда /Я. Г. Солодкин // Вестник Сургутского государственного педагогического университета 2014. № 4 (31). С. 113-117.

УДК 94:325.3(479.22:479.224)

*Таврическая академия
Крымского федерального университета
им. В. И. Вернадского
кандидат исторических наук, доцент кафедры
истории России
М.В. Сухарев
Россия, г. Симферополь, тел.(978) 730-84-81
e-mail: aanekoski@mail.ru*

*Taurida Academy
of Crimean Federal University named after
V. I. Vernadsky
PhD in History, Associate Professor of History of Russia
Chair
M.V. Suharev
Russia, Simferopol, tel. (978) 730-84-81
e-mail: aanekoski@mail.ru*

М.В. Сухарев

ГРУЗИНСКАЯ КОЛОНИЗАЦИЯ АБХАЗИИ: ПРЕДПОСЫЛКИ, ХАРАКТЕР И ТРАГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ

В статье подробно характеризуются исторические предпосылки, приведшие к грузино-абхазскому вооружённому конфликту 1992–1993 гг. и массовому бегству грузин из Абхазии. Показаны неоднократные попытки Грузии, начиная с XVII в., колонизировать абхазские земли. Проанализирована взаимосвязь между массовым махаджирством абхазов во второй половине XIX в. и превращением Абхазии в многонациональный регион с преобладающей русскоязычной культурой и ограниченным грузинским влиянием. По мнению автора, грузинское происхождение И. Сталина и Л. Берии было одним из главных факторов масштабной грузинской колонизации Абхазии в 1937–1953 гг. и попыток полной грузинизации абхазов. В статье также раскрываются причины пророссийской и антигрузинской ориентации абхазского народа в период распада СССР.

Ключевые слова: Абхазия, Грузия, Россия, махаджирство, грузинская колонизация, ассимиляция абхазов, грузино-абхазский вооружённый конфликт.

M.V. Suharev

GEORGIAN COLONIZATION OF ABKHAZIA: PRECONDITIONS, NATURE AND TRAGIC CONSEQUENCES

The article describes in detail the historical prerequisites that led to the 1992-1993 Georgian-Abkhaz armed conflict and the mass flight of Georgians from Abkhazia. Numerous attempts by Georgia, starting from the 17th century, to colonize the Abkhaz lands are shown. The interrelation between mass mahajirism of the Abkhazians in the second half of the nineteenth century is analyzed and the transformation of Abkhazia into a multinational region with a predominant Russian-speaking culture and limited Georgian influence. According to the author, the Georgian origin of I. Stalin and L. Beria was one of the main factors of the large-scale Georgian colonization of Abkhazia in 1937-1953 and attempts to complete the Georgianization of the Abkhazians. The article also reveals the reasons for the pro-Russian and anti-Georgian orientation of the Abkhaz people during the collapse of the USSR.

Key words: Abkhazia, Georgia, Russia, mahajirism, Georgian colonization, assimilation of Abkhazians, Georgian-Abkhazian armed conflict.

Грузино-абхазский вооружённый конфликт 1992–1993 гг. явился одним из наиболее трагических последствий распада СССР. Он привёл к существенному изменению этнического состава и численности населения Абхазии. Несмотря на признание Россией независимости Абхазии в 2008 г., абхазская проблема в системе международных отношений до сих пор не решена. Вовлечённость в неё России привела к серьёзному ухудшению российско-грузинских отношений. Поэтому данная статья ставит своей целью максимально объективно разобраться в исторических предпосылках абхазского кризиса конца XX в. через призму отношений Абхазии с её ближайшими соседями – Грузией и Россией.

С VIII по XIV вв. на Кавказе существовало Абхазское царство. Это средневековое государственное образование по составу населения было грузино-абхазским. После его распада в конце XIV в. Абхазия трансформировалась в самостоятельное национальное княжество, управляемое владетельными князьями. Факт вхождения грузинских и абхазских земель в состав одного государства использовался в период Нового времени грузинскими политическими кругами для обоснования притязаний на Абхазию.

С конца XIV в. правители западногрузинского княжества Мингрелия предпринимали неоднократные попытки овладения абхазскими землями. Абхазским князьям приходилось обороняться. Насыщенным событиями в этом смысле был XVII в. Два мингрельских вторжения в Абхазию пришлись на 1629 и 1637 гг. [1.С.81]. В селе Лыхны был сожжён дворец абхазских правителей Чачба. Ещё один поход мингрельские князья Дадиани совершили в 1647 г. и добились серьёзных успехов. Они захватили земли Восточной Абхазии до реки Галидзга, а затем продвинулись до реки Кодор (Кодори). Абхазы вынуждены были покинуть указанную территорию, а новыми поселенцами на ней стали мингрелы.

Во второй половине XVII в. владетельные князья Чачба вели упорную борьбу за возвращение абхазского суверенитета над утраченными землями. В итоге в 1689 г. в период правления Зегнака Чачбы мингрелы были полностью изгнаны из Восточной Абхазии [1. С. 82]. Граница между абхазскими и грузино-мингрельскими владениями установилась по реке Ингур (Ингури). В междуречье Кодора и Ингура абхазские князья и дворяне Чачба, Ачба, Лакрба, Инал-ипа, Маан, Акиртава, Званба и ряд других получили земельные владения, на которые в большом количестве были переселены крестьяне преимущественно из Западной Абхазии.

Таким образом, в XVII в. имела место первая попытка грузинской колонизации части территории Абхазии, сопровождавшаяся депортацией местного населения. Однако этническое замещение было недолгим. К концу столетия абхазы восстановили контроль над своими историческими землями. Куда более серьёзные испытания ожидали немногочисленный абхазский народ в XIX–XX вв.

Со второй половины XVI в. Абхазское княжество находилось в вассальной зависимости от Османской империи. В регионе наблюдался упадок православной церкви, под влиянием Турции распространялся ислам, а значительная часть абхазов вернулась к традиционным языческим верованиям, связанным с почитанием родовых святилищ. Россия вела длительную и безуспешную борьбу с Османской империей за установление контроля над Кавказом. В её орбиту попала и Абхазия.

В 1810 г. по просьбе владетельного князя Абхазии Георгия (Сафарбея) Чачбы (Шервашидзе) Абхазское княжество перешло под верховное покровительство Российской империи [1.С.84]. Хотя Абхазия более полувека имела автономию, многие местные жители, в том числе и знатного происхождения, негативно относились к зависимости от России, периодически поднимали мятежи. Владетельные князья, как правило, не контролировали всю территорию Абхазии. Российское правительство рассматривало абхазов как ненадёжных подданных.

Абхазия лишилась автономии сразу после окончания Кавказской войны. В 1864 г. княжество было преобразовано в Сухумский военный отдел, а в 1883 г. – в Сухумский округ Кутаисской губернии [2.С.214]. В середине 1860-х гг. начинает меняться этническая структура населения рассматриваемого региона. В 1864–1866 гг. депортации в Турцию подверглись садзы – западноабхазская этнографическая общность, представители которой проживали между реками Агура и Бзыбь [3.С.42–43]. Участь садзов разделили и соседствовавшие с ними убыхи. В 1867 г. из родных мест были выселены абхазы, проживавшие в горных районах Дал, Цабал и Псху. Репрессивные меры в отношении указанных этнографических групп были предприняты царским правительством в связи с тем,

что они оказывали упорное, в том числе и вооружённое, сопротивление установлению российской власти на Западном Кавказе. Абхазов, переселившихся в XIX в. в Турцию, стали называть махаджирами.

В 1866 г. российские чиновники решили провести в Абхазии земельную реформу и обязали местных крестьян выкупить землю [1.С.122]. Но в отличие от Грузии, в Абхазии никогда не были распространены крепостнические отношения, чего не учли имперские органы. Поэтому многотысячный митинг абхазских крестьян на площади в селе Лыхны в июле 1866 г. перерос в вооружённое восстание. Повстанцы намеревались взять Сухум, но были разгромлены царскими войсками. Многим участникам восстания пришлось покинуть Абхазию. Российская власть объявила абхазов «виновным населением», территория их расселения была ограничена [4.С.45]. Абхазы подверглись дополнительному налогообложению и до 1907 г. не привлекались к отбыванию воинской повинности.

Новый виток репрессий в отношении абхазского населения был связан с событиями русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В середине мая 1877 г. турецкое командование высадило севернее Сухума около десяти батальонов, сформированных в основном из махаджиров [5.С.84]. Перед ними ставилась задача поднять на Западном Кавказе массовое антироссийское восстание. Османский морской десант три месяца оккупировал Абхазию. При отступлении турецкие солдаты получили указ султана – забрать с собой на кораблях всех желающих переселиться в Османскую империю. Опасаясь преследований, часть абхазов воспользовалась этим правом. По свидетельству турок, российские солдаты не препятствовали этому переселению. Многих абхазов силой заталкивали в трюмы турецких кораблей.

По окончании войны в 1878 г. вышло правительственное распоряжение, согласно которому абхазам запрещалось селиться между реками Кодор и Псырцха [6]. В связи с обвинением в предательстве коренных жителей региона депортировали из Сухума, Гульрипша, Псырцхи (Нового Афона), Анхуа и прилегающих земель. Махаджирство в Абхазии приняло массовый характер. В тот период в Турцию переселилось около 30 тыс. абхазов (40 % населения региона), а 32 тыс. их соотечественников остались на родине [4.С. 46]. На сегодняшний день потомки абхазских махаджиров проживают в Турции, Сирии, Иордании и некоторых других странах. По приблизительным подсчётам их численность составляет 500–600 тыс. чел. [1.С.4]. Кроме того, вследствие изгнания абхазов из Центральной Абхазии в 1877–1878 гг. прервалась целостность их ареала. Район Сухума стали активно заселять представители других этнических групп. В последующие десятилетия происходило постепенное отчуждение между западными (бзыбскими) и восточными (абжуйскими) абхазами.

В связи с окончанием Кавказской войны и началом махаджирства царская власть была заинтересована в заселении Абхазии лояльными подданными. Поэтому начиная с 1864 г. в регионе стали создавать свои сёла греки, армяне, русские, эстонцы, немцы, болгары и другие национальные группы [6]. Следует учесть, что после завершения Кавказской войны Россия и Турция осуществляли своеобразный миграционный обмен: кавказские горцы, в том числе и абхазы, переселялись в Османскую империю, а тысячи турецких армян и греков прибыли на российский Северный Кавказ [5.С.86]. Не остались в стороне от процесса колонизации ослабленной махаджирством Абхазии и жители соседних грузинских областей.

Несмотря на то, что в начале XIX в. вследствие действий Российской империи Грузия лишилась суверенитета, в годы Кавказской войны грузины были союзниками России в завоевании Кавказа, чему способствовало единство православной веры. Да и само покорение горских народов в Санкт-Петербурге нередко объясняли необходимостью свободного сообщения с Грузией. Под влиянием указанных обстоятельств в течение XIX в. в грузинских официальных документах, исторических сочинениях и литературных произведениях всё

чаще стали встречаться посягательства на соседние земли, в особенности входившие в состав средневекового Грузинского (Абхазского) царства [7.С.68–69].

В конце 60-х – начале 70-х гг. XIX в. в грузинских периодических изданиях появляются публикации, в которых представители грузинской интеллигенции призывают грузин заселять опустевшие абхазские земли [6]. А в разгар русско-турецкой войны осенью 1877 г. в газете «Тифлисский вестник» вышла статья Я. Гогобашвили «Кем заселить Абхазию?», в которой автор доказывал выгоду колонизации Абхазии грузино-мингрелами. Статью Я. Гогобашвили можно рассматривать как программную в попытках теоретического обоснования грузинских притязаний на абхазские земли в XIX в.

Как видим, во второй половине XIX в. сформировались предпосылки для грузинской колонизации Абхазии. Во-первых, многие абхазы в этот период вынуждены были эмигрировать в Турцию. Массовое махаджирство привело к запустению большого массива абхазских земель. Во-вторых, грузины, в особенности мингрелы, были ближайшими соседями абхазов на Южном Кавказе. Многие из них испытывали проблемы с обеспечением земель. В-третьих, в грузинском общественном мнении возобладало представление об историческом праве грузин на все территории, входившие в состав средневекового Абхазского царства. Иногда вера в исключительные права Грузии на Кавказе принимала крайние формы. Так, в 1873 г. Г. Церетели призвал грузин занимать всё восточное побережье Чёрного моря до Крыма [6]. Изучение истории Кавказа побудило некоторых представителей русской интеллигенции (Л. Воронов, Г. Рыбинский, Н. Воробьёв) заявить о необоснованности притязаний грузин на абхазские земли.

В связи с эмиграцией абхазов большое количество безземельных крестьян Западной Грузии по окончании русско-турецкой войны переселилось в опустевшие сёла Центральной Абхазии Мерхеул, Беслетка, Акапа, Келасур и Пшап [6]. Грузинская колонизационная волна в Абхазии начала набирать силу. Однако российское правительство осознавало потенциальную опасность грузинизации Абхазии. Оно стремилось заселить Сухумский округ выходцами из более дальних регионов, лояльных метрополии. Правительственные чиновники стали использовать два варианта: или напрямую запрещали грузинам переселяться в Абхазию, или ограничивали грузинских крестьян в получении земли. Если русские, греческие и иные переселенцы получали в Сухумском округе по 15 десятин земли, то грузины и абхазы – по 5 десятин и за мзду [4.С.46–47]. При этом государство активно раздавало крупные земельные участки (до 8 тыс. десятин) российским помещикам, чиновникам и монастырям. Благодаря такой политике Абхазия за 30 с лишним лет превратилась в многонациональный регион. Всероссийская перепись 1897 г. фиксирует в Сухумском округе 37 этнических групп. Тем не менее удельный вес грузинских колонистов в крае постепенно возрастал. В конце XIX в., согласно переписи, абхазы составляли 55,3 % населения Сухумского округа, грузины – 24,4 %, русские – 4,8 % [4.С.105].

Для укрепления влияния в Абхазии российское правительство содействовало распространению в регионе русского языка. Дело в том, что абхазы в течение длительного времени не имели своей письменности. До IX в. они использовали греческий письменный язык, с IX по XIX вв. – грузинский, в XVIII в. отчасти пользовались турецким языком [4.С. 51]. Языковая русификация Абхазии в XIX в. предполагала в том числе и вытеснение грузинского языка из общественной жизни края. С этой целью языковед П. Услар в 1862 г. на основе русской графики создал абхазскую письменность и разработал «Абхазскую азбуку» [1.С.88]. В перспективе это способствовало развитию абхазского языка и литературы, хотя сам П. Услар признавался, что проделал данную работу прежде всего для того, чтобы облегчить абхазам усвоение русского языка.

Грузинский язык стал также вытесняться из практики богослужений в абхазских православных приходах. Было принято специальное постановление о совершении богослужений в храмах Абхазии «на славянском наречии», «чтобы уберечь абхазов самым

надёжным образом... от грузинского влияния», что должно способствовать слиянию «туземного населения с русским» [2.С.214]. Замена грузинского языка церковнославянским в православных приходах Абхазии содействовала культурной переориентации части абхазского населения на Россию.

Таким образом, во второй половине XIX – начале XX вв. оставшиеся на исторической родине абхазы стали объектом противостояния между сторонниками русификации и грузинизации края. Причём русификаторская тенденция оказалась сильнее благодаря активным мерам центральных властей. В канун крушения Российской империи в полиэтнической Абхазии русский язык прочно занял место языка межнационального общения. Всё большее число абхазов перенимали русский язык и ценности русской культуры. При этом в начале XX в. наблюдался и всплеск развития абхазоязычной культуры. Однако удельный вес грузин в населении Сухумского округа продолжал возрастать. Несмотря на все запреты, грузинские крестьяне, мещане и купцы переселялись в Абхазию в поисках лучшей жизни. Это позволяло надеяться на успех сторонникам грузинской экспансии.

В период крушения Российской империи и Гражданской войны грузинские меньшевики создали самостоятельное государство – Грузинскую Демократическую Республику (1918–1921). Воспользовавшись ситуацией, грузинские войска оккупировали и Абхазию (Сухумский округ). В абхазской администрации в эти годы грузины занимали основные руководящие должности. Грузинское правительство содействовало тому, чтобы в дома и квартиры покидающих Абхазию греков, армян, русских и представителей других национальностей заселялись грузины [8]. Им выделялись деньги на материальную помощь и на приобретение имущества выселяющихся. Но в условиях социально-политической нестабильности организовать массовое переселение грузин в Абхазию грузинским социал-демократам не удалось.

4 марта 1921 г. в Абхазии была установлена советская власть. Абхазия получила статус социалистической советской республики (ССР Абхазия). В декабре 1921 г. Абхазия вошла в состав Грузинской ССР в качестве договорной (ассоциированной) республики. В конституциях ГССР 1922 г. и СССР 1924 г. Абхазия значилась как автономная республика [2.С.216]. В течение 10 лет (1921–1931) Абхазия имела широкие автономные права. Однако в рамках общей политики централизации и создания жёсткой вертикали власти 19 февраля 1931 г. Абхазия с личного согласия И. Сталина была преобразована в обычную автономную республику (Абхазская АССР) в составе Грузии с весьма урезанными полномочиями. Административное подчинение Абхазии Тбилиси создало юридические предпосылки для начала массового переселения грузин в автономную республику.

Утрата политических и культурных прав стала ощущаться в Абхазии после смерти её первого советского руководителя Н. Лакобы. В декабре 1936 г. он был отравлен в Тбилиси после встречи с тогдашним главой советской Грузии Л. Берией. Вскоре были арестованы практически все руководители центральных и районных органов НКВД Абхазской АССР [9. С.237]. Им на смену пришли чекисты из Грузии, организовавшие в Абхазии масштабный террор. В 1937–1938 гг. было репрессировано более 2 тыс. представителей политической, культурной и интеллектуальной элиты Абхазии и рядовых граждан. Большинство из них были расстреляны. Поэтому в сознании абхазского народа Большой террор 1930-х гг. ассоциируется прежде всего с Грузией, а не с Россией.

В 1937 г. по инициативе Первого секретаря ЦК КП(б) Грузии Л. Берии в Абхазию начинается организованное переселение грузин из различных регионов союзной республики. Поскольку в Абхазской АССР имелась свободная земля, к переселению в первую очередь привлекались грузинские крестьяне из малоземельных районов Грузии. Порядок подобных переселений был утверждён на общесоюзном уровне. 27 мая 1937 г. ЦК ВКП(б) и Совет Народных Комиссаров (СНК) СССР приняли специальное постановление об организованном

переселении людей [8]. В соответствии с ним 14 сентября 1937 г. при СНК СССР было создано Переселенческое управление. В Грузинской ССР его подразделениями стали Грузпереселенстрой и Абхазпереселенстрой, в чьи функции входило и обеспечение переселенцев жильём. Основными районами заселения в Абхазии были Гагрский, Гудаутский и Очамчирский, причём в последних двух до 1937 г. преобладали этнические абхазы.

Документы свидетельствуют, что к марту 1941 г. в Абхазии уже функционировали 11 переселенческих колхозов, в которые входило 1650 хозяйств [10]. К июню 1940 г. в Гудаутском районе для грузинских переселенцев было построено 300 домов, в Гагрском – 390, в Очамчирском – 660. Переезду грузинских крестьян в Абхазию также способствовало постановление СНК Грузии от 25 апреля 1940 г. «О мерах по дальнейшему развитию чайного хозяйства, цитрусовых культур, виноградарства и качественного виноделия в Грузинской ССР» [9.С.201]. Благодаря переселенцам указанные отрасли сельского хозяйства получили мощный толчок к развитию в Абхазской АССР. Грузинская колонизация региона продолжалась и в период Великой Отечественной войны, и в послевоенные годы. Так, работники Абхазпереселенстроя в пояснительной записке к годовому отчёту за 1947 г. указали, что строительные организации приступили к сооружению 440 домов для будущих новых колхозников [8]. Все указанные переселенческие и строительные мероприятия имели достаточное финансирование.

Грузинские колонисты в Абхазии были выходцами из различных областей Грузии: Мингрелии, Имеретии, Рачи-Лечхуми, Сванетии, Месхетии и Гурии [9.С.214]. В силу географической близости среди переселенцев преобладали мингрелы. Новоприбывшие представляли более 20 районов, 100 сёл и 700 фамилий Грузии. По причине массовых переселений в Абхазию ряд местностей в Грузии опустел, особенно в Раче-Лечхуми. После возвращения в 1957 г. из депортации карачаевцев и балкарцев поселённые на их землях в 1940-е гг. сваны и рачинцы не вернулись на прежние места жительства, а были перемещены в Абхазию, в сёла Мкялрипш Гагрского района, Охурей Очамчирского района и Чубурхиндж Гальского района [10]. После депортации из Абхазии летом 1949 г. местных греков, турок и армян-дашнаков часть домов выселенных также досталась грузинам [9.С.231].

В связи с массовым переселением грузинских крестьян в Абхазию властям приходилось решать вопрос о выделении для них земли под строительство домов и организацию домохозяйств. Первоначально земля под эти цели выделялась на окраинах абхазских сёл [10]. Постепенно грузинские сектора сёл разрастались, многие из них становились отдельными селениями, некоторые получили статус сельсоветов. Новые грузинские сёла обычно имели правильную планировку. С 1941 г. стали практиковаться т.н. «доприселения», когда грузин селили внутри абхазских сёл. Крупные грузинские анклавы возникли в таких изначально абхазских селениях, как Лыхны, Моква, Тамыш, Отхара и ряде других.

В Гагрском, самом западном, районе Абхазии грузинские колонисты расселялись вдоль административной границы с РСФСР по реке Псоу, в нижнем течении реки Бзыбь и частично в Бзыбском ущелье [10]. Грузинская власть таким образом демонстрировала, что Абхазия однозначно входит в её владения, а граница с Россией по Псоу является именно грузино-российской, а не абхазо-российской. Новые грузинские поселения сталинской эпохи располагались в Абхазской автономии чаще всего вдоль стратегически важных дорог и у входов в ущелья. Такой план расселений не был случайным, он подчёркивал грузинское доминирование на абхазских землях.

Переселение в Абхазию представителей различных грузинских этнографических групп должно было также способствовать формированию грузинской социалистической нации. В Абхазской АССР в сталинские годы очень редко возникали исключительно мингрельские или сванские сёла [10]. Контингент жителей в них обычно был смешанным:

грузино-мингрельским, грузино-сванским и т.д., т.е. соблюдалась внутрикартвельская гетерогенность. Это позволяло нивелировать диалектные и культурные различия между абхазскими грузинами. Их дети учились в грузиноязычных школах и активно осваивали грузинский литературный язык. Дело в том, что во всесоюзной переписи 1926 г. мингрелы и сваны значились как отдельные национальности, а перепись 1937–1939 гг. уже фиксирует их всех как грузин.

Точное количество плановых грузинских переселенцев в Абхазии в сталинский период подсчитать сложно. Если же верить всесоюзным переписям, с 1939 по 1959 гг. численность грузин в автономии выросла на 66 тыс. чел. [9.С.235–236]. Однако в предыдущие 40 лет тенденции изменения этнической структуры населения Абхазии были не столь однозначными. Об этом свидетельствует нижеприводимая таблица [4. С. 105].

Удельный вес основных национальных групп в Абхазии по трём переписям (в процентах)

Год переписи	1897 г.	1926 г.	1937–1939 гг.
абхазы	55,3	26,4	18
грузины	24,4	32	29,5
русские	4,8	9,6	19,3

В период с 1926 по 1939 гг. численность грузин в Абхазии выросла, а их удельный вес уменьшился за счёт увеличения доли русского населения края. В указанный промежуток времени численность русских возросла в 3 раза, а удельный вес – в 2 раза, т.е. тенденция русификации региона наряду с его грузинизацией сохранялась. При этом статистические данные по абхазам выглядят удручающе: переписи фиксируют снижение как их численности, так и удельного веса. Это связано с ассимиляционными процессами, особенно в Гальском районе, и имевшими место фальсификациями в ходе переписей населения в Грузинской ССР, в ходе которых при обработке данных численность абхазов искусственно занижалась [1.С.3–4].

Усиление грузинского влияния в Абхазии со второй половины 1930-х гг. ощущалось в различных сферах общественной жизни республики. Оно нашло отражение и в местной топонимике. В 1936–1953 гг. более 150 населённых пунктов в автономии получили новые грузинские названия [9.С.246]. Многие старые наименования стали записывать в грузинской транскрипции. К примеру, с 1936 г. столицу Абхазии Сухум стали официально называть Сухуми. В Абхазской АССР появились новые грузинские названия железнодорожных станций: Церетели, Чавчавадзе, Агараки, Наринджовани и др.

В годы сталинской диктатуры руководство советской Грузии содействовало изменению графической основы абхазского языка. С 1926 г. письменный абхазский язык использовал латиницу. В 1937 г. в абхазской прессе началась кампания в пользу перевода абхазского алфавита на грузинскую графическую основу [4.С.115]. Под давлением Тбилиси окончательный вариант грузинизированного абхазского алфавита был утверждён Абхазским обкомом Компартии Грузии и ЦИК Абхазской АССР в 1938 г. Примечательно, что в 1937–1938 гг. письменность некоторых, в том числе и родственных абхамам, северокавказских народов (адыгов, абазин, чеченцев, карачаевцев и др.) решениями Политбюро ЦК ВКП(б) была переведена с латинской графической основы на русскую [4.С.112]. Несмотря на то, что до 1926 г. абхазы уже использовали кириллический алфавит П. Услара, вопреки общей тенденции в 1938 г. абхазский письменный язык был переведён не на русскую, а на грузинскую графическую основу, что тесно связывало абхазскую культуру с грузинской.

Следующим шагом грузинской культурной экспансии в Абхазии стал перевод абхазских школ на грузинский язык обучения. Вплоть до окончания Великой Отечественной войны абхазские дети, как правило, с 1-го по 4-й класс изучали предметы на абхазском языке, с 5-го класса – на русском [4.С.117]. В 1945/46 учебном году данная схема

кардинально изменилась: с 1-го по 10-й класс абхазские школьники должны были обучаться на грузинском языке. Абхазский язык был лишь одним из предметов, на который отводилось 2 ч в неделю. Подобную дискриминационную образовательную политику по отношению к осетинским школьникам грузинские власти тогда же начали проводить в Юго-Осетинской автономной области.

Грузинизация школьного образования вызвала недовольство в абхазской среде. Абхазы остались верны русско-абхазскому двуязычию и стремились отдавать своих детей в русские школы. Нередкими были случаи, когда абхазский ребёнок вообще не ходил в школу, если в ней преподавание велось на грузинском языке. Многие абхазы, жившие в Гальском и Очамчирском районах на востоке республики, знали мингрельский диалект, но он сильно отличался от грузинского литературного языка [4.С.147]. В абхазских семьях на грузинском языке не говорили. Поэтому школьная языковая реформа затруднила абхазским детям получение среднего образования и уменьшила шансы на поступление в вузы.

Шовинистическая по своей сути политика руководства советской Грузии по отношению к коренному народу Абхазии вызвала протестные настроения в среде абхазской интеллигенции. 25 февраля 1947 г. сотрудники расположенного в Сухуми НИИ им. Н. Я. Марра Г. А. Дзидзария, Б. В. Шинкуба и К. С. Шакрыл направили жалобу на имя секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Кузнецова [4.С.119–120]. В ней говорилось о том, что по решению Совета Министров Абхазской АССР в школах республики прекращено преподавание на абхазском языке. На зданиях госучреждений больше не используются вывески на абхазском языке. С 1941 г. абхазы не имеют возможности слушать радиопередачи на родном языке. Традиционная абхазская топонимика замещается грузинской. Лица абхазской национальности слабо привлекаются к руководящей работе. 4 марта перестали отмечать день установления советской власти в Абхазии. Массовое переселение грузин нарушает этнографическую целостность абхазского народа.

Действенной реакции на данное письмо ни в Москве, ни в Тбилиси не последовало. Тем не менее это был первый акт открытого сопротивления абхазской общественности грузинской культурной и миграционной экспансии. Авторы жалобы едва избежали репрессий. Впоследствии представители абхазской интеллигенции неоднократно выступали в защиту прав своего народа, ища поддержки у союзного центра. Особо следует выделить письмо 1977 г. за подписью 130 чел. [1.С.90].

Апогеем грузинской колонизации Абхазии в середине XX в. стали попытки полного изгнания абхазов с родных земель и лишения их исторических корней на Южном Кавказе. В июне 1949 г. Л. Берия, стоявший у истоков массового переселения грузин в Абхазию в бытность руководителем Грузии, предложил И. Сталину депортировать абхазов в Казахстан и вместо них поселить грузин, в первую очередь мингрелов [11.С.93–103]. Для этой операции уже были подготовлены железнодорожные эшелоны. Однако в последний момент И. Сталин отказался от этого плана, но дал согласие на постепенную ассимиляцию абхазов грузинской культурной средой. А в 1954 г. известный грузинский учёный П. Ингороква выдвинул якобы научно обоснованную теорию, согласно которой средневековые абхазы были грузинами, а настоящие абхазы (апсуа) появились в Абхазии лишь в XVII в. вследствие массового переселения с Северного Кавказа, являющегося их истинной исторической родиной [2]. Но если абхазы в Абхазии в отличие от грузин – более поздние пришельцы, то у них нет в данном регионе никаких особых исторических прав. По сути П. Ингороква идеологически обосновал все виды грузинской колонизаторской политики в Абхазии в предыдущие годы. Некоторые грузинские историки до сих пор придерживаются концепции П. Ингороквы, отказывая абхамам в автохтонности на их исторической родине.

И. Сталина часто обвиняют в насильственной русификации многих народов Советского Союза. Однако именно на годы его правления пришлась наиболее мощная волна грузинской колонизации Абхазии, о которой Я. Гогешавили, Г. Церетели и другие

общественные деятели Грузии второй половины XIX в. могли только мечтать. На наш взгляд, это в первую очередь объясняется грузинским происхождением советского диктатора и его влиятельного сподвижника Л. Берии. При них Грузия как союзная республика и грузины как народ получили серьёзные политические преференции, которые они использовали в том числе и для расширения своего жизненного пространства. В наибольшей степени это ощутили на себе жившие в ГССР абхазы и осетины. Перед абхазами тогда возникла реальная угроза исчезновения как отдельного народа. Об этом свидетельствует высказывание секретаря Абхазского обкома КП(б)Г по вопросам пропаганды И. Тускадзе на XXI областной партконференции в 1947 г.: «...абхазы являются грузинским племенем, как менгрельцы и сваны, и на всём протяжении своей истории были неотъемлемой частью грузинского народа; ...Абхазия была и является неотъемлемой частью Грузии не только политически, но и по своему национальному составу» [12.С.12].

В постсталинские десятилетия советской истории условия для развития абхазского народа стали более благоприятными. С 1954 г. вновь начал использоваться абхазский алфавит на основе русской графики [2.С.215]. 10 июня 1956 г. Президиум ЦК КПСС принял специальное постановление «Об ошибках и недостатках в работе ЦК КП Грузии», в котором фактически признавалась ассимиляторская политика властей ГССР в отношении абхазов, осетин и армян [9.С.256]. Руководству Грузии предписывалось создать необходимые условия для полноценного развития указанных национальных групп, прекратить практику культурных притеснений. После этого сошла на нет насильственная грузинизация абхазских школ, абхазы вернулись к привычному для них русско-абхазскому двуязычию в системе образования и общественной жизни. В Сухумском пединституте открылись кафедры абхазского языка и литературы, активно проводились абхазоведческие исторические исследования.

Тем не менее вплоть до конца 1980-х гг. Абхазия продолжала испытывать миграционное давление со стороны Грузии. Дело в том, что более 90 % предприятий автономии находились в подчинении грузинских республиканских министерств и ведомств [9.С.251]. Это давало возможность партийно-хозяйственной номенклатуре Грузии контролировать переток рабочей силы в Абхазской АССР. Под контролем Тбилиси на абхазские предприятия привлекались трудовые ресурсы из других регионов Грузии. Большое количество грузин работало на заводе «Сухумприбор», Бзыбском заводе ЖБИ, Драндском домостроительном комбинате, Ингурской ГЭС, строительном тресте «Пицундстрой». С середины 1970-х гг. многие грузины переехали в Абхазию благодаря бурному развитию её курортного комплекса. Прежде всего благодаря грузинам в Абхазии функционировал Грузинский субтропический институт, филиалы различных грузинских НИИ.

Статистика свидетельствует, что в последние два десятилетия истории советской Абхазии Грузия проводила политику постепенного вытеснения негрузинского населения из автономии. Если в 1970 г. русских в Абхазии насчитывалось 92,9 тыс. чел., то в 1979 г. – 79,7 тыс. чел. [9.С.252]. Количество абхазских армян за этот же период сократилось на 1,6 тыс. чел., представителей других нацменьшинств – на 5,7 тыс. чел. По данным всесоюзной переписи 1989 г., абхазы в Абхазской АССР составляли всего 17,8 % населения (93,3 тыс. чел.), в то время как грузин насчитывалось 45,7 % (239,9 тыс. чел.). Лишь в одном Гудаутском районе абхазы были самой многочисленной этнической группой, составляя 53,1 % от общего состава местных жителей. Такие демографические показатели не могли не тревожить абхазскую общественность. Правда, союзный центр в постсталинский период содействовал более активному выдвижению абхазов на руководящие должности. Поэтому в 1989 г. из 12 министров республиканского правительства 8 были абхазами и 3 – грузинами [4.С.261]. Из 15 народных депутатов СССР от Абхазии 8 имели абхазское происхождение, 5 – грузинское. Подобное соотношение наблюдалось по всем номенклатурным должностям в автономной республике, что вызывало недовольство уже у грузинской части населения.

Грузино-абхазские противоречия резко обострились в последние годы существования СССР в условиях проводившейся М. Горбачёвым политики демократизации советского общества. Толчком к обострению послужило принятое в 1988 г. постановление ЦК КПГ и Президиума Верховного Совета Грузинской ССР «О государственной программе грузинского языка», предусматривавшее перевод делопроизводства в союзной республике на грузинский язык [12.С.17]. Практиковавшие русско-абхазское двуязычие абхазы и иные нацменьшинства автономии резко воспротивились реализации данного решения грузинских властей в Абхазии. 13 декабря 1988 г. в Сухуми прошёл учредительный съезд Народного форума Абхазии «Аидгылара» [13.С.5], а 18 марта 1989 г. Форум провёл в селе Лыхны 30-тысячный народный сход, который в своей резолюции призвал к выходу Абхазии из состава Грузии и возвращению ей статуса союзной республики [12.С.17]. Затем начались трения по поводу статуса Абхазского государственного университета, а в ночь с 15 на 16 июля 1989 г. произошли столкновения между грузинами и абхазами, приведшие к гибели 17 чел. [13.С.6].

Грузино-абхазский конфликт стал развиваться по наихудшему сценарию в силу несовместимости целей противоборствующих сторон. Если новое руководство Грузии во главе с диссидентом З. Гамсахурдиа выступало за независимость республики и её унитарное устройство, предполагавшее в том числе и ликвидацию автономии Абхазии, то абхазское национальное движение, ведомое известным учёным В. Ардзинбой, боролось за сохранение Абхазии в составе Союзного государства. По сути Абхазия в период распада СССР действовала в унисон с автономными республиками Северного Кавказа, которые стремились сохранить государственное единство с Россией (исключение тогда составила Чечня) и при этом повысить свой политический статус, что привело к т.н. параду суверенитетов. Подобное поведение абхазов в переломную историческую эпоху было обусловлено не только их родством с некоторыми северокавказскими народами. Дело в том, что в предыдущие 100 с лишним лет произошла определённая трансформация абхазского общества, изменилось его отношение к России и восприятие абхазов в самой России. В указанный период абхазский народ достаточно глубоко усвоил русский язык и ценности русской культуры, стал составной частью русского мира, не утратив своего лица. При этом события XX в. продемонстрировали, что наибольшую угрозу для абхазской национальной идентичности и самобытности представляет грузинская колониальная политика, стремление грузинского общества не только внедрить в абхазской среде свой язык, но и произвести полную ассимиляцию абхазов, что в наибольшей степени проявилось в сталинско-бериевский период истории СССР. Поэтому несмотря на ментальную и культурную близость к Грузии в конце XX в. Абхазия сделала свой выбор в пользу ориентации на Россию.

Распад СССР в декабре 1991 г., казалось бы, создавал благоприятные условия для решения абхазской проблемы в рамках территориальной целостности Грузии. Однако пришедший к власти в марте 1992 г. на волне революционных событий в Тбилиси Э. Шеварднадзе не воспользовался своим дипломатическим и управленческим опытом и сделал ставку на силовое подавление абхазского национального движения [13.С.9]. 14 августа 1992 г. в Сухуми вошли войска, подчинённые Государственному Совету Грузии. Это стало началом грузино-абхазского вооружённого конфликта, продолжавшегося до 30 сентября 1993 г. [1.С.92]. Активную помощь абхазами в войне с Грузией оказали многочисленные добровольцы с Северного Кавказа, казаки Юга России и представители абхазо-адыгской диаспоры из Турции и стран Ближнего Востока. Несмотря на военное преимущество, грузинские войска потерпели поражение и вынуждены были покинуть территорию Абхазии.

Война нанесла Абхазии колоссальный урон. Экономические потери республики оцениваются в 10,7 млрд. дол. [14]. Вследствие боевых действий погибло 4 тыс. абхазов и 4 тыс. грузин, ещё 1 тыс. грузин пропала без вести. Опасаясь репрессий, практически всё грузинское население Абхазии (250 тыс. чел.) бежало за пределы бывшей грузинской автономии. Впоследствии лишь части из них с согласия сухумских властей удалось

вернуться в Гальский район Абхазии. Таким образом, абхазские грузины, внёсшие значительный вклад в развитие Абхазии, оказались заложниками жёсткой колонизаторской политики Грузии и пережили в конце XX в. настоящую катастрофу.

По завершении российско-грузинского военного конфликта в Южной Осетии 26 августа 2008 г. президент РФ Д. А. Медведев подписал указ о признании независимости Абхазии [1.С.93]. Однако государства мира в абсолютном большинстве не признали отделение Абхазии от Грузии. В отношении Абхазии были введены международные санкции. Поэтому грузино-абхазский конфликт на сегодняшний день ещё не нашёл своего окончательного разрешения.

В заключении отметим, что Грузия в течение длительного времени стремилась колонизировать абхазские земли, находя для этого исторические обоснования. Первую такую попытку совершили правители Мингрелии в XVII в. Наиболее массовое переселение грузин в Абхазию происходило в сталинско-бериевский период истории СССР. Тогда же реализовывались меры по ассимиляции абхазов грузинской культурной средой. К концу существования СССР грузины стали самой многочисленной этнической группой в Абхазии. Однако грузино-абхазская война 1992–1993 гг. привела к массовому бегству грузин из Абхазии, став для них настоящей трагедией. Грузинская колонизация Абхазии – пример неудачного колонизационного движения в XX в.

Библиографический список

1. **Гицба Т. Ш.** Страна древних абазгов / Т. Ш. Гицба; Абх. нац. гос. музей. – Сухум, 2012. – 192 с.
2. **Лордкипанидзе М., Отхмезури Г.** Статус Абхазии в составе Грузии: к истории вопроса / М. Лордкипанидзе, Г. Отхмезури // Кавказ и глобализация. – Электрон. журн. – 2010. – Т. 4. Вып. 1–2. – С. 205–217. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/status-abhazii-v-sostave-gruzii-k-istorii-voprosa> (дата обращения: 14.03.2019).
3. **Круглякова М. Ю.** Сочи. Черноморская Ривьера России. Исторический путеводитель / М. Ю. Круглякова. – М.: Вече, 2014. – 384 с.
4. **Лежава Г. П.** Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.) / Г. П. Лежава; отв. ред. М. Н. Губогло; Рос. акад. наук, Центр по изуч. межнац. отнош. Инст. этнол. и антроп. – М., 1997. – 349 с.
5. **Ибрагимова З. Х.** Переселение кавказских горцев в Османскую империю как результат российско-турецкого миграционного союза / З. Х. Ибрагимова // Войны на Кавказе – уроки истории: матер. межд. науч. конф. – Сухум: АБИГИ, 2014. – С. 72–87.
6. **Бгажба О. Х., Лакоба С. З.** История Абхазии с древнейших времён до наших дней / О. Х. Бгажба, С. З. Лакоба // Апсоара. История и культура Абхазии. – Электрон. дан. – 2007. – [Электронный ресурс]. – URL: http://www.apsuara.ru/lib_b/bgzb302.php (дата обращения: 02.04.2019).
7. **Салакая С. Ш.** О грузинском факторе в Кавказской войне / С. Ш. Салакая // Войны на Кавказе – уроки истории: матер. межд. науч. конф. – Сухум: АБИГИ, 2014. – С. 67–71.
8. **Цвижба Л.** Переселение грузин в Абхазию в XX веке / Л. Цвижба // Информационно-аналитический центр: Лаборатория общественно-политического развития стран ближнего зарубежья. – Электрон. дан. – М., 4 марта 2011 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://ia-centr.ru/experts/9982/> (дата обращения: 03.04.2019).
9. **Ачугба Т. А.** Этническая история абхазов XIX–XX вв. Этнополитические и миграционные аспекты / Т. А. Ачугба; под ред. Л. Е. Аргуна; Акад. наук Абх., Абхаз. инст. гум. иссл. – Сухум, 2010. – 356 с.

10. Плановое переселение западнотурецких крестьян в Абхазию (1937–1955). – Электрон. дан. – 14 февраля 2014 г. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://nuvba.livejournal.com/30944.html> (дата обращения: 15.04.2019).
11. **Аргун А. Х.** Сталин и Лакоба. Берия и Мегрелия / А. Х. Аргун. – Сухум : ГПП «Дом печати», 2004. – 132 с.
12. **Губогло М. Н.** Язык в идеологии этнической мобилизации / М. Н. Губогло // Лежава Г. П. Между Грузией и Россией. Исторические корни и современные факторы абхазо-грузинского конфликта (XIX–XX вв.) / Г. П. Лежава; отв. ред. М. Н. Губогло; Рос. акад. наук, Центр по изуч. межнац. отнош. Инст. этнол. и антроп. – М., 1997. – С. 5–23.
13. **Авидзба А. Ф.** О политических взаимоотношениях Абхазии и Грузии в предвоенный период (1988–1992 гг.) / А. Ф. Авидзба // Войны на Кавказе – уроки истории: матер. межд. науч. конф. – Сухум : АБИГИ, 2014. – С. 5–11.
14. **Анзин В.** Хронология грузино-абхазского конфликта / В. Анзин. – Электрон. дан. – 2009. – [Электронный ресурс]. – URL: <https://history-is.jimdo.com/война/после-второй-мировой/хронология-грузино-абхазского-конфликта/> (дата обращения: 24.03.2019).

УДК 94(470.324)“1942”

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»

младший научный сотрудник научно-исследовательского управления научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)

М.А. Тишин

Россия, г. Воронеж, тел. 8(951)853-82-20

e-mail: maxim_smith@bk.ru

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный аграрный университет им. императора Петра I»

магистр

Ю.И. Солдатов

Россия, г. Воронеж, тел. 8(951)549-72-21

e-mail: general-soldatov@mail.ru

MESC AF “Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh)

Junior researcher of the research Department of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation)

M.A. Tishin

Russia, Voronezh,

tel. 8(951)853-82-20

e-mail: maxim_smith@bk.ru

Voronezh State Agricultural University N.A. Emperor Peter the Great

master

U.I. Soldatov

Russia, Voronezh, tel. 8(951)549-72-21

e-mail: general-soldatov@mail.ru

М.А. Тишин, Ю.И. Солдатов

БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКИХ ВОЙСК В РАЙОНЕ ВОРОНЕЖСКОГО СЕЛЬСКОХОЗЯЙСТВЕННОГО ИНСТИТУТА В ИЮЛЕ 1942 г.

В статье освещаются боевые действия частей Брянского, а с 7 июля Воронежского фронтов по освобождению территории Воронежского сельскохозяйственного института от немецко-фашистских захватчиков в июле 1942 г. Несмотря на превосходство врага, имевшего численный перевес, советские воины сумели не только выбить противника с очень важного в стратегическом отношении рубежа обороны, но и закрепиться на нем. Показаны примеры героических подвигов, совершенных советскими воинами в районе Воронежского сельскохозяйственного института.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, боевые действия в районе Воронежа, Воронежский сельскохозяйственный институт, 121-я стрелковая дивизия, 41-й пограничный полк НКВД, 233-й полк НКВД, 287-й полк НКВД, П.М. Зыков, А.М. Дюльдин.

M.A. Tishin, U.I. Soldatov

FIGHTING OF SOVIET TROOPS IN THE AREA OF THE VORONEZH AGRICULTURAL INSTITUTE In JULY 1942

The article highlights the fighting of the units of the Bryansk, and from July 7 Voronezh fronts to liberate the territory of the Voronezh agricultural Institute from the Nazi invaders in July 1942. Despite the superiority of the enemy, who had a numerical superiority, the Soviet soldiers were able not only to dislodge the enemy from a very important strategic line of defense, but also to gain a foothold on it. Examples of heroic deeds committed by Soviet soldiers in the Voronezh agricultural Institute are shown.

Key words: Great Patriotic war, combat operations in the Voronezh area, Voronezh agricultural Institute, 121st infantry division, the 41st border regiment of the NKVD, 233 regiment of the NKVD, 287 th regiment of the NKVD, M.P. Zykov, A.M. Duldin.

В июле 1942 – январе 1943 гг. Воронеж и Воронежская область стали ареной кровопролитнейших боев частей Красной Армии с немецко-фашистскими войсками и их сателлитами.

Не менее ожесточенные боевые действия развернулись в районе Воронежского сельскохозяйственного института (ВСХИ), являвшегося важным в военном отношении плацдармом.

Противоборствующие стороны уделяли огромное внимание удержанию ВСХИ за собой. Для немцев, в свете начавшихся в десятых числах июля наступательных операций советских войск, он, как и весь Воронежский плацдарм, представлял удобный для обороны рубеж. Командующий армейской группой «Вейхс» М. фон Вейхс командованию группы армий «Юг», в частности, рапортовал, что «сдача города, даже при его основательном разрушении, дала бы противнику отличный район для сосредоточения его войск для будущего наступления» и что «плацдарм Воронеж является весьма ценным плацдармом для нашего будущего наступления» [1.С.48]. В целом, немецкий генерал «в итоге сопоставления всех преимуществ и недостатков воронежского плацдарма» делал вывод, что его «следует удерживать. Во всяком случае, не следует уменьшать силы, находящихся здесь войсковых соединений» [1.С.49]. Судя по последовавшим за этим рапортом ожесточенным боевым действиям, немецкое командование прислушалось к мнению командующего армейской группы «Вейхс» [2.С.90].

Действительно, как отмечал воронежский краевед А.И. Гринько, студенческий городок располагался на самой высокой точке северо-восточной части Воронежа. Овладев им, противник получил возможность просматривать всю окружающую местность и наносить удары по советским войскам в разных направлениях [3.С.69].

Командир 121-й стрелковой дивизии (сд) генерал-майор П.М. Зыков оборону фашистов в районе ВСХИ позднее описывал так: «Захватив городок, фашисты сразу превратили его в опорный пункт, прочно прикрывающий подступы к городу с севера и северо-востока. Часть огневых точек противник расположил впереди городка. Пулеметные и противотанковые гнезда соединялись глубокими ходами сообщения. Вдоль них тянулась густая сеть проволочных заграждений» [4.С.89].

Советское командование также осознавало большое значение данного рубежа, но в начале июля, т.е. до подхода основных сил, ничего не могло сделать для удержания этого плацдарма. В докладной записке начальника УНКВД по Воронежской области Л.П. Берии «О работе УНКВД по Воронежской области за июль 1942 г.» были подведены печальные итоги: «Южная часть Воронежа и центр города были захвачены немцами в ночь с 5 на 6 июля. 6 июля и в ночь на 7-е немцы захватили северную часть Воронежа (в том числе район Сельскохозяйственного института), небольшими силами захватили неразрушенный Новый мост. В руках советских войск оставались входящие в черту города Воронежа поселки Отрожка, Придача и поселки заводов №18, СК-2 (Левый берег реки Воронежа)» [1.С.38]. Данные записки частично подтверждает командир 125-го полка войск НКВД подполковник П.Н. Беломытцев. По его воспоминаниям, «7 июля отдельные группы автоматчиков противника появились в районе СХИ и даже проникли к мостам» [5.С.21].

Следует подчеркнуть, что этот и другие успехи противника стоили ему больших потерь. Сдавшийся добровольно в плен солдат 533-го полка 383-й немецкой пехотной дивизии Рихард М. 17 июля 1942 г. советскому командованию рассказал следующее: «За десять дней боёв под Воронежем 533-й полк потерял свыше половины своего личного состава. Роты и батальоны обескровлены. Мы потеряли много техники и вооружения. Для примера – в моей роте осталось только три автомата и один пулемёт» [6.С.308].

Несмотря на временный переход инициативы в руки противника, советское командование сразу приступило к активным действиям, не давая возможности врагу основательно закрепиться в захваченном районе. Чтобы лишить немцев важной господствующей высоты, обезопасить Отрожские мосты и создать благоприятные условия для дальнейших боев за Воронеж, оно еще до подхода резервов собрало в единый кулак все наличные силы и бросило их в контратаку на студенческий городок [3.С.70].

Наступление началось 10 июля и велось двумя сводными отрядами. Южную группу, наступавшую со стороны отрожских мостов, возглавил полковник А.М. Дюльдин. В нее вошли остатки 41-го пограничного, 233-го и 287-го полков НКВД, которые свели в один полк. Группе была придана артиллерийско-пулеметная группа во главе с командиром 3-й дивизии ПВО полковником Н.С. Ситниковым. Северной группой руководил командир 121-й стрелковой дивизии (сд) генерал-майор П.М. Зыков. В эту группу вошли поредевшие в ходе отступления подразделения 121-й сд [7.С.71-72].

Нельзя не отметить, что в боевых действиях приняли участие воины 121-й стрелковой дивизии (сд) только что вышедшие из окружения. Так, 8-9 июля в состав дивизии влились 280 бойцов и командиров [8.С.133]. Сложно представить, что они чувствовали в этот момент. Возможно, опасались снова попасть в окружение, а может быть горели желанием отомстить врагу за все принесенные им беды. Как бы то ни было, но все они с честью выполнили поставленную советским командованием боевую задачу.

В ходе упорных и кровопролитных боев цепи атакующих советских войск настойчиво пробивались к СХИ. Одним из первых пробилось к подъезду главного корпуса института отделение сержанта Г. Евтушенко из сводного полка НКВД. В этих боях советские воины, проявляя мужество и смекалку, выбивали врага с оккупированной территории. Красноармейцы Л. Бузаев, А. Якунян, В. Аршба уничтожали солдат и офицеров противника гранатами и очередями из автоматов. В соседнем помещении бойцы Н. Ларин и Г. Коркин дрались с четырьмя немцами врукопашную и в итоге победили их. Продвижению советских воинов мешал в учебном корпусе немецкий пулеметчик. Друзья-ростовчане П. Сорокин и В. Раковский обошли его позицию с тыла и закидали гранатами. Не менее героически действовало отделение разведчиков сержанта Кутаева, уничтожив в трансформаторской будке огневую точку [3.С.70-71].

В тот момент, когда воины южной группы перешли в наступление, с северной стороны район СХИ атаковали части 121-й сд. Они сумели выбить фашистов из зданий лесного института, отрезав врагу пути отступления [3.С.133].

В ожесточенных, но, тем не менее, успешных боевых действиях при освобождении городка ВСХИ отличились многие бойцы и командиры 121-й сд, среди которых следует особо выделить известного снайпера Н. Беляева, разведчиков лейтенанта Яковенко, артиллерийский расчет сержанта Агеева, пограничников Долгова и Борового, а также героев-воронежцев зенитчицу 3-й дивизии ПВО Л. Рябцеву, пулеметчика И. Сухомлинова, артиллериста А. Чернянского и др. [9.С.333].

Нельзя не отметить, что во время штурма советскими войсками ВСХИ в 121-й сд зародилось снайперское движение, развитию которого содействовали командир дивизии генерал-майор П.М. Зыков, командир 383-го стрелкового полка подполковник В.П. Шабанов и другие офицеры [10.С.23]. Зыков П.М. позднее по этому поводу написал следующее: «Перед штурмом СХИ штаб нашей дивизии собрался на совет. И вот тут-то, можно сказать, мы всерьез заговорили о снайперах, которые изматывают врага, сея панику и страх» [4.С.89].

В итоге, благодаря слаженным действиям обеих групп территория институтского городка после тяжелого боя была освобождена от оккупантов. Здание главного корпуса ВСХИ два раза переходило из рук в руки. Около 1500 трупов гитлеровцев насчитали тогда после боя [7.С.72]. Кроме того, в руки советского командования попали документы 28-го немецкого пехотного полка [3.С.72].

Следует подчеркнуть, что советские воины освободили не только территорию сельхозинститута, но и мирное население. В подвалах зданий, отбитых у врага, оказалось много детей, женщин и стариков. Они не успели эвакуироваться и почти трое суток жили на занятой противником территории. Фашисты, шныряя по подвалам, выискивали коммунистов, комсомольцев, преподавателей, отбирали ценные вещи. Освобожденные

жители выбирались из своих убежищ, выражая благодарность своим спасителям. Не ограничиваясь словами, бывшие узники фашистов помогали медицинским работникам эвакуировать и перевязывать раненых. Одной из добровольных помощниц на медпункте 233-го полка стала студентка 1-го курса СХИ по имени Надя. Вместе с врачом Ф.Г. Виноградовым и фельдшером Истоминым она выносила раненых с поля боя, которых первое время размещали в холодном подвале. Комсомолка Надежда в этой связи организовала сбор матрацев, одеял и подушек, чтобы согреть бойцов, потерявших много крови. Жители городка делились с ранеными остатками продуктов [3.С.71].

Необходимо подчеркнуть, что после войны ветераны разных частей и соединений освобождение территории ВСХИ приписывали в основном только своему соединению, почти ничего не упоминая о воинах других полков и подразделений. Так, по данным П.Н. Беломытцева, ВСХИ освободили 9 июля 233-й полк НКВД и 2 роты мотострелковой бригады, которые «сосредоточились в районе мостов. Атака началась в 3 часа ночи – овладели СХИ. Дальнейшее продвижение было остановлено. 10 июля приказом начальника охраны тыла Воронежского фронта все полки НКВД были сведены в один сводный полк НКВД. Генерал-лейтенант Громадин приказал сводному полку НКВД и батальону танков КВ сосредоточиться в районе мостов и СХИ для наступления. В результате решительного наступления полк овладел Берёзовой рощей, стадионом Динамо и был остановлен. Завязались ожесточенные бои» [5.С.22].

Как видим, П.Н. Беломытцев ничего не говорит о воинах 121-й сд. Возможно, под ней он подразумевает «мотострелковую бригаду». Но следует иметь ввиду, что на северной окраине Воронежа сражались воины 18-й мотострелковой бригады (мсбр) 18-го танкового корпуса (тк). Так что, скорее всего речь шла о ней.

В долгу не остался и командир 121-й сд П.М. Зыков, вскользь упомянув только о зенитчиках 3-й дивизии ПВО. Тем не менее, он подробно описал бои по освобождению ВСХИ на страницах своих мемуаров: «Штурм городка СХИ мы начали рано утром, после короткого, но мощного огневого налета нашей артиллерии и минометов. Фашисты ответили сильным контрогнем. Налетела немецкая штурмовая и истребительная авиация. Но наши зенитчики, как говорится, оказались на высоте. Оставляя за собой хвосты дыма, более десятка вражеских самолетов один за другим упали где-то за лесом.

Бой за СХИ продолжался более шести часов. Фашисты дрались, как смертники. Они отлично понимали, что с потерей своей крепости лишаются больших тактических преимуществ в обороне. Каждый дом приходилось брать приступом. Оккупанты цеплялись за каждый угол, за каждый каменный выступ. Главный корпус института дважды переходил из рук в руки. Враг несколько раз поднимался в контратаку, но, встретив дружный меткий огонь, с большими потерями откатывался назад. В полдень 121-я стрелковая дивизия полностью овладела территорией СХИ, а также заняла ботанический сад и городской парк культуры и отдыха. Через полчаса в штаб дивизии поступило донесение: фашисты потеряли убитыми около двухсот солдат и офицеров. Захвачено 25 пулеметов, 6 орудий, 9 минометов, большое количество автоматов и боеприпасов» [4.С.90].

Справедливости ради необходимо отметить, что район ВСХИ освобождали не только пехотинцы, но и танкисты. Об этом, в частности, упоминает ветеран 121-й сд Р.П. Алексюк: «Утром 7 июля 1942 года мы прибыли в район СХИ и с ходу при поддержке танкового батальона вступили в бой. Нам удалось освободить этот район, включавший ботанический сад и городской парк. Поле боя было покрыто трупами немецких солдат. Не обошлось без потерь и у нас. Мы были вынуждены перейти к обороне. Передовая проходила севернее стадиона «Динамо» – южная часть городского парка – областная больница – Задонское шоссе. Эта линия фронта закрепились. Бои продолжались. Кое-где мы пытались наступать, но заметных успехов не было. Наши солдаты понимали, что здесь

мы сковываем врага, отвлекаем большое число частей от Сталинграда. В этих боях был убит мой лучший друг – политрук роты связи Зелик Янкелевич Понизовский, ленинградский рабочий. А я был лишь легко ранен» [11.С.57-58].

Участие советских танкистов в боях за ВСХИ подтверждают и многочисленные наградные документы воинов, совершивших героические подвиги в этом районе. Так, в июльских боях за ВСХИ отличились воины 17-го танкового корпуса (тк). Одним из них является командир танка Т-34 381-го танкового батальона (тб) 174-й танковой бригады (тбр) лейтенант А.И. Барышев. В наградном листе героя говорится, что он со своим экипажем «с 9.7. по 16.7.42 года ходил шесть раз в атаку. В атаках уничтожил: два танка противника, семь противотанковых орудий, одну минометную батарею, шестнадцать пулеметных точек, одну роту пехоты, четыре блиндажа с автоматчиками, один крупнокалиберный пулемет, уничтожил один склад с боеприпасами». За проявленный героизм он был представлен к ордену Ленина [12.С.110].

Также в боях в районе СХИ отличился и командир взвода 381-го тб 174-й тбр лейтенант А.Н. Потапов, который «с 9.07.42 г. по 15.07.42 г. ходил в атаку 5 раз, при этом уничтожил одно орудие, 5 пушек с прислугой, 1 минометную батарею, 14 пулеметных точек, 1 взвод автоматчиков, 4 роты пехоты с автоматчиками, 1 наблюдательный пункт, 2 склада с боеприпасами и выбыл из рощи противника этим самым дал возможность нашей пехоте продвинуться вперед и занял рощу». За этот подвиг он был также представлен к ордену Ленина [12.С.110].

Более полный список соединений, принявших участие в боях за ВСХИ, дал командующий Брянским, а затем Воронежским фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков: «На станцию Отрожка в ночь с 9 на 10 июля от Боево – Олень-Колодезь мы подтянули авангардный 796-й стрелковый полк свежей 141-й стрелковой дивизии, батальон тяжелых танков капитана Маковского, сводный полк НКВД, часть сил 121-й стрелковой дивизии и 9-10 июля нанесли по врагу сильный удар от станции Отрожка на СХИ.

Удар был сильным, но враг крепко сопротивлялся. Тем не менее, район СХИ, учхоз, Архиерейская роща, стадион «Динамо», парк культуры и часть местности юго-западнее кирпичного завода полностью или частично оказались в наших руках. Несколько раз они переходили из рук в руки, но к 11 июля были прочно закреплены за нами» [13.С.18-19].

По мнению воронежского историка В.А. Шамрая, успехи советских войск были более умеренными, поскольку советские войска смогли освободить только район ВСХИ [9.С.333].

Следует иметь ввиду, что все воспоминания участников боев в районе ВСХИ носят субъективный характер и за давностью лет содержат неточности. Участники неправильно указывают дату штурма ВСХИ, называют не всех участников боевых действий. Тем не менее, они подтверждают доблесть и героизм советских воинов, раскрывают накал ожесточенных боев, в ходе которых бойцы и командиры Красной Армии выполнили поставленную боевую задачу.

Как бы то ни было, но совместными усилиями советские войска, преодолевая упорное сопротивление врага, выбили его части из ВСХИ и прилегающих территорий. В уже упоминавшейся нами докладной записке начальника УНКВД по Воронежской области Л.П. Берии были подведены итоги первых дней наступления советских войск, в период которых «контратаками трех полков войск НКВД и полевых войск Красной Армии у немцев были отбиты районы СХИ и окраины северной и северо-западной части Воронежа; у фашистов был также отбит район Нового моста, который немцы взорвали» [1.С.38].

Потерю ВСХИ был вынужден признать на страницах своих воспоминаний немецкий генерал-майор Г. Дёрр: «Воронеж был занят, однако не удалось овладеть расположенным севернее города университетским городком. Не удалось также переправиться через р. Воронеж на восток и перерезать важную железную дорогу Москва – Ростов, ведущую с севера на юг» [14.С.418].

Исследователь В.А. Шамрай подвел итоги боев за ВСХИ. По его данным, немецкий гарнизон был разбит и понес большие потери, иначе немцы просто не оставили бы такой выгодный пункт в создаваемой ими системе обороны захваченной правобережной части Воронежа. Части вермахта потерпели первое, пусть локальное, но оттого не менее неожиданное и унижительное поражение в сражении за город от его малочисленного и сильно обескровленного гарнизона и остатков героической и многострадальной 40-й армии [9.С.334].

После изгнания оккупантов освобожденная территория стала местом командных и наблюдательных пунктов, базой снабжения частей переднего края, сосредоточением резервов, перевалочной точкой при эвакуации раненых. Противник днем и ночью бомбил и обстреливал городок, продолжая увеличивать его разрушения.

Символично, что, несмотря на большие разрушения, причиненные пожарами, снарядами и бомбами главному корпусу СХИ, не пострадала скульптурная фигура В.И. Ленина, установленная над главным входом в здание. Глядя на эту скульптуру, бойцы говорили: «Ильич стоит, значит, Воронеж живет и борется. Фашисты никогда не овладеют им». Когда на переднем крае появлялся кто-нибудь из постоянных обитателей СХИ, красноармейцы обязательно спрашивались, цела ли скульптура Ленина. А узнав, что цела, еще смелее били врага [3.С.72-74].

Подводя итог, следует отметить, что бои за ВСХИ, по сути, стали первыми, когда советские войска не только отступили, но и, перейдя в решительное наступление, освободили захваченную врагом территорию. Боевые действия в этом районе убедительно доказали, что противника можно победить, только тогда, когда в рядах наступающих присутствуют сплоченность и вера в победу. Несмотря на пошатнувшийся авторитет, советское командование смогло сохранить веру бойцов и командиров в правильность принятых ими решений, результатом которых стало успешное продвижение вперед. Многие советские воины за этот успех заплатили большую цену, отдав свои жизни. В настоящее время их останки покоятся в братских могилах №16, 17, 18 и 19, над которыми возвышаются величественные памятники. Студенты и преподаватели ВГАУ, а также жители микрорайона ежегодно приносят сюда цветы в знак благодарности за освобождение их от рабства, уготованного немецко-фашистскими захватчиками.

Библиографический список

1. **Шендриков Е.А.** 195-я стрелковая дивизия в боях за Воронеж в июле – октябре 1942 г. / Е.А. Шендриков. – Изд. 2-е испр. – Воронеж: Роза ветров, 2016. – 370 с.
2. **Шендриков Е.А.** Отчет М. фон Вейхса о действиях армейской группы «Вейхс» на воронежском направлении в июне-июле 1942 г. / Е.А. Шендриков. // Вопросы истории. 2015. №5. – С.73-98.
3. **Гринько А.И.** Линия Ратной Славы / А.И. Гринько. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1988. – 175 с.
4. **Зыков П.М.** На огненной черте / П.М. Зыков. / Воронежское сражение. – Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 1968. – С.89-95.
5. Из воспоминаний о боях за Воронеж командира 125-го полка подполковника Петра Николаевича Беломытцева / И память отзовется болью. Письма, воспоминания, документы. – Воронеж: ИСТОКИ, 2003. – С.20-23.
6. **Шендриков Е.А., Воищев В.С.** Великая Отечественная война 1941 – 1945 гг.: взгляд победителей, побежденных и зарубежных исследователей / Е.А. Шендриков, В.С. Воищев. – Изд. 3-е, испр. и доп. Воронеж: Роза ветров, 2019. – 748 с.

7. **Кононов В.И.** Воронеж. История города в памятниках и мемориальных досках / В.И. Кононов. Вступит. статья Б.М. Скрынникова. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2005. – 352 с.
8. **Шендрик Е.А.** Боевые действия в районе Воронежа в июле 1942 – январе 1943 гг.: сборник научных статей / Е.А. Шендрик. – Воронеж: [б. и.], 2012. – 224 с.
9. **Шамрай В.А.** Сражение за Воронеж. Оборонительный период (28 июня – 11 июля 1942 г.) / В.А. Шамрай. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. – 440 с.
10. **Шендрик Е.А.** «Снайпер бьёт издалека, но всегда наверняка!» Снайперское движение в 60-й армии во второй половине 1942 года // Военно-исторический журнал. 2013. №11. – С.23-25.
11. «Была бы Родина...»: Воспоминания. Документы. Дневники. Письма: Воронежский университет в годы Великой Отечественной войны / Сост. Л.Е. Кройчик. – Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1995. – 192 с.
12. **Шендрик Е.А.** 17-й танковый корпус в боях за Воронеж в июле 1942 г. / Е.А. Шендрик. / Теория и практика инновационных технологий в АПК: материалы научной и учебно-методической конференции профессорско-преподавательского состава, научных сотрудников и аспирантов Воронежского государственного аграрного университета имени императора Петра I. Секция «Гуманитарные и социально-политические науки» 16-17 января и 13-14 марта 2014 г. / Колл. Авторы; под общей редакцией доктора исторических наук, профессора В.Н. Плаксина. – Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2014. – С.108-111.
13. **Голиков Ф.И.** В боях за Воронеж / Ф.И. Голиков. / Воронежское сражение. – Воронеж: Центрально-Черноземн. кн. изд-во, 1968. – С.5-26.
14. Роковые решения: Сб. – СПб.: ООО «Издательство «Полигон», 2004. – 637 с.

УДК 94

*Воронежский государственный университет
аспирант исторического факультета
И. Хамида
Россия, г. Воронеж
e-mail: ismail.hameda@yandex.ru*

*Voronezh State University
Postgraduate of History Department
Hamida E.
Russia, Voronezh
e-mail: ismail.hameda@yandex.ru*

И. Хамида

ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ СИРИЙСКО-СОВЕТСКИХ ОТНОШЕНИЙ (1944 – 1991)

Автор анализирует основные особенности и направления развития отношений между Сирией и СССР в советский период. Предполагается, что Сирия стала основным политическим и стратегическим партнером Советского Союза в регионе. СССР руководствовался идеологическими соображениями, развивая отношения с Сирией. Сирия была более рациональна и прагматична в своих отношениях с СССР. Советский Союз активно помогал Сирии развивать экономику и вооруженные силы. СССР поддерживал Сирию политически и идеологически в периоды обострений отношений с Израилем.

Ключевые слова: СССР, Сирия, двусторонние отношения, военная и экономическая помощь, сотрудничество.

E. Hamida

MAIN DIRECTIONS AND FEATURES OF SYRIAN-SOVIET RELATIONS (1944 – 1991)

The author analyzes the main features and directions of development of relations between Syria and Russia in the Soviet period. It is assumed that Syria has become the main political and strategic partner of the Soviet Union in the region. The USSR used ideological considerations, developing relations with Syria. Syria was more rational and pragmatic in its relations with the USSR. The Soviet Union helped Syria develop its economy and armed forces actively. The USSR supported Syria politically and ideologically during periods of aggravated relations with Israel.

Key words: USSR, Syria, bilateral relations, military and economic assistance, cooperation.

История отношений между Сирией и Россией насчитывает несколько десятилетий, и первые двусторонние контакты были установлены еще в советский период [6;7;26]. Отношения между Советским Союзом и Сирией начались в середине 20-го века, когда Советский Союз поддержал независимость Сирии от французской оккупации [20]. На протяжении советского времени отношения между Советским Союзом и Сирией развивались в нескольких направлениях, включая двусторонние советско-сирийские политические, военные, экономические, научные и культурные отношения и контакты. Принимая во внимание специфику развития международной ситуации в период холодной войны, политическое и идеологическое противостояние СССР и США [23;24;27], противоречия между ними на территории третьих, в особенности – развивающихся, стран военные двусторонние советско-сирийские отношения имели особое значение.

Дипломатические отношения между Россией и Сирией были установлены в 1944 году после провозглашения независимости Сирии.

Москва, несмотря на сопротивление со стороны Великобритании и других западных стран, настаивала на включении арабской страны в список стран-основателей ООН. Будучи постоянным членом Совета Безопасности ООН в 1946 году, Советский Союз поддержал требование Сирии вывести британские и французские войска [15]. Советско-сирийское военное сотрудничество, начавшееся в 1950-е годы [2], предусматривало помощь СССР Сирии, с одной стороны, для ее противостояния с Израилем, а, с другой, в процессе строительства и развития вооружённых сил и защите Сирии через:

- направление на территорию этой страны советских военных специалистов
- поставок военной техники и вооружения (Советский Союз экспортировал в Сирию танки Т-62, самолеты Су-7, МиГ-23 и МиГ-25, 130-мм артиллерийские системы, ракетные комплексы «Стрела», ОТРК «Точка», ЗРК «Оса», ЗРК «Стрела-1», ЗРК С-200 и различные модификации ПТУРСов), а также организацию лицензионного производства советского оружия и военной техники на территории Сирии;
- обучения сирийских курсантов в советских военных учебных заведениях
- работу советских военных специалистов в специализированных учебных заведениях на территории Сирии;
- направления на территорию Сирии военного контингента, который включал 716-й зрп (1973 г.), а также 220-й и 231-й зрп (1983 г.)
- участие в строительстве и поддержании военной инфраструктуры на сирийской территории

Между Сирией и бывшим Советским Союзом существовали тесные связи, во-первых, из-за пересечения интересов, а во-вторых, из-за идеологической конвергенции, что позволило сторонам многократно решать многие тактические и стратегические вопросы [14]. Активное торговое сотрудничество между Россией и Сирией началось в 1957 году. Советский Союз построил 63 проекта, наиболее важными из которых являются гидроэлектростанции на реке Евфрат и акведук с гидроэлектростанцией Баас, а также водный объект с гидроэлектростанцией Тишрин и первой ступенью гидроэлектростанции Тешрин 1,5 тыс. км железных дорог и 3,7 тыс. км линий электропередач и строительство ряда ирригационных сооружений. Советский Союз открыл нефтяные месторождения в северо-восточной Сирии и создал трубопровод для транспортировки нефтепродуктов между Хомсом и Алеппо на длину 180 км и заводом химических удобрений, который позволял производить 22% электроэнергии, 27% нефти и 70 000 гектаров орошаемых земель [18].

Советское военное присутствие началось в Сирии в 1963 году, где он получил право советского военно-морского присутствия флота, технического обслуживания и дозаправки в сирийском порту Тартус на Средиземном море [17]. В истории советско-сирийских отношений следует выделять два этапа, а именно:

- середина 1950-х – середина 1970-х – периодическое сотрудничество в форме единовременной советской военной помощи, включая отправку военных советников и переводчиков, а также поставок военной техники
- середина 1970-х – начало 1990-х – систематическое сотрудничество, которое предусматривало регулярную военную помощь с советской стороны, включая отправку военных советников и переводчиков, а также поставок военной техники в силу того, что к началу 1980-х годов Сирия стала основным военно-политическим союзником Советского Союза в регионе.

Сирия покупала 10% от общего объема советского экспорта вооружений, а советское вооружение составляло 90% вооружения, принадлежащего Сирии [19]. Таким образом, к началу 1990-х годов в Сирию со стороны СССР было поставлено вооружений на сумму 26 млрд долларов, включая 65 ракетных комплексов тактического и оперативно-тактического назначения, 5 тыс. танков, 1200 самолётов, 4200 артиллерийских орудий и миномётов, 70

боевых кораблей и катеров – поэтому, к началу 1990-х годов вооруженные силы САР были оснащены советским вооружением на 90 % [1].

Советский Союз также выступил с многочисленными заявлениями, требуя, чтобы Израиль прекратил свою агрессию в отношении арабских стран, включая Сирию, и предостерегал против нее [19]. В войнах 1967 и 1973 годов между арабскими государствами и Израилем Советский Союз вмешался, чтобы защитить Сирию, предупредив Израиль от вторжений на сирийскую границу. Советы также снабжали сирийские вооруженные силы оружием и боеприпасами в обмен на то, что они потеряли в двух войнах. Большинство руководителей сирийских вооруженных сил прошли обучение в Советском Союзе и приняли советскую военную доктрину при подготовке и организации сирийских вооруженных сил. В частности, президент Хафез аль-Асад, когда он был молодым летчиком в 1950-х годах, тренировался в Советском Союзе [17].

Сирия – это окно России на Средиземное море. В советское время группа советских военных кораблей постоянно находилась в Средиземном море, особенно с 1967 года [20]. Со времени обретения независимости Советский Союз первым признал ее и установил с ней дипломатические отношения, достигнув уровня стратегического альянса с приходом покойного президента Хафеза Асада в 1970 году [16]. Советский Союз предоставил Сирии политическую и военную поддержку в ее конфронтации с Израилем вопреки той огромной поддержке, которую Израиль получил от Соединенных Штатов и некоторых западных стран [17]. Подъем отношений между двумя странами до уровня альянса, в то время как Садат вытеснил Советов из Египта, побудил Кремль оказывать все виды политической, экономической и военной поддержки сирийцам, способствуя строительству инфраструктуры сирийской экономики, особенно в ее стратегических отраслях, таких как энергетика, добыча полезных ископаемых и ирригация. К началу 1980-х годов назрела необходимость вывести двусторонние отношения между Сирией и СССР на новый этап развития, проявлением стремления к чему стало заключение Договора от 08 октября 1980 года «О дружбе и сотрудничестве между СССР и Сирийской Арабской Республикой» [11]. На протяжении десятилетий Советский Союз являлся первым полюсом в международных экономических, военных и даже культурных отношениях Сирии [20].

В дополнение к военной поддержке советское руководство оказывало Сирии политическую поддержку на международных форумах, а Советский Союз способствовал строительству инфраструктуры сирийской экономики, особенно в ее стратегических отраслях, таких как энергетика и горнодобывающая промышленность. И эти две страны сочли, что их сотрудничество совместимо с их общими интересами, однако в некоторых областях между двумя сторонами существовали различия. Эти разногласия касались степени поддержки, которую Советский Союз мог предложить Сирии [17].

Договор 1980 года, который стал основой для развития двусторонних отношений между СССР и Сирией, предусматривал и декларировал «неуклонно развивать и укреплять дружбу и сотрудничество между обоими государствами и народами в политической, экономической, военной, научно-технической, культурной и других областях на основе принципов равноправия, взаимной выгоды, уважения суверенитета, национальной независимости и территориальной целостности, невмешательства во внутренние дела друг друга» [4]. Кроме этого, Договор осуждал сионизм, предусматривал сотрудничество «с другими государствами в деле оказания поддержки справедливых чаяний народов в их борьбе против империализма, за окончательную и полную ликвидацию колониализма и расового господства, за свободу и социальный прогресс» [4]. Статья 8 Договора обозначала основные сферы сотрудничества между СССР и САР, которые включали

- укрепление и расширение взаимовыгодного экономического и научно-технического сотрудничества

- обмен опытом в области промышленности, сельского хозяйства, ирригации и водных ресурсов, использования нефти и других природных ресурсов, а также в области связи, транспорта и других отраслях экономики,
- сотрудничество в подготовке национальных кадров
- расширение торговли и мореплавания на основе принципов равенства, взаимной выгоды и наибольшего благоприятствования [4].

Договор 1980 года был дополнен спустя несколько лет, в 1984 году, «Договором между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам» [4].

В 1963 году в порту Тартус был создан центр технической поддержки советского военно-морского флота, но поддержка была прекращена в 1990-х годах при Горбачеве и Ельцине, а также после распада Советского Союза [16]. Важной формой развития сирийско-советских отношений была деятельность Группы советских военных специалистов в Вооружённых силах Сирии (سورية [airwusla taibaraela tahalasumla tawwuqla if tiifwusla nyiiraksaela 'arabuhkla taeumjam]). Первые советские военные советники в Сирии появились в 1956 году. Деятельность советских военных советников регламентировалась и включала в себя:

- помощь в применении Сирией оружия и военной техники советского производства;
- контроль над осуществлением военных поставок;
- вынужденное участие в вооружённых конфликтах.

Советско-сирийские отношения носили сложный характер, несмотря на их глубокое содержание, идеологическое противоречие оставалось фактором давления и иррациональной проблемой [20]. На протяжении второй половины 1960-х – первой половины 1980-х годов советские военные советники, которые находились на территории Сирии, принимали участие в нескольких военных конфликтах, фактический воюя на стороне сирийской армии или помогая ей в организации и планировании военных операций. Эти конфликты, где участвовали советские военные советники, были следующими:

- Шестидневная война: 5 – 13 июня 1967 года
- Война на истощение: март-июль 1970 года
- Война в воздухе: сентябрь-ноябрь 1972 года
- Война Судного дня: 6 – 24 октября 1973 года [3; 8]
- Ливанская война (1982 год) [12]
- Оккупация и морская блокада Ливана силами НАТО (1983 год)

Деятельность Группы советских военных специалистов в Вооружённых силах Сирии имела несколько особенностей, а именно:

- активность военных советников носила локальный характер,
- в ходе деятельности советников был использован аналогичный опыт Вьетнамской войны,
- советские военные советники не всегда были в курсе планов сирийской стороны [13].

Группа советских военных специалистов в Вооружённых силах Сирии возглавлялась Главным военным советником, аппарат которого имел следующую структуру:

- заместитель ГВС по политической работе в звании генерал-майора
- секретарь объединённой профорганизации в звании полковника
- лектор-пропагандист в звании полковника
- начальник оперативного отдела в звании полковника с 2-3 офицерами;
- начальник финансового отдела с 2 офицерами;
- офицер, выполнявший административно-хозяйственные функции с прапорщиком;

- референт-переводчик – начальник военных переводчиков;
- офицер по секретному делопроизводству;
- начальник особого отдела с двумя офицерами;
- начальник узла связи
- офицеры-связисты
- подразделение советских солдат-связистов срочной службы [5; 9; 10]

В число обязанностей главного военного советника входило

- участие в рабочих встречах с Верховным главнокомандующим ВС САР (Президентом Сирии)

- участие в учениях, работа в войсках и на флоте
- участие в рабочих встречах с Министром обороны САР
- участие в рабочих встречах с заместителями Министра обороны САР
- участие в рабочих встречах с начальником Генерального штаба ВС САР
- участие в рабочих встречах с командующим ВВС и ПВО САР
- участие в рабочих встречах с командующим ВМФ САР
- участие в рабочих встречах с начальниками управлений МО и ГШ ВС САР
- участие в рабочих встречах с начальником политуправления ВС САР
- работа в дивизиях, бригадах и полках ВС САР
- беседы и обмен мнениями с командирами частей и соединений ВС САР [9; 10]

Отношения между СССР и САР были тесными во время холодной войны, когда режим вступил в союз с Советским Союзом, хотя он не порвал с американским империализмом и сосредоточил свои экономические отношения с Европой [21]. Советский Союз не получал наличные деньги из Сирии на постоянной основе за поставки вооружения: некоторые виды оружия были переданы в форме бартера, а некоторые из них были доставлены сирийцам в виде помощи при бесплатной технической поддержке [20]. Наряду с военными советниками на территории САР находились и советские военные переводчики, которые, как правило, являлись выпускниками ВИИЯ – Военного института иностранных языков – или, что реже, Восточного факультета ЛГУ или ИСАА МГУ. Военные переводчики работали вместе с советниками в воинских частях. Переводческая компонента в деятельности советских военных советников в Сирии была сопряжена с некоторыми трудностями, а именно:

- число арабистов, которые выпускались советскими университетами, было относительно невелико и, поэтому, существовал дефицит кадров;
- уровень владения арабским языком в его литературной норме был крайне различным;
- уровень знания разговорного арабского языка и тем более – сирийского диалекта – был крайне незначительным, особенно – на раннем этапе пребывания в САР;
- военные переводчики были вынуждены в крайне сжатые сроки осваивать специальную терминологию; военные переводчики получали задания в независимости от времени, которое было необходимо для выполнения качественного перевода;
- многие сирийские офицеры воспринимали переводчиков как гражданскую прислугу, если даже те имели воинские советские звания.

Советские военные советники в своей работе на территории САР сталкивались с многочисленными сложностями, включая:

- наличие пробелов в полевой выучке и в подготовке командиров и штабных офицеров ВС САР;
- неспособность подразделений ВС САР действовать в составе соединений;
- отсутствие дивизионных тактических учений в программе боевой подготовки ВС САР;

- постоянное отставание пунктов управления от действующих частей ВС САР [25].

Несколько политических факторов стимулировали развитие двусторонних отношений между СССР и Сирией, включая:

- общий идеологический раскол мира и военно-политическое и идеологическое противостояние между СССР и США;
- необходимость противостояния региональным союзникам США в регионе Ближнего Востока, в первую очередь – Государству Израиль, хотя поражение Сирии в войне с Израилем или гипотетическая победа Израиля были в одинаковой степени выгодны для СССР, так как позволяли в обоих случаях еще более крепко «привязать» сирийское руководство к зависимости от советской военной помощи;
- стремление не допустить радикальных изменений в расстановке военно-политических сил, так как арабские страны не были в состоянии самостоятельно и эффективно противостоять Армии обороны Израиля;
- понимание политическим руководством СССР необходимости военного и политического присутствия в Сирии как стратегически важном регионе, так как наличие военной базы 5-й Средиземноморской эскадры ВМФ СССР позволяло охватить южный фланг НАТО [22];

- стремление советских политических элит занять свою нишу на рынке вооружений арабских стран, потеснив оттуда западных, в первую очередь – американских конкурентов;

Сирия была единственным арабским государством, чья военная структура все еще почти полностью милитаризована при помощи СССР, и это было не похоже на то, что произошло в Египте, который с начала 1970-х годов склонялся к западной милитаризации [20]. Подобная ситуация в отношениях между Сирией и СССР сохранялась до конца 1980-х годов, когда Советский Союз был вынужден радикально изменить свою внешнюю политику, в том числе – и в отношении своих ближневосточных союзников, включая Сирию.

Подводя итоги статьи, следует помнить, что несколько факторов определили постепенное сворачивание и значительное сокращение двусторонних отношений между Сирией и СССР. Эти факторы были следующими: начало экономического кризиса в СССР и осознание советским руководством необходимости решать внутренние проблемы, а не оказывать помощь политическим и идеологическим союзникам в ущерб экономическим интересам; разрядка в отношениях между СССР и США, что привело к тому, что советские элиты пожертвовали некоторыми своими внешнеполитическими союзниками; осознание советскими элитами необходимости развития дипломатических отношений с Израилем, что было маловероятно без сокращения связей с арабскими союзниками; победа экономической логики над политической и идеологической, что привело к отказу СССР продавать оружие ближневосточным союзникам, в том числе – Сирии, по себестоимости, вынудив начать расчеты в рыночных ценах, что привело к сокращению военного сотрудничества.

Библиографический список

1. Военно-техническое сотрудничество России и Сирии. Досье [Электронный ресурс]. – URL: <https://tass.ru/info/2305654>
2. **Войтенко И.** Как Москва защитила Сирию. Ситуация, аналогичная сегодняшней, складывалась в регионе и в 1957 году / И. Войтенко // Столетие. – 2013. – 17 июня [Электронный ресурс]. – URL: http://www.stoletie.ru/territoriya_istorii/kak_moskva_zashhitila_siriju_322.htm
3. **Дегтярёв А.П., Сёмин В.П.** Локальные войны и военные конфликты в странах Азии, Ближнего востока и Африки (60 – 90-е гг. XX в.) / А.П. Дегтярёв, В.П. Сёмин // Россия в войнах и вооружённых конфликтах: справочник. – М.: Изд-во «Граница», 2004.

4. Договор о дружбе и сотрудничестве между Союзом Советских Социалистических Республик и Сирийской Арабской Республикой, 8 октября 1980 г. [Электронный ресурс]. – URL: http://www.businesspravo.ru/Docum/DocumShow_DocumID_80062.html
5. **Качко С.И.** На новом месте службы / С.И. Качко // Воины-интернационалисты. ПВО Страны – забытые полки. – М.: Союз ветеранов Сирии, 2012. 68 с.
6. **Примаков Е.** Ближний Восток на сцене и за кулисами / Е. Примаков. – М., 2006.
7. **Примаков Е.** Конфиденциально: Ближний Восток на сцене и за кулисами (вторая половина XX – начало XXI века) / Е. Примаков. – М., 2012.
8. Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / ред. **В.А. Золотарёв.** – М.: Институт военной истории МО РФ – Кучково поле – Полиграф-ресурсы, 2000. – 576 с.
9. **Терещенко М.Н.** Миссия в Дамаск. Заметки главного военного советника в Сирии / М.Н. Терещенко // Военно-исторический журнал. – 1994. – № 2. – С. 25 – 34.
10. **Терещенко М.Н.** Полвека на службе родине, или Крутые повороты судьбы: воспоминания / М.Н. Терещенко. – М.: «Ваш выбор ЦИРЗ», 1996. 391 с.
11. **Юрченко В.П.** Советско-сирийское политическое и военное сотрудничество: некоторые итоги / В.П. Юрченко // Сирия: проблемы национальной безопасности (военная политика и военное строительство в период правления ПАСВ 1963 – 2004 гг.). М.: Институт изучения Израиля и Ближнего Востока, 2004.
12. **Ярёменко В.А., Почтарёв А.Н., Усиков А.В.** Сирия в арабо-израильской войне (1982 г.) / В.А. Ярёменко, А.Н. Почтарёв, А.В. Усиков // Россия (СССР) в локальных войнах и военных конфликтах второй половины XX века / ред. В. А. Золотарёв. – М.: Институт военной истории МО РФ – Триада-фарм, 2002. – С. 476 – 581.
13. **Яшкин Г.П.** Мы воевали в Сирии // Вестник ПВО. Ежемесячный журнал Войск противовоздушной обороны СССР. – 1988. – № 4.
14. alealaqat alsuwriat alruwsiat fi mizan almasalih almushtaraka (Сирийско-российские отношения в балансе общих интересов) [Электронный ресурс]. – URL: <https://al-akhbar.com/Opinion/203263>
15. alealaqat alsuwriat alruwsiat: syasyaan weskryaan waqtsadyaan wthqafyaan (Сирийско-российские отношения: в политическом, военном, экономическом и культурном отношениях) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.dampress.net/index.php?page=show_det&id=21133
16. altaeawun aleaskariu alruwsiu alsuwriu (Российско-сирийское военное сотрудничество) [Электронный ресурс]. – URL: <http://levantri.com/> (на арабском языке)
17. dirasuh fi alealaqat alsuwriih alruwsiih (История сирийско-российских отношений) [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.ahewar.org/debat/show.art.asp?aid=544099&r=0> (на арабском языке)
18. lamhat tarikhiat ean alealaqat alruwsiat alsuwria (История российско-сирийских отношений) [Электронный ресурс]. – URL: http://www.neworientnews.com/archive1/news/fullnews.php?news_id=3942
19. mkant suria fi alsiyasat alkharijiat alruwsia.. nazratan tarikhiatan (Позиция Сирии в российской внешней политике: историческая перспектива) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.sasapost.com/opinion/syrias-position-in-russian-foreign-policy-historical-perspective/> (на арабском языке)
20. qisat alealaqat alsuwriat alruwsia (Советско-сирийские отношения) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aljazeera.net/knowledgegate/opinions/2014/2/4/> (на арабском языке)
21. suria warusia wahudud alealaqa "alhmimat" (Сирия и Россия: границы отношений) [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.aljazeera.net/knowledgegate/opinions/2013/2/13/> (на арабском языке)

22. **Blechman B., Kaplan S.** Force Without War: U. S. Armed Forces as a Political Instrument / B. Blechman, S. Kaplan. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 1978. 584 p.
23. **Kinsella D., Tillema H.K.** Arms and Aggression in the Middle East: Overt Military Interventions, 1948 – 1991 / D. Kinsella, H.K. Tillema // Journal of Conflict Resolution: Academic Monthly Journal. – 1995. – Vol. 39. – No 2. – P. 306 – 329.
24. **Mangold P.** Superpower Intervention in the Middle East / P. Mangold. – L.: Croom Helm Ltd., 1978.
25. **Porter B.D.** The Yom Kippur war: The role of Soviet and East European advisers / B.D. Porter // The USSR in Third World Conflicts: Soviet Arms and Diplomacy in Local Wars 1945-1980. N.Y.: Cambridge University Press, 1986.
26. **Primakov E.** Russia and the Arabs: Behind the Scenes in the Middle East from the Cold War to the Present / E. Primakov. – NY: Basic Books, 2009.
27. **Siegel A.B.** Regional Distribution of U.S. Navy Crisis Response Activity / A.B. Siegel // U.S. Navy Crisis Response Activity, 1946 – 1989. – Alexandria, Virginia: Center for Naval Analyses, 1989. – P. 13 – 43.

УДК 93

*Воронежский государственный университет
студентка 3 курса исторического факультета
А.А. Шамедько
e-mail: anastasia.samedko@gmail.com
тел.: 8 (920) 411-66-50*

*Voronezh State University
The third year student of history Department
A. A. Shamedko
e-mail: anastasia.samedko@gmail.com
tel.: 8 (920) 411-66-50*

А.А. Шамедько

**МИФОЛОГИЧЕСКИЙ ОБРАЗ РУСАЛКИ В РУССКИХ НАРОДНЫХ
ПОВЕРЬЯХ И СУЕВЕРИЯХ**

В статье рассматривается проблема локальных представлений о внешнем облике русалок на основе этнографического материала – быличек и бывальщин, а также проблематика выявления общерусского образа русалки как одного из ключевых персонажей славянского демонологического пантеона.

Ключевые слова: русалки, мифологический образ, былички, бывальщины, славянская демонология.

A.A. Shamedko

**MYTHOLOGICAL IMAGE OF MERMAID IN RUSSIAN FOLK BELIEFS AND
SUPERSTITIONS**

This article deals with the problem of local ideas about mermaids' visage, that made with helping of ethnographical material – “bylichki” and “byval'shchiny”, and also an issue of identification the general image of Russian mermaid as one of the fundamental character of Slavonic demonological pantheon.

Key words: mermaids, mythological image, bylichki, byval'shichiny, slavonic demonology.

Для языческих народов древности вода или водная стихия являлась необходимой для существования, в любое время года она была путем, питала почву и давала жизнь растениям. В силу такой значимости воды возникло верование, что священные в язычестве реки населены особыми существами и стоящим во главе божеством. Речные нимфы или богини, известные у славян как «русалки» часто получали свои названия от рек. Поверья о русалках объединяет один общий источник, а на разнообразие их характеристик повлияли: климат, почва, условия жизни, образованности, дух народности.

Доказательствами того, что поверья о русалках существовали еще в древности, служат упоминания о жертвоприношениях рекам, болотам, колодезям. Но русалка, бывшая в языческом мире речной богиней, хозяйкой разнообразных сокровищ и чаровницы, в христианском мире уже является человеку озлобленной на человеческий род. Народ считает эти создания чародейками и гадательницами, привлекающими спутников. Существует множество мнений о происхождении самого слова «русалка»: от русла реки, от роскошных русых волос (по другим же поверьям – они зеленые).

Отдельную проблему составляет выявление и тщательный анализ характерных и общерусских черт образа русалок, распространенность поверий о них на основе источников дореволюционного периода – быличек и бывальщин, записанных в разных регионах Российской империи.

Следует сказать, что данная тема ввиду того, что проблематика поставлена достаточно узко, в отечественной науке изучена не так хорошо – как конкретных, узкопрофильных, так и обобщающих работ по этой теме нет, поэтому вспомогательной литературой послужили работы, где мифологический образ русалки рассматривается не напрямую, а затрагивается как смежная проблема.

Однако, отталкиваясь именно от них, стоит начать с того, что, по мнению С. В. Максимова, наиболее подробные и точные сведения о русалках следует искать именно на юге, тогда как «в Великороссии» миф значительно изменился. В южнорусских и малорусских землях, например, русалки по большей части – это девочки, умершие до крещения; они больше шаловливы, чем злы. «Большую частью», они молоды, стройны, хороши собой. Ходят нагие или белых сорочках, но без пояса, волосы распущены (русые или зеленые) [1.С. 85]. В. И. Даль, обобщая образ южнорусских русалок пишет: «На юге русалка взрослая девушка, красавица». Также и Н. А. Маркевич, анализируя украинские народные песни, выделяет частые упоминания их красоты в южнорусских и малорусских свидетельствах: прелестны собой, нагие в венках из осоки и древесных ветвей, бледны, но обладают восхитительными чертами лица, а волосы – ниже колен [2.С.163].

Существуют и отличающиеся описания, русалки Харьковской губернии, по сведениям Иванова, могут быть как мальчиками, так и девочками. Последние при этом обладают длинными белыми волосами в виде льняных волокон, а видят их в лесах в обличье маленьких детей. Мальчики-русалки же кучерявы, рыжеволосы. «Одна женщина рассказывает, что она в детстве своими глазами <...> видела в Данильчином лесу, в озере (теперь высохшем), русалок-детей, купавшихся там и смеявшихся. Она подошла ближе и увидела голых женщин, с распущенными волосами, сидевших на берегу, кормивших грудью малых детей, смеявшихся и звавших ее к себе. Женщина, не помня себя, убежала домой». Помимо представлений о русалках, как о детях, малорусские свидетельства сходны в том, что русалки преимущественно красивы [2.С.163].

Тульские русалки водятся в лесах. Красивы лицом и станом, волосы у них зеленые, распущенные, сами существа – наги. Увидеть их можно качающимися на ветвях березы или сидящими под деревом с корзинкой в руках. В корзинке – орехи, бублики, калачи для приманивания детей [2.С.159].

Схожую с Малороссийской информацию дают поверья Воронежской губернии, причина в географической близости. В Землянском уезде Воронежской губернии «русалки обладают вечной юностью и красотой: по внешности они сходны с человеком, различие состоит лишь в волосах, которые у русалок зеленые, длинные до пят и необыкновенно густые» [3.С. 31]. Бледность, безжизненность и прекрасность – такими идеализированными предстают русалки в поверьях с. Большие Верейки Землянского уезда [4.С.138]

Жители Острогожского уезда хранят поверья о русалках (умерших некрещеных детях, не заслуживших рая и поселившихся в болотах) как о красивых, нагих девушках, бледнолицых и зеленоволосых [5.С.123]. Так же водяных существ представляют и крестьяне Богучарского уезда Воронежской губернии. В богатых водами и реками Воронежской губернии и Малороссии, близкой с нею, схожие поверья о том, что русалки зачаровывающе поют, заманивая путников, обладают сладкими голосами [2.С.156]

В Забужье, Саратовской губернии русалки также – красивые, нагие девы с распущенными длинными волосами. Неспроста так часто русалок изображают с такой прической и с непокрытой головой: простоволосость, которая была недопустима для обычной крестьянской девушка – значимый атрибут. Подтверждение этому легко найти в толковом словаре В. И. Даля: «Ходит как русалка» о нечёсаной девке [2.С.156].

Интересным видится обращение вслед за малорусскими поверьями к северорусским, так как в быличках и бывальщинах этого региона прослеживается отхождение от ставшего «традиционным» образа русалок.

Очевидно, что русский народ представлял себе русалок в виде женщин (за малыми исключениями, предполагающими юных рыжеволосых мальчиков-русалок), обыкновенно молодых и красивых, однако это не единообразное мнение. В северных и великорусских регионах миф значительно изменяется. Шаловливые, белокожие девицы обращаются уже злыми и мстительными существами. Косматые, безобразные и нагие женщины только и ждут, чтобы досадить человеку [1.С.85]. Но преобразование мифа идет дальнейшим путем - русалка изображается (например, в приволжских местах) в виде соломенного чучела, а кое-где даже в виде взнузданного лошадиного черепа, укрепленного на шесте. Зеленин предполагает, что объяснение феномена «выцветания» мифа о грациозных красавицах может быть заложено в индивидуальной набожности, а представление нечистой силы – русалок (или соответствующих им «чертовок») в нарочито уродливом виде идет от проявления благочестивой настроенности человека [2.С.176].

Следует отметить, что несмотря на это в северорусских поверьях даже русалка не обладает настолько выдающейся безобразностью, как, например, Баба-Яга.

Северная русалка зачастую – «злая, опасная баба и страшная неприятельница человеческого рода» сравнивается с чертовкой, уродливой нечистью [6.С.52-53]. «В северных губерниях России думают, что русалки – существа безобразные, косматые, горбатые, с большим брюхом, с острыми когтями, с длинной гривой, с большим железным крючком, которым ловят прохожих» - встречаются и такие подробные и нелицеприятные описания исследуемых существ [7.С.141].

Среди крестьян Казанской губернии есть поверье, что подобные женщины «бороной волосы расчесывают», это образное не столько повторяет многочисленные сведения о растрепанных волосах русалок, сколько указывает на величину образа. Тут уже не хрупкие девушки, а «бабы», притом с отличительной чертой северо-великорусского образа – непомерно большой грудью [2.С.176].

Владимирская русалка «совсем как женщина, только в лице румянца нет да руки тощие и холодные; космы больно длинные, титины (груды) большущие». Видят их одетыми «во льду» и в обыкновенную одежду – в одних «старых рваных сарафанишках» [8.С.101].

Архангельская водяника (жена водяного) также имеет большую грудь и длинные волосы, «из воды выходит нагою в полночь, садится на камень и расчесывает свои волосы большим гребнем» [2.С.177].

В Астраханской губернии – лобаста. Так называют русалку, характеристика которой такова: «Глядь, ан за ериком-то девка – знать лобаста – нагишом, чешит голову, а волосы длинные-предлинные, а тело-то лохматое-прелохматое, - да как захохочет, да в ладоши ударит, - они и пушке тово испужались: как бы не зашикотала» - сообщение священника Енотаевского уезда Виноградова. Следует разъяснить, что лобаста – нагая женщина большого роста, полная и обрюзгшая, с большой грудью и с косами, достигающими земли. Такое представление о внешности русалок отталкивало и наводило страх [2.С.177].

Изредка видят русалок в образе птиц и зверьков, а также в виде безобразных старух. Поверье об их способности к превращению, оборотничеству, широко распространено у североруссов. «Кроме человеческого образа иногда принимают вид сорок» [9.С.213]. Симбирская русалка по воде плывет лебедем, а выйдя на сушу, обращается в женщину.

Образ русалок может и коррелироваться с образами другой нечистой силы. Крестьяне Макарьевского уезда Нижегородской губернии смешивают русалок с водяным или с существами, принимающими различные виды – например, на отдыхе она обращается в огромную рыбу; когда хочет соблазнить или заманить человека, то уже принимает вид русалки; разыскивая для мщения за нанесенную острогою рану, является рыбаком, купцом или человеком, которому было бы удобнее подойти и обратиться к обидчику [2.С.179].

Для жителей Астраханской губернии в Духов день русалка, бывшая нагой, наряжалась в мужицкую одежду, это схоже с поверьями юга России о том, что среди русалок

есть и мужчины. Редкие сведения из Калужской губернии свидетельствуют о том, что русалка вообще была видима для человеческих глаз только в Русальную неделю и в ее продолжение [2. С.179].

Переходя к обобщающему и содержательному выводу стоит отметить, что внешний вид русалок, их наружность включает в себе множество разнообразных особенностей. Неодинаковый возраст – от маленьких детей до старух, при большинстве молодых (девушек). Зеленин объясняет это тем, что заложные покойницы зачастую и после смерти сохраняют свой возраст и внешность, а среди них больше молодых утопленниц или умерших до крещения детей, хотя и пожилые женщины тоже встречаются.

Отдельной отличительной и объединяющей чертой во внешнем виде русалок являются волосы. Источники единогласно подтверждают то, что они длинные. Отдельные сведения есть о лохматости тела (лобаста, Астраханская губерния), а также малорусские (Купянский уезд Харьковской губернии) о лысых русалках. Связывается это с безволосыми и безымянными умершими детьми. Различаются сведения о цвете волос: либо русые, либо зеленые. Большинство южнорусских и малорусских свидетельств признают русский цвет волос, называя их также красновато-светлыми или рыжими. Зеленый цвет нередко встречается в упомянутых регионах, но немногим преобладает в северных землях [2.С.178-179].

Цвет волос связан с происхождением существ, по мнению жителей тех или иных регионов. Цвет волос водяных божеств – зеленый, тогда как русые волосы русалок могут свидетельствовать об их первоначальном лесном местожительстве.

Еще одна отличительная черта – обязательно распущенные волосы, спадающие на плечи. В Костромской губернии русалки выходят на берег с растрепанными волосами, отчего пошел обычай называть простоволосую растрепанную девку русалкой. Распущенные волосы можно трактовать как признак еще девичества утопленницы или особенностью, роднящей их с ведьмами и представительницами нечистой силы. «В Волковыском у. Гродненской губ. отмечена примета: когда девица чешет волосы, той ей нужно сказать: «русаўка табе ў каноплях!» Тогда у нее будут волосы большие, как у русалки». Нагота и бледная кожа также являются общими чертами, объединяющими свидетельства из разных регионов [2.С.185].

Основным же выводом становится выявления бесспорной схожести русалок с обыкновенными женщинами по вопросам внешности, поведения. Схожесть внешнего облика и поведенческих черт (чему, несомненно, следует посвящать отдельное полное исследование) видится объяснимой так: в качестве молодых девушек или пожилых женщин, умерших неестественной смертью, они «проживают» за гробом такую же жизнь, какую и вели бы на земле. Народные поверья сохраняют в образе русалок женские привычные и прежние нравы, склонности, привычки.

Таким предстает перед нами внешний облик мифологического образа русалки, заключенного в быличках и бывальщинах. Несомненно, однако, тот факт, что дальнейшее и более обширное изучение данной проблемы позволит взглянуть на демонологические суеверия и поверья с еще более научной стороны, ведь, что как не они обуславливали жизнь и быт крестьянского населения.

Библиографический список

1. **Максимов С. В.** Куль хлеба. Неведомая, нечистая и крестная сила / С. В. Максимов – Смоленск: Русич, 1995. – 672 с.
2. **Зеленин Д. К.** Избранные труды. Очерки русской мифологии: умершие неестественною смертью и русалки / Вступ. ст. Н. И. Толстого; подготовка текста, коммент., указат. Е. Е. Левкиевской. – М.: Издательство «Индрик», 1995. – 432 с.
3. **Селиванов А. И.** Несколько слов о веровании в колдовство в Воронежской губернии / А. И. Селиванов // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – С. 44-54.
4. **Кремер А. И.** Обычай, поверья и предрассудки крестьян села Верхотишанки // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – С. 138 – 145.
5. **Раевский А. В.** Некоторые малороссийские поверья / А. В. Раевский // Суеверия и предрассудки крестьян Воронежской губернии: Хрестоматия. – Воронеж: издательство «Истоки», 2013. – С. 119-124.
6. **Даль В. И.** О поверьях, суевериях и предрассудках русского народа / В. И. Даль. – М.: Астрель, 2011. – 732 с.
7. **Грушевский С.** Остатки язычества в нашем простом народе / С. Грушевский // Руководство для сельских пастырей. – 1860. – № 41. – С. 127-154.
8. **Завойко Г. К.** Верования, обряды и обычаи великороссов Владимирской губернии / Г. К. Завойко // Этнографическое обозрение. – 1914. – №3/4. – С. 98 – 110.
9. **Харузин Н. Н.** К вопросу о религиозных воззрениях крестьян Калужской губернии / Н. Н. Харузин // Этнографическое обозрение. – 1892. – № 2/3. – С. 209 - 213.

УДК 94/9

*Воронежский государственный университет
студент исторического факультета
А.И. Шушлебин
Россия, г. Воронеж, тел.: 89507569217
e-mail: duck2000@mail.ru*

*Voronezh state University
Student of history Department
A.I. Shushlebin
Russia, Voronezh, tel. 89507569217
e-mail: duck2000@mail.ru*

А.И. Шушлебин

КУДА УШЛИ ХАЗАРЫ: ЭТНИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ

В статье анализируется процесс краха хазарского государства и послегосударственной истории хазар. Выявляются этносы, которые могут являться частичными потомками хазар. Также в статье осуществляется анализ хазарского наследия: геополитической роли хазар, культурного наследия (социальные практики, духовная и материальная культура).

Ключевые слова: хазары, Хазарский каганат, гибель хазарского государства, этносы – потомки хазар, хазарское наследие.

A.I. Shushlebin

WHERE THE KHAZARS WENT: ETHNIC AND CULTURAL HERITAGE

The article analyzes the process of the collapse of the Khazar state, the post-state history of the Khazars. Ethnic groups that may be partial descendants of the Khazars are identified. The article also analyzes the Khazar heritage: the geopolitical role of the Khazars, cultural heritage (social practices, spiritual and material culture).

Key words: the Khazars, the Khazar khanate, the death of the Khazar state, ethnic groups – descendants of the Khazars, the Khazar heritage.

На протяжении истории человечества происходили процессы образования и распада государств, этногенеза. Все они оказывали существенное влияние на последующие события и явления. Территория современной России в течение тысяч лет была полигоном серьёзных и многочисленных процессов этногенеза, возникновения и распада государств.

В раннем Средневековье на территории современной юго-западной России существовало достаточно крупное государство Хазарский каганат. Хазары были многочисленным и развитым по тем временам народом, активно взаимодействовали с соседями. Хазарский этногенез, эволюция и разрушение их политических структур не могли не оказать влияние на социальные, культурные, политические и исторические процессы в Восточной Европе. Исследование падения каганата и истории хазар после краха государства важно для изучения этих процессов.

Не менее важен факт культурного влияния Хазарского каганата на восточноевропейские народы. Объектами культурного наследия хазар явились материальная культура, некоторые традиции, поговорки, социальные практики.

В отечественной историографии хорошо описан процесс разгрома Хазарии князем Святославом. После описания событий 965 года этноним «хазары» пропадает из учебников по истории России (за исключением упоминания тмутараканских событий конца XI века), остаётся предметом исследования узкой группы специалистов. Однако к середине X века хазары были многочисленным народом, вряд ли небольшая дружина Святослава могла уничтожить такой этнос.

Вокруг похода Святослава существует и ряд других загадок. Например, интересен факт бездействия большей части хазарской армии во время взятия Итиля русами.

Историю Хазарского каганата следует рассматривать как один из этапов истории России, последующий за эпохами Скифии и сарматов, Великого переселения народов, и предшествующий этапу Киевской Руси. Вокруг истории хазар существуют определённые стереотипы (например, убеждение о том, что хазары были иудеями, тогда как иудаизм в IX году приняла лишь верхушка). Эти стереотипы используются в пропагандистских целях, в информационной войне. Теория хазаро – иудейского заговора не имеет никакого отношения к исторической реальности. Одна из причин таких стереотипов: проблема низкого уровня исторической грамотности населения относительно данного периода. Для решения этой проблемы низкой исторической грамотности автором данной работы был реализован проект «Окно в Хазарию» (с 29 сентября по 12 ноября 2018 года). В рамках проекта были организованы 3 лекции и одна экскурсия. (открытая лекция В. А. Сарапулкина по теме: "Исторический образ Хазарского каганата: критический анализ", лекция А. З. Винникова "Экскурсия в прошлое: Хазарский каганат глазами исследователя", лекция С. И. Владимировой «Северное пограничье Хазарского каганата», экскурсия в музей-заповедник «Дивногорье»).

Государство Хазарский каганат было образовано около 650 г. в результате распада Западно-Тюркского каганата. На территории Приволжских степей, Северного Кавказа и Закавказья жили племена савиров и хазар. После падения Тюркского каганата хазары завоевали Великую Болгарию, расширив свою территорию. Войны с арабами конца VIII – начала IX веков существенно ослабили каганат, однако Хазария оправилась от поражения 737 года, и в государстве начался экономический подъём. В этот период наблюдается расцвет ремёсел, строительство крепостей, начинается чеканка монеты. Около 810 году бек Обадия совершил переворот, ограничив власть кагана в пользу бека (который получил титул царя) и принял иудаизм. Иудаизация верхушки привела к гражданской войне начала IX века и победе группировки Обадии [1.С.134 – 291].

В течение VIII в. территория Хазарии расширилась: на западе в него вошло правобережье Северского Донца, на востоке – территория каганата могла продвинуться до р. Урал, на севере верховья Дона и Донца, до средней Волги. Хазарское влияние укрепилось в Крыму. В IX веке был построен на нижнем Дону город Саркел (около 834 года), возникла салтово – маяцкая археологическая культура. Волжские болгары, некоторые мордовско-мерянские (буртасы, черемисы) и славянские племена (северяне, радимичи, вятичи и на короткое время поляне) стали платить дань Хазарии. Столицей каганата стал город Итиль (существуют проблемы с его локализацией, однако большинство исследователей считают, что город располагался на нижней Волге). Материальная культура Хазарского каганата идентифицируется с салтово-маяцкой археологической культурой [1.С.218 – 416].

Хазарский каганат как государство исчез в в конце 10 века. Поход князя Святослава в 965 году и набеги печенегов и гузов в 965 – 969 годах привели к разорению страны, разрушению городов и падению каганата [1.С.428 – 439]. Однако причины краха Хазарии находились внутри самого каганата, а не в нападениях соседей. Неспособность хазарского государства к отражению внешней угрозы была симптомом кризиса системы. Гражданская война начала 9 века и войны с Арабским халифатом были более масштабными событиями, но хазарское государство сохранилось после этих потрясений, упадок государства начался с конца IX века.

Существуют различные версии причин упадка Хазарии. Одна из наиболее популярных, но в тоже время, не единственная, это версия экономического кризиса, предложенная Л.Н. Гумилёвым. С точки зрения Гумилёва, торговые пути нарушились по причине появления государства Буидов. В 945 году Ахмет захватил Багдад. Буиды были дейлемитами и шиитами. Их политика была направлена как против Багдада, так и против

Хазарии. Торговля Хазарии с Арабским халифатом от этих событий на некоторое время прекратилась [2.С.193].

Гумилёв указал на то, что в Китае в на рубеже X века произошла дестабилизация, из-за которой был нарушен шёлковый путь. Также по мнению Гумилёва, на торговую деятельность радонитов (купцов, связанных с Хазарией) оказала влияние война во Франции между герцогами Иль-де-Франс и последними Каролингами. Учёный также обратил внимание на засуху в Хазарии в X веке, которая привела к упадку сельского хозяйства. Ещё одной причиной краха каганата с точки зрения теории этногенеза Гумилёва стала потеря хазарами своей пассионарности (активности этноса). Следствием этого стало поражение от более пассионарных соседей [2.С.193].

Мы видим, что Л. Н. Гумилёв выделил ряд факторов кризиса: нарушение торговых путей, проходящих через Хазарию; засуха в Восточной Европе; потеря хазарами пассионарности (обскурация).

Теория экономического кризиса описывается в работе А. П. Толочко «Очерки начальной Руси», где указывается на серебряный кризис начала X века, который отрицательно сказался на Волжском торговом пути. Толочко отрицает завоевание Хазарии Святославом, считая единственной причиной краха каганата серебряный кризис, нарушение торговых путей [3.С.313].

Тема причин падения Хазарского каганата недостаточно изучена. Существуют версии, согласно которым фактором ослабления Хазарии стала иудаизация. Принятие верхушкой хазар иудаизма около 810 года (фактически переворот) привело к появлению культурных противоречий между элитой и народом, гражданской войне начала 9 века, ухудшению отношений с соседями. Так М. И. Артамонов отмечал, что в ходе гражданской войны было разрушено Правобережное Цимлянское городище [1.С.323 – 327].

Проанализировав вышеизложенные версии, можно выделить следующие причины краха Хазарского каганата: экономический кризис, спровоцированный войнами, засухой и нарушениями торговых путей; несовместимость религии верхушки (иудаизма) с культурой хазар; потеря хазарами пассионарности. Версия об экономическом кризисе, произошедшем в Хазарском каганате по причине нарушения торговых путей, имеет право на существование, однако кризис не мог привести к краху хазарской экономики, так как археологические исследования показали существование в Хазарии IX века самодостаточной экономики, развитых ремёсел. [4] Гипотеза А. П. Толочко о серебряном кризисе также имеет слабые места. Так В. Я. Петрухин указывает на то, что уменьшение на рубеже IX – X веков серебряных кладов в Восточной Европе связано не с уменьшением притока серебра, а с «торговым эмбарго», введённым хазарами против недавно образовавшейся Киевской Руси из-за конфликтов за контроль над славянами. [5] Версия о несовместимости религии местного населения с иудаизмом дискуссионна, так как практически не обнаружено археологических свидетельств наличия иудаизма в Хазарии. Версия о засухе имеет право на существование, природно-климатический фактор играл серьёзное значение в доиндустриальную эпоху.

На основании анализа исторического процесса мы можем выдвинуть другие версии падения Хазарского каганата. Могущество, стабильность и целостность государства базируется на определённых основаниях. Например, таким основанием может послужить религия. Князь Владимир прекрасно понимал эту функцию религии, когда в 988 году выбрал христианство. Военная сила служила основанием власти ряда государств, например монгольской империи. Основанием ряда моноэтнических систем была традиция. В Хазарии существовало множество конфессий. Военная сила хазар не была основным аргументом подчинения соседей. Каганат являлся полиэтническим государством, значит, традиция не могла служить основанием господства хазар. Исходя из веротерпимости хазар, существования внутри каганата различных конфессий, можно сделать вывод о религиозном плюрализме как главном основании их господства. В X веке элита Хазарии отказывается от

плюрализма. Об этом свидетельствуют война с аланами, носящая антихристианский характер, гонения на мусульман в Итиле. Эти события привели к ликвидации вышеобозначенного основания и появлению центробежных сил.

Можно предположить, что причиной краха Хазарии стал внутривосточный сговор. В каганате в X веке произошёл экономический кризис. Подобные явления приводят к увеличению внешнеполитической активности и желанию части элиты или кочевников сменить власть в стране. Мы видим усиление внешнеполитической активности хазар: переговоры с Испанией, война на Кавказе с дейлемитами и др. Возможно, что внутри Хазарии возник заговор для смены власти. Заговорщики призвали князя Святослава для достижения своей цели. Это было частым явлением в X веке. Варягов использовали как наёмников в войнах и во внутривосточных интригах. Аргументом в пользу этой конспирологической версии также служит практическое отсутствие отпора со стороны хазарской армии. Однако данная версия на настоящий момент является только гипотезой, так как наука не располагает достаточным количеством источников о внутренней политике Хазарского каганата в X веке.

Также фактором падения Хазарии могло стать поражение в дипломатической игре. Хазары проводили активную внешнюю политику, использовали принцип «разделяй и властвуй», однако просчёты верхушки привели к дипломатической изоляции в середине X века, конфликту с Русью, Византией, потерей господства над кочевыми сообществами.

Следует отметить, что каждая великая держава имеет 4 исторических этапа. Это подъём, движение по плату могущества, имперское перенапряжение и упадок. Данную схему описал П. Кеннеди в работе «Взлёты и падения великих держав».[6] Подъём в Хазарии был после разгрома Великой Болгарии в VIII веке. Война с арабами ослабила хазар, но они оправились от кризиса и на IX век приходится движение по плату могущества. В X веке началось имперское перенапряжение, а в середине X века страна пришла в упадок.

Процесс падения Хазарского каганата начался с похода Святослава в 965 году. Эта военная кампания хорошо описана в Повести Временных лет, а также в работах историков. Повесть Временных лет не содержит указаний на уничтожение Хазарского государства в 965 г., а лишь свидетельствует о поражении хазар, разорении главных городов и потере хазарами земли вятичей. В 964 году Святослав совершил поход на вятичей, плативших дань хазарам. В следующем году он разгромил хазар на нижней Волге и разорил, судя по всему, прикаспийские области и район нижнего Дона. Больше о военных действиях против хазар не сообщается. [7] Поход скорее напоминал грабительский набег, который мог ослабить страну или явиться толчком к распаду государства, находящегося в состоянии кризиса

О падении Хазарии пишут в основном восточные источники, однако их интерпретаций множество. Для реконструкции событий рассмотрим некоторые арабские источники.

Будет использован перевод источников с арабского языка, произведённый А.П. Новосельцевым в работе «Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа». Ибн Хаукаль пишет:

Первый отрывок. «Булгар - маленький городок, и нет у него большого числа округов. Он был известен как пристань для этих государств, и опустошили его русы, а (затем) пошли на Хазаран, Самандар и Атиль (и случилось это) в 358 г. И отправились сразу после этого в страну ар-Руми и ал-Андалус, разделившись на две группы. Русы же - варварский народ, живущий в стороне булгар, между ними и славянами на реке Атиль». [8]

Второй отрывок. «И ал-Хазар - сторона и есть в ней город, называемый Самандар, и он в пространстве между ней и Баб ал-Аббабом, и были в нем многочисленные сады (...), но вот пришли туда русы, и не осталось в городе том ни винограда, ни изюма. Населяли этот город мусульмане, группы людей, исповедовавших веру, и идолопоклонники и они покинули его, но благодаря достоинствам их земли и хорошему их доходу не пройдет и трех

лет и все станет как и было. В Самандаре были мечети, церкви и синагоги, и совершили они (русы) свой набег на всех, кто обитал на берегу реки Атиля из хазар, болгар, буртасов, и овладели ими, и искали люди Атиля убежище на острове Баб ал-Абвab, и укрепились они там, а некоторые на острове Сийах-кух, и оставались они там в страхе». [8]

Третий отрывок. «Внутренние болгары - христиане и мусульмане, но в наше время народ русы не оставил (ничего) этого ни у болгар, ни у буртасов, ни у хазар, кроме разбросанной неполной (части страны, земли?), выслеживали (их) в ней, те же, кто (уцелели), надеялись остаться в соседних областях. Дошло до меня, что большинство из них вернулись в Атиль и Хазаран при могущественном Мухаммеде б. Ахмаде ал-Азди, владетеле ширваншахе, который оказал им помощь мужами и людьми, и они надеялись, просили, чтобы (те) заключили с ними договор и они были бы покорны им (ширванцам) за благодеяния по отношению к ним». [8]

Другие авторы:

Ал-Мукаддаси: «Слышал я, что ал-Ма'мун совершил на них поход из ал-Джурджании, овладел (Хазарией) и обратил ее в ислам. Затем я слышал, что войско из ар-Рума, которых (воинов) зовут ар-Рус, напало на них и овладело их страной». [8]

Ибн Мискавейх: «И стало известно, что турки напали на страну хазар и те обратились за помощью к людям Хорезма, но те отказались помочь, говоря: вы иудеи и, если хотите, чтобы мы вам помогли, примите ислам. И стали они мусульманами, исключая их царя». [8]

Ибн ал-Асир: «И в этом (году) племя из турок напало на страну хазар, и хазары обратились к людям Хорезма, но те не оказали помощи и сказали: вы неверные, но если примите ислам, то поможем вам. Те приняли ислам, исключая их царя, и тогда помогли им люди Хорезма и заставили турок отступить от них, а после этого и их царь принял ислам». [8]

«В год, когда русы захватили Итиль и Самандар (969 г.), в Дагестане происходили события, в которых активную роль играл дейлёмитский правитель (Южного) Азербайджана Ибрагим б. Марзубан (960-983 гг.), сын Марзубана б. Мухаммеда, который воевал с русами в Закавказье в 945 г. (имеется в виду поход русов на Берда в 945 году, последовавший за войной Игоря с Византией). В 968/969 гг. Ибрагим занял Ширван и приказал эмиру Дербента Ахмаду прибыть к нему, т. е. подчиниться. Однако Ахмад отказался выполнить требование. Попытка Ибрагима продвинуться на север к Маскату не удалась из-за сопротивления жителей города. Эмир действовал в союзе с государством Серир, но затем Дербента перебил серирцев, что привело к войне между серирцами и мусульманами, закончившуюся страшным поражением мусульман у самого Дербента в 971 г.». [8] Мы видим, что на южных границах Хазарии также была дестабилизация.

Средневековые историки Иаков Миних и Мукадасси сообщают о войне князя Владимира с хазарами. [8] По их свидетельствам князь покорил вятичей, затем начал войну с болгарами и хазарами. Данный эпизод также описан в работе М. И. Артамонова [1.С.436]. Сопоставляя сообщения о войне Владимира с хазарами и об установлении протектората Хорезма на Волге можно сделать вывод о возможном распаде каганата после 969 года на западную и восточную части. Вполне вероятно, что ал-Мукаддаси сообщает о походе князя Владимира на Хазарию в 80-х гг. События можно реконструировать следующим образом: князь Святослав около 965 года после похода на Волжскую Болгарию напал на хазар, захватил Итиль, возможно, совершил набег на Восточный Кавказ, и взял Саркел. Наличие второго похода представляется сомнительным, скорее всего, это результат несоответствия дат в ПВЛ и в арабских источниках. Фактором военного ослабления хазар могла стать дестабилизация ситуации на Восточном Кавказе, участие в войне Серира с мусульманами. После похода Святослава на Хазарию напали гузы. Арабские источники свидетельствуют о значимости этой угрозы. На мой взгляд, именно нашествие гузов сыграло решающую роль в крушении каганата. Оно явилось причиной обращения за помощью к Хорезму, принятия

ислама, но владычество Хорезма в некоторых территориях могло утверждаться силой. Конец экспансии хорезмийцев и существования Хазарии наступил в результате похода князя Владимира в 80-х гг. X века. Итогом этого события стало исчезновение хазарского государства и появление русских Тмутараканского княжества и Белой Вежи. Соппротивление хазар могло продолжаться и в XI веке, о чём свидетельствует поход в 1016 году византийского флота в Крым, именуемый в источнике Хазарией [1.С.437].

Аргументом в пользу утверждения, что история хазарского этноса не закончилась после трагедии 965 – 969 года, являются упоминания этнонима хазар в письменных источниках последующих столетий. К сожалению, подобных упоминаний не много, однако их наличие свидетельствует о существовании хазар как народа в постгосударственный период.

Упоминания о хазарах можно встретить в Повести Временных лет: рассказ о пленении Олега Святославовича хазарами в 1079 году. Тмутаракань была присоединена русами после похода Владимира на хазар в 985 году. В 1079 году правивший в Тмутаракани Олег Святославич Черниговский был схвачен восставшими хазарами [1.С.443].

Арабские источники свидетельствуют о сохранении хазарского населения в XI веке на Кавказе. У Мюнаджим-Баши встречаем такое сообщение (1064): "В том же году и остатки хазар численностью в 3000 семей (домов) прибыли в город Кахтан из страны хазар, отстроили его и поселились в нем». [8]

Д.В. Васильев считает, что наследником Итиля являлся город Саксин, населённый гузами, хазарами и булгарами. Васильев идентифицирует Самосдельское городище в низовьях Волги с Итилем и с Саксиным. Также исследователь опирается на труд путешественника Ал-Гарнати, описавшего Саксин в XII веке (хазары названы одним из народов, населяющих Саксин). [9].

В византийских источниках Крым часто продолжает именоваться Хазарией. [1, С. 437]. Интересно упоминание хазар в грузинской летописи XII века, рассказывавшей о походе этого народа на Ширван [1.С.446]. Упоминаются хазары как народ, покорившийся хану Батыю.

Мы видим, что хазары как народ сохранились после краха своего государства, отдельные этнические группы в Крыму, на Таманском п-ове и на Кавказе продолжали именовать себя хазарами, однако этот народ потерял своё значение и вскоре ассимилировался.

Анализ арабских источников свидетельствует о том, что хазарский этнос сохранился после походов Святослава и войны с кочевниками. Упоминаний этнонима «хазары» в письменных источниках последующих столетий мало, однако в предыдущей главе были выявлены источники, упоминающие хазар. Следовательно, существование хазарского этноса после 969 года доказано. Трудность выявления этнических потомков хазарского народа также обусловлена расхождением в понимании хазар: хазары как этнос; хазары как суперэтнос, конгломерат народов; хазары как этносоциальная группа. Арабские источники по-разному трактуют термин ал-хазар, одни пишут, что это государство, другие, что это есть вид людей [10.С.18]. Возможно, что житель каганата, совершивший путешествие в Арабский халифат или в Византию, рассматривался там принадлежащим к хазарскому этносу, но внутри каганата народы имели свою идентичность, использовались этнонимы «хазары», «болгары» («оногундуры» и в-н-н-т-р в источниках), «аланы» и др.

После падения каганата хазары достаточно быстро ассимилировались (именно поэтому последнее упоминание о них в летописях датируется XI веком) по двум причинам: хазары принадлежали к той расе, к которой относились и большинство их соседей); у хазар не было запретов на смешение с другими народами.

Трудность выявления этнических родственников хазар обусловлена небольшим количеством антропологических исследований, поэтому изучение данной проблемы

возможно преимущественно путём исторических гипотез и исследования культурных особенностей.

Антропологические исследования В. В. Гинзбурга показали, что в Салтово - Маяцкой культуре проживала смешанная монголоидо-европиоидная раса. Имеются типы болгар, алан, реже славян и тюрков [11.С.81 – 86]. Интересно, что антропологически это население близко людям из последующих эпох (например, антропологически жители поселения у Новохарьковского могильника эпохи Золотой Орды близки аланам [12.С.162]). Результаты антропологических исследований содержатся в статье Ляпушкина о памятниках салтово-маяцкой культуры, где названы 2 антропологических типа. Один соответствует земледельческому населению Восточной Европы, другой (Зливки и Правобережная крепость) кочевникам тюркского происхождения [13.С.141].

Данных антропологии недостаточно для определения этнических потомков хазар. Таковыми могут являться как кавказские и тюркские народы, так частично и русское и украинское население Восточной Европы. Однако это скорее гипотезы, чем научные истины.

В современном Афганистане проживает народ, называющий себя хазарами (хазарейцы), но происхождение их от хазар сомнительно, так как хазарейцы представляют собой остатки афганских моголов. Серьёзных исследований относительно преемственности между хазарами и хазарейцами не проводилось.

Существует ряд версий относительно этносов - потомков хазар. Евграф Петрович Савельев предположил, что потомками хазар являются донские казаки. После падения Хазарии часть хазар, живших на Дону стали называться бродниками, а бродники явились предками казакам. [14] Эта идея противоречит сообщениям арабских историков о принятии хазарами ислама. Однако проанализировав арабские источники и сообщения Повести временных лет, мы пришли к выводу о распаде каганата на западную и восточную части. Восточные хазары попали под протекторат Хорезма, а западные христианизировались и могли стать предками казаков.

Одной из наиболее правдоподобных версий относительно этнических потомков хазар можно назвать мнение, что хазары являются предками кумыков. Некоторые топонимы кумыков могут восходить к хазарам. Кумыкский топоним «Гелбак» мог произойти от титула хазарского военачальника. До походов Тимура Тамерлана фиксируется такой этноним, как «казы-кумук («хазар кумыки»)» [15]

Другим возможным этническим наследником хазар стали аварцы. Аварцы ведут своё происхождение от раннесредневекового государства Серир, которое стало хазарской провинцией. Также известной версией потомков хазар является мнение об этнической преемственности между караимами и хазарами. Караимы исповедуют иудаизм специфического толка. Также пространная редакция письма царя Иосифа была обнаружена у караима А. Фирковича [1.С.37].

Мађьяры в течение долгого времени жили на территории Хазарии (или в прилегающих странах). Следовательно, есть вероятность того, что венгры являются косвенными потомками хазар.

Расселение хазар на Дону, образование салтово – маяцкой культуры, смешение со славянами (смешение культур археологически выявлено на памятниках салтово-маяцкой и боршевской культур) свидетельствуют об этнической преемственности русских, украинцев с хазарами, ведь постоянный этнический контакт со славянами не мог не породить смешения. Аналогично смешение с аланами говорит о возможной родственности хазар с современными осетинами, ингушами и чеченцами.

Мы видим, что длительные этнические контакты путём войн, смешения, торговли и путешествий привели к тому, что многие народы Восточной Европы и Передней Азии родственны хазарам. В плане выявления этносов-наследников хазар следует согласиться с мнением Пиотровского о наследниках этноса урартов. В работе «Ванское царство Урарту»

Пиотровский доказывает, что невозможно и не нужно определять чистых потомков того или иного этноса [16.С.258]. Важен не генофонд, а культурное наследие. Аналогичную ситуацию наблюдаем в отношении хазар. Хазары, будучи не изолированным этносом и потеряв статус титульного народа, ассимилировались. Поэтому этническими потомками хазар могут быть большинство народов Евразии. Однако чистых потомков быть не может. По этой причине более важно культурное наследие хазар, их вклад в развитие цивилизации.

Хазарское культурное наследие существует в форме духовной культуры, объектов материальной культуры и социальных практик.

Археологические раскопки свидетельствуют о самообеспеченной и самодостаточной культуре. В междуречье Дона и Северского Донца находился крупнейший центр выплавки железа. Была развита чёрная металлургия. Её продукция – орудия ремесла и сельского хозяйства. Археологи нашли полные наборы инструментов кузнечного и других ремёсел. Это молоты и молотки, наковальни, ножницы по металлу, щипцы, пробойники, напильники, пилы, тёсла. Вооружение: сабли (были основным оружием хазарской армии), наконечники копий и стрел. Найдены стремяна, удила, железные оковки сёдел, подпружные и иные пряжки сбруи. [4]

На территории современного Донбасса был центр по выплавки меди, которую добывали на Кавказе. Серебряная, бронзовая, медная гарнитура конской упряжи, воинских поясов, а также украшения были продукцией собственного производства.

Серьёзное влияние оказала салтово-маяцкая культура на развитие гончарства, производства керамики. Например, у донских славян существовала лепная, достаточно грубая керамика. Однако в IX веке на славянских городищах появляются горшки и кувшины другого типа. А. З. Винников и А. Н. Москаленко идентифицируют их с салтовскими [17.С. 112].

Вооружение воинов Хазарского каганата было достаточно прогрессивным. В частности, активно использовались сабли. Летописец в ПВЛ, рассказывая о дани мечами, видел преимущества обоюдоострого оружия, однако история доказала обратное. [7]

В военных кампаниях хазары часто использовали укрепления из повозок. Эта тактика перешла на Русь. Русы называли её «гуляй-город».

С IX века каганате активно строились крепости (Саркел, Правобережная Цимлянская, Семикаракорская на нижнем Дону, Хумаринская на Кавказе, Верхне-Ольшанская, Маяцкая и Карабут на Среднем Дону, Дмитриевская на Северском Донце и др.). Ряд хазарских крепостей (Белая Вежа, Тмуторокань) в дальнейшем использовались русскими.

На территории каганата было развитое пашенное земледелие. Найдены сошники, плужные ножи, косы, серпы, жернова [13.С.119].

Состав скота у представителей Салтово-маяцкой культуры и у донских славян был схож (преобладание крупного рогатого скота). С территории Хазарского каганата к славянам попали такие экзотические для Восточной Европы животные, как верблюд (кости найдены в Титчихе на Боршевском городище) [17.С.68].

Существует дискуссия относительно контактов между Салтово-маяцкой культурой и славянами в сфере домостроительства. Н. М. Савицкий считает, что славяне повлияли на появление у хазаро-алан-болгарского населения наземных жилищ и полуземлянок, тогда как Г. Е. Афанасьев полагает, что салтовцы использовали аланские технологии домостроительства [18.С.257].

Интересно то, что к 8 веку хазары активно добывали полезные ископаемые. У Константина Багрянородного («Об управлении империей», глава 53; X в.) в списке нефтяных источников Таматарха стоит 1-й: «Должно знать, что вне крепости Таматарха имеются многочисленные источники, дающие нефть» [19] На поселениях каганата найдены амфоры со смолистыми остатками. Распространена версия о том, что через Хазарию на Русь попали шахматы (есть находки шахматных фигурок на хазарских поселениях) [20.С.159].

Хазарское наследие сохранилось в поговорках и пословицах на Кавказе. «О богатстве хазарского царя до сих пор говорят пословицы кумыков: "Ушли хазары (потерпели поражение) – ушла (иссякла) казна Кумыкии"; "что у меня хазарская казна есть что ли? "» [21]

Показателен и факт существования в кумыкском фольклоре целого жанра «къазакъ йыров», время зарождения которых специалисты относят к времени существования на Северном Кавказе Хазарского каганата, а также к предхазарскому периоду (хазаро-савирского союза племён). Подобный жанр есть и у ногайцев, история которых тоже связана с историей Хазарии.

А. М. Аджиев пишет: «хазарских элементов особенно много сохранилось у южных кумыков, что обусловлено не только характерной вообще для микрорегиона консервацией фольклорно-этнографической архаики, но, по-видимому, и более значительной ролью древних тюркских племен в этногенетической истории южных кумыков. Так, в плаче героини из предания «Окаменевшая Аймеседу» упоминается Цемендер, где покупали парчу, — это, несомненно, Семендер, столица Хазарии, располагавшаяся в районе нынешней Махачкалы, и которая, кстати, была известна, в частности, как центр производства различных изысканных тканей, торговли ими»[22.С.155].

И ещё один обычай, который может восходить корнями к Хазарии: сейчас плохой приметой считается дарить ножи. Нож можно только поменять на монету, деньги. Хазары никогда не брали дань мечами, кинжалами и вообще оружием. Они его только покупали. (это мы знаем из сообщения ПВЛ о полянской дани)

Известны русские сказки, где действующим лицом является Казарин, с которым борются русские богатыри. Встречаются предположения, что Кошерище (Кощей), похищающий царевну, — это название Хазарина (Кагана), которого боялись, ибо в некоторых источниках встречаются упоминания, что хазары часть дани со славян брали девушками.

Интересны политические традиции и социальные практики. В Хазарии существовали типичные для тюркской политической системы черты: институт соправительства (каган и бек) и, возможно, разделение страны на крылья (Признак описан в работе В. В. Трепавлова: восточное крыло населено преимущественно кочевниками, западное земледельцами. Восточное крыло главенствует над западным. Можно предположить, что восточным крылом каганата было Поволжье, западным междуречье Дорна и Северского Донца). [23] Данные признаки мы наблюдаем в дальнейшем в Монгольской империи. Институт соправительства смуществовал в Киевской Руси (возможно, Олег и Игорь; Ольга и Святослав; Ярослав и Мстислав Владимировичи; триумvirаты и дуумvirаты Ярославичей) и в Московском государстве (великий князь и его старший сын).

В Хазарском каганате была развита по меркам раннего Средневековья бюрократия. Существовали таможи, взимавшие десятины с купцов. В городах были наместники тудуны (возможно, древнерусское «тиун» происходит от хазарского «тудун»).

Представители военной элиты Хазарии носили титулы тарханов. В дальнейшем такой титул перешёл в Золотую Орду и ченрез неё транслировался на Московскую Русь (торханные грамоты).

В Хазарии использовались практики типичные для раннесредневековых государств: религиозный суд (коллегия из семи судей разных религий) и ордалии. Вероятно, это были заимствования из других обществ, которые в дальнейшем транслировались из Хазарии по всей Восточной Европе. Хазария – первое государство на территории России, которое официально приняло монотеистическую религию.

Хазария – первое средневековое государство, которое начало чеканить монету на территории современной России (в античном периоде монету чеканили скифский царь Атей и боспорские цари, но после Великого переселения народов эту технологию утратили на

несколько столетий). Технологии чеканки монет могли перейти от хазар к другим народам Восточно – Европейской равнины [24.С.162].

Можно предположить, что практика полюдья была заимствована Русью из Хазарии. В каганате существовало раннее кормление: царь Иосиф в своём письме арабскому сановнику писал об объезде своей территории в тёплом времени года [25].

Существует версия, что некоторые слова закрепились в исторической памяти народов хазарскую систему налогообложения. Так на Кавказе применительно к налогам в ряде языков употребляется слово «челек», идентичное летописному «шелягу», которое могло произойти от еврейского «шекел» [24.С.161].

В Хазарии существовало неравенство, социальная дифференциация. Это мы видим как в письменных источниках (например, Истахри делил хазар на сословия: чёрных и белых [10.С.18]), так и по салтовским погребениям. Даннические отношения с народами Восточной Европы стимулировали становление у последних классового общества, давали толчок к появлению у славян государства.

Также можно отметить геополитическую роль Хазарии. Главная заслуга хазар в этой сфере заключается в остановке арабской экспансии. Мобилизационные ресурсы халифата были огромны: его воины в VIII веке сражались на Волге, в Центральной Азии (Талас) с Китаем, в Пуатье с французами. Каганат явился щитом от исламской экспансии для восточноевропейских народов. Хазария также играла роль буфера между кочевым миром Азии и осёдлыми земледельцами Европы. В эпоху стабильности каганат контролировал «зелёный коридор»: кочевники не могли грабить жителей Восточной Европы. Это отмечал Артамонов в статье «Первые страницы русской истории в археологическом освещении», считая стабильность, установленную хазарами, предпосылкой славянской колонизации. [26] При ослаблении каганата в ходе гражданской войны начала IX века на территории Восточной Европы появились печенеги и мадьяры. Уничтожение Хазарии как буфера очень быстро почувствовал Святослав, когда ему пришлось возвращаться в Киев из Болгарии для войны с печенегами. Интересна роль Хазарии в обретении родины венгров. Мадьяры явились в каганате во время гражданской войны в Хазарии. Они получали земли от хазарского правительства (Лебедея). Хазары инициировали выборы Арпада, первого венгерского короля. [19]

Подводя итоги, можно сказать, что процесс упадка и гибели Хазарии остаётся достаточно туманным. Однако изучение этих событий имеет значимость для исследования постгосударственного периода истории народа. Существуют различные точки зрения на причину краха Хазарии: теория экономического кризиса, несовместимость иудаизации элиты с единством государства, ослабление в ходе войн. Можно выдвинуть и другие предположения: утрата правящей верхушкой легитимности в результате неграмотной внешней и внутренней политики и неповиновение (возможно, и заговор) элиты и войска, который позволил Святославу нанести болезненный удар по стране. Наиболее вероятной представляется версия о закономерном процессе упадка государства: нарастали внутренние и внешние противоречия, на которые система не реагировала вовремя и адекватно.

Упоминания этнонима «хазары» после 969 года свидетельствует о том, что население каганата сохранилось. Хазары как этнос могли остаться на Дону, на Таманском полуострове, на нижней Волге и в Дагестане. Лишённые собственного государства, они быстро ассимилировались, поэтому искать их этническое наследие бесполезно и не нужно. Большой интерес представляет культурное наследие. Оно существует в виде объектов материальной и духовной культур, а также политической традиции и социальных практик. Материальная культура салтово-маяцкой культуры была достаточно развитой сравнительно с культурами соседних народов. Она граничила с миром славян, с которым происходил интенсивный культурный обмен. В духовной культуре хазарское наследие сохранилось в виде пословиц, поговорок, традиций. Интерес представляют политическая традиция и социальные практики.

К хазарскому наследию в этой сфере могут относиться: институт соправительства, бюрократический аппарат раннесредневекового государства, раннее кормление, налоговая система. Стоит отметить и геополитическую роль Хазарии: остановка арабской экспансии, роль буфера в степном коридоре Евразии.

В заключение хочется сказать, что факт существования культурного наследия свидетельствует о преемственности эпох. История Хазарского каганата (как и история Скифии, Тюркского каганата, Древней Руси) является одним из этапов истории России.

Библиографический список

1. **Артамонов М. И.** История хазар / М. И. Артамонов Л.: Изд-во Гос. Эрмитажа, 1962. – 521 с.
2. **Гумилёв Л. Н.** Древняя Русь и Великая степь /Л. Н. Гумилёв М.: Изд. «Астрель», 2012. - 770 с.
3. **Толочко А. П.** Очерки начальной Руси / А. П. Толочко. Киев; Санкт-Петербург: Лаирус, 2015. – 336 с.
4. **Плетнёва С. А.** От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). - М.: Изд. "Наука", 1967. - 198 с.
5. **Петрухин В. Я.** Варяги и хазары в истории Руси // режим доступа: <http://www.hagahan-lib.ru/library/varyagi-i-hazari-v-istorii-rusi.html> дата обращения: 31.06.2019
6. **Кеннеди П.** Влёты и падения великих держав / Пол Кеннеди. Изд. Гонзо, 2018. - 848 с.
7. **Нестор** Повесть временных лет / Нестор // Режим доступа: http://librebook.me/povest_vremennyh_let/vol1/2
8. **Новосельцев А.П.** Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа / А. П. Новосельцев. М.: Наука, 1990. – 264 с.
9. **Васильев Д. В.** Город и область Саксин в свете новых данных археологии / Д. В. Васильев // Поволжская археология. – 2015. – № 2 (12). – С. 189–267.
10. **Калинина Т. М., Флёров В. С., Петрухин В. Я.** Хазария в кросскультурном пространстве: историческая география, крепостная архитектура, выбор веры / Т. М. Калинина, В. С. Флёров, В. Я. Петрухин. – М.: Рукописные памятники древней Руси, 2014. – 208 с.
11. **Гинзбург В. В.** Антропологические данные по этногенезу хазар. Советская этнография, 1946, №2, стр. 81-86
12. Новохарьковский могильник эпохи Золотой Орды. – Воронеж: Издательство Воронежского государственного университета – МИОН, 2002. – 200 с.
13. **Ляпушкин И. И.** Памятники салтово-маяцкой культуры / И. И. Ляпушкин // Труды Волго-донской археологической экспедиции. Материалы и исследования по археологии СССР. М.: Издательство Академии наук СССР, 1958 С. 85-151
14. **Савельев Е.** История Дона и казачества // Режим доступа: http://passion-don.org/historydon/historydon_5.html дата обращения: 18.01.2019
15. **Шихалиев Д. М.** Рассказ кумыка о кумыках // Д. М. Шихалиев Тифлис: газеты "Кавказ", 1848, № 37-44 Режим доступа: <http://kumukia.ru/article-1503&page=1>
16. **Пиотровский Б. Б.** Ванское царство (Урарту) / Б. Б. Пиотровский. М.: Изд. Восточной литературы. – 284 с.
17. **Москаленко А. Н.** Городище Титчиха / А. Н. Москаленко Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1965, 311 с.
18. **Савицкий Н. М.** Домостроительство населения лесостепного варианта Салтово-Маяцкой культуры и домостроительство восточных славян (к проблеме контактов и

взаимовлияний) / Н. М. Савицкий // Дивногорский сборник: труды музея заповедника «Дивногорье», 2016. С. 255-269

19. **Константин Багрянородный** «Об управлении империей» // режим доступа: http://www.bulgari-istoria-2010.com/booksRu/Konstantin_bagrianorodni.pdf

20. **Винников А. З. Загороский В. П.** Шахматная фигурка с Маяцкого городища / А. З. Винников, В. П. Загороский // Археология Восточно-европейской лесостепи. Воронеж: Издательство Воронежского университета, 1980, С. 159 -161

21. **Казиханова А. А.** Этапы расселения тюркоязычных народов на территории Приморского Дагестана в раннесредневековую эпоху : автореферат дис. ... кандидата исторических наук : 07.00.02. - Махачкала, 2000. - 32 с.

22. **Аджиев М.А.** Древнетюрские элементы в кумыкском фольклоре // Дагестан в эпоху Великого переселения народов (этногенетические исследования). — Махачкала, 1998. — С. 154—158

23. **Трепавлов В. В.** Государственный строй Монгольской империи XIII в.: Проблема исторической преемственности. / В. В. Трепавлов // М.: «Восточная литература», 1993. 168 с.

24. **Щавелев С. П.** Новые соображения о славянской дани / С. П. Щавелев // Дивногорский сборник: труды музея заповедника «Дивногорье», 2016. С. 159-173

25. Письмо царя Иосифа Хасдаю ибн Шапруту (в переводе Коковцева) // режим доступа: <http://сувары.рф/ru/content/kokovcev-p-k-evreysko-hazarskaya-perepiska-v-x-veke>

26. **Артамонов М. И.** Первые страницы русской истории в археологическом освещении // Советская археология, 1990, № 3, С. 271-290.

УДК 94(470.324)“1942”

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» кандидат исторических наук, доцент старший научный сотрудник научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)
Е.А. Шендриков
Россия, г. Воронеж, тел. 8(950)779-61-68
e-mail: generals78@mail.ru

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина» кандидат исторических наук, подполковник, начальник 14 отдела научно-исследовательского центра (проблем применения, обеспечения и управления авиацией ВВС)
В.В. Теплухин
Россия, г. Воронеж, тел. 8(908)130-94-09
e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru

*MESC AF “Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh)
PhD in History, associate Professor
Senior researcher of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation)
E.A. Shendrikov
Russia, Voronezh, tel. 8(950)779-61-68
e-mail: generals78@mail.ru*

*MESC AF “Professor N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy” (Voronezh)
PhD in history, Lieutenant Colonel, head of 14-th research department of the research center (problems of application, provision and management of air force aviation)
V.V. Teplukhin
Russia, Voronezh, tel. 8(908)130-94-09
e-mail: v.v.teplukhin@mail.ru*

Е.А. Шендриков, В.В. Теплухин

**«К ЭТОМУ ВРЕМЕНИ КОМАНДОВАНИЕМ
2-Й ВОЗДУШНОЙ АРМИИ С 22 ИЮНЯ ВЕЛАСЬ ВОЗДУШНАЯ ОПЕРАЦИЯ»:
БОЕВЫЕ ДЕЙСТВИЯ СОВЕТСКОЙ АВИАЦИИ
В РАЙОНЕ КУРСКА 22 – 27 ИЮНЯ 1942 г.**

В статье освещаются боевые действия 2-й воздушной армии и Авиации дальнего действия в районе Курска 22–27 июня 1942 г. по срыву предполагаемого немецкого наступления. На основе архивных документов по дням расписаны массированные авиаудары по аэродромам и скоплениям войск противника в районе Курска, рассмотрены причины неудач советской авиации и подведены итоги боевых действий. Несмотря на активные действия, советская авиация не смогла не только сорвать, но и серьезно повлиять на ход немецкого наступления, начавшегося 28 июня 1942 г.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, 2-я воздушная армия, Авиация дальнего действия, люфтваффе, 4-й воздушный флот, 8-й авиационный корпус, С.А. Красовский, В. фон Рихтгофен.

Е.А. Shendrikov, V.V. Teplukhin

**"BY THIS TIME, FROM 22 JUNE THE COMMAND OF THE
2ND AIR ARMY CONDUCTED AIR OPERATION":
THE SOVIET AVIATION HOSTILITIES
IN THE REGION OF KURSK 22 – 27 JUNE 1942**

The article highlights the fighting of the 2nd air army and long-range Aviation in the region of Kursk 22–27 June 1942 to disrupt the alleged German offensive. On the basis of the archival documents, massive air strikes on airfields and concentrations of enemy troops in the Kursk region are scheduled, the reasons for the failure of Soviet aviation are examined and the fighting is summed up. Despite active actions, the Soviet aircraft could not only disrupt, but also seriously affect the course of the German offensive, which began on June 28, 1942.

Key words: Great Patriotic war, 2nd air army, long-range Aviation, Luftwaffe, 4th air fleet, 8th air corps, S.A. Krasovsky, V. von Richthofen.

К началу лета 1942 г. на южном крыле советско-германского фронта для частей Красной Армии сложилась тяжелая обстановка. После поражения советских войск под Харьковом в мае 1942 г. стратегическая инициатива временно перешла к противнику. В связи с этим части и соединения Брянского и Юго-Западного фронтов перешли к обороне. Командующий Брянским фронтом генерал-лейтенант Ф.И. Голиков позднее вспоминал: «24 мая Ставка отменила наступательные задачи, и мы получили указание создавать эшелонированную оборону во всей полосе Брянского фронта» [1.С.7].

Находясь в обороне, советские войска активно вели разведку, в том числе и воздушную. Благодаря последней к двадцатым числам июня удалось определить место и время немецкого наступления. Как отмечал начальник штаба Брянского фронта генерал-майор М.И. Казаков, «к 20 июня намерения противника стали более ясными – главный удар на участке Брянского фронта противник готовил из района Курск, Щигры» [2.Л.63]. Это наступление вошло в историю под названием операция «Блау». По мнению Ф.И. Голикова, эта операция «принадлежит к числу самых подготовленных наступательных операций немецких фашистов на советской земле» [1.С.12].

Несмотря на тщательно проведенные немецким командованием мероприятия по маскировке, летчикам 2-й воздушной армии (ВА) генерал-майора авиации С.А. Красовского «удалось наблюдать ночью и частично днем переходы незначительных колонн, спускающихся из района Орел к югу в районы Колпна, Малоархангельск, Щигры, Курск» [3.Л.1 об.]. Эти и другие данные были доложены в Ставку Верховного Главнокомандования. Осознав нависшую опасность над войсками Брянского и Юго-Западного фронтов, Верховный Главнокомандующий И.В. Сталин приказал в срочном порядке нанести упреждающий авиаудар по противнику. 20 июня в переговорах с командующим Юго-Западным направлением маршалом С.К. Тимошенко Иосиф Виссарионович указывал: «Очень важно, чтобы противник не упредил нас массированными авиационными ударами. А поэтому мы считаем нужным, чтобы вы начали обработку района сосредоточения противника нашими авиационными ударами как можно скорее. Нужно перебить с воздуха живую силу противника, танки, узлы связи, авиацию на аэродромах раньше, чем противник предпримет удары против наших войск» [4.С.258]. Не ограничиваясь указаниями С.К. Тимошенко, Сталин связался с Брянским фронтом. Командующему Брянским фронтом Ф.И. Голикову в 22 ч. 10 мин. 20 июня 1942 г. была направлена директива Ставки ВГК №994070 о подготовке массированных ударов авиации по району Курска. Для этой цели Сталин потребовал от Филиппа Ивановича выделить все наличные силы фронта. Кроме того, для выполнения этой задачи Верховный Главнокомандующий выделил 100 самолетов дальнебомбардировочной авиации. Все силы авиации, предназначенные для организации массированных ударов по сосредоточению противника в районе Курска, подчинялись члену Военного совета ВВС армейскому комиссару 2-го ранга П.С. Степанову, который был направлен на Брянский фронт 21 июня [5.С.175]. В тот же день для организации массированных авиаударов на Юго-Западном фронте был направлен первый заместитель командующего ВВС генерал-лейтенант Г.А. Ворожейкин [6.С.16].

Ставка очень торопилась с нанесением упреждающих ударов, поскольку наступление противника ожидалось со дня на день. Как отмечалось в директиве, «нанесение массированных ударов по сосредоточениям противника начать немедленно по прибытии тов. Степанова на место» [4.С.256]. Судя по архивным документам, армейский комиссар 2-го ранга П.С. Степанов прибыл на Брянский фронт 22 июня. Это, в частности подтверждает офицер Генерального штаба Красной Армии при 2-й ВА майор Селиверстов. В докладе о боевых действиях 266-й истребительной авиационной дивизии (иад) и 267-й штурмовой авиационной дивизии (шад) за период 28.6 по 8.7.42 г. он отмечал: «К этому времени (имеется ввиду 28 июня 1942 г. – *Е.Ш., В.Т.*) Командованием 2 ВА с 22.6. велась воздушная операция по срыву предполагаемого наступления и по скоплению войск противника к линии

фронта» [7.Л.174].

Таким образом, на разработку плана боевых действий у штаба Брянского фронта было отведено мало времени (по сути, 1 день), что заранее вело не только к ошибкам и просчетам советского командования, но и недостаточному обеспечению авиасоединений всем необходимым. Возможно, Ставка предполагала что, имея опыт нанесения массированных авиаударов в этом же районе, командование и штаб Брянского фронта успешно справятся с поставленной задачей. Дело в том, что части 2-й ВА, представлявшие ВВС Брянского фронта, уже выполняли подобный приказ. В начале июня 1942 г., исполняя директиву Ставки ВГК №170431 командующим ВВС Красной Армии и Авиацией дальнего действия об уничтожении авиации противника на аэродромах от 30 мая 1942 г., они уничтожали материальную часть вражеских самолетов и выводили из строя летные поля на аэродромах Орел, Курск [4.С.226]. В это же время 2-я ВА наносила авиаудары по противнику, сосредоточенному в районах: а) Вороново, Ст. Думчино, Мценск; б) Понеры, Малоархангельск; в) Колпна, Косоржа. 6 июня командующий Брянским фронтом приказал 2-й ВА главными силами подготовить и в течение 7-8 июня провести массированный удар по указанным районам с задачей уничтожения живой силы и техники противника [8.Л.38]. Задание было выполнено.

Как и в начале июня, советской авиации в указанный период предстояло действовать в основном против эскадр 8-го авиационного корпуса генерал-полковника В. Рихтгофена, с мая 1942 г. входившего в состав 4-го воздушного флота генерал-полковника А. Лёра [9.С.103, 519]. Накануне «воздушной операции» вражеская авиация дислоцировалась на следующих аэродромах: Брянск – 4-я группа 51-й бомбардировочной эскадры; Орел – 3-я и 2-я группы 51-й бомбардировочной эскадры; Курск – 2-я группа 76-й бомбардировочной эскадры; Сеща – 4-я группа 1-й бомбардировочной эскадры; Полтава – 1-я группа 36-й бомбардировочной эскадры, 3-я и 4-я группы 27-й бомбардировочной эскадры; Харьков – 1-я группа 55-й бомбардировочной эскадры [10.Л.204]. 21 июня были передислоцированы на аэродром Брянск из Кенигсберга 2-я группа 4-й бомбардировочной эскадры и на аэродром Курск 1-я группа 53-й истребительной эскадры, находившаяся ранее в Германии [10.Л.204]. Кроме того, немецкое командование для приближения к району боевых действий своей авиации использовало полевые аэродромы Малоархангельск, Золотухино, Колпна, Щигры. По данным командования Брянского фронта против войск Брянского фронта действовало до 400-450 самолетов, из которых 25-30 % составляли истребители [10.Л.205].

Как отмечалось выше, авиация Брянского фронта была представлена 2-й ВА, которая была сформирована 5 мая 1942 г. [11.С.6] Вопреки мнению исследователя В.А. Шамрая, полагавшего, что 2-й ВА с июля по октябрь командовал генерал-майор авиации С.А. Красовский [12.С.362], следует отметить, что это утверждение не совсем верное. По данным Управления кадров ВВС Степан Акимович Красовский командовал армией (назначен приказом НКО СССР №0082 от 5.5.42) с 5 мая по 4 июля 1942 г. [13.С.10] С 4 июля 1942 г. по 26 марта 1943 г. 2-й ВА командовал полковник (4.7.–17.10.1942), а затем генерал-майор (17.10.1942 – 26.3.1943) К.Н. Смирнов [14]. Заместителем командующего по политчасти с 5 мая 1942 г. по 12 августа 1947 г. был генерал-майор авиации С.Н. Ромазанов. Начальником штаба армии с 5 мая по 5 июля 1942 г. был комбриг П.Л. Котельников, а с 5 июля по 17 апреля 1943 г. – полковник (с 3.2.1943 – генерал-майор авиации Н.Л. Степанов) [13.С.10-11].

В указанный период в состав 2-й ВА входили следующие авиасоединения: 205-я (базирование – Чернова, Ливны), 207-я (базирование – Плавск, Белев), 266-я (Старый Оскол) истребительные авиационные дивизии (иад), 208-я ночная бомбардировочная авиационная дивизия (нбад) (базирование – Плавск, Елец, Красная Заря, Старая Кшень), 223-я бомбардировочная авиационная дивизия (бад) (базирование – Елец, Задонск и Мичуринск), 244-я бад (базирование – Липецк, Воронеж), 225-я (базирование – Ефремов), 227-я

(базирование – Волово), 267-я (базирование – Касторное, Землянск) штурмовые авиационные дивизии (шад) [3.Л.2 об.].

21 июня 1942 г. командующий 2-й ВА генерал-майор авиации С.А. Красовский издал боевой приказ №8, в котором отмечал: «Противник заканчивает сосредоточение своих войск на Курском и Орловском направлениях, имея основные группировки в районе Болхов, Мценск, Орел и Колпна, Малоархангельск, Курск, Щигры. Его ВВС ведут усиленную разведку и 21.6.42 г. отмечены на аэродромах Курск, Щигры» [15.Л.71]. На основании этого командарм приказал: «Воздушная армия в составе: 207, 205, 266 иад; 225, 227, 267 шад; 223 ббад и 208 над в течение ночи на 22.6 и дня 22.6.42 г. штурмовыми и бомбардировочными действиями уничтожает живую силу и технические средства противника, срывая его подготовку к наступлению и продолжает борьбу с авиацией на его аэродромах» [15.Л.71]. Как видим, в авиаударе были задействованы все авиасоединения 2-й ВА, за исключением 244-й бад.

Следует отметить, что командование Брянского фронта до конца еще не было уверено в том, что противник главный удар нанесет на курском, а не на курском и орловском направлениях, поэтому авиаудары наносились и по орловской группировке, что вело к распылению сил.

Как бы то ни было, но части и соединения 2-й ВА незамедлительно приступили к выполнению задания. Об этом свидетельствуют предварительные распоряжения командиров авиадивизий. Так, в предварительном распоряжении №1 штаба 267-й шад от 14.50 21 июня 1942 г. приказывалось: «Первое. 21.6.42 874 шап быть готовым к 15.00 для нанесения удара. Цель и время будет сообщено дополнительно. Второе. 218 шап быть готовым к 15.15 21.6.42 для нанесения удара. Цель и время будет сообщено дополнительно» [16.Л.14]. В 0.30 22 июня 1942 г. штабом 267-й шад было издано предварительное распоряжение №2: Первое. 874 и 218 шап быть в готовности №2 к 5.00 22.6.42 для уничтожения противника в районе: Коровино, Рождественское, Выползово, Щигры, Крутое, Александровка, Буденный. Второе. Иметь в виду 22.6.42 действие по аэродромам противника. Третье. Время вылета и цель будут даны дополнительно» [16.Л.21]. В предварительном распоряжении №3 штаба 267-й шад от 8.15 22 июня 1942 г. была поставлена уже более конкретная задача: «Первое. 874 и 218 шап 22.6.42 быть готовым к уничтожению войск противника в случае его выдвижения на восток из районов: а) Солнцево, Пахонок, Воронцово, Вышне-Озерки; б) Щигры, Кунач, Буденный. Второе. Быть готовым к уничтожению авиации противника на аэродромах Пахонок, Захарово, Беседино. Третье. Боевые действия 874 и 218 шап прикрывает 15 иап. Четвертое. Вылет по вызову с КП штаба 267 шад» [16.Л.20].

Получив указания, советские авиадивизии приступили к выполнению поставленной боевой задачи. **22 июня** 2-я ВА и Авиация дальнего действия (АДД) уничтожали войска противника мценской, орловской и мало-архангельской группировки и в районе Дросково, Фошня, 2-е Бухтеярово [17.Л.83 об.], Урынок. По данным штаба Брянского фронта на бомбардировку вылетело 377 самолетов и на воздушную разведку 97 самолетов [17.ЛЛ.100 об.-101]. Судя по этому количеству, здесь были учтены самолеты 2-й ВА и АДД, поскольку армия С.А. Красовского в тот день имела 352 исправных и 88 неисправных самолетов [18.Л.9]. Как отмечает исследователь И.А. Пермяков, 2-я ВА и АДД наносили массированные авиационные удары по районам сосредоточения войск противника силами в 200-300 самолетов [6.С.21]. По мнению бывшего офицера генерального штаба сухопутных войск Германии на Восточном фронте Э. Миддельдорфа, «главные усилия русской авиации в течение всей войны были сосредоточены на действиях против наземных войск в прифронтовой полосе. ...Удары по важнейшим узлам коммуникаций, железнодорожным станциям и другим сооружениям, а также ночные налеты на колонны войск осуществлялись небольшими подразделениями или одиночными самолетами» [19.С.263-264].

Как отмечалось в оперативной сводке №34 штаба 2-й ВА, части армии в этот день

произвели 293 самолетовылета, из них днем 206 и ночью 87. По малоархангельской группировке – 111 самолетовылетов, по мценской – 47, на разведку – 51, на прикрытие – 17, на сопровождение – 65. По неисправности матчасти задание не выполнили 2 самолета. Летало днем 108, ночью 55 самолетов. Не вернулись с боевых заданий 1 У-2 и Ил-2 [20.Л.61].

Нельзя не отметить, что важная роль в нанесении авиаударов отводилась ночной бомбардировочной авиации. 22 июня и в последующие дни были задействованы все полки 208-й нбад. Боевым распоряжением №34 от 20.00 22.06.42 г. командир 208-й нбад подполковник Ф.П. Котляр приказал: «Командиру 646-го авиационного полка (ап) в ночь с 22.6 на 23.6.42 г. уничтожать скопление войск противника в пункте Дросково и Сетенево, нарушать связь между пунктами: Малоархангельск и Дросково. 2. Командиру 620 ап <...> уничтожать скопление живой силы и техники противника в районе пункта Колпна. 3. Командиру 719 ап <...> уничтожать материальную часть, выводить из строя летное поле на аэродроме Курск. Разрушать связь на узле дорог в пункте Беседино. 4. Командиру 209 ап с 23.6.42 г. в 4.00 произвести бомбардировочный удар в пункте Дросково по скоплению живой силы и техники противника. После первого удара готовность №2 через 2 часа. <...> 6. Напряжение для ночных полков 2 вылета на экипаж» [21.Л.44].

В результате авиаударов было повреждено и уничтожено 32 автомашины, 80 ж.д. вагонов, уничтожено 2 бензозаправщика, 6 точек зенитной артиллерии и до 400 немцев, 70 лошадей [17.Л.83 об.]. В течение ночи на 23 июня 734-й иап 207-й иад 2-й ВА уничтожал «войска противника в районах Кузнецово 1-е и 2-е, нарушал связь между Мценск и Орел» [22.Л.18 об.]. В ночь с 22 на 23 июня АДЦ совершила 60 самолетовылетов: 40 на д. Пахонок (43 км вост. Курск), 9 на д. Писклова (24 км вост. Курск), 11 на аэродром Брянск). На аэродроме Брянск сожжено 6 двухмоторных самолетов и на аэродроме Чугуев сожжено 3 самолета противника [23.Л.10].

23 июня части 2-й ВА имели задачу – сорвать планомерность подготовки противника к наступлению путем ударов по местам сосредоточения его войск в районе Мценск, Дросково, Колпна и уничтожение его авиации на аэродромах. В распоряжении командарма С.А. Красовского в этот день находилось 356 исправных и 71 неисправный самолет [18.Л.9].

Выполняя вышеуказанную задачу, части армии уничтожали противника в районах Кузнецово, Мценск, Дросково, Сетенево, Колпна, Щигры и авиацию на аэродроме Курск. Попутно они вели разведку интенсивности ж.д. перевозок на участках Щигры, Льгов, Курск, Орел. Массированным ударом уничтожали вражескую авиацию на аэродроме Брянск.

Советская авиация старалась не давать противнику покоя ни днем, ни ночью. В частности, 208-я нбад в ночь на 24 июня наносила авиаудары, имея задачу «бомбардировочными действиями уничтожить скопление живой силы и технических средств противника в пунктах: Ивановка, Ясная Поляна, Моховой, прилегающие леса и овраги к этим пунктам, Дросково, Красная Сосна, Лимовое, Городецкое, Вязовое, с.-в. окр. г. Щигры и Мал. Щигорчик» [21.Л.45].

Следует заметить, что не все, что было запланировано советским командованием, советским летчикам удалось выполнить. В частности, подготовленный удар 44 бомбардировщиков по скоплению войск Дросково, Сетенево был сорван сложными метеоусловиями [20.Л.63].

По данным Брянского штаба, авиация 2-й ВА в этот день произвела 142 самолетовылета, уничтожая «войска противника непосредственно в прифронтовой полосе, рвала связь с Орел, Мценск, бомбила Курск, Брянск, ж.д. узлы Щигры, Беседино. На аэродроме Брянск уничтожено до 40 самолетов и 3 при взлете; уничтожено 57 автомашин с грузом, 55 подвод, до 700 немцев и нанесены др. потери» [10.Л.206].

Свой вклад в ослабление противника внесла АДЦ, совершив в ночь с 23 на 24 июня 73 самолетовылета: 32 на г. Волчанск, 38 на с. Фроловка и Глазуново (11 км сев.-зап.

г. Мценск), 3 на мост через р. Болва [23.Л.12-14].

Не менее насыщенная боевая деятельность 2-й ВА была **24 июня**. Командарм С.А. Красовский приказал бомбардировочными ударами уничтожать войска противника в районах сосредоточения: «1. а) 208-я нбад – 209-й нбап – Волчье, Красный; б) 223-я ббад – одним полком Красная Сосна, Шевяково, Лимовое. Удар нанести в период 7.45 – 8.00; в) остальными тремя полками 223-й ббад районы: 1) Белая, Матвеевка; 2) Никольское, Остряки, лес юго-зап. Остряки; 3) Верх. Замарайка, Быстрая. Удар нанести 9.30 – 10.00. Прикрывает 205-я иад. Повторный удар по району Никольское – 209-й ап и по району Вязовое – полком 223-й ббад – нанести в период 15.00 – 15.30. Остальными полками районы: 1) Бол. Лозовка, М. Лозовка; 2) Ново-Озерная и 3) Поповка и лес южнее его. Удары этими полками в период 16.10-16.40. 2. Прикрывает все повторные удары 266 иад. 3. Организация взаимодействия распоряжением командиров дивизии, пользуясь узлом связи штарма 2. 4. Готовность №2 – с рассветом и в течение дня. 5. Получение ясность подтвердить. 6. Обязательно сменить обычные маршруты» [15.Л.75]. В распоряжении командующего 2-й ВА в этот день находилось 362 исправных и 75 неисправных самолетов [18.Л.9].

В течение ночи советская авиация бомбила аэродром Щигры [6.С.21]. ВВС Брянского фронта в воздушных боях (в одном из боев участвовало до 17 самолетов) было сбито 5 самолетов противника Ме-109. 2-я ВА потеряла 5 самолетов (3 Пе-2, 1 Ил-2, 1 истребитель) [10.Л.207]. В ночь с 24 на 25 июня АДД совершила 134 самолетовылета: 76 на д. Пахонок, 46 на г. Щигры (50 км сев.-вост. Курск), 12 на д. Писклова [23.ЛЛ.15-20].

Необходимо отметить, что авиация противника, невзирая на активность советских ВВС, усиленно вела воздушную разведку, готовясь к наступлению. Так, 24 июня «по неполным данным было отмечено 38 самолетов противника типа М-9ЛЛ, М-109 – 20, Ю-88 – 5, Хе-111 – 4, ФВ-189 – 2, ХШ-126 – 5, Ме-110 – 1 и Ю-87 – 1 на высоте 500-5000 м в районах Чернь, Корсаково, Ефремов, Горбачево, Данков, Лев Толстой, Лебединь, Доброе, Липецк, Грязи, Усмань, Задонск, Водопьяново, Елец, Долгоруково, Б. Чернова, Коротыш, Ливны, Казаки, Хомутов, Верховье, Дигня, Новосиль. Авиация противника производила усиленную разведку войск на поле боя и тыловых объектов ж.д. и шоссейных дорог, ж.д. станций и ж.д. мостов при фронтовой полосе. Самолеты ходили одиночно и группами по 3-4-5 самолетов. Бомбометание и обстрел не производили» [24.Л.13].

Как отмечалось в кратком отчете о боевой деятельности частей 2-й ВА за период с 22 мая по 27 июня 1942 г., в это время «противник неоднократно сосредотачивал большое количество авиации на аэродромах Орджоникидзеград, Брянск, Орел, Курск, Щигры и на других площадках, в среднем от 40 до 80 самолетов, при чем массированного применения авиации, как на поле боя, а также по нашим тылам, коммуникациям и аэродромам не отмечалось. Действия ВВС противника ограничивались систематическими разведывательными полетами и прикрытием своих наземных частей в местах их сосредоточения» [18.Л.1]. При этом авиацией противника велась «интенсивная разведка противника по всему фронту, с уделением внимания сначала правому флангу Брянского фронта, а затем и левому» [3.Л.1 об.].

25 июня 2-я ВА уничтожала войска противника в районах Пальчиково, Мельнь, Густые тычинки, Исаково, Замарайка; Щигры, Никитское, прикрывала войска на поле боя и аэродромы базирования; вела разведку перед фронтом армии. 154 самолета произвели 260 самолетовылетов, из них: ночью – по войскам 97, на разведку 9; днем по войскам 49, на прикрытие 75, на разведку 20 [25.Л.245]. Командующий 2-й ВА С.А. Красовский располагал в этот день 373 исправными и 89 неисправными самолетами [18.Л.9].

По данным исследователя И.А. Пермякова, перед фронтом 13-й советской армии были атакованы с воздуха населенные пункты Красная Сосна, Лимовое, Шевиково, Никольское, Остряки. В 10.30 перед фронтом обороны 121-й сд 40-й армии советская авиация подвергла усиленному бомбометанию районы: Удерево, Карташевка, Выш. Щигор и

ряд других пунктов в глубине. Перед фронтом обороны 160-й сд авиаудары были нанесены по Щигры, Семеновка, Б. Лозовка, М. Лозовка, Мал. Щигорчик и Семеновка, а перед фронтом 212-й – по району Протасово 1-е и 2-е [6.С.22]. Командование немецкой армейской группы «Вейхс» 25 июня было вынуждено признать, что деятельность советской авиации «в районах сосредоточения армейской группы увеличивается. Сегодня совершили налет 259 самолетов противника» [26.Л.16]. В течение дня было уничтожено 15 танков, 40 бронемашин, 118 автомашин, 6 орудий, 15 повозок, 15 лошадей, до полутора батальона живой силы и взорван один склад боеприпасов. В воздушном бою было сбито 3 Ме-109 и 1 Ме-109Ф [17.Л.136 об.].

С наступлением ночи в дело вступили ближние и дальние бомбардировщики. 208-я нбад получила приказ в ночь на 26 июня нанести «бомбардировочный удар по скоплению живой силы и техники противника в пункте Никитское (15 км с.в. Щигры)» [21.Л.47]. В целом, в ночь с 25 на 26 июня 2-я ВА и АДД наносили авиаудары по войскам и укреплениям противника в районах: Семеновка, Ивановка-1, Выш. Щигор, Дуровка, Никитское, Щигры, Вышне Озерна, Пахонок, Солнцево, Зуевка [6.Л.22]. За этот период АДД совершила 140 самолетовылетов: 53 на д. Пахонок, 14 на д. Охочевка (19 км сев.-зап. Щигры), 34 на Бобрышево (20 км вост. Обоянь), 39 на Ячнев Колодязь (5 км сев. Белгород) [23.Л.9].

Несмотря на массированные удары советской авиации, 25-27 июня противник подтягивал к линии фронта свежие части, автотранспорт и авиацию. Так, 25 июня к линии он «продолжал систематически подбрасывать к линии фронта 40 А части и боеприпасы. Наибольшее сосредоточение сил противника замечено в Щигры» [10.Л.207]. 26 июня из района Курск в направлении Щигры немецкое командование производило выдвижение крупных мотомеханизированных частей, а 27 июня продолжало сосредоточение своей ударной группировки против правого крыла и центра 40-й армии [6.С.21]. Командующий 2-й ВА генерал-майор авиации С.А. Красовский позднее вспоминал: «Немцы сосредоточили довольно мощный авиационный кулак. По сведениям, имевшимся у нас, в конце июня на Брянском фронте действовали эскадры 8-го авиационного корпуса 4-го воздушного флота противника. Наши разведчики обнаружили на его аэродромах 310 бомбардировщиков, около сотни истребителей и до полусотни разведчиков, корректировщиков и других самолетов. Перед началом наступления фашисты перебазировали к линии фронта еще ряд авиасоединений, и состав их авиационной группировки увеличился до 800–1000 самолетов» [27.С.146].

26 июня части 2-й ВА «продолжали выполнять задачу по срыву подготовки противника к наступлению, нанося удары по Малоархангельской и Щигрынской группировкам противника, срывая ж.д. перевозки на участке Орел – Брянск и уничтожая его авиацию на аэродромах и в воздухе» [20.Л.17]. В распоряжении командарма С.А. Красовского в этот день находилось 363 исправных и 112 неисправных самолетов [18.Л.9].

В ходе выполнения боевого задания в этот день отличились летчики 266-й шад. Девять самолетов Як-1 «произвели налет на аэродром Курск (восточный), где находилось до 20-25 самолетов Ю-88 и Ме-109. Налет был произведен на рассвете и застиг противника врасплох. В результате этого налета было сожжено на земле 6 самолетов и 4 повреждено, всего выведено [из строя] до 10 самолетов и две зенитно-пулеметные установки на автомашинах» [28.Л.3].

В результате авиаударов 2-й ВА, нанесенных 26 июня, было уничтожено 15 самолетов противника на аэродроме Курск, в воздушных боях – 3; уничтожено 3 танка и нанесены другие потери [10.Л.207]. В течение ночи авиасоединения армии продолжали уничтожать противника в Алтухово, Зубково, Густые Тычики, Лимовое, бомбардировали аэродром Курск и Хорошево (сев. Колпна), ст. Думчино, Куракино. Их действиями было создано до 60 очагов пожаров, подавлено 9 точек зенитной артиллерии и зенитных пулеметов,

разрушено до 10 вагонов с боеприпасами, 10 автомашин, отмечено 14 прямых попаданий по скоплению войск, уничтожено до 100 человек пехоты [24.Л.26]. В свою очередь АДД в ночь с 26 на 27 июня выполнила 56 самолетовылетов: 36 на г. Щигры, д. Вязовое, д. Верх. Ольховатое, с. Косаржа, 19 по дороге Марьин – Вязьмин – Рыбалкин, 1 на г. Белгород [23.Л.30-34].

Что касается авиации противника, то по данным воздушной разведки 101-й иад ПВО, прикрывавшей стратегические и промышленные объекты в тылу, 26 июня она «активизировала свои действия по ж.д.узлам и перегонам. Основные удары наносит ночными бомбардировщиками. По агентурным данным противник предполагает нанести удар по промышленным объектам в глубоком тылу» [29.Л.6].

Следует отметить, что люфтваффе эффективно противодействовало советской авиации, умело парируя авиаудары. В частности, 27 июня группа вражеских истребителей, встретив группу самолетов 223-й бад, прикрытых истребителями, «навязала последним бой и отвлекла их в сторону, в то же время в районе цели (через 3-4 минуты после первой атаки) бомбардировщики были атакованы 20-ю Ме-109» [30.Л.7].

27 июня советская авиация продолжала выполнять ранее поставленные задачи: «а) срыв сосредоточения мотомехвойск на мценском, малоархангельском и курском направлениях; б) уничтожение авиации противника на его аэродромах» [20.Л.70]. В распоряжении командующего 2-й ВА С.А. Красовского в этот день находилось 355 исправных и 107 неисправных самолетов [18.Л.9].

Выполняя эти задачи части 2-й ВА бомбардировали скопление войск в районе Алтухово, Зубково; разрушали ж.д. полотно на участке Орел, Карачев; вели разведку силой в районе Болхов, Мценск, Орел, Карачев [20.Л.70]. Кроме того, ночью и днем 27 июня налетам советской авиации подверглись Крюково, Плаховка, Верхн. Ольховатое, Щигры, Полевое, Семеновка, Сныткина, Крутое, Б. Лозовка, Каменский [6.С.22-23]. Части 2-й ВА уничтожали войска противника в районе Верх. Замарайка, Городецкое, Дубровка, штурмовали автоколонны Отрешков, Щигры, Пахонок [24.Л.27].

Всего было произведено 213 самолетовылетов (ночью 104, днем 109), из них: по войскам противника 105, по аэродромам 21, на разведку 44, сопровождение и прикрытие 20 [20.Л.70]. В результате авиаударов было уничтожено: 12 танков, 60 автомашин, 10 подвод, 15 вагонов, до 130 чел. пехоты, по недостаточно проверенным данным до 30 самолетов на аэродроме Щигры [24.Л.9].

В ночь с 27 на 28 июня АДД выполнила 101 самолетовылет: 31 на г. Щигры, 31 на д. Пахонок, 22 на д. Беседино (17 км вост. Курск), 16 на ж.д. станцию Белгород, 1 на мост через р. Болва [23.Л.30-34]. В целом, за указанный период АДД выполнила 586 самолетовылетов, сбросив 716 т бомб [6.С.23].

Возможно, убедившись в невозможности сорвать немецкое наступление с помощью массированных авиаударов, Ставка ВГК поручила штабу Брянского фронта разработать план наступательной операции. Очевидно, на это повлияло и явное усиление вражеской группировки в районе Курска. Как отмечал М.И. Казаков, «за два – три дня до начала наступательной операции противник начал проводить решительное усиление своей 4-й ТА в районе: Курск, Щигры, Колпна. Пренебрегая маскировкой – днем и ночью танковые, артиллерийские и мотоколонны противника из района Орел перемещались к югу в район Курск, Щигры. Данными мероприятиями противник показывал нам, что теперь отпадает всякая тревога командующего Брянским фронтом за тульское направление» [2.Л.73]. В связи с этим «штаб Брянского фронта (в узком кругу)» с 27 июня снова приступил к разработке плана наступательной операции. В отличие от майской разработки «войска Брянского фронта должны были фронтальным ударом на стыке 13-й и 48-й армий прорвать фронт обороны противника и, расширяя прорыв в стороны обоих флангов, уничтожить Орловскую и Курскую группировки противника. Вспомогательный удар планировался в полосе 40

армии» [2.Л.73]. Однако, этим планам не суждено было сбыться, поскольку 28 июня противник сам перешел в решительное наступление.

Подводя итоги нанесенных советской авиацией массированных авиаударов по противнику в районе Курска, необходимо отметить, что по неполным данным 2-й ВА и АДЦ было уничтожено более 100 самолетов, более 30 танков, более 40 бронемашин, более 260 автомашин, около 100 вагонов, около 10 точек зенитной артиллерии, более 60 подвод и т.д.¹

Потери вражеской авиации с 20 по 30 июня составили: уничтожено на земле 36 и повреждено 20 самолетов; в воздушных боях сбито 78 и подбито 5 самолетов [10.Л.205]. Кроме того, несмотря на лукавство немцев, отмечавших в своих отчетах, что причиной переноса сроков наступления были проливные дожди [26.Л.18], советские летчики создали противнику некоторые проблемы с сосредоточением им необходимых сил и средств.

Тем не менее, следует признать, что, несмотря на отсутствие сильного противодействия со стороны люфтваффе, советскими ВВС противнику был нанесен незначительный урон. Советская авиация не смогла сорвать переброску резервов противника к линии фронта. По данным советской воздушной разведки, «с 20 по 28 июня месяца было много раз отмечено интенсивное движение железнодорожных эшелонов в направлении Курск и подтягивание в район Курск, Щигры танковых и мотоколонн. Таким образом, к началу прорыва противник сосредоточил в районе Курск, Солнцево, Щигры до 5-6 танковых дивизий и такое же количество мотодивизий. К этому времени во всех лесах и населенных пунктах указанного района авиаразведкой было отмечено большое скопление пехоты, автомашин и танков противника, а в районе Севск – скопление войск венгров» [3.Л.1 об.]. Кроме того, малоэффективными оказались и удары по аэродромам противника. Как отмечалось в докладе майора Селиверстова, к 28 июня противник «имел до 500 самолетов, из которых до 300 самолетов бомбардировщиков и до 200 самолетов истребителей. Самолеты противника различных конструкций (Ю-88, Ю-87, Ме-110, Ме-109, Ме-109ф и редко Хе-111 и Хе-113)» [7.Л.174]. По данным исследователя В.П. Морозова, к 27 июня 1942 г. в полосе действий группы армий «Б» противник превосходил войска Брянского и Юго-Западного фронтов по пехоте в два раза и по танкам в полтора раза. В авиации он имел преобладающее численное превосходство. На направлении главных ударов численное превосходство врага в живой силе и технике было еще более значительным [31.С.42]. В итоге, заняв исходные позиции, части вермахта 28 июня при мощной поддержке авиации, почти сразу же захватившей господство в воздухе, перешли в наступление, в результате которого, по признанию Ф.И. Голикова, «на Курско-Воронежском направлении враг добился немалого успеха» [1.С.20].

Каковы же причины неудач советской авиации? Как уже отмечалось выше, одной из причин являлось недостаточное количество времени, отведенное на планирование массированных авиаударов. Кроме того, к этому времени еще не закончился процесс формирования 2-й ВА.

Еще одной причиной стало участие в массированных авиаударах не всех имеющихся в наличии командарма С.А. Красовского самолетов. Многие самолеты были не задействованы по причине халатного отношения некоторых командиров авиасоединений к выполнению поставленной боевой задачи. Так, на второй день «воздушной операции», т.е. 23 июня, было принято решение перебазировать некоторые авиаполки ближе к фронту. По приказу командира 267-й шад 218-й шап должен был перебазироваться из Липецка в Землянк. Как отмечает в докладе старший офицер Генштаба при 2-й ВА подполковник Долидзе, «в результате беспечности командира полка и командира дивизии полк вылетел, не имея метеоданных и прямой связи с аэродромом посадки Землянк. 11 экипажей Ил-2,

¹ Подсчитано по выше представленным данным.

потеряв ориентировку, после долгого блуждания расселись: четыре экипажа в Землянск, одна машина при посадке была разбита, шесть экипажей вернулись в Липецк. 9 экипажей совсем не вылетели с аэродрома. Несмотря на короткое расстояние перелета (100 км), командир дивизии, дав санкцию на перелет с 4.00 23.6 до 12.00 23.6 о перелете ничего не знал. Делал разные предположения и потерял руководство перелетом, а полк в это время действовал самостоятельно» [7.Л.17].

Не менее халатное отношение и несогласованность истребителей и штурмовиков привели к боевым потерям. Тот же Долидзе описал в докладе следующий инцидент: «874-й шап перелетал на новое место дислокации из Задонска в Касторное. Опять командир дивизии перелет не обеспечил. Командир дивизии при вылете полка присутствовал на аэродроме Задонск. Полк по разным неуважительным причинам опоздал с вылетом на 45-50 мин. Истребители, прикрывающие посадку Илов, по истечении срока произвели посадку. Таким образом, полк производил посадку без прикрытия истребителей. В результате этой неразберихи в момент посадки полк на аэродроме Касторное был атакован четырьмя Ме-109ф и подбито четыре экипажа» [7.Л.17]. Проанализировав создавшееся положение, старший офицер Генштаба сделал вывод о том, что до принятия полков командованием 267-й шад части «прибыли полными, [но] благодаря лишней опеке, дерганию и по существу устранению от командования командиров и полков, командование дивизии создало спешку, не продумало глубоко элемент перелетов, метеоусловий, прикрытия аэродрома посадки истребителями и не изучило способность летного состава прибывающих полков» [7.Л.18]. Как бы то ни было, но полки не смогли принять участие в авиаударах по скоплению противника, позволив ему продолжать сосредоточение на исходных для наступления позициях.

Нельзя обойти вниманием и не до конца продуманные боевые приказы, которые отдавали командиры авиасоединений. В частности, боевой приказ командира вышеупомянутой 267-й шад «по выполнению частной операции 23.6.42 не отражал следующего: не был выделен резерв на случай повторного удара, не было отражено [действий] на случай не состоявшейся встречи с истребителями» [7.Л.18].

Еще одной причиной стало невыполнение приказа И.В. Сталина об использовании штурмовиков в качестве бомбардировщиков [7.Л.18]. Еще 13 июня 1942 г. в разговоре с С.К. Тимошенко Иосиф Виссарионович указывал, что «наши штурмовики Ил-2 считаются лучшими бомбардировщиками дневными для ближнего боя. Они могут дать больше эффекта, чем юнкерсы, для воздействия на танки, на живую силу противника и на переправы тоже. Наши штурмовики берут 400 кг бомб» [4.С.248]. Кстати, это указание было закреплено в приказе Наркома Обороны №0490 от 17 июня 1942 г. об использовании самолетов Ил-2 как дневных бомбардировщиков, в котором И.В. Сталин требовал «значительно увеличить наши бомбардировочные дневные удары по противнику, но для этого надо немедленно покончить с вредной практикой недооценки самолетов Ил-2 как дневных бомбардировщиков и добиться того, чтобы ни один самолет Ил-2 не вылетал в бой без полной бомбовой нагрузки» [32.С.257].

Негативную роль сыграли и недочеты по оформлению оперативных сводок, не отражавших «полной дневной и ночной работы частей и армии в целом» [33.Л.11]. 8 июня 1942 г. в приказе частям 2-й ВА №015 С.А. Красовский отмечал: «1. ...Оперативные сводки пишутся общими пунктами: № части, вела боевую работу по пунктам №№, сброшено бомб, общее число разрушений (общее количество). Таким образом, в сводке невозможно найти – сколько самолетов бомбило, какую цель и сколько на данную цель сброшено бомб, и что там сделано. 2. Документы, служащие основанием для составления оперативных сводок оформляются неряшливо, телефонные разговоры записываются небрежно – на отдельных клочках бумаги. 3. Прием оперативных сведений от частей ведется не командирами направления, а всеми работниками Опер. отдела, начиная от диспетчеров и др., кто

подвернется под руку. 4. Оперативные сводки пишутся также не специально выделенными командирами Опер. Отдела, а в зависимости от того, кто свободнее или кто дежурит. 5. Только благодаря такой неорганизованной системе сбора и оформления оперативных документов, итоги дня своевременно не подытоживаются и оперсводки запаздывают» [33.Л.11]. Несмотря на то, что командующий 2-й ВА приказал начальнику штаба армии, командирам и военкомам авиасоединений «просмотреть работу в оперативных отделах подчиненных штабов и в штабе авиадивизий и навести порядок по оформлению оперативных документов до 15.6.42 г.» [33.Л.11 об.] к моменту нанесения массированных авиаударов эти недостатки полностью не были устранены.

Не до конца была налажена и работа штаба 2-й ВА, о чем свидетельствует приказ командующего Брянским фронтом генерал-лейтенанта Ф.И. Голикова, изданный накануне проведения операции. В нем отмечалось следующее: «В ночь с 14 на 15.6.42 г. была произведена проверка несения службы ответственными командирами в Управлениях фронта и отделах штаба фронта, а также организация охраны отделов. Были проверены: штаб 2-й воздушной армии <...> В результате поверки установлено: 1. На квартире командующего 2-й ВА телефона не было, ни адъютанта, ни дежурного телефониста. Вызвать командарма по телефону не удалось. Начальник связи майор Денисенко должных мер к установлению связи не принял, дежурный состав телефонной станции проинструктирован не был. Начальник штаба армии – комбриг Котельников не проверил точно, когда убыл командарм (по моему вызову), не организовал контроль за прибытием командарма для доклада мне. Оперативный дежурный майор Ипатов ни одного раза не проверил исправность связи с постами ВНОС, вследствие чего не мог добиться ответа, на каком посту был засечен пролетающий в 5.10 самолет противника. Дежурный радист – сержант Бушов спал» [34.Л.49]. Полностью устранить вышеуказанные недостатки накануне нанесения массированных авиаударов также не удалось. Начальник штаба Брянского фронта генерал-майор М.И. Казаков позднее справедливо отмечал: «В использовании авиации – мы тогда находились также в подготовительном классе: не умели массировать авиационные удары на решающих направлениях» [2.Л.100].

В целом, боевые действия советской авиации в районе Курска с 22 по 27 июня 1942 г. вскрыли многие проблемы, касавшиеся планирования массированных авиаударов, которые были учтены в последующие годы в период проведения воздушных операций на Курской дуге и Кубани, ставших важным этапом на пути завоевания советской авиацией стратегического господства в воздухе.

Библиографический список

1. **Голиков Ф.И.** В боях за Воронеж / Ф.И. Голиков. / Воронежское сражение. – Воронеж: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1968. – С.5-26.
2. Центральный архив Министерства Обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ). Ф.15. Оп.11 600. Д.1352.
3. ЦАМО РФ. Ф.302. Оп.4196. Д.9.
4. Русский архив: Великая Отечественная: Ставка ВГК: Документы и материалы: 1942 год. Т.16(5-2). – М.: ТЕРРА, 1996. – 624 с.
5. Сборник документов Верховного Главнокомандования за период Великой Отечественной войны. Выпуск 2. Январь – декабрь 1942 года. – М.: Воениздат, 1968. – 548 с.
6. **Пермяков И.А.** Бои за Воронеж в ходе Воронежско-Ворошиловградской стратегической оборонительной операции / И.А. Пермяков. – Воронеж: ФГБОУ ВПО Воронежский ГАУ, 2012. – 232 с.
7. ЦАМО РФ. Ф.15. Оп.11 600. Д.1255.
8. ЦАМО РФ. Ф.202. Оп.5. Д.223.

9. **Залесский К.А.** Люфтваффе. Военно-воздушные силы Третьего рейха / К.А. Залесский. – М.: Яуза, Эксмо, 2005. – 736 с.
10. ЦАМО РФ. Ф.202. Оп.5. Д.556.
11. От Воронежа до Берлина. – Воронеж: Центр.-Чернозем. кн. изд-во, 1986. – 167 с.
12. **Шамрай В.А.** Сражение за Воронеж. Оборонительный период (28 июня – 11 июля 1942 г.) / В.А. Шамрай. – Воронеж: Центр духовного возрождения Черноземного края, 2013. – 440 с.
13. Воздушные армии, действовавшие в период Великой Отечественной войны 1941 – 1945 гг. – ВИУ Генштаба Вооруженных Сил СССР. – 6 отдел, 22.6.48. – 78 с.
14. Смирнов Константин Николаевич [Электронный ресурс]. URL: <https://pamyat-naroda.ru/commander/1157/> (дата обращения: 14.05.19).
15. ЦАМО РФ. Ф.302. Оп.4196. Д.5.
16. ЦАМО РФ. Ф.20 030. Оп.1. Д.2.
17. ЦАМО РФ. Ф.202. Оп.5. Д.394.
18. ЦАМО РФ. Ф.302. Оп.4196. Д.8.
19. **Миддельдорф Э.** Тактика в русской кампании / Э. Миддельдорф. – М.: Вече, 2011. – 368 с.
20. ЦАМО РФ. Ф.302. Оп.4196. Д.14.
21. ЦАМО РФ. Ф.20 203. Оп.1. Д.2.
22. ЦАМО РФ. Ф.20 052. Оп.1. Д.4.
23. ЦАМО РФ. Ф.39. Оп.11 519. Д.142.
24. ЦАМО РФ. Ф.202. Оп.5. Д.364.
25. ЦАМО РФ. Ф.35. Оп.11 285. Д.585.
26. ЦАМО РФ. Ф.500. Оп.12 462. Д.246.
27. **Красовский С.А.** Жизнь в авиации / С.А. Красовский. – М.: Воениздат, 1968. – 374 с.
28. ЦАМО РФ. Ф.20 043. Оп.1. Д.6.
29. ЦАМО РФ. Ф.20 153. Оп.1. Д.3.
30. ЦАМО РФ. Ф.20 027. Оп.1. Д.2.
31. **Морозов В.П.** 1942 год / В.П. Морозов. / Воронежское сражение. – Воронеж: Центр.-Черн. кн. изд-во, 1968. – С.41-55.
32. Русский архив: Великая Отечественная: Приказы народного комиссара обороны СССР 22 июня 1941 г. – 1942 г. Т. 13 (2–2). – М.: ТЕРРА, 1997. – 448 с.
33. ЦАМО РФ. Ф.302. Оп.4196. Д.4.
34. ЦАМО РФ. Ф.202. Оп.5. Д.232. мфк.178.

СОЦИАЛЬНАЯ ФИЛОСОФИЯ SOCIAL PHILOSOPHY

УДК 101

*Воронежский государственный институт искусств
кандидат экономических наук, доцент,
доцент кафедры гуманитарных и социально-
экономических дисциплин
И.А. Ашмаров
Россия, г. Воронеж
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

*Voronezh State Institute of Arts
PhD in Economic Sciences, Associate Professor,
Associate Professor of the Department of Humanities and
Socio-Economic Disciplines
I.A. Ashmarov
Russia, Voronezh
e-mail: dobrinka75@mail.ru*

И.А. Ашмаров

ОСМЫСЛЕНИЕ ЖИЗНИ КАК ФИЛОСОФСКИЙ ОБРАЗ СУЩЕСТВОВАНИЯ

В статье приводятся авторские размышления о жизни и жизненном пути человека. Эти темы и связанные с ними проблемы затрагивают каждого человека в отдельности и всё общество в целом. Не задумываться о жизни нельзя, потому что это просто невозможно для всякого сознательного и мыслящего человека. Отчасти затрагивается и рассматривается западное философское направление, посвященное проблематике жизни, под названием экзистенциализм.

Ключевые слова: жизнь, жизненный путь, судьба человека, философия жизни, экзистенциализм.

I.A. Ashmarov

UNDERSTANDING LIFE AS A PHILOSOPHICAL IMAGE OF EXISTENCE

The article provides author's thoughts about the life and the life path of a person. These topics and related problems affect each person individually and the whole of society. Do not think about life is impossible, because it is simply impossible for any conscious and thinking person. The western philosophical direction devoted to the problems of life, called existentialism, is partly affected and considered.

Key words: life, life path, human destiny, philosophy of life, existentialism.

Введение. Эссе о жизни является одним из видов наиболее значимых философских работ, то есть работ, выполненных на сугубо философскую тематику, охватывающую проблематику именно такого рода, объектом рассмотрения которой является жизнь во всех её проявлениях. Как правило, такие работы являются весьма актуальными для человека и общества, потому что рассматривают понятие судьбы, исторические предпосылки (разные взгляды философов из разных эпох); анализируется понятие смысла жизни, исторические предпосылки. Важным вопросом является также определение того, что есть судьба и поиски смысла жизни (поиск жизненного пути) для мыслящего человека.

Целью работы было рассмотрение того, что такое жизнь, а также философских представлений о жизни и судьбе человека.

Предметом анализа и рассуждений в работе были наши собственные представления о жизни, а также представления экзистенциализма как самостоятельного направления в современной западной философии.

Материалы и методы, используемые нами в работе, соответствуют общенаучным методам, а именно: методы научного (философского) анализа и синтеза, научной абстракции, индукции и дедукции, общего и особенного и т.д.

Мы считаем, что такого рода рассуждения имеют и всегда имели, и будут иметь актуальный характер, во всяком случае до тех пор, пока существует сам человек, общество, цивилизация. Это связано с тем, что человек – это мыслящее существо («*cogito ergo sum*»), поэтому ему свойственно задумываться о своей судьбе, своей роли в жизни и собственном предназначении.

1. Понятие жизни и наши представления о ней. Итак, что же такое наша жизнь? Этот вопрос был задан, вероятно, бесчисленное количество раз, но на него ответили удовлетворительно только очень немногие. Наука, как известно, основана на опыте, так что природа дает интеллектуальные ответы только на интеллектуальные вопросы. На бессмысленные вопросы природа дает такие же бессмысленные ответы или вообще не дает никаких ответов. Если природа никогда не давала ответа на этот вопрос, возможно, что-то не так с самим вопросом.

На самом деле сам вопрос может быть неверен. Жизнь не имеет смысла, потому что жизнь сама по себе не существует, а существуют только конкретные живые существа: люди, звери, птицы, рыбы и т.д. Их свойство «быть живым» — это качество некоторых физических систем. Никто не видел и не измерял жизнь как таковую. Жизнь всегда связана с материальными системами; то, что человек видит и измеряет, — это живые системы материи. Ранее жизнь вообще не являлась предметом изучения науки; и только в последнее время появляются новая область исследования науки – это науки о жизни («*Life Sciences*») [8].

Взгляд на живой мир показывает его неоднородность и уникальность, и в то же время удивительное разнообразие. Чем сложнее система жизни, тем сложнее ее качество. Жизненно важные органы могут быть построены из клеток; от функционирования органов зависит жизнь индивидуального организма, в том числе такого, как человека. Люди, в свою очередь, могут объединяться, чтобы сформировать общества или группы населения, которые будут иметь свои собственные правила. На каждом уровне сложности появляются новые качества, которые ранее не присутствовали на более простых уровнях. Изучение каждого нового уровня дает новую информацию о жизни для ученого-биолога.

История биологии как науки была отмечена проникновением во все меньшие размеры жизни. В XVI веке ученые-естествоиспытатели были зависимы от своего невооруженного зрения для изучения человеческого тела.

В следующем столетии оптический микроскоп привел к открытию многих новых деталей структуры живого человеческого организма. Марчелло Мальпиги заметил капиллярные сосуды, которые завершают цикл кровообращения в теле человека, и показал, что даже такие крошечные насекомые, как шелкопряд, имеют сложную внутреннюю структуру.

Антон Ван Левенгук описал клетки крови и сложные глаза насекомых. Роберт Гук описал клеточную структуру растений и т.д. По мере улучшения микроскопов были описаны все более детализированные структуры жизни.

К XIX столетию многим ученым стало ясно, что все сложные организмы состоят из полунезависимых единиц, называемых клетками, были установлены основные структурные особенности живых клеток. Кроме того, даже живые бактерии были обнаружены и изучены.

В XX веке электронный микроскоп позволил ученым дойти до молекулярных размеров и уровней жизни, и они научились наблюдать жизнь с помощью самых различных научных методов, в том числе с помощью рентгеновских лучей.

Традиционно под жизнедеятельностью понимается способ существования или деятельности человека. Не отрицая общего смысла данного определения, здесь уместно отметить, что в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля предлагается следующее объяснение жизни, а именно: «Жизнедеятельность — это сила орудная, животная и растительная» [5].

Другими словами, такая расширенная трактовка жизни подразумевает не только существование и деятельность самого человека, но и активное проявление жизненных свойств всего окружающего биологического мира. В последующем различные области жизнедеятельности, благодаря работам выдающегося российского естествоиспытателя и мыслителя В.И. Вернадского, получили совершенно новые и оригинальные названия и стали обозначаться соответственно, как «ноосфера» и «биосфера» [3].

Прежде чем рассуждать и размышлять над человеческой судьбой и жизненным путем человека, нужно выяснить, что же такое «Жизнь».

Для того чтобы дать точнее определение слову жизнь, я обратился к словарю Ожегова и выяснил, что жизнь — это: 1. Время такого существования от его возникновения до конца, а также, в какой-нибудь его период. 2. Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях.

Для своего рассуждения над жизненным путем и судьбой человека больше стоит обратить внимание на первое толкование слова «жизнь». Начнем, пожалуй, с жизненного пути человека. Жизненный путь, как мы уже поняли, длится от самого зарождения ребенка в утробе матери до его смерти. Жизненный путь — достаточно долгий и насыщенный, на нем любой человек бывает счастлив или печален, терпит и взлеты или падения, добивается своих поставленных целей или же терпит полную неудачу.

Чем моложе и беззаботнее человек, тем более простой и веселый жизненный путь у него. Что нужно ребенку для счастья? Всё просто: любому ребенку нужно внимание, общение и маленькие подарки (они же сюрпризы). В юном возрасте он не думает о том, что ему надо платить налоги, искать работу, строить семью и заниматься прочими «мелочами», которыми заняты взрослые. Но чем старше становится человек, тем сложнее и неприятней становится жизненный путь, и он начинает понимать, что некупленная мамой шоколадка в детстве на его «хочу» была такой мелочью, по сравнению с тем, что он переживает и проходит теперь.

От беззаботного детского мышления человек начинает уходить, где-то в 16-17 лет, потому что в этом возрасте ребенок уже, как правило, готовится к поступлению в институт и переезду от родителей. Но уже в 21-25 лет мышление полностью формируется, и человек начинает понимать и ощущать все реалии жизни, как хорошие, так и плохие. Однако в ходе своих рассуждений понимаешь, что нельзя всех «грести под одну гребенку», ведь у всех людей разная судьба, а значит и разный жизненный путь. Кому-то повезло родиться в богатой семье, где он не думает ни о чем, а просто умеет «отстегивать» деньги направо и налево, без способности заработать их снова, а кому-то не повезло, и он родился в бедной семье, и он знает истинную цену каждой бумажной купюре и не сорит деньгами, хотя если задуматься, то кому из них двоих ещё больше повезло...

Если человеку нравится его жизненный путь и судьба, которая была уготована заранее (как говорит нам библия), то он будет счастлив и будет считать, что ему повезло, как никому другому, а если ему не нравится, то он найдёт сотни тысяч виноватых в том, что у него что-то идет не так. Но не все люди верят в то, что судьба предначертана с рождения, многие сами строят свой жизненный путь и свою судьбу так, как им хочется. Они достигают

неимоверных высот или же опускаются на самое дно, чтобы познать все реалии жизни и испытать на своей, простите, шкуре абсолютно всё.

Я согласен с теми людьми, которые строят свою жизнь сами, опираясь ровно на то, что есть у них сейчас, а не на то, что было у них или их друзей и/или родственников или, то что будет, когда-то в далеком будущем.

Судьба человека — это сложная и неизвестная штука, которую никто и никогда не сможет разгадать, ибо у каждого она своя, и каждый делает её такой, какой он хочет её видеть или же просто плывет по течению жизни не пытаясь, что-либо поменять и выйти за рамки условий комфорта. Ведь только выходя за эти самые рамки человек развивается, становится умнее и сильнее как морально, так и физически. Нет ни одного известного человека, который, не выходя за рамки своего комфорта, смог бы добиться небывалых высот. Всегда приходится жертвовать какой-то зоной комфорта.

А с другой стороны, какая то малая часть судьбы не зависит от нас, она зависит от времени, обстоятельств, событий и многих других факторов, на которые человек не способен повлиять. Именно эта часть судьбы мешает некоторым людям становиться сильнее и лучше, а некоторых она закаливает и готовит к ещё более жестоким испытаниям на их жизненном пути.

Если же рассмотреть понятие «жизнь» по второму варианту его толкования, то жизненный путь и судьба человека, а в данном случае скорее человечества, то это такая вещь, которая не поддается никаким корректировкам и изменениям. Она движется ровно в таком темпе и в таком направлении, который был изначально задан массой. Например, взять любой лагерный отряд. Если он сначала задает себе вектор на достижение звания лучшего отряда, и все в этом согласны, то они и будут уверенно расти и развиваться, а если всем из отряда будет все равно, то к концу смены его тяжело даже будет назвать отрядом, это будут просто дети, которые «просто заглянули на огонек в диком лесу и попросились переночевать». Так же ведь и во взрослой жизни, если вся масса людей в которой находится человек растет над собой, то и он невольно растет вместе с ней, а если она, наоборот, деградирует, то и человек будет деградировать, сам, как будто, вовсе не замечая этого.

Судьба человека начинается с самого начала, то есть с родильного дома. Глядя на новорожденных детей, которые лежат все одинаковые хорошие, чистые, розовые младенцы. И все такие похожие. Но среди них окажутся люди с разной судьбой. Кто-то окажется учителем или философом, а кто-то вором или даже убийцей, преступником, одним словом. Страшно задуматься, почему так сильно и кардинально разнятся судьбы людей. Многое зависит от тех целей, которые они пред собой ставят.

Действительно ли, человек — сам вершитель своей судьбы, или всё уже предначертано заранее? Иногда человек — очень талантливый и способный, но несчастный, и многого не достигает в жизни. А порой человек не имеет способностей, но за него беспокоятся его родители и помогают ему, и у него всё получается.

Каждый человек — он сам вершитель своей судьбы. Так что с этими словами можно поспорить. Надо стараться продлевать свою жизнь, а вместо этого многие люди сознательно сокращают её своим курением и пьянством. Человеку необходимо много ходить. Так, например, два часа ходьбы прибавляют человеку семь лет жизни.

Жизнь прекрасна, но жизнь — это вовсе не ложе из роз. Хотя она бывает полна взлетов и падений, у неё много острых граней, состоящих из неудач и успехов. Для некоторых людей жизнь трудна, жестока и беспощадна. Эти люди видят жизнь в качестве наказания на протяжении всего своего жизненного пути. Поэтому они смирились с судьбой, полагая, что для них все кончено. Для них ничто из того, что они делают, не может быть хорошим. Они наслаждаются совершением преступлений и калечат других, чтобы отомстить за свое несчастье [6]. Они могут утратить, потерять всякое чувство направления и в большинстве

случаев, некоторые из них заходят слишком далеко, например, даже могут покончить с собой просто, чтобы избежать несправедливости, которую им преподносит жизнь.

Но есть и те, кто видит в жизни вызов, канал открытий и инноваций, перспективу успеха и путь к богатству. Им жизнь сладка, красочна и добра. Независимо от ситуации, в которой эти люди оказываются, они продолжают настаивать, веря в причину, чтобы преуспеть и получить максимальную отдачу от жизни. Неудивительно, что есть такая поговорка, которая говорит нам: «там, где есть жизнь, есть надежда».

Желание преуспеть или потерпеть неудачу находится в пределах индивидуальной юрисдикции. Вы можете жить полной жизнью с максимальным удовлетворением и исполнением, если решите всем своим умом, телом и душой преуспеть. С другой стороны, жизнь может быть несчастной для вас, если вы принимаете всё, что с вами происходит, как должное и ждете, когда судьба разыграет свою карту.

Постановка целей и стратегических планов, которые будут стремиться к своей реализации, независимо от того, какие шансы будут у вас, является одной из основных вещей, необходимых для того, чтобы получить лучшее от жизни. Эти цели, которые должны быть ориентированы на результат, должны быть последовательными, даже если вещи сначала кажутся размытыми или непреклонными.

Кроме того, ум человека — это центр всего. Он контролирует наши мысли и убеждения. Сосредоточенный ум никогда не подводит. Позитивный ум помогает раскрыть свои таланты и возможности. Великие мужчины и женщины, как живые, так и мертвые, были сосредоточены на чем-то, и ничто не удерживало их от достижения их мечты. У каждого из великих людей была вера, на которой они держались; они сами питали свою веру, сосредотачивали все свое внимание и жили вместе с ней. И сегодня мы так или иначе выигрываем от изобретений и великих идей тех, кто верил в своё предназначение и судьбу (лат. «*fatum*»).

Таким образом, жизнь — это, прежде всего, вызов. И для того чтобы кто-то преуспел в жизни, он должен быть готов показать то, из чего он сделан. Он должен быть готов пожертвовать своим временем и подготовить свой разум для успеха. То, что происходит в нашей обычной каждодневной среде, не должно влиять на нас в наших ежедневных поисках успеха в жизни. Вместо этого мы должны контролировать события вокруг нас.

Жизнь не очень-то легка, поэтому много людей спешат и пропускают то главное, чего они хотят достигнуть в жизни. Не спешите в жизни. Идите шаг за шагом. Каждый шаг должен быть должным образом спланирован.

Все великие мужи вплоть до сегодняшнего дня так или иначе постигли смысл жизни и вкусили «плоды» жизни, но они на этом не успокоились. Вместо этого они вновь начали действовать, возобновили свои усилия, чтобы переопределить свои цели; они продолжили свою работу с верой, веря в свои силы и потенциал, сосредотачивая свой ум на чем-то, прекрасно зная, что в каждом черном грозном облаке всегда есть своя «серебряная подкладка».

2. Экзистенциализм как философия жизни. Экзистенциализм в переводе с латыни означает существование, то есть получается, что экзистенциализм — это философия существования, жизни. Это - доминирующее направление философии XX века [1].

Экзистенция - это и есть сама человеческая жизнь. Это экзистенция, которая рассматривается изнутри ее самой (изнутри своей собственной жизни). Я знаю, что я человек, потому что я одушевлен. Значит, экзистенция — это одушевленность.

Но вы не заполняете всю вселенную, вы не бог, она занимает свое маленькое место в мире. Экзистенция - это короткое время, это жизнь здесь и теперь (не там и тогда, как было раньше). Все это стягивается к одной точке — «Я» эту «я» специально даже подчеркивают и выделяют. Но это «я» говорит не о себе самом, а о я любого «я» другого человека.

Экзистенция всегда сопровождается: свободой и творчеством. Жан Поль Сартр, в одной из своих статей, проанализировал всех экзистенциалистов и разделил их по основному критерию на два лагеря, а именно: 1) религиозные; 2) атеистические, но это не обязательно связано с отрицанием бога. И кстати в Советском Союзе (в СССР) почему-то смягчали, не называли атеистическим, а называли светским.

Ж.-П. Сартр был категоричным человеком и не стеснялся называть вещи своими именами, за это, кстати, он не редко платил. А отличаются экзистенциалисты по одному критерию, а именно: открытость и закрытость. Первые, религиозные экзистенциалисты, были связаны с непрерывной открытостью индивидуальности во вне, эта открытость позволяла вступать в диалог с другой экзистенцией, и преодолевать непостижимую границу, к ним, например, относился германский философ Ясперс.

А второй экзистенциализм связан наоборот связан с закрытостью экзистенции. Говорит о том, что невозможно чтобы один человек понимал другого человека, невозможность диалога и невозможность коммуникации. Это как яйца в авоське у старухи, где они как бы вместе, но при этом сами по себе.

Экзистенциализм наиболее активно развивался именно в XX веке, и как философия, и как литература, и даже кинематограф. В ранней форме развивается накануне первой мировой войны в России (Лев Шестов), после войны в Германии (Мартин Хайдеггер, Карл Ясперс), а во время второй мировой войны во Франции (Жан Поль Сартр, Альберт Камю, Марсель)

Своими предшественниками они считали Кьеркегора, Достоевского и Ницше. В центр внимания экзистенциалисты ставили вопросы: вины и ответственности, отношения человека к миру и смерти. А проблемы науки, морали и религии их интересовали менее.

Они отказываются от знания и хотят вслушаться, проникнуть в переживания человека, который существует здесь и теперь.

Почему экзистенциализм появился в такое тяжелое время? Потому что именно в трудное время, время войны людям понадобилось осмыслить все социальные потрясения, которые их настигли. И именно попыткой осмысления этих явлений стал экзистенциализм. Это течение обратилось к кризисным ситуациям и обстоятельствам, в которых оказался народ.

Бытие для них некоторая целостность субъекта и объекта, человека и мира. При этом бытие понимается как человеческое существование, как экзистенция, которая непознаваема никакими философскими средствами.

Немецкий экзистенциализм ярко представляет Мартин Хайдеггер. Старший из поколения экзистенциалистов. Он был учеником Гуссерля. И считал его родоначальником этого течения. После смерти занял кафедру Гуссерля. Написал философский труд «Бытие и время» - эта книга ознаменовала становление направления с выраженной программой. Он даже состоял в партии Гитлера. Опираясь на феноменологию Гуссерля, Хайдеггер стремился раскрыть смысл бытия через рассмотрение этого бытия. Он писал о бытии человека, значит, о самой жизни.

У Гегеля на первом месте было бытие, а у Хайдеггера на первом месте – становление, как некое развитие. Не просто становление как таковое, а стать кем-то. Бытие – это становление, бытие - это и есть время, потому что бытие - это некоторый промежуток времени. Человек есть экзистенция – это такое становление, которое и есть бытие. А бытие ставит вопрос: бытие присутствует в нас? И каким образом мы присутствуем в нем? Поэтому появляется категория, которая называется «категория присутствия». Бытие - это присутствие одного в другом. Человека в мире и наоборот мира в человеке. Хайдеггер считает, что смысл человеческому существованию придает его конечность и временность. Поэтому он говорит, что время должно рассматриваться как главная характеристика бытия. Задача заключается в том, чтобы раскрыть связь между бытием, временем и человеком. Он говорит, что бытие и время едины; что ничто кроме человека не знает о своей конечности, а значит только

человеку ведома временность, а значит и бытие. Время, которое переживает человек он называет «временностью». Это время заключено между рождением и смертью. Он говорит, что прошлое настоящее и будущее взаимно проникают друг в друга. И они постоянно влияют друг на друга. И даже говорит, что человек сам создает время, потому что человек строит планы. Он говорит, что личность заброшена в мир, который не имеет смысла, кроме того который она сама ему придает. Личность существует из-за себя и для себя, никому больше кроме себя ты не нужен. Хотя человек и нуждается в коллективе, но настоящая связь между ними не может быть (коллектив подавляет личность). Личность всегда направлена к смерти.

Итак, человек свободен и одинок, перед ним тысяча дорог и выбор зависит только от него. Также представителем немецкого экзистенциализма Ясперс, он относился к религиозному течению. Он был врачом-психиатром. Он считал условием для общения всех людей общий духовный источник. Если человечество откажется от своей общности в судьбе и вере, то возможность человеческого общения оборвется. Это просто на просто жизненная необходимость. Основная задача его философии – это раскрытие «шифров бытия».

Экзистенциалистская философия во Франции. Это течение во Франции зародилось в 1940-х годах. Это — Сартр, Камю, Марсель. Также, как и немецкие экзистенциалисты, они в центр внимания помещают человека и его проблемы. Человек единичен и неповторим. Во Франции очень активна была литературная деятельность. Свои идеи излагают не только в философских трудах, но и в драматургии, романах, новеллах. Это способствовало расширению круга заинтересованных людей этим направлением.

Самый значительный представитель – Жан Поль Сартр. Он написал огромное количество теоретических трудов на, а также много романов и пьес. Он активно интересуется политической жизнью. Он опирался так же на идеи Гуссерля, Хайдеггера, Гегеля. Бытие, по Сартру, было в трех формах: «бытие в себе», «бытие для себя», «бытие для другого». Но он возражал Хайдеггеру и говорил, что бытие и экзистенцию нужно описывать, имея в виду сознание. Сознание, по его мнению, не из чего не вытекает, оно отличается от всего на земле. Нет ничего что можно было бы назвать сознанием. Это что-то неопределенное и необычное. Он постоянно произносит слово «ничто». Это ничто присутствует почти везде. Даже сознание – это, по сути, ничто. Он говорил, что ничто, бытие и сознание между собой хоть и связаны, но не связаны вообще [4].

Ж.-П. Сартр считает, что прошлое всегда оказывается настоящим, которое выражает прошлое. Я есть прошлое, без меня прошлого не будет, и будущего, и настоящего. Это не значит, что он не будет существовать, это значит, что мы его не сможем открыть и понять. Я единственный, у кого есть мое прошлое. Он говорит, что свобода человека сохраняется в любой обстановке. Также утверждая, что только в моменты глубочайших потрясений человек может постигнуть экзистенцию, и прозреть, например, когда ему угрожает опасность, смерть.

Своей популярностью это направление обязано творчеству французского писателя Альберта Камю. В его произведениях, особенно поздних, определяется его экзистенциалистская позиция в жизни. Он совмещает литературу и философию. Он даже пишет как-то иначе, не как другие писатели. Его называли «философом абсурда». Его произведения пронизаны этим абсурдом.

Итак, для экзистенциалистов аксиомой становится экзистенция, сама жизнь. Но если Гегель что-то мог сказать о своем мировом духе, мог сказать про его бытие. А экзистенциалисты ничего про свою экзистенцию утверждать не могут. Она строго индивидуальна. Она оказывается неким иксом, находящимся в основании всего, но где находится этот икс, никто понятия не имеет. И правы те экзистенциалисты, которые начали брать на вооружение не одну экзистенцию, а множество индивидуальностей. Экзистенция – это жизнь человека, как индивидуального существа, и эта жизнь рассматривается изнутри ее

самой. Характеристики: творчество и свобода. Она опирается на самобытие и на сознание самого себя.

Поэтому Сартр считал, что, когда человек рождается, его нельзя еще определить, а нельзя потому, что он пока из себя ничего не представляет, он не создал себе сущности.

А самый достойный ответ на вечный философский вопрос: откуда появился человек? — Сартр ответил гениально: «Человек появился от мамы с папой, а остальное — это всё дело ваших амбиций. Хотите быть от обезьян пожалуйста; хотите от бога, тоже не возбраняется» [4].

Я считаю жизнь очень простой и в то же самое время очень сложной вещью. И знаете, от жизни нужно получать удовольствие. Нужно наслаждаться жизнью, трудом, каждым её моментом. А иначе, зачем вообще тогда жить? Надеюсь, что вы со мной в этом, может быть, согласитесь.

Заключение. Жизнь — это величайшая загадка, которую надо не то, чтобы разгадать или решить, а скорее принять. Поэтому-то и говорят в народе, что «жизнь пройти — не поле перейти». Эта пословица известна всем образованным людям. Многие знают также и известное выражение средневекового восточного философа Омара Хайяма о жизни, которое учит нас главным правилам безопасной жизнедеятельности, а именно:

«Чтоб мудро жизнь прожить, знать надобно немало.

Два важных правила запомни для начала:

Уж лучше голодать, чем что попало есть,

И лучше одному, чем вместе с кем попало».

Осмысление жизни — это очень важно для каждого человека. Это важнейший мыслительный процесс, который помогает саморазвитию человека, помогает подняться над самим собой, возвыситься и прийти к новым целям и задачам своего бытия.

Итак, мы рассмотрели в своей работе понятие жизни и её смысла, различные взгляды философов на данный предмет, а также высказали свои собственные мысли по этому поводу. Судьба человека и поиски смысла жизни, то есть поиски жизненного пути тесно взаимосвязаны. Кем станет человека для самого себя, и кем он окажется для окружающих, добрым или злым гением, помощником или вредителем, добрым соседом, доброжелателем или врагом — все эти варианты возможны и зависят от множества случайных внешних факторов, а также и от самих конкретных людей. Жизнь человека — бесценна. Нельзя, ни при каких условиях, отнимать жизнь у другого человека. Преступления против жизни, против личности — убийства, это самые тягостные уголовные преступления, за которые следует строго наказывать, чтобы впредь неповадно было [6]. Распорядиться своей жизнью нужно так, «чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы» [7]. Эти слова известного советского классика — писателя Н.А. Островского (1904-1936) должен помнить каждый человек.

Получается, что само осмысление жизни и жизненного пути, которое сопровождает жизнедеятельность каждого здравомыслящего индивида, представляет собой особый, философский образ существования и жизнедеятельности человека. Так это было во времена античности, так это остаётся и сегодня, в наши дни.

Библиографический список

1. **Зарубин А. Г.** Философия экзистенциализма. Экзистенциализм. [Электронный ресурс] // URL://<http://studal.org> (дата обращения: 17.02.2019)
2. Лекции Павлова. [Электронный ресурс] // URL: http://www.youtube.com/watch?v=d9efrXSGRDc&list=PLdLc7wWLN659z1aO_RZWkIf8hYdl7W3MF (дата обращения: 17.02.2019)
3. **Лобачев А. И.** Безопасность жизнедеятельности: учеб. 2-е изд. - М.: Высшее образование, Юрайт-Издат. 2011. — 367 с.

4. **Сартр Ж.** [Электронный ресурс] // Электронная библиотека ИФ РАН. Новая философская энциклопедия. // URL: <https://iphlib.ru/greenstone3/library/collection/newphilenc/document/HASH01beef78be72acbbaa2e9dbe> (дата обращения: 17.02.2019)
5. Словарь. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/> (дата обращения: 17.02.2019)
6. "Шел к мести два года": кто заказал убийство семьи бизнесмена Зейналова [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/incidents/20181103/1532054956.html> (дата обращения: 17.02.2019)
7. **Островский Н.А.** Как закалялась сталь. Роман. – М.: Издательство «Художественная литература», 1977. – 367 с.
8. **Peter Atkins, Julio de Paula.** Physical Chemistry for the Life Sciences. Publisher: W. H. Freeman; 2-nd edition. 2011. [Электронный ресурс] // URL: https://astro.ins.urfu.ru/sites/default/files/upload_files/temp/1/Physical_chemistry_for_the_life_sciences.pdf (дата обращения: 17.02.2019)

УДК 130.121

*Воронежский государственный технический университет
кандидат философских наук, доцент кафедры
философии, социологии и истории
И.М. Бочарова
Россия, г. Воронеж, тел. (473)271-50-04
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
PhD in Philosophy,
Associate Professor of Philosophy, Sociology and History
Chair
I. M. Bocharova.
Russia, Voronezh, tel. (473)271-50-04
e-mail: hist-vgasu@yandex.ru*

И.М. Бочарова

В. СОЛОВЬЕВ О ДУХОВНОМ ВОЗРОЖДЕНИИ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье с философской точки зрения исследуются взгляды В. Соловьева на реформирование церкви как инструмента социальных преобразований российского общества. Церковь прошла через испытания XX века, сохранив «неповрежденные духовно-нравственные ценности» и готова передать их обществу, которое нуждается в духовно-нравственном обновлении. Особо подчеркивается ее дальнейшее духовное развитие с учетом современного времени и исторических вызовов.

Ключевые слова: церковь, православие, гуманизм, София, софиология, богочеловечество.

I.M. Bocharova

V. SOLOVIEV ON THE SPIRITUAL REVIVAL OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

The article from a philosophical point of view explores the views of V. Soloviev on reforming the church as an instrument of Russian society social transformations. The church has passed through the trials of the XX th century, keeping the "intact spiritual and moral values" and is ready to transfer them to the society, which needs spiritual and moral renewal. Further spiritual development of the Church in the light of modern times and historical challenges emphasized.

Key words: Church, Orthodoxy, humanism, Sophia, sophiology, God-manhood.

Русская религиозная философия была ознаменовано в XIX веке «новым религиозным пробуждением» [1.С.288]. Об униженности и ложности положение церкви в стране резко начали говорить мыслители А. Хомяков, В. Соловьёв и др.

Они считали, что институту церкви резко повредила политика его огосударствления. Более двух веков Русская церковь вместо того, чтобы служить основой единения России, служила целям разделения и вражды [2.С.6]. Божественная мера в мире церковных властей и человеческая мера оказались подмяты государством [3.С.143]. О степени контроля государства над церковью свидетельствует точка зрения И. Аксакова: о том, что власть «хранительница догматов господствующий веры и благостительница всякого в светлой церкви благочестия» [4.С.16] стоит на страже русского православия.

Россия в конце XIX века имела среди своих сынов православной церкви человека, обладавшего талантом пророка – это был Владимир Соловьев. Он поставил цель умножить богочеловечность религиозного процесса, в результате чего положил начало новому богословию.

В своих работах В. Соловьев отмечал основные черты первоначального христианства – близость Бога к человеку, социальную и практическую направленность христианства, преодоление разрыва между богом и человеком. Нравственность, считал В. Соловьев, никогда не была только личным делом, поэтому «мы осуждаем средневековый церковный строй нравственности, не за то, что он был церковным, а за то, что они вместе с добром организовали зло – глубочайшее зло религиозных преследований и мучительств, нарушая этим безусловное начало нравственности в его собственной внутренней области» [5.С.329].

Христианство, по его мнению, есть царство евангелие, оно стало для людей «идеалом безусловно высоким, с требованием абсолютной нравственности» [5.С.330]. В. Соловьев полагает, что начало совершенного добра «требует, чтобы человеческое общество стало организованной нравственностью, а церковь поставила цель – одухотворять мирское сообщество и возвышать его до себя, подчиняя мирские элементы, в том числе, государство» [5.С.330].

В.Соловьев крайне негативно относится к положению церкви в XX в. Ее деятельность он называет ее мертвой, не имеющей связи с мирянами, лишенной духовной свободы, превратившейся в носительницу казенного православия. «В церкви царит запустение, она полностью подчинена государству, в том числе и Священный Синод. Национальная русская церковь покинута Духом Истины и Любви и посему не есть Истинная Церковь» [6.С.139].

Церковь должна восстановить или обрести вновь свободу.

Церковь, которую проповедовал апостол Павел не есть отвлеченное начало, а полнота всех положительных особенностей нового возрожденного творения [5.С.365]. За вселенской церковью признается высший духовный авторитет, направляющий волю человечества, в то же время церковь представляет государству власть в делах мирских. Это подчинение осуществляется через нравственность. Государство должно как можно меньше контролировать «внутренний мир человека, представляя его свободному духовному действию церкви» [5.С.533]. Обратясь к государству, церковь способна заявить: «Мне вверены заботы о духовном спасении этих людей, а от тебя требуется об их житейских тягостях и немощи» [5.С.330].

В. Соловьев считает, что возвышение церкви до ее истинной роли позволит осуществить программу богоуподобления и решит задачу истинного назначения человека, который более удобен Богу, приближаясь к нему своей верой, любовью, умом, чистотой сердца, святостью воли. Объединение в организацию нравственности, сознательности «во имя и силу всеединого Добра» [5.С.485] должно изменить человека. Под термином «церковь» у В. Соловьева надо понимать некую всеобщую целостность и всеобхватность бытия или, как он говорит, всеединства, но только в таком идеальном состоянии, когда преодолеваются все несовершенства жизни и человек приобщается или стремится к идеальному состоянию [4.С.16].

В учении о Богочеловечности категория тела выполняет важную функцию: «Верить в человека, значит признавать в нем нечто больше того, что налицо, значит, признавать в нем ту же силу и ту свободу, которая делает ее телом Божьим. Истинный гуманизм есть вера в Богочеловека и истинный натурализм – вера в Богоматерию. Оправдание этой веры, действительность Богочеловека и Богоматери даны нам в Христе и Церкви, которая есть живое тело Богочеловека» [5.С.314].

Человечество представлено у В. Соловьева как богочеловеческое тело, а церковь «как собирательное тело совершенного богочеловека, которое держится внутренним сочетанием божественного и человеческого элементов. Сущность церкви состоит в союзе богочеловека и богочеловечества. Задача церкви представляет три тесно связанных между собой стороны: утвердить истину богочеловечества, оправдать для сознания и осуществить в практике жизни.

Православное христианство и православная церковь дают обоснование для начала новой духовной жизни и гармонии человечества. Лишь только Вселенская (общечеловеческая) культура сможет обеспечить «прочное удовлетворение потребностей человеческого чувства, мышления и воли и вводит людей в общение с миром божественным».

В.В. Розанов отмечает, что споривший с А. Хомяковым В. Соловьев «в сущности продолжает его» [7.С.374]. В. Соловьев как и А. Хомяков охарактеризовал структуру церкви как множественность. У В. Соловьева так же как у А. Хомякова церковь состоит из «видимой» и «невидимой» частей. «Видимая» часть символизирует межличностное общение верующих между собой, а невидимая часть символ связи человека с Богом. В. Соловьев выделяет иерархию, состоящую из совокупности отдельных людей, органической формы «тела». В. Соловьева и А. Хомякова объединяет признание, что церковь опирается на идею бога.

Церковь, по мнению В. Соловьева, должна составлять нормальную основу общества. В отличие от традиционного христианства, В. Соловьев расценивает церковь не только как место для богослужения, а как «тело божественного Логоса», как тело Иисуса Христа, что дает возможность единения верующих с Сыном Божиим «именно потому, что в самой своей Личности сочетает божественную и человеческую природу» [9.С.209]. «Тело» надо понимать не просто как метафору, а как выражение факта: все лица, входящие в Тело Церкви суть органы Церкви, способные участвовать в полноте Богочеловеческой жизни... Человек в теле Церкви подвергается коренным воздействиям ее и воспитывается для восхождения к высочайшей цели обожения Христа [9.С.209]. Ко многим терминам В. Соловьева необходимо относиться критически, например, когда он ставит цель раскрыть истинную очеловечивающую роль церкви и развивает понятие «небесной церкви», церкви современной видимой и невидимой, трансцендентной, способной стать прообразом реальной церковной организации [5.С.540]. В трансцендентном образе церкви идеализируется ее соборное начало («единство во множественности»), и объединение мирских сообществ и церковного братства в новую форму – богочеловечества.

Церковь рассматривалась как духовное братство, перед которым должно отступить социальное неравенство. Она выступает как положительное явление в процессе одухотворенности государственного и общественного строя [10.С.301]. Центральной идеей является гуманистическая идея всечеловеческого единения всемирного братства [10.С.302]. Живым основанием и краеугольным камнем всечеловеческой церкви В. Соловьев называет всемирно-историческое начало, имя которому И.Христос. Истинное христианство должно соединить все человеческие дела в одно всемирное общее дело. Высшей целью абсолютного существования является общественный союз – «который может быть назван духовным, или церковью» [11.С.147].

В. Соловьев одновременно с социальным и социокультурным образом церкви исследует и формирует гносеологический образ. Он характеризует небесную церковь качествами Божественной премудрости, которая окутана и наполнена нравственными ценностями добра, совести, ответственности. С этой целью он вводит особый образ – Софии (Души мира), вечной женственности, четвертой ипостаси Бога, вечной красоты и мудрости.

«В церковной памяти русского православного народа представление о Софии хранилось как условие религиозной жизни всего народа» [12.С.44]. В данном случае София является как некоторая богословская метафора, символ веры небесной. В. Зеньковский писал, что в православии софиологическая тема есть тема религиозная [13.С.147].

Н. Бердяев так же подчеркивал, что В. Соловьев учит не только о богочеловечестве, но и о Бого-космосе, русскому религиозному сознанию как бы раскрывается душа мира в своей премудрости, софийности отсюда пошло учение о Софии [14.С.315].

София или Мировая душа В. Соловьева обладает единством духовного и материального. Космический разум в борьбе против первобытного хаоса и в союзе с Мировой душой творит в ней и через нее сложное и великолепное тело Вселенной, а София придает общее единство Богу, миру, человеку.

В традиционном христианстве существуют понятия тела, души и духа, которые в софиологии В. Соловьева напоминают трехатомичное строение человека – тела – души (воля, чувства, разум), названный Софией с добавлением «Логоса» (закона, Бога) [15.С.388].

София – это не абстрактно-теоретическое знание, безразличное к деятельности и не связанное с практикой. София – это истина активная, соединенная с действием живой, органической связью. София – это Жиздательница, Мастерница, Художница [16.С.131]. Эти характеристики вполне подходят к такому явлению как церковь. В софиологии мы обнаруживаем системный подход в мистическом виде, центром которой является Бог, а сам метод применяется для анализа такой системы как саморазвивающаяся религиозная организация. Церковь эта всемирна, в ней важное место занимает восточное православие, сохранившее древние традиции, богословие и духовную культуру.

Для совершенствования церкви В. Соловьев применяет метод выделения «части» в рамках целого. «Этот метод применяется в работе «История и будущность теократии» для обоснования преимущественной роли священников (управляющей системы института). Высших священников В. Соловьев считает той «частью» клира, которые смогут поднять «мир» до уровня бога и соединить с собою все, быть во «всем во всех» [17.С.229].

Метод сакрализации «части» он использует для выделения священства, в чем не должно быть «обидного равенства для других людей».

Учение о Софии В. Соловьева сформировалось вследствие кризиса христианского мышления. Недостаточная связь между «богом и миром» означала несостоятельность старой церкви, ее идейного тупика. Прошлая история церкви была представлена как всеединство, как всечеловеческое братство, «должно быть общее международное священство, объединенное во всеобщем отце или вселенском Первосвященнике» [17.С.229]. Будущее церкви состоит в представлении ее как «всесословности, вселенского богатства, совершенного Царства благодати и истины, любви и свободы» [17.С.229]. Для В. Соловьева весь мир должен быть предстать как церковь: «Бог пребывает во всем и все в Боге» [6.С.8]. При этом Бог лишен у В. Соловьева антропоморфных черт.

Н. Бердяев оценил очень высоко интеллект В. Соловьева. Он отмечал, что «когда настанет час церковного разрешения этой проблемы церковного одоления гуманизма изнутри, а не извне, о чем вспомнят иначе, чем сейчас вспоминают свержение Церкви Христовой» [18.С.49]. В. Соловьев формирует национальную идею с мировыми задачами русской церкви, так как она, – пишет С.Н. Булгаков, – основана на религиозно-культурном мессианстве, в котором с необходимостью отливается всякое сознательное национальное чувство» [19.С.65].

Таким образом, в своих исследования В. Соловьев рассматривал реформирование церкви, ее дальнейшее духовное развитие с учетом современного времени и исторических вызовов как институт социальных преобразований российского общества. Духовное обновление народа неотделимо от духовного обновления Церкви и всего клира. В таком случае они могут выступить носителями духовных ценностей. РПЦ прошла через испытания XX века, сохранив «неповрежденные духовно-нравственные ценности» и готова передать их обществу, которое нуждается в духовно-нравственном обновлении.

Библиографический список

1. Флоровский Г. В. Пути русского богословия / Г. В. Флоровский. – Париж, 1983. – 603с.

2. **Соловьев В.** Историческое прошлое высшей церковной власти в России и современное состояние русской церкви /В. Соловьев// Высшее церковное управление в России. – М., 1905. – 585 с.
3. **Бердяев Н.** Истоки и смысл русского коммунизма/ Н. Бердяев. – М.,1990. – 221 с.
4. **Лосев А.** Творческий путь В. Соловьева/ А. Лосев // В. Соловьев. Соч. в 2х тт. Т. 1. – М., 1988. – С. 3-33.
5. **Соловьев В.** Оправдание добра. Нравственная философия. Соч. в 2х тт. Т. 1./ В. Соловьев. – М. 1988. – 892 с.
6. **Соловьев В.** Россия и вселенская церковь / В. Соловьев. – М. 1911. – 451 с.
7. **Розанов В.** Об одной особенной заслуге В.С. Соловьева/ В. Розанов// Несовместимые контрасты жития. – М., 1990. – . 370-382.
8. **Комаров Ю.С.** Общество и личность в православной философии/ Ю.С. Комаров. – Казань, 1991. – 187с.
9. **Лосский Н.О.** Условия абсолютного добра/ Н.О. Лосский. – М., 1991. – 368 с.
10. **Соловьев В.** Три речи в память Достоевского. / В. Соловьев. // Сочинения. В 2х тт. Т.2.– М. 1988. – 892 с.
11. **Соловьев В.** Философские начала цельного знания. / В. Соловьев // Сочинения. В 2х тт. Т.2.– М. 1988. – 822 с.
12. **Дурылин С.** Град Софии: Царьград и святая София в русском народном религиозном сознании/ С. Дурылин. – М., 1915. – 53 с.
13. **Зеньковский В.** История русской философии. Т.1. Ч.1. / В. Зеньковский. – Ленинград, 1991.– 194 с.
14. **Бердяев Н.А.** О характере русской религиозной мысли XX века / Н.А. Бердяев // Типы религиозной мысли в России. – Париж, 1936. – С. 309-342.
15. **Соловьев В.** Красота в природе/ Соловьев В. // Сочинения. В 2х тт. Т.2.– М. 1988.– 822с.
16. **Семенкин Н.С.** Философия богоискательства. Критика религиозно – философских идей софиологов/ Н.С. Семенкин. – М.: Политиздат, 1986г. – 175 с.
17. **Соловьев В.** История и будущее теократии/ В. Соловьев// Исследование исторического пути к истинной жизни.Т.4. – СПб., 1887. – С.214-583.
18. **Бердяев Н.** О русской философии/ Н. Бердяев. – Свердловск,1991. – 228 с.
19. **Булгаков С.Н.** Героизм и подвижничество/ С.Н. Булгаков // Вехи. Из глубины. – М., 1991. – С.31 – 73.

УДК 101.1.376

*Костромской государственный университет
доктор политических наук, кандидат философских наук, доцент
А.В. Зайцев
E-mail alexandr-kostroma@mail.ru*

*Kostroma State University
Doctor of Political Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor
A.V. Zaitsev
E-mail: alexandr-kostroma@mail.ru*

А.В. Зайцев

**«КРИТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ» В ФИЛОСОФСКОЙ РЕФЛЕКСИИ
ДЖОНА ДЬЮИ**

В статье рассматривается новаторский метод критического мышления или, точнее, критической рефлексии в сфере образования, сформулированный американским философом и педагогом XX века Джоном Дьюи. Автор показывает, что разработка Дж. Дьюи данного метода прошла практическую апробацию в ряде американских школ, получила положительные отклики и была внедрена в педагогическую и образовательную практику. Теория «критического мышления» не утратила своей актуальности и в современных условиях.

Ключевые слова: критический метод, рефлексия, мышление, философия, образование, школа, Дж. Дьюи.

A.V. Zaitsev

“CRITICAL THINKING” IN JOHN DEWEY'S PHILOSOPHICAL REFLECTION

The article discusses the innovative method of critical thinking or, more precisely, critical reflection in the field of education, formulated by the American philosopher and twentieth-century educator John Dewey. The author shows that the development of J. Dewey of this method has passed practical approbation in a number of American schools, has received positive feedback and has been introduced into the pedagogical and educational practice. The theory of "critical thinking" has not lost its relevance in modern conditions.

Key words: critical method, reflection, thinking, philosophy, education, school, J. Dewey.

Критическое мышление является широко принятой образовательной целью. Его определение регулярно переосмысливается и оспаривается, но конкурирующие между собой определения критического мышления могут трактоваться как различные вариации одного и того же базового понятия, сформулированного американским философом Джоном Дьюи еще в начале XX века: «активное, настойчивое и тщательное рассмотрение любого убеждения или предполагаемой формы знания в свете оснований, которые его поддерживают, и дальнейших выводов, к которым оно стремится» [4.Р.6;5.Р.9].

Дифференциация существующих концепций и определений «критического мышления» варьируется в зависимости от объема такого мышления, типа, целей, норм и критериев, предъявляемых к «тщательности» такого мышления, а также от объектов, на которых оно сконцентрировано. Принятие «критического мышления» в качестве образовательной цели основывается на гуманизме и уважении к личности учащихся и студентов и предполагает их поступательную подготовку к реальной жизни и практической деятельности.

Так, по мнению Дж. Дьюи, критическое мышление выступает конечной интеллектуальной целью образования, но, в тоже самое время, отличал его от развития социального сотрудничества среди школьников, которое он считал главной моральной целью. Дж. Дьюи полагал, что формируемое в процессе школьного образования критическое

мышление будет иметь неоспоримую ценность как для отдельной личности, так и для всего общества в целом.

Джон Дьюи, наряду с Чарльзом Сандерсом Пирсом и Уильямом Джеймсом, считается основателем философского направления, называемого прагматизмом. Американский прагматизм был сформирован как философия опыта, основанная на практических последствиях эпистемологической концепции определения истины и достоверного знания. Этим прагматизм отличается от идеализма, рационализма и эмпиризма.

Дж. Дьюи поставил под сомнение дуалистическое предположение о рационализме и эмпиризме как способах достижения достоверного знания. Альтернативу им он обнаружил в экспериментальном методе исследования различных философских аспектов опыта: логического, этического, политического, эстетического, антропологического, религиозного и образовательного. Значительную часть своего обширного философского наследия Дж. Дьюи посвятил реконструкции экспериментального метода, который должен использоваться в философии в роль рефлексивного (критического) мышления.

В западной философии образования считается, что использование термина «критическое мышление» восходит именно к этому американскому философу-прагматику, то есть к Джону Дьюи, который его впервые использовал в 1910 году в книге под названием «Как мы мыслим» [4] (впервые изданную на русском языке уже в 1919 году под названием «Психология и педагогика мышления» [1]). В данной работе, а затем и в последующих научных трудах, Дж. Дьюи именовал «критическое мышление» в различных вариантах: то как «рефлексивное мышление», то как «рефлексивную мысль» или даже просто как «мысль», «мышление» и даже «рефлексию». Однако равнозначность, а, по сути дела, синонимичность этих терминов, официально признана многими современными западными философами, педагогами и психологами [9, 10].

Дж. Дьюи позиционирует свою книгу «Как мы мыслим» (How We Think) как научный труд, созданный для двух целей. Во-первых, необходимого содействия людям в оценке родства детского любопытства, плодородного воображения и любви к экспериментальным исследованиям и научному подходу. Во-вторых - помощью людям задуматься о том, как признание этого родства в сфере образовательной практике «будет способствовать индивидуальному счастью и сокращению социальных зол» [4.Р.4].

Многие из идей Дж.Дьюи были воплощены на практике некоторыми школами, которые участвовали в восьмилетнем исследовании в 1930-х годах, организованном Ассоциацией прогрессивного образования США. В отчете одной из экспериментальных школ (Университетской школы Университета штата Огайо) так была сформулирована цель улучшения мышления учащихся: «Критическое или рефлексивное мышление начинается с ощущения проблемы. Это качество мысли, направленное на то, чтобы решить проблему и сделать предварительный вывод, который подтверждается всеми доступными данными. Это действительно процесс решения проблем, требующий творческого понимания, интеллектуальной честности и здравого смысла. Это основа метода научного исследования. Успех демократии во многом зависит от настроения и способности граждан критически и рефлексивно думать о проблемах, которые должны по необходимости им решать, а улучшение качества их мышления является одной из основных целей образования» [12].

В 1933 году книга «Как мы мыслим» Дж. Дьюи была переиздана, выйдя в свет с подзаголовком «Переосмысление отношения рефлексивного мышления к образовательному процессу» [5]. В целом она сохранила прежнюю структуру и содержание оригинальной книги. Однако Дж. Дьюи внес в нее ряд существенных изменений. Так, к примеру, он переписал и упростил свой логический анализ процесса рефлексии, сделал свои идеи более ясными и определенными, заменил термины «индукция» и «дедукция» фразами «контроль данных и доказательств» и «контроль рассуждений и концепций», добавил больше иллюстраций, переставил главы и пересмотрел разделы об обучении для того, чтобы отразить изменения, произошедшие в школах за период времени с 1910 года [12].

Не объясняя причин, Дж. Дьюи исключил присутствовавшее в предыдущем издании использование терминов «критический» и «некритический», тем самым твердо остановившись на «рефлексии» или «рефлексивном мышлении» в качестве предпочтительного термина для своего предмета исследования. В переизданной книге определение «критический» встречается всего лишь один раз, когда автор пишет, что «человек не может быть достаточно *критичным* по отношению к идеям, которые ему приходят» [5.Р.6].

Обильно цитируя Фрэнсиса Бэкона, Джона Локка и Джона Стюарта Милля Дж. Дьюи обращал внимание на то, что он был не первым философом, предложившим развитие научного мышления в качестве стратегической образовательной цели. В то же время он стремился перестроить философию, используя, с одной стороны, критику философской рефлексии, которая оставалась далекой от опыта, и, с другой стороны, предлагая экспериментальный метод рефлексивного мышления о проблемах опыта, являющегося как бы противоядием от дуалистического разделения теории и практики.

Главная цель философии, как пишет Дж. Дьюи, состоит в «критике убеждений, институтов, обычаев, политики в отношении их влияния на добро» [7.Р.408]. Для него философия это прежде всего критическая деятельность, способная рефлексировать критические методы: «философия как критический метод развития методов критики» [7.Р.408]. В этом смысле философия как критика устоявшихся верований и привычек, укоренившихся в культуре, предотвращает пассивную адаптацию и делает возможной эмансипацию как творческий процесс реконструкции опыта. Из этой аргументации мы можем сделать важный методологический вывод, что для Дж. Дьюи философия это, прежде всего, «дисциплина строго мышления» или критическая деятельность, способная развить критические методы: «философия как критический метод развития методов критики» [7.Р.408]. Основным объектом философских исследований Дж. Дьюи является непрерывное, взаимосвязанное и противоречивое поле индивидуального и социального опыта. В этом смысле философия занимается логикой мышления и исследует нюансы этой логики, возникающие в результате критических рефлексивных размышлений об опыте [4.Р.3].

Понимание философии как деятельности и мышления позволило Дж. Дьюи осознать тесную связь между философией и образованием. В противоположность практике применения философий, то есть «предвзятых идей» к образованию, философия у него начинает выполнять свою роль, рассматривая образовательные проблемы как проблемы жизни. Поэтому для Дж. Дьюи философия «это только явная постановка проблем формирования правильных умственных и нравственных привычек в отношении трудностей современной общественной жизни. Самое глубокое определение философии, которое можно дать, состоит в том, что это теория образования в ее наиболее общих фазах» [6.Р.331].

Начиная с 1930-х годов многие школы в США, которые участвовали в восьмилетнем исследовании Ассоциации прогрессивного образования и приняли теорию критического мышления Дж. Дьюи в качестве образовательной цели, экспериментально продемонстрировав, как можно улучшить критическое мышление учащихся старших классов. «Анализ толкований критического мышления позволяет сделать вывод о том, что истоки педагогической новации находятся в философии образования Дж. Дьюи. – Утверждает С.А. Терно. - Именно его работы во многом определили направление педагогической мысли Америки в XX в» [2].

Рефлексивное или критическое мышление, по мнению Дж. Дьюи, проходит несколько этапов. Первый начинается с затруднения (дилемма, альтернативы) на пути выработки мнения и приводит к установлению цели, потребности в решении сомнения, что является ведущим фактором в процессе рефлексии. Второй этап заключается формулировке вопроса, на который следует предоставить ответ; он как бы образует конкретную цель, направляя поток мыслей по определенному каналу. На третьем этапе логически вытекающий вывод

оценивается по отношению к регулирующей цели, а потребность решить затруднение контролирует процесс мышления [3.С.14].

Рефлексия, с точки зрения теории критического мышления Дж. Дьюи, предполагает взвешивание, обдумывание и обсуждение. «Мыслить, – подчеркивает Дж. Дьюи, – это значит определённо связать вещи одну с другой» [3.С.48]. Обязательным условием проявления критического мышления является установление взаимосвязи фактов, которые сами по себе изолированы и фрагментарны.

Исследователи творческого наследия Дж. Дьюи отмечают наличие тесной взаимосвязи между его жизнью и философской мыслью. В автобиографическом тексте, написанном в 1930 году и названном «От абсолютизма к экспериментализму» [6], он заявляет, что исторические обстоятельства оказали большое влияние на его жизнь и заставили задуматься о проблемах жизни, избегая, таким образом, того, чтобы мысль оставалась невосприимчивой к опыту. При этом Дж. Дьюи разоблачает пресловутые, с его точки зрения, препятствия на пути самоопределения философа в процессе изменения жизни в нестабильном опыте, когда приходится испытывать различные влияния, некоторые даже несовместимые, из всех сил пытаюсь ассимилировать что-то от каждого фактора, чтобы дать логическую преемственность тому новому, что от этого узнал. Философ и педагог Джон Дьюи жил в период больших перемен в Америке и во всем мире, которые повлияли на развитие его философии и теорию критического (рефлексивного) мышления в контексте философии образования.

Библиографический список

1. **Дьюи Дж.** Психология и педагогика мышления. Пер. с английского Н. М. Никольской под редакцией Н. Д. Виноградова. М.: Издание Т-ва «Мир», 1919. 202 с.
2. **Терно С.А.** Эволюция идеи: рефлексивное мышление – критическое мышление – метакогнитивное развитие // Гуманитарные научные исследования. 2013. № 10 [Электронный ресурс]. URL: <http://human.snauka.ru/2013/10/3900> (дата обращения: 27.03.2019).
3. **Дьюи Дж.** Психология и педагогика мышления. (Как мы мыслим). М.: Лабиринт. 1999. 192 с.
4. **Dewey J.** How We Think. D. C Heath & Co Publishers: Chicago. 1910.
5. **Dewey J.** How we think : a restatement of the relation of reflective thinking to the educative process. Boston : Houghton Mifflin. 1933.
6. **Dewey G.** From absolutism to experimentalism. In: Adams G.P., Montague W.P. Contemporary American philosophy. Vol. II. New York: The Macmillan Co., 1930. p. 12-27
7. **Dewey G.** Experience and nature. New York: Dover Publications. Inc., 1958
8. **Dewey G.** Democracy and education. New York: Macmillan Company. 1944.
9. **Darcisio N.M.** The Critical Philosophy and the Education for John Dewey// American Journal of Educational Research. 2016. Vol. 4, № 17. [Электронный ресурс]. URL: <http://pubs.sciepub.com/education/4/17/2> (дата обращения: 27.03.2019).
10. **Moeketsi L., Davison Z.** Thinking: Lessons from John Dewey's How We Think // Academic Journal of Interdisciplinary Studies. 2013. Vol. 2. № 2. P. 51- 60.
11. Commission on the Relation of School and College of the Progressive Education Association 1943. P. 745–746. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/entries/critical-thinking/history.html> (Дата обращения 26.03.2019 г.).
12. Supplement to Critical Thinking. History. // Stanford Encyclopedia of Philosophy. [Электронный ресурс]. URL: <https://plato.stanford.edu/index.html>. (дата обращения: 27.03.2019).

УДК 130.2

Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат философских наук, преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин
С.И. Иванова
Россия, г. Воронеж, тел. +79065878175
e-mail: isvetlanai@inbox.ru

Military Educational and Scientific Center of the Air Force «N.E. Zhukovsky and Y.A. Gagarin Air Force Academy»
Ph.D. in Philosophy, Lecturer of Humanitarian and Social and Economic Disciplines Chair
S.I. Ivanova
Russia, Voronezh, tel. +79065878175
e-mail: isvetlanai@inbox.ru

С.И. Иванова

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ДИСКУРС В МИРОВОЗЗРЕНИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ЭЛИТЫ РОССИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА

В статье рассматриваются проекты идеи нации в трудах русских мыслителей второй половины XIX века. Славянофилы выделяли в качестве основных этнические характеристики нации: религию, «племенные» особенности, «почву» и национальный характер. Предпринимались попытки разработать проекты национальной идентичности, основанные на гражданском понимании нации, но они не получили широкого распространения.

Ключевые слова: национальный вопрос, нация, славянофилы, Российская империя.

S.I. Ivanova

NATIONAL DISCOURSE IN OUTLOOK OF INTELLECTUAL ELITE OF RUSSIA OF THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY

The article discusses the draft ideas of the nation in the works of Russian thinkers of the second half of the XIX century. Slavophiles singled out the main ethnic characteristics of the nation: religion, «tribal» features, «soil» and national character. Attempts were made to develop projects of national identity based on the civil understanding of the nation, but they were not widely spread.

Key words: national question, nation, slavophiles, Russian Empire.

Вторая половина XIX века характеризуется ростом интереса общественного мнения к национальной проблеме. Неудача в Крымской войне (1853-1856 гг.), дипломатическое поражение России на Берлинском конгрессе, сводящее на нет ее военные успехи в Русско-Турецкой войне (1877-1878 гг.), показали враждебность Запада в отношении России и славянства в целом. Подобные настроения вызвали в русской общественности, особенно славянофильской направленности, устойчивое мнение о том, что Запад опасен для России, и необходимо ослабить его влияние на славянский мир.

Другим важнейшим фактором, обусловившим обращение к национальному вопросу, стала активизация национальных движений народов Российской империи. Ожесточенная борьба поляков за свою независимость в восстаниях 1830-1831 гг. и особенно в 1863-1864 гг. привела к кризису русского национального самосознания. Находясь внутри Российской империи, поляки, славяне по этнической природе, не разделяли с русскими славянской православной веры, а стремлением к независимости, наносили удар по идее панславистского единства.

Потеряв политическую независимость, поляки, тем не менее, создают свой собственный проект национальной идентичности, который, по сути, являлся вызовом русскому имперскому проекту (восставшие поляки требовали восстановления польского государства в границах 1772 года, претендуя на территории Западного края, которые Россия считала своими «исконными землями»).

Обращаясь к рассмотрению проектов национальной идеи в трудах русских мыслителей, следует сказать о том, что дискуссию во многом инициировали представители консервативного направления (классические славянофилы). По словам Г.П. Федотова, особенностью развития западничества в России был его слабый интерес к национальному вопросу. Поэтому почти все значимые исследования в области национальных проблем «оказались предоставленными историкам националистического направления» [1.С.626].

Славянофилы восприняли взгляды на «народ», характерные для европейского романтизма, которые превозносили идею «иррационального» в народе, то есть строили идею нации «на подсознательных или полусознательных элементах его жизни, каковы язык, фольклор, языческая религия природы. Народ романтиков совпадал с языковой общиной» и, как правило, идентифицировался с крестьянством как «хранителем народности» [1.С.632]. В то время как либеральные мыслители видели в нации всего лишь историческую форму всеобщего, универсального процесса прогрессивного развития человечества (В.Г. Белинский).

Консервативные философы подчеркивали самоценность нации как некоего органического целого, хоронящего традиции и самобытное творческое народное начало, обладающей, в то же время, временной устойчивостью, культурной замкнутостью и обособленностью от других культурных общностей. Они уделяли пристальное внимание разработке понятия «нация», выявлению его основных характеристик (религия, «почва», «национальный характер», «культурная идея»). Кроме того, проекты национальной идентичности, предложенные консервативными философами, определяющие в качестве основных характеристик нации религиозную и этническую составляющую, становятся популярными в условиях «догоняющей модернизации», характерной для развития Российской империи. По словам исследователей, «и в официальных, и в неофициальных представлениях образ России оказался идентифицирован либо с государством, монархией и империей, либо с православием и славянством» [2.С.67].

Славянофилы (И.С. Аксаков и Ю.Ф. Самарин) выделяли в качестве критериев национальной принадлежности как признаки природного свойства (кровное родство, единство расы, сходство языка и обычаев), так и признаки духовного содержания (душевные и нравственные качества племени, его религиозные и нравственные идеалы). Причем духовные характеристики, в их представлении, стояли выше физических. Поэтому Польша, славянская по крови, но католическая по духу, признавалась частью западного, латинского культурного мира, в целом враждебного славянству. Именно «изменою ее славянским началам», славянофилы объясняли все превратности судьбы польского народа: внутреннее разложение польского общества, отсутствие народной культуры, угнетение православного населения западного края и даже политическую гибель польского государства. А ее «возрождение» связывали исключительно с возвратом Польши в лоно православной церкви. В противопоставлении «погибающей», «разлагающейся» Польши, славянофилы сформировали идеальный образ России. Несмотря на духовный раскол русского общества и утрату связи с народным прошлым, в результате реформаторской деятельности Петра, Россия в отличие от Польши, сохранила крепкую народную основу, носителем которой было крестьянство. С «возвратом к народным началам» славянофилы связывали не только «возрождение» России, но и «перерождение» Польши, православное, крестьянское население которой признавалось носителем славянской стихии. Демократически настроенная интеллигенция, «народники», также видели в «народе» (простом народе, крестьянстве) - общность, которую интеллигенция должна просветить, и с которой она должна объединиться для борьбы с самодержавием. Несмотря на различное понимание

исторической роли крестьянства (славянофилы считали, что русский народ отказался от политического бремени в пользу монархии), народническая интерпретация крестьянства как истинного представителя народа была близка к славянофильской: простой народ признавался хранителем подлинных ценностей и морали, а интеллигенция, неся народу просвещение, одновременно должна проникнуться народным духом [3.С.159].

Почвенники (Н.Н. Страхов, Ф.М. Достоевский, А.А. Григорьев) сместили акценты с православия на русскую народность и почву, сформировав концепцию «народного духа». «Народный дух» представлял собой некую метафизическую величину и складывался из двух составляющих. С одной стороны, это «коренные и своеобразные» силы народа, источник его жизненных сил и органических проявлений, то есть та творческая энергия, «плодотворный дух», который позволяет созидать что-то великое. Другое проявление народности - «почва», «самобытные своеобразные начала», некая национальная форма, на которой держится русская культура, русская государственность, самобытная русская жизнь. Эта концепция активно использовалась почвенниками для обоснования «духовного родства» славянских народов с Россией, в частности с Польшей. По их мнению, кризис польской цивилизации объяснялся глубинными противоречиями в ее развитии. А именно, процесс формирования и развития в Польше «заемной», западной цивилизации и культуры противоречил ее славянской народной основе (почве), предопределив раскол польского общества на «оцивилизованную», европейскую шляхту и неграмотный народ, и скорую гибель польского государства.

В основе почвеннической национальной концепции лежало гегелевское понятие «дух народа». По мнению Гегеля, «дух народа» является формой проявления «мирового духа», а каждая нация характеризуется особой степенью развитию народного духа [4.С.75]. «Дух народа» находит воплощение в виде нации и ее определенных характеристиках: проявляется в религии, культе, обычаях, государственном устройстве, законах, во всех действиях и делах людей [4.С.71]. «Дух народа» также являлся определяющим в историческом призвании нации. Такое определение нации характеризует ее как вневременное явление, обладающее национальной волей, национальным характером и предопределенной ролью в истории человечества. По мнению исследователя Н.В. Кокшарова, теория «духа народа» Гегеля нашла свое воплощение в различных теориях наций: «от социально-прогрессивных, ориентированных на социальный прогресс и политический, до реакционных, прославляющих политику с позиции силы и войну» [5.С.47]. К числу последних, на наш взгляд, можно отнести национальную теорию Н.Я. Данилевского.

Н.Я. Данилевский воспринял концепцию «народного духа», предложенную почвенниками. Он понимал «народную основу», «почву» как антропологическую, этнопсихологическую категорию, сводя ее к национальному характеру: «особенности в складе ума, чувства и воли, которые составляют всю оригинальность племени, налагают на него печать особого типа общечеловеческого развития и дают ему способность к самобытной деятельности» [6.С.131]. Понятие «народный» в концепции Данилевского практически полностью вытесняется понятием «национальный», причем в своем крайнем проявлении, тождественном культурному обособлению, ксенофобии и расизму. В концепции Данилевского именно «национальный характер» выступает основополагающей характеристикой, определяющей границы обособления культурно-исторических типов. Своеобразными национальными чертами в характере славян, такими как «прирожденная гуманность», «религиозная терпимость», «бескорыстие», Данилевский объясняет исключительность и превосходство славянской культуры над романо-германской [6.С.216]. Чертами «романо-германского народного характера», «чрезмерно развитым чувством личности, индивидуальности» объясняет автор предрасположенность европейской цивилизации к агрессии в отношении славянской [6.С.212]. Польша в концепции Н.Я. Данилевского выступает жертвой культурного завоевания западной цивилизации. В предательстве славянского национального характера, в отступлении от «почвы», автор видел причины всех искажений и противоречий польской жизни. Образ Польши, по Данилевскому,

есть своеобразное предупреждение того, что ждет славянские народы, рискнувшие предать «почву», встать на чуждый им путь западного развития.

Таким образом, мыслителями славянофильской направленности второй половины XIX века были созданы разнообразные варианты модели национальной идентичности, определяющие в качестве основных характеристик нации религию, племенные особенности, «почву», национальный характер. Однако все предложенные формулировки «нации», характеризовали ее как этническую категорию, обладающую временной устойчивостью, культурной замкнутостью и обособленностью от других культурных общностей. Развитие понятия «нация» в их идеологии способствовало оформлению этнического понимания «национализма» как политической идеологии национального превосходства и исключительности. По словам А.И. Миллера, довольно широкий спектр, в основном правых сил, в конце XIX века «четко идентифицировал себя как «националисты» [7.С.160].

В тоже время, в среде русских мыслителей понятие «национализм» вызывало явно негативные ассоциации. Ярким критиком «национализма» стал В. С. Соловьев. В своем труде «Национальный вопрос в России» Соловьев привлек внимание общественности к этому понятию, разоблачая истинное значение «зоологического национализма», разработанного в концепциях поздних славянофилов Н.Я. Данилевского и Н.Н. Страхова. «Национализм или национальный эгоизм», по мнению Соловьева, искажает истинное значение национальной идеи, так как в его основании лежит стремление к самоутверждению одного народа за счет других и установлению власти над ними. Это неизбежно ведет к нравственному разложению народа, его упадку и гибели [8.С.338]. В.С. Соловьев разделял понятия «народность» и «национализм», проводя аналогию с развитием самого человека. Усиление и развитие индивидуальных особенностей личности - есть явление положительное, тогда как развитие личного эгоизма – крайне отрицательное. Поэтому философ призывал отказаться от национального эгоизма во имя утверждения иных идеалов [9.С.441]. Автор предлагал альтернативу этнического национализма - гражданский национализм или патриотизм. Истинный патриотизм, по мнению философа, требует, чтобы мы «верили в свой народ,... любили свой народ, ...хотели действительно помочь своему народу в его делах, не дожидаясь, чтобы помощь пришла сама собою» [10.С.39-40]. В тоже время, он обращает внимание на псевдопатриотизм, который руководствуется только национальными и государственными интересами, богатством и внешнем могуществом, неизбежно становясь оправданием для осуществления политических преступлений. В итоге философ делает неутешительный вывод: «лучше отказаться от патриотизма, чем от совести» [11.С.12]. В.С. Соловьев разделял представление о нациях как о различных частях человеческого тела, каждому из которых предназначена особая историческая миссия. По мнению автора, в формировании наций большую роль сыграло принятие христианства. Христианство рассматривается им как некое объединяющее начало, движение к «действительному всечеловеку», помогающее преодолеть вражду и отчуждение между народами. [12.С.365]. Таким образом, принадлежностью к единому человечеству определяется и смысл существования наций.

В принадлежности к нации автор выделял как «физический факт», то есть этническое понимание «народности», а так и «психологическое и нравственное определение», которое, по его мнению, является главным. Отсюда автор делает вывод: в соответствии с нравственными требованиями, «мы должны любить все народности как свою собственную». Понимание этого, по мнению философа, утвердит истинный патриотизм и, в тоже время освободит от «зоологических свойств народного эгоизма, или национализма» [12.С.378]. Таким образом, сформулированное Соловьевым определение понятия «народность», является наиболее целостным, так как, освобождает его от строгих этнических рамок, подчеркивает его нравственное содержание и, следовательно, несовместимость с нетерпимостью, враждой к другим нациям и идеализацией своей собственной нации.

Русскими мыслителями второй половины XIX предпринимались попытки формирования модели национальной идентичности, опирающейся на гражданское

понимание «нации». Редактор «Московских ведомостей» и «Русского вестника» М.Н. Катков стал автором, так называемой теории «государственной национальности». «Национальность», согласно этой теории, понятие исключительно государственное. Народный язык, национальный характер, обычаи, нравы, религия ни какой роли в ее становлении не играют. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основы государства и подчиняет другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной нации, и все государство держится на нем [13.С.78]. Примером такой государственной национальности являлась русская народность. В то же время, автор сохранял лояльность к особенностям различных племен: религии, обычаям, культуре. Он подчеркивал, что национальная и религиозная принадлежность не является препятствием для выполнения гражданских обязанностей, а среди «русских католиков или протестантов» немало людей «совершенно преданных своему отечеству» [14]. Таким образом, М.Н. Катков предпринял попытку конструирования политической нации, но не в классическом гражданском понимании. Консолидирующей силой, обеспечивающей силу власти и единство в обществе, оставалось русское самодержавие. Поэтому стоит согласиться с мнением В.А. Тишкова, который охарактеризовал представление Каткова о нации, как об «интегрированной по государству общности» [15.С.571].

Оригинальная концепция национально-государственного строительства была предложена либеральным мыслителем П.Б. Струве. Принадлежность к той или иной нации, по мнению автора, определялась не только этническим происхождением. В основе национальности лежит свобода «национального духа», то есть «признание прав его живых носителей и творцов на свободное творчество и искания, созидание и отвержение целей и форм жизни» [16.С.30]. Важнейшей проблемой в его национальной концепции являлось соотношение национального и государственного начала. С одной стороны, Струве признавал приоритетной составляющей нации ее культурную сущность над политической: «культура универсальнее государственности; национальность мягче ее» [17.С.77]. Тем не менее, видел возможность примирения национальной жизни с государственной властью: «Нация сеть, прежде всего, культурная индивидуальность, а самое государство является важным деятелем в образовании нации» [18.С.67]. В решении национального вопроса исходил из условия сочетания прав народов и интересов государства: «прав и права». В частности, решение «еврейского вопроса» он видел в упразднении черты оседлости и использовании евреев, как «пионеров и посредников» для достижения экономической мощи страны, а именно, освоения юга [19.С.56-57]. В отношении Польши П.Б. Струве призывает отказаться от политики русификации, но сохранить ее в составе империи, чтобы «через нее скрепить наши естественные связи со славянством вообще и западным в частности» [19.С.58]. Таким образом, П.Б. Струве пытался объединить либеральный принцип свободы личности с идеей имперской государственности. По словам О.Ю. Малиновой, «Великая Россия» мыслилась им как государство с доминирующей русской культурой, он отрицал развитие культур других народов в качестве национальных, «оказываясь «по одну сторону баррикад» с правыми националистами, настаивающими на культурной дискриминации» [20].

Таким образом, важнейшим аспектом национального дискурса в Российской империи второй половины XIX века была потребность формирования национального самосознания народов, населяющих многонациональную империю как единой гражданской многоэтнической нации. Однако, несмотря на разработку проектов национальной идентичности, основанных на гражданском понимании нации, значительное место в национальном сознании населения продолжал занимать этнический национализм, религиозная идентичность, восприятие России в связи с образом царя и государства. По утверждению Р.Г. Суни, к концу XIX - началу XX века универсального представления о принадлежности к общей нации в самосознании населения Российской империи практически отсутствовало [2.С.73].

Библиографический список

1. **Федотов Г. П.** Судьба империй / Г. П. Федотов // Избранные труды [сост., автор вступ. ст. и коммент. К. А. Соловьев]. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. – С. 622-643.
2. **Суни Р. Г.** Империя как она есть: имперский период в истории России, «национальная» идентичность и теория империи / Р. Г. Суни // Национализм в мировой истории – М. : Наука, 2007. – С. 36–82.
3. **Миллер А. И.** «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий / А. И. Миллер // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 151–165.
4. **Гегель Г. В.** Сочинения : в 14 т. Т. VIII. Философия истории / Г. В. Гегель. – М. – Л. : Соцэкгиз, 1935. – 470 с.
5. **Кокшаров Н. В.** Нация и культура / Н. В. Кокшаров ; Новгород. гос. ун-т им. Ярослава Мудрого. – Новгород : [б. и.], 1997. – 140 с.
6. **Данилевский Н. Я.** Россия и Европа: взгляд на культурные и политические отношения славянского мира к германо-романскому / Н. Я. Данилевский. – М. : Известия, 2003. – 606 с.
7. **Миллер А. И.** «Народность» и «нация» в русском языке XIX века: подготовительные наброски к истории понятий / А. И. Миллер // Российская история. – 2009. – № 1. – С. 151–165.
8. **Соловьев В. С.** О грехах и болезнях // Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев. – М. : Хранитель, 2007. – С. 331–357.
9. **Соловьев В. С.** Самосознание или самодовольство // Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев. – М. : Хранитель, 2007. – С. 441–459.
10. **Соловьев В. С.** О народности и народных делах России // Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев. – М. : Хранитель, 2007. – С. 30-50.
11. **Соловьев В. С.** Нравственность и политика. Исторические обязанности России // Национальный вопрос в России / В. С. Соловьев. – М. : Хранитель, 2007. – С. 9–30.
12. **Соловьев В. С.** Оправдание добра. Нравственная философия // Сочинения в 2-х т. Т. 1. / В. С. Соловьев. – М. : Мысль, 1990. – С. 47–548.
13. **Ширинянц А. А.** Михаил Никифорович Катков / А. А. Ширинянц // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2004. – № 6. – С. 76–92.
14. **Катков М. Н.** О свободе совести и религиозной свободе [Электронный ресурс] – URL: http://dugward.ru/library/katkov/katkov_svob_sov.html (09.01.2019).
15. **Тишков В. А.** Российская нация и ее критики / В. А. Тишков // Национализм в мировой истории / под. ред. В. А. Тишкова, В. А. Шнирельмана. – М. : Наука, 2007. – С. 558–601.
16. **Струве П. Б.** В чем же истинный национализм? // Избранные сочинения / П. Б. Струве. – М. : РОССПЭН, 1999. – С. 13–44.
17. **Струве П. Б.** Спор с Д. С. Мережковским // Patriotica : политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве ; [вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова]. – М. : Республика, 1997. – С. 70–80.
18. **Струве П. Б.** Отрывки о государстве // Patriotica: политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве ; [вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова]. – М. : Республика, 1997. – С. 63–70.
19. **Струве П. Б.** Великая Россия // Patriotica : политика, культура, религия, социализм / П. Б. Струве ; [вступ. ст. и примеч. В. Н. Жукова]. – М. : Республика, 1997. – С. 50–70.
20. **Malinova O.** Liberal Nationalism: A Historical and Critical Analysis of Conceptions [Электронный ресурс] – URL: [nationalism.org > resources/articles/Malinova...](http://nationalism.org/resources/articles/Malinova...) (17.02.2019).

УДК 165.3

*Воронежский государственный педагогический университет
кандидат философских наук, доцент кафедры философии, экономики и социально-гуманитарных дисциплин И.Б. Костина
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 255-26-19
e-mail: kib999@inbox.ru*

*Voronezh State Pedagogical University
PhD in Philosophy, Associate Professor of Chair of Philosophy, Economic and Social Humanitarian Disciplines
I. B. Kostina
Russia, Voronezh, tel. (473) 255-26-19
e-mail: kib999@inbox.ru*

И.Б. Костина

ПРЕДМЕТНАЯ АКТИВНОСТЬ ЛИЧНОСТИ В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОЦЕССЕ

Статья посвящена задаче предметной организации образовательного процесса, существующего на стыке дисциплинарной структуры науки и дескриптивного знания. Проблема многогранности предметного знания была рассмотрена на основе сопоставления взглядов Г.П. Щедровицкого и А. Майнонга на предмет познания. Показано, что независимая работа студентов с предметом познания ведет к персонализации знания и укреплению гуманистических ценностей образовательного процесса. Понятие предметной активности личности было конкретизировано в форме двух взаимосвязанных понятий: дисциплинарной конкретности знания и образовательной дисциплинированности студента.

Ключевые слова: предмет познания, образовательный процесс, качество знания, дескриптивное знание, дисциплинарная предметность, образовательная дисциплина студента, предметная активность.

I.B. Kostina

THE PERSONALITY ACTIVITY WITH SUBJECT OF KNOWLEDGE IN EDUCATIONAL PROCESS

This article is devoted to task of a content organization of educational process existing on a joint of the disciplinary organization of science and descriptive knowledge. The problem of detailing of versatility of subject knowledge was considered on a basis of comparison of views of G.P. Schedrovitsky and A. Maynong regarding content of knowledge. It is shown that independent work of students with a subject of knowledge leads to personalisation of knowledge and strengthening of humanistic values of educational process. The concept of personality work with a subject was concretized in the form of two interconnected concepts: disciplinary concreteness of knowledge and educational discipline of the student.

Key words: knowledge subject, educational process, quality of knowledge, descriptive knowledge, disciplinary concreteness of knowledge, educational discipline of the student, subject activity.

Образовательный процесс является важнейшей формой социализации личности и представляет собой такой тип познавательной активности, при котором стремление студентов к получению достоверных знаний о социальной реальности коррелирует с их желанием преуспевать и получать поощрения. В философском аспекте образовательный процесс может быть рассмотрен в качестве специализированной функции общественного производства, обеспечивающей стабильность социальной системы и ее надлежащее функционирование. Необходимо подчеркнуть, что «в социальном процессе люди не просто взаимодействуют с предметными условиями и средствами, но создают и воспроизводят эту предметность как предметность социальную своими усилиями, т.е. сами действуют как вполне предметные существа» [1.С.72].

Организация образовательного процесса строится, как правило, на основе сложившейся системы социальных отношений, поддерживающих, с одной стороны, реальный порядок взаимодействия в социуме, с другой стороны – достигнутый обществом ранее уровень духовной культуры и образованности людей. При этом особого внимания заслуживают те цели, ради которых социальные субъекты, собственно, и вступают в образовательные отношения. Следует заметить, что без внятно сформулированного аксиологического фундамента образовательный процесс утрачивает свое сущностное предназначение, выхолащивается и ведет к регрессивным и рудиментным формам социального взаимодействия [2;3].

Аксиологический фундамент образовательного процесса составляют те социальные и культурные достижения людей, благодаря которым актуализируется национальное самосознание и вырабатываются высокие стандарты духовной эволюции личности. При этом интеллектуальная деятельность, инициируемая в ходе обучения, нуждается в определении достижимых целей и реальных поощрений, на которые могут рассчитывать студенты вузов. Отсутствие или непривлекательность реальной перспективы применения полученных знаний и навыков на практике делают образовательный процесс бесполезным с содержательной точки зрения, и в конечном итоге – беспредметным.

При рассмотрении предметной активности личности в образовательном процессе, по-видимому, следует начать с устранения терминологической неоднозначности. Как известно, любая преподаваемая в вузе дисциплина обладает собственным предметом исследования, и довольно часто между понятиями предмета и дисциплины можно обнаружить знак равенства. Данный вопрос был подробно проанализирован в советской философии 70-80 гг. XX в., когда было показано, что предмет познания не существует в качестве реального объекта, но всегда конструируется исследователем в рамках действующей научной теории [4;5] или практическим образом [6.С.355]. Отмечу сразу, что дисциплина, связанная с тем или иным предметом, характеризуется, прежде всего, некоторой институциональной структурой, обусловленной этапами и спецификой разработки ее предмета научными средствами и методами. С другой стороны, процесс освоения дисциплины в ходе обучения имеет ярко выраженный социокультурный контекст, освоение которого студентами является первым и необходимым условием для правильного понимания изучаемого предмета и овладения им в рамках действующего федерального государственного образовательного стандарта (ФГОС).

В свете вышесказанного представляется целесообразным еще раз заострить внимание на терминологической неоднозначности предмета познания в образовательном процессе и тех социокультурных подходах к образованию [6.С.363], которые способны адекватно представить изучаемый предмет и сформировать у студентов социально приемлемые способы и формы освоения нового знания. Размышляя о предмете той или иной дисциплины, первое, на что обычно обращает внимание преподаватель, – это то, как предмет познания связан с объектом познания или той частью объективной действительности, которая изучается методами и средствами конкретной науки.

В начале XX века данный вопрос получил философское освещение благодаря небезызвестной дискуссии между Б. Расселом и А. Майнонгом. В попытке разработать идеальную логическую модель научного рассуждения Рассел придерживался принципов монистического мировоззрения и полагал предметность знания тождественной его объективности. Именно независимость реальной действительности (или какого-либо из ее фрагментов) от воли и желания отдельного субъекта составляет предмет научного рассмотрения, с точки зрения Б. Рассела.

Что касается А. Майнонга, то в своей теории предметов он пытался показать, что наряду с материально-осязаемой и идеально-типической предметностью существует также предметность особого рода, обусловленная психическими состояниями познающего

субъекта. Как отмечает В.В. Селивёрстов, «Майнонга часто изображают философом, находящимся вне какой бы то ни было философской традиции. С одной стороны, его философия основана на идеях брентановской школы, поэтому его вполне справедливо можно назвать ее типичным представителем, но, с другой стороны <...> в начале XX века <...> Майнонг и в самом деле становится самостоятельным мыслителем: он основывает собственную школу и разрабатывает философский метод, отличный от метода дескриптивной психологии и феноменологии» [7.С.198-199].

Для Майнонга на первый план выходит интенциональное отношение акта сознания к предмету познания, благодаря которому, собственно, и происходит осмысление предмета познающим субъектом. Майнонг отмечает, что «неясность в вопросе о границах различных областей науки может сказаться двояким (и притом противоположным) образом: либо области, в которых фактически происходит исследовательская работа, пересекутся друг с другом, либо они никак не будут связаны, вследствие чего между ними возникнет область, не охваченная исследованием. Однако теоретическое значение такого рода неясностей прямо противоположно их практическому значению. В практическом отношении наличие такой «нейтральной зоны» является гарантией добрососедских отношений этих областей, что было бы желательно, но, к сожалению, редко реализуемо, в то время как пересечение границ представляет собой типичный случай конфликта интересов» [8.С.203].

Применительно к образовательному процессу можно заключить, что предмет той или иной дисциплины может осваиваться студентами как в теоретическом, так и в практическом отношении, хотя результаты подобного рода методик приобретения знания могут быть, строго говоря, нетождественными. Если в теоретическом отношении студент запоминает и воспроизводит наиболее важные, с точки зрения преподавателя, признаки и свойства изучаемого предмета, то в практическом плане перед студентом стоит задача поиска и организации такой формы представленности знания, которая вызывала бы одобрение преподавателя. При этом приобретаемые студентом знания по предмету далеко не всегда совпадают с теми объективированными результатами учебного процесса, которые он представляет на суд преподавателя.

Речь идет о взаимосвязи в образовательном процессе элементов обучения предметному знанию и приемов воспитания личности как со стороны преподавателя, так и со стороны студенческой группы. Образование и воспитание, будучи взаимосвязанными сторонами учебного процесса, в свою очередь коррелируют с практическим и теоретическим освоением изучаемого предмета. Если на лекционном занятии происходит трансляция знания от преподавателя студентам, то на семинарах имеет место противоположная интенция – студенты самостоятельно находят информацию по заданным вопросам и представляют ее аудитории. Освещая конкретные аспекты и признаки изучаемого предмета, студенты сталкиваются с реакцией преподавателя, на основании которой у них формируется собственное представление о желательных формах и способах подачи материала. По-видимому, в этом случае можно говорить о своеобразной персонализации знания, предметные характеристики которого выступают условием поощрения студента со стороны преподавателя.

В современном информационном обществе цели и задачи образовательного процесса нуждаются в четких определениях, тогда как на практике имеют место весьма размытые формулировки т.н. «качества» знания. В этом отношении хотелось бы подчеркнуть, что категория качества знания коррелирует не только с предметом познания, который должен быть осмыслен студентами в своих существенных характеристиках, но и со сложившимися нормами и правилами оценки успеваемости студентов, которые не всегда четко артикулируются. В любом случае качество знания определяется не только объективными критериями тестирования или контрольной работы, но и теми реальными навыками поиска и осмысления информации, которые формируются в ходе подготовки к семинарским занятиям.

Ключевая проблема, на мой взгляд, состоит в том, чему следует отдавать предпочтение в процессе образования – образовательной дисциплинированности студента, представленной дескриптивной формой знания, или дисциплинарной конкретности знания, неразрывно связанной с теоретическим мышлением. Если мы оцениваем качество дескриптивного знания, то перед студентами стоит задача культивирования в себе аккуратности, последовательности, педантичности и других качеств, способствующих формированию практических навыков обращения с массивами информации.

Если же оценивать дисциплинарную конкретность знания – или собственно знание по предмету, то адекватным критерием оценки такого рода знаний становится категориальный аппарат изучаемой дисциплины, обнаруживаемый в способности студента к критическому мышлению. К сожалению, последний случай встречается в образовательной практике довольно редко, поскольку способные студенты быстро определяют, что нужно преподавателю от группы и предпочитают не «напрягаться» при подготовке к занятиям. В результате планка требований к качеству знания методично и неукоснительно снижается под определяющим влиянием формальных критериев успеваемости студентов.

Таким образом, предметную активность личности в образовательном процессе можно определить как совокупность практических и познавательных усилий студента, направленных на приобретение достоверного знания об изучаемом предмете. При этом наличие качественного дескриптивного знания по предмету может служить основанием для оценки образовательной дисциплинированности студента, тогда как владение категориальным аппаратом и содержательным знанием предмета выступает атрибутом дисциплинарной конкретности знания.

Поскольку заинтересованность предметом у разных студентов имеет различную мотивацию, преподаватель сталкивается с задачей конструирования широкой нормативной базы образовательного процесса, способной учитывать различные уровни начальной подготовки студентов и степень развития их индивидуальных способностей. Фундаментом подобного рода нормативных требований к образовательному процессу, по-видимому, могут выступать только гуманистические ценности, которые, просвещая, в то же время формируют личность и институционализируют предметное знание в аксиологическом ключе.

Библиографический список

1. **Кемеров В.Е.** Введение в социальную философию. – М.: Наука, 1994. – 192 с.
2. **Вейз Д. Э. (младший).** Времена постмодерна: Христианский взгляд на современную мысль и культуру / Д.Э. Вейз. – М.: Просветительский фонд "Лютеранское культурное наследие", 2002. – 240 с.
3. Времена постмодерна. Христианский взгляд на современную мысль и культуру (Вейз Д.Э.) – Каталог библиотеки СПб. [Электронный ресурс]. URL: (дата обращения 08.05.2019). <https://spbib.ru/catalog/-/books/4429907-vremena-postmoderna-hristianskij-vzglad-na-sovremennuu-mysl-i-kul-turu>
4. **Мирский Э. М.** Междисциплинарные исследования и дисциплинарная организация науки. М.: Наука, 1980. – 304 с.
5. **Огурцов А.П.** Дисциплинарная структура науки: ее генезис и обоснование. М.: Наука, 1988. – 255 с.
6. **Щедровицкий Г.П.** Избранные труды. М.: Школа Культурной Политики, 1995. – 800 с.
7. **Селивёрстов В.В.** Значение и становление теории предметов Алексиуса Майнонга // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. С. 198-201.
8. **Алексиус Майнонг.** О теории предметов / Пер. В.В. Селивёрстова // Эпистемология и философия науки. 2011. Т. XXVII. № 1. С. 202-229.

УДК 316.7

Воронежский государственный технический университет

кандидат философских наук, доцент кафедры философии, социологии и истории

С.А. Коршунова

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04

e-mail: skorsh5@gmail.com

Воронежский государственный технический университет

студент факультета архитектуры и градостроительства

А.А. Сущин

Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04

e-mail: skorsh5@gmail.com

Voronezh State Technical University

PhD in philosophy, Associate Professor of Philosophy, Sociology and History chair

S.A. Korshunova,

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04

e-mail: skorsh5@gmail.com

Voronezh State Technical University

student of the faculty of architecture and urban planning

A.A. Sushchin

Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04

e-mail: skorsh5@gmail.com

С.А. Коршунова, А.А. Сущин

ОСОБЕННОСТИ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ ПОТРЕБЛЕНИЯ В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ

Статья содержит социокультурный анализ постиндустриального общества с точки зрения преобладающих в нем ценностей потребительской культуры. Раскрывается сущность концептов «культура потребления» и «консюмеризм» и рассматриваются особенности идеологии консюмеризма, утвердившегося в современном западном обществе. Авторы анализируют потребительские практики, сформировавшиеся на российской культурной почве, и выделяют специфику российской культуры потребления, которая заключается, по их мнению, в стремлении к престижному показному потреблению. В заключение рассматриваются новые тенденции, проявляющиеся в культуре потребления западного общества, связанные с распространением постматериалистических ценностей.

Ключевые слова: культура потребления, консюмеризм, перепотребление, этический консюмеризм, коллаборативное потребление, шеринг-экономика, постматериалистические ценности

S.A. Korshunova, A.A. Sushchin

FEATURES OF THE FORMATION OF CONSUMER CULTURE IN RUSSIAN SOCIETY

The article contains a socio-cultural analysis of post-industrial society from the point of view of the prevailing values of consumer culture. The essence of the concepts "culture of consumption" and "consumerism" is revealed and the features of the ideology of consumerism established in modern Western society are considered. The authors analyze consumer practices formed on the Russian cultural soil, and highlight the specifics of the Russian culture of consumption, which is, in their opinion, in the pursuit of prestigious ostentatious consumption. In conclusion, the article discusses the new trends in the culture of consumption of Western society associated with the spread of post-materialistic values.

Key words: consumer society, consumerism, over-consumption, ethical consumerism, collaborative consumption, sharing economy, post-materialistic values

Современное общество, которое начало складываться в конце XX века, получило в социальных и экономических науках разные наименования - общество постмодерна, постиндустриальное общество, информационное общество. Все эти определения несут в себе главное - принципиальное, фундаментальное отличие современного общества от традиционного.

Традиционное общество, существующее в течение веков, ориентировало всю жизнедеятельность человека на создание определенного продукта. С началом постиндустриальной эпохи центр жизнедеятельности человека, включая социокультурный опыт, связанный с ним, смещается – появляется новый культурный феномен – потребление. Развитие культуры потребления происходило уже в индустриальный период, однако оно сдерживалось социальными и экономическими противоречиями, существующими в европейских странах.

В 20—30 годы XX века с началом массового производства формируются благоприятные условия становления общества потребления. Автором термина «общество потребления» принято считать известного философа Эриха Фромма, обозначившего в своей книге «Иметь или быть» этим термином современное общество, в котором люди озабочены постоянным приобретением и стремлением к обладанию вещами [1].

Количественный рост и концентрация населения приводит к качественной трансформации социальной структуры западного общества, в котором стремительно утверждается господство масс. По мнению известного социолога З. Баумана, это связано с тем, что условия жизни широких масс приобретают стандартизованный характер. В результате массовые вкусы и массовая мораль в свою очередь начинают видоизменять и усреднять индивида.

Но самые обширные ценностные трансформации происходят в западном послевоенном мире в 50—60 годы XX века. Сформировавшийся к этому времени средний класс, стал основой потребительской культуры Запада и одновременно мишенью для рекламы разного рода. Телевизоры, журналы и рекламные щиты непрерывно предлагали новые товары и услуги людям, не видевшим на протяжении военных лет какого-либо разнообразия. Постепенно ориентация на эгоистическое удовлетворение собственных желаний, связанных с обладанием материальными благами, приводит западное общество к утрате традиционных ценностных ориентиров. Происходит масштабный процесс символизации потребления на Западе, а также создание идеологии потребления, призванной внедрить потребительские ценности в ценностную систему общества.

Идеология потребительства получает в западной науке термин «консюмеризм». Большинство авторов отмечают специфику идеологии консюмеризма – признавая потребительскую ценность товара, люди связывают с ней не возможность удовлетворить какую-либо базовую личную или социальную потребность, но возможность подтвердить свою статусную позицию, свою принадлежность к определенному социальному классу. Т. Веблен в своей книге «Теория праздного класса» вводит в употребление понятие «демонстративное потребление»: люди с низким социальным статусом стремятся, тем не менее, покупать дорогие вещи, стоимость которых превышает их реальные возможности [2]. Но люди убеждены, что приобретение дорогих вещей позволяет им произвести впечатление, что они принадлежат к высшему классу и платежеспособны.

Действительно, в постиндустриальную эпоху изменяются критерии социальной дифференциации. На этот факт обращает внимание в своих работах Ж. Бодрийяр. Благодаря массовому производству товаров и услуг, они стали доступны всем, кто может их купить. Единственным барьером является наличие денег, так потребительские возможности стали главным показателем принадлежности к высшим слоям общества. Таким образом, потребление приобретает символический характер: с помощью приобретения дорогих товаров и услуг человек может продемонстрировать свое высокое положение, показать, что он следует моде и т.п.

Кроме того, идеология консюмеризма принуждает индивида хотеть, поскольку желания людей формируются и стимулируются за счет воздействия средств массовой информации. В настоящее время активно используются два инструмента, создающие образцового потребителя, – это реклама и маркетинг, которые запускают постоянную гонку

за бесконечным потоком товаров. Маркетинговая установка «потребляй больше, тогда наступит счастье» на самом деле оборачивается чувством опустошения, тревогой, обремененностью долгами и состоянием пресыщения.

Консьюмеризм – это идеология, направленная на формирование постоянно растущих потребностей. В результате у рекламы и маркетинга, а также производителей продуктов, чьи интересы они обслуживают, появляются эффективные механизмы манипуляции общественным сознанием. Бизнес, занятый как производством товаров и услуг, так и их рекламированием, сформировал систему ценностей, связанных с расточительством, с необходимостью тратить все заработанные деньги на предметы, которые далеко не всегда отличаются своей функциональной полезностью.

Некоторые исследователи считают потребительство болезнью, в англоязычной литературе даже возник термин *affluenza*» (от *influenza* – грипп и *affluence* – богатство). Это заразное состояние, передающееся каждому индивиду, оказавшемуся под влиянием бесконечных рекламных образов, транслируемых массовой культурой [3].

В конце XX - начале XXI века возникает новый этап в развитии общества потребления – так называемое общество перепотребления. В традиционных обществах перепотребление было доступно только для узкого круга лиц – элиты, обладающей экономическими и политическими ресурсами, но сейчас – в развитых и благополучных странах такая возможность появилась практически у всех членов общества [4]. Перепотребление означает не только бесконечную гонку за новыми товарами. Оно также подразумевает краткосрочное использование продукта, и не потому, что этот продукт был сломан или испортился, просто происходит быстрое обесценивание потребляемых товаров. Пищевые продукты лишь надкусываются, а иногда выбрасываются на свалку нетронутыми, в упаковках. Техника меняется на новую не по причине поломки, а потому что появились новые модели и образцы.

Россия, как и другие развитые страны мира, оказалась под влиянием процесса распространения глобальных трендов культуры потребления. Однако культура потребления в России имеет определенную специфику. Для нашей страны особенно характерно престижное, показное потребление. Человек, с трудом поднявшийся над средними стандартами, стремится продемонстрировать свой успех потреблением относительно дорогих товаров и услуг. Эта универсальная тенденция в России подкрепляется еще и особенностями национального менталитета – верой русского человека в «авось». В результате, чтобы обеспечить свое соответствие стандартам престижных потребностей, россиянин берет кредит, но не на образование или медицинскую помощь, а на покупку дорогой техники, в которой нет прямой необходимости. По этому поводу З. Бауман, выступая со своей московской лекцией в РГГУ 20 апреля 2011 г., предупреждал, что внукам придется расплачиваться за нашу оргию безудержного потребления.

Отечественная культура потребления способствует формированию завышенного уровня социальных притязаний, который не подкрепляется ростом реальных доходов населения. В итоге в российском обществе сложилось серьезное противоречие между экономически слабыми потребительскими возможностями и неукротимо развивающимися потребительскими желаниями.

В то время, пока российское общество с помощью идеологии консьюмеризма пытается активно избегать своих собственных проблем, западный мир, получив опыт изобилия и перенасыщения, идет дальше, пытаясь развивать новые потребительские практики. К таким практикам относятся этический консьюмеризм и совместное потребление.

«Этический консьюмеризм» возникает в западных странах в 70-е годы XX века в рамках протеста некоторых групп потребителей, выступающих с критикой экономической политики транснациональных корпораций, производящих различные товары. Этот протест

касался, прежде всего, неэтичного поведения производителей, нарушающих экологические нормы производства, загрязняющих окружающую среду, или тестирующих свою продукцию на животных. Этический или, как его еще называют, «зеленый» консьюмеризм стал новой моделью потребительского поведения, распространившегося в странах Европы и Америки, и основанного на экологических ценностях и идеях ответственного потребления. Для этических потребителей на первом месте стоит не цена товара, а условия его производства. В России также появляются элементы экологичного потребления, но пока они связаны скорее с озабоченностью состоятельных россиян своим здоровьем, что заставляет их обращать внимание на безопасные условия производства товаров и экологичность самой продукции. К сожалению, в российском обществе еще не сформировались механизмы социального контроля за производством товаров, а также у отечественного потребителя отсутствует возможность влиять на стандарты производства и потребления.

Еще одной новой моделью потребительского поведения является совместное или коллаборативное потребление. Совместное поведение или *Sharing economy* – модель потребления, благодаря которой люди получают возможность коллективно использовать товары и услуги. В основе такого использования товаров лежит обмен, аренда и дарение. Шеринг-экономика позволяет распределять продукты и услуги между людьми (экономическими агентами) без участия посредников. Кроме того, совместное потребление основано на идее, что временный доступ к благам экономически более выгоден, чем постоянное владение. Эта идея не нова, практика деления уже существовала в истории человеческого общества, достаточно вспомнить традиционные общества, ведущие натуральное хозяйство, древнегреческое общество или советские колхозы. Как утверждал Джереми Рифкин [5], анализирующий в своей книге новую потребительскую модель, на смену капитализму приходит «общество сотрудничества» (*collaborative commons*), которое было изначально присуще человеку.

Первые проекты, основанные на шеринг-экономике, возникают в начале 2000-х годов на Западе, но особую популярность идея совместного потребления получила в годы мирового финансового кризиса 2008 – 2009 гг. Можно назвать два фактора, лежащие в основе новой модели потребления, – технологический и ценностный. Развитие информационных технологий позволило связывать напрямую экономических агентов, например, владельцев квартир и клиентов, желающих их снять. Ценностный аспект шеринг-экономики проявляется в тех ценностных трансформациях, которые затронули не только страны западного мира, но и современную Россию. В 2011 году журнал «Time» включил его в число десяти идей, которые призваны изменить мир.

Темпы развития совместного потребления на Западе очень высоки, это позволяет многим исследователям предсказывать развитие шеринг-экономики экспоненциально. Если в 2014 году объем таких экономических услуг оценивался в 14 млрд. долларов, то по прогнозам экспертов, к 2025 году он составит 335 млрд. долларов. Сущность совместного потребления состоит в том, что личная собственность предоставляется во владение другим людям — навсегда или временно. Это означает, что люди начали пересматривать свое отношение к владению вещами — иногда выгоднее владеть ими временно (или использовать совместно), нежели постоянно. Например, электрическая дрель чаще используется только несколько минут в году или даже за весь срок эксплуатации, в остальное время дрель просто лежит без дела.

Примеров такого коллаборативного потребления множество: от аренды жилья до совместных путешествий или покупок, потребления вещей или выполнения разного рода поручений. Например, сервис Airbnb, начавший работу в 2008 году, позволяет сдать свое собственное жилье или снять квартиру у собственников по всему миру. Гостевая сеть CouchSurfing предлагает краткосрочное бесплатное проживание, совместный отдых и неформальное общение. BlaBlaCar – сервис, с помощью которого можно найти попутчика,

который подвезёт на своем транспорте до нужного населенного пункта. Getaround — сервис краткосрочной аренды автомобилей, отличительная черта которого состоит в том, что люди арендуют машины не у компании, а друг у друга. eBay — платформа для продажи товаров по фиксированной цене или продажи с аукциона.

Коллаборативное потребление хотя и медленно, но все же начало развиваться и в России. В настоящее время российские потребители уверенно пользуются большинством сервисов, работающих в рамках глобальной шеринг-экономики. В России возникают и собственные проекты совместного потребления. Одним из таких первых проектов стала интернет-площадка «ДаруДар» (darydar.org), открытая 22 сентября 2008 года. В настоящее время в этом сообществе состоит более 400 тысяч человек из сотен городов. У исследователей существует несколько точек зрения по поводу перспективности совместного потребления в России. Многие считают, что такая потребительская практика несовместима с российским менталитетом. Другие авторы связывают трудности внедрения такого потребления в российское общество с низким уровнем развития социального капитала в России, с высокой степенью недоверия, которое испытывают граждане России к незнакомым людям. Однако мы предполагаем, что перспективы развития совместного потребления в России достаточно высоки. Они связаны не только с безусловной экономической выгодой, которая заложена в шеринг-экономике, но и с появлением новых постматериалистических ценностей у молодого поколения россиян (кстати, большинство участников проекта «ДаруДар» — люди от 20 до 40 лет) [6].

Таким образом, можно сделать вывод, что современное общество меняет свое отношение к идеологии потребления. Развитие современных технологий делает потребителей более информированными, многие из них успешно сопротивляются манипуляторным тактикам, которые используют реклама и маркетинг. Среди современной российской молодежи, которая вскоре станет самым массовым потребителем в стране, распространяются новые гуманистические, постматериалистические ценности. Трансформация ценностной системы, имеющая глобальный характер и затронувшая все развитые страны мира, в том числе и Россию, приводит к осознанию того, что потребление материальных благ не является самоцелью мыслящего человека, а выступает лишь как условие творческой самореализации личности.

Библиографический список

1. Фромм Э. Иметь или быть. М., 2000.
2. Веблен Т. Теория праздного класса. М., 1984.
3. Де Граф Дж., Ванн Д., Нэйлор Т.Х. Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру. — Екатеринбург: Контр - культура, 2005.
4. Афанасьева В.В., Туркина В.Г. Общество перепотребления // Потребление как коммуникация: материалы 5 Междунар. конф. / под ред. В.И. Ильина, В.В. Козловского. СПб., 2009.
5. Rifkin J. The Zero Marginal Cost Society: The Internet of Things, The Collaborative Commons, and the Eclipse of Capitalism. New York: Palgrave Macmillan, 2014.
6. Бочарова. Е. А., Ечевская О.Г. Коллаборативное потребление в современной России: формы организации и практики включения на примере сообщества «Darudar» / Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. 2014, № 2. С.97-108

УДК 316.37

*Воронежский государственный технический университет
аспирант кафедры философии, социологии и истории
М.В. Медведева
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 271-50-04
e-mail: mary.medvedeva84@yandex.ru*

*Voronezh State Technical University
Postgraduate of Philosophy, Sociology and History Chair
M.V. Medvedeva
Russia, Voronezh, tel. (473) 271-50-04
e-mail: mary.medvedeva84@yandex.ru*

М.В. Медведева

**НАЦИОНАЛЬНЫЕ ИДЕИ В ТРУДАХ ЛЮБОМУДРОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ
НА ОБЩЕСТВЕННУЮ МЫСЛЬ РОССИИ XIX В.**

В статье рассматриваются взгляды «любомудров» в отношении национального бытия, национального самосознания. Эта система взглядов молодых философов 1820-1830-х гг., созданная под влиянием философии Шеллинга. В 1840-е гг. эти идеи трансформировались в теорию официальной народности и в славянофильство. Идеи любомудров заложили основу для создания «национального общедоступного музея», который и сформировался как социальный институт гражданско-патриотического воспитания.

Ключевые слова: национальные идеи, национализм, национальная самоидентификация, любомудры, славянофилы.

M.V. Medvedeva

**NATIONAL IDEAS IN THE WORKS OF "LUBOMUDRY" AND THEIR INFLUENCE
ON THE PUBLIC THOUGHT OF RUSSIA IN XIX CENTURY**

The article discusses the views of "lubomudry" in relation to national being, national identity. This system of views of young philosophers of the 1820s-1830s, created under the influence of Schelling's philosophy. In the 1840s these ideas were transformed into the theory of official nationality and into Slavophilism. The ideas of "lubomudry" laid the foundation for the creation of a "national public museum", which was formed as a social institution of civil-patriotic education.

Key words: national ideas, nationalism, national identity, lubomudry, Slavophiles.

Среди множества проблем волнующих современный мир национальный вопрос, вопрос национального бытия, межнациональных отношений и конфликтов занимает особое место. Национальный вопрос для России – это вопрос бытия. От его решения или не решения зависит быть или не быть России субъектом мирового прогресса. Впервые за всю многовековую историю России системный кризис в экономической, социальной, политической и духовной сферах жизни имеет в качестве самостоятельного компонента кризис национальный, кризис межнациональных отношений внутри России.

Одной из главных причин кризиса межнациональных отношений является отсутствие в России ясно сформулированной национальной политики, отчетливой национальной идеи и общегосударственной составляющей в программах различных политических партий. В Конституции Российской Федерации, принятой в 1993 году, в главе 1, статье 13 признается идеологическое многообразие. Там говорится: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной» [1]. В настоящее время этот пункт Конституции вызывает много споров.

Например, на всероссийской конференции в 1996 году ряд ученых высказал позицию, призывающую к пересмотру этой статьи. Наиболее ярко данную точку зрения сформулировал Ю. П. Андреев. «Национальная идея, - сказал он, - на мой взгляд, должна стать государственной идеологией. Государственная идеология должна включать в себя концепцию внутренней и внешней безопасности, систему геополитических интересов России, ее сфер влияния, основных целей и средств, обеспечивающих самодостаточность существования и развития нации и государства». Другие участники дискуссии, напротив, настаивали на принципе деидеологизации государства и сохранении понятия «национальная идея» на этническом уровне. «Все это свидетельствует о сложности процессов формулирования и понимания современного феномена национальной идеи» - делает выводы в своей диссертации М.В. Петрова. [2]

На протяжении XIX и XX веков в России существовало четыре устойчивые парадигмы русской национальной идеи: политическая, идентификационная, культурологическая и цивилизационная. [3]

Особенностью политической парадигмы национальной идеи, которая господствовала в России в первой четверти XIX века, было отражение в ней необходимости решить национальный вопрос, то есть сохранить Россию в качестве самостоятельного политического субъекта мирового исторического развития через трансформацию сферы власти, государства. Проекты реформирования власти, предложенные двумя основными социальными субъектами – декабристами и государством, были нацелены на освобождение России. Политические споры о природе свободы и рабства, их соотношении в государстве и российском национальном бытии составляют содержание этой парадигмы национальной идеи. Главной антиномией политической парадигмы является противоречие между необходимостью единства в государстве и проблемой свободы, порождающей многоликое разнообразие. В центре политической парадигмы лежат идеалы политических реформ, нацеленных на разрешение антиномии и совмещение во власти двух начал – свободы и единства.

Идентификационная парадигма национальной идеи сложилась в России в период общественно-политической борьбы 30-50-х годов XIX века. Содержание парадигмы национальной идеи разворачивалось на основе решения вопросов: что есть Россия, в чем специфика ее национального бытия. Самоидентификация России осуществлялась на основе противопоставления России Западу. Три субъекта общественной жизни: славянофилы, западники и представители теории официальной народности сформулировали три варианта идентификационной парадигмы национальной идеи, оперируя единым комплексом категорий – народность, народ, целостность, свобода, личность, община, государство, Запад, Россия.

В период шестидесятых годов и до конца XIX века в общественном сознании господствовала культурологическая парадигма национальной идеи. Пытаясь выявить национальную специфику как таковую (не только по отношению к Западу), русские мыслители создали целостные системы понятий и принципов, описывая русскую идею. Сформировались религиозная, народническая, естественнонаучная, правовая концепции национальной идеи. Авторы каждой из них стремились по-своему разрешить антитезу Россия – Запад, обосновывая ту или иную модель самоидентификации.[2]

Неотъемлемым конструктом парадигмы национальной идеи является идеал – образ совершенства, трансформируемый в цель развития различными субъектами общественной жизни, которые формируют национальное самосознание общества. Идеал всегда построен с помощью мифа или опирается на ту или иную мифологию общественного сознания.

Современную парадигму русской национальной идеи можно назвать цивилизационной. Она формируется в процессе переплетения и усложнения структур трех

предшествующих парадигм – политической, идентификационной и культурологической на основе поиска места и роли российской цивилизации в общем мировом процессе развития.

Проблема национального и общественного самосознания, поставленная общественной мыслью 1820-1830-х годов, имеет и сегодня первостепенное значение. 20-30-е годы XIX столетия – время осмысления итогов первых десятилетий XIX века, подготовки будущих преобразований; период, предвещающий бурное развитие общественной мысли последующих двух десятилетий перед реформой 1861 года. Для современной России, вставшей на путь экономического, а не духовного обновления, поучительно изучение опыта прошлого. Изученность «Общества любителей» – первого шеллингианского объединения в России, чья деятельность внесла много нового и самобытного в историю русской общественно-культурной жизни, остается недостаточной. Конкретно-историческое изучение литературного наследия «Общества любителей» позволяет более полно представить многообразие развития общественной мысли России XIX века. До последнего времени изучение общественного движения сосредотачивалось на рассмотрении революционной традиции. Более внимательное отношение к просветительским мирным течениям первой половины XIX столетия позволяет более емко представить течение истории, воссоздать объективную картину прошлого.

В 1820-е гг. в русской общественной мысли наметились качественные изменения. Если раньше общественная мысль развивалась путем расширения круга проблем, подлежащих обсуждению, решению и т.д., то теперь меняется сам характер общественного сознания. Важным становится не то что подлежит осмыслению, скажем, вопросы политики или социального устройства, а сам процесс познания, иными словами, интерес с объекта общественной мысли перемещается на ее субъект. Традиционный инструментальный, в качестве которого использовались в основном идеи французских мыслителей XVIII в., предлагавших некий набор неизменных принципов при анализе как общественных, так и эстетических явлений, перестает устраивать мыслителей в силу отсутствия в нем рефлектирующего начала.

Разговоры о том, что французское влияние плохо сказывается на развитии русской культуры, отрывает ее от национальных истоков, увлекая по опасному пути социальных потрясений, велись давно. С таким представлением были солидарны и последователи А. С. Шишкова, так называемые «архаисты», и многие из прогрессистов, т. е. сторонников политических и социальных преобразований. Вся сложность заточалась не в обличении французов и их русских подражателей (в этом как раз недостатка не было), а в том, чтобы найти некую альтернативу французскому влиянию. Рецепты предлагались самые различные: от возвращения церковнославянского языка до использования в литературе и искусстве сюжетов из национальной истории. Но все это на поверку оказывалось лишь очередной модификацией все тех же правил французской философии и эстетики. Перестать говорить и писать по-французски еще не означало перестать мыслить в соответствии с французскими канонами, без которых не обходилось и не могло в то время обходиться русское образование.

Между тем, пока французы свершали революцию и свержали короля, пока Великая армия, вслед за великими идеями, завоевывала мир, в Германии, раздробленной на множество мелких государств, зрела мысль о всеобщем единстве, открывались новые пути познания природы, общества, человека, истории, искусства и т. д. Однако пройдет еще не одно десятилетие, прежде чем зародившаяся в XVIII в. немецкая философия станет классической, завоеует интеллектуальную Европу и вытеснит французское влияние. [4.С.5-6].

Нельзя сказать, что в России в первые два десятилетия XIX в. немцев не читали. Но в основном немецкая литература в глазах русских читателей того времени была представлена именами Гёте и Шиллера, чья известность намного превосходила известность Канта и Шеллинга. Однако и их тоже знали. Впрочем, Кант, в отличие от Шеллинга, так и не

смог оказать заметное влияние на русских интеллектуалов. Зато Шеллинга в России ждала счастливая судьба. Правда, в первые два десятилетия русское шеллингианство не выходило за пределы университетской науки, да и там «по Шеллингу» лекции читали лишь наиболее одаренные и наименее подверженные академической рутине профессора. Количество их можно пересчитать по пальцам одной руки. Что же касается общественной мысли, традиционно представленной в России того времени писателями и политиками, то здесь Шеллинга либо не знали, либо относились к его учению с нескрываемой иронией, либо считали опасным нововведением.

Отношение к немецкой философии очень отличалось: у старшего поколения оно ироническое, у младшего — восторженное, и это расхождение никак нельзя объяснить разницей в интеллектуальных возможностях. Оно касается гораздо более существенных сторон мировоззрения. Для Батенькова и его поколения, воспитанного на трудах французских просветителей, истина и добро — простые и очевидные вещи, и если кругом царят ложь и зло, то это результат неправильного социального устройства которое при наличии доброй воли большинства легко устранимо. Таким образом, по их мнению путем реформ (не исключено также, что и революции) можно устранить царящее в мире зло и установить гармонию между человеком и обществом, обществом и государством и т. д. [4. С.7].

Поколение Киреевского, вступившее в общественную жизнь в середине 1820-х гг., исходило из представления о том, что в мире все взаимосвязано и подвижно, но это постоянно меняющееся единство не очевидно и нуждается в научном познании. Процесс познания бесконечен, но не бесцелен. Целью его является открыть гармонию, составляющую мировое единство, тот абсолют, в котором в неразделимом виде присутствует природа, общество, искусство, человек и т. д. Иными словами, для старшего поколения характерно стремление к изменению мира ради установления всеобщей гармонии, для младшего — стремление к познанию мира и открытию изначально заложенной в нем гармонии. Итак, стремление к гармонии присутствует у обоих поколений. Но если у старшего путь к ней лежит через социальные потрясения (будь то реформы или революция), то у младшего — через познание.

Познание вместо потрясений! Кем были эти молодые философы, которые так здраво рассуждали? Себя они назвали «любомудрами», в их понимании наименование «философ» запятнано себя в крови французской революции.

Переход от желания изменить мир к желанию его понять в русской общественной мысли наметился в первой половине 1820-х гг. У его истоков стояло всего несколько совсем еще молодых и никому не известных москвичей. Они отказывались называть себя философами, потому что в то время это слово рождало неприятные для них ассоциации с французскими философами-просветителями. Почти любой мало-мальски образованный человек того времени на вопрос, кто есть философ, не задумываясь назвал бы Вольтера, Гельвеция, Руссо и т. д. Но именно от их влияния эти юные москвичи хотели избавить русскую культуру. Поэтому себя они предпочитали называть русским словом, кстати, давно уже существовавшим в языке: «любомудры» (любовь к мудрости, древняя наука о семье, об истоках). [4.С.8].

Когда о любомудрах говорят как о начале нового этапа в истории общественной мысли, о том, что именно они придали общественному движению философскую окраску, вывели философию из стен университетской науки и т. д., то происходит невольная мифологизация объекта изучения, при которой точка зрения исследователя сливается с его собственными представлениями о самом себе. Между тем любомудры, как феномен русской общественной мысли, должны быть рассмотрены с двух точек зрения. Во-первых, как этап в ее развитии, т. е. то, что имеет своих предшественников и последователей. Во-вторых, в их

представлениях должны быть выявлены некие константы, свойственные русской общественной мысли как таковой на всех этапах ее развития.

К любомудрам ведут сразу несколько линий. Русское шеллингианство лишь одна из них. Для них как для людей, связанных с миром Московского университета, не менее важен был опыт просвещенческой деятельности Н. И. Новикова и его масонского кружка активно распространявшего научные знания. Не случайно И. В. Киреевский в «Обзрении русской словесности 1829 года» с благодарностью вспомнил сравнительно недавно (в 1818 г.) умершего в нищете и забвении Н. И. Новикова: «Память об нем почти исчезла; участники его трудов разошлись, утонули в темных заботах частной деятельности; многих уже нет; но дело, ими совершенное, осталось: оно живет, оно приносит плоды и ищет благодарности потомства. Новиков не распространил, а создал у нас любовь к наукам и охоту к чтению» [4. С. 620].

Третьей линией, с которой так или иначе соотносились любомудры, был декабризм. Идущая от Герцена тенденция включать любомудров, пусть даже в лице Веневитинова, в историю русского освободительного движения и тем самым делать их последователями декабристов, тенденция, активно поддержанная советскими исследователями от Д.Д. Благого (автора вступительной статьи к первому полному собранию сочинений Веневитинова), до Л.А. Тартаковской (автора единственной монографии о нем на русском языке), является сильным упрощением. Более сложный характер взаимоотношений любомудров и декабристов показан в книге Е.Л. Рудницкой. Однако и ее точка зрения нуждается в некоторых уточнениях, о которых речь пойдет ниже.

Линия, идущая от любомудров, достаточно хорошо известна — это славянофильство как в его оппозиционном варианте (И.В. Киреевский, Х.С. Хомяков), так и в официально-народническом (С.П. Шевырев, М.П. Погодин).

Как феномен русской общественной мысли, любомудры характеризуются теми же чертами, что и русская философствующая интеллигенция вообще. Историки русской философии в той или иной степени признают отсутствие в России оригинальных философских школ и систем. Г.Г. Шпет писал, что в России философия подменена философствованием. Но при этом Шпет отмечал, что у русской философии «все же есть свой собственный (национальный) тембр голоса, у нее есть свои особые психологические обертоны. Не в решении, даже не в постановке своих проблем, тем более не в методе раскрывается русская философия, а главным образом в психологической атмосфере, окружающей и постановку вопросов, и решение их». [5] Эту особую психологическую, а точнее было бы сказать, историко-психологическую атмосферу Шпет видит в отсутствии в России аристократии в ее европейском понимании, как «законнорожденного творческого выразителя нации». Это делает всю русскую историю «какой-то загадкой» и, как следствие, «"Россия" становится законною проблемою русской философской рефлексии. "Народ" и "интеллигенция" как творческий выразитель народа — философско-культурная корреляция. Русская философская мысль подходит к проблеме России как к проблеме отношения названных терминов, то со стороны "народа", то со стороны "интеллигенции", но решает всегда одну проблему — самого соотношения». Эта яркая мысль Шпета сама является фактом русского философствования, о котором он пишет не без пренебрежения, и сама нуждается в интерпретации.

Обозначенная проблема «интеллигенция — народ» является одной из важнейших частей мифа о расколе русской нации, произведенном петровскими реформами. Но у этого мифа есть и другая составляющая — просвещение как путь преодоления этого раскола. При этом интеллигенция выступает как субъект просвещения, а народ как объект. Даже в том случае, когда народ мыслится как духовно здоровая часть общества, хранитель устоев и т. д., а интеллигенция как лишенная корней, чужая среди своих и т. д., даже в этом случае ей предстоит набраться народной мудрости для того, чтобы заплатить свой просвещенческий

долг народу. Если же говорить об истоках этого мифа, то мы неизбежно придем все к той же западной философии, которая, начиная с Петра I, более или менее систематически начинает проникать в Россию. Имена Г. Гроция и С. Пуффендорфа в исторической перспективе сменяются именами Вольтера и Руссо, Шеллинга и Гегеля и т. д. Но русские мыслители усваивают европейские идеи не в готовом виде и думают не столько об их развитии, сколько о сфере их применения. Они важны и значимы не сами по себе, а лишь при решении специфически российских проблем. В философии стремятся найти ответы на все вопросы, и русский философ, осознающий себя носителем высшей истины, нередко получает, прежде всего, в собственных глазах, мессианский статус.

Любомудры в этом отношении не были исключением. В отличие от горячо почитаемого ими Шеллинга, который считал, что «все понимаемое до сих пор под философией возможно лишь как наука о знании, и что объект ее есть не бытие, а знание; следовательно, принципом ее может быть в результате не принцип бытия, а только принцип знания», они в самом знании видели путь решения вопросов бытия. [6]

И вопрос об общественном характере философского познания, и вопрос о просвещении как приобщении народа к философии был для них важнее чистого процесса познания. В этом смысле при всей своей субъективной установке на новизну, на открытие непроторенных дорог они оказывались в том же кругу «проклятых» вопросов, в котором традиционно вращаются мысли русской интеллигенции [7.С.10].

Кружок любомудров ассоциируется в первую очередь с именем Д.В. Веневитинова. «Дмитрий Веневитинов, — вспоминал Погодин, — был любимцем всего нашего кружка. Все мы любили его горячо, один другого больше». Его биограф А.П. Пятковский, заставший еще в живых некоторых любомудров, на основе их свидетельств писал: «...открытая душа Веневитинова была вполне ценима его друзьями. Его блестящее остроумие, не везде одинаково настроенное, но всегда удачно разыгрывавшееся в близком приятельском кружке, много оживляло систематические заседания молодых людей. Замечательная физическая красота, выразительные карие глаза и звучный голос довершали очаровательность Веневитинова во всяком обществе» [8.С.654].

Этому во многом способствует сама университетская среда, в которой в то время «варятся» все будущие любомудры: И. В. Киреевский, Х.И. Кошелев, В.Ф. Одоевский, В.П. Титов, Н.М. Рожалин, Н.А. Мельгунов, М.П. Погодин, С.П. Шевырев и др. Многие из этого списка, включая самого Веневитинова в том же 1823 г. поступили на службу в Архив коллегии иностранных дел и под именем «архивных юношей» были увековечены в восьмой главе «Евгения Онегина». Служба в архиве, по воспоминанию А.И. Кошелева, была хотя и мало завлекательной, но зато необременительной: «Начальство было очень мило: оно не требовало от нас большой работы», и архивная молодежь проводила большую часть служебного времени в разговорах и коллективном сочинительстве.

Вскоре Веневитинов сам «сделался центром весьма замечательного литературного кружка», в который вошли, между прочим И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, и Т.С. Мальцев, князь Вл. Одоевский, Н.М. Рожалин, В.П. Титов, С.П. Шевырев и Ф.С. Хомяков. Сюда же примкнул и известный историк М.П. Погодин, получивший уже в то время степень магистра истории.

В отличие от тайного общества любомудров, все следы существования которого были уничтожены после катастрофы 14 декабря, сведения об их кружке в известной мере сохранились. История кружка охватывает семилетний период, который условно можно разделить на несколько этапов. На первом этапе с 1823 г. по осень 1826 г., т. е. с момента образования и до решения издавать «Московский вестник» — главную роль в обществе играют Одоевский (председатель) и Веневитинов, чье влияние постоянно растет и с 1825 г. становится преобладающим. Второй этап — с осени 1826 г. до смерти Веневитинова в марте 1827 г. Третий, последний, этап — с весны 1827 г. до прекращения выхода «Московского

вестника» в 1830 г. Последним, завершающим аккордом любомудрия можно считать выход второй части «Сочинений» Веневитинова в 1831 г. Фактически же издание было подготовлено в 1830 г. На завершающем этапе, до 1829 г., ведущую роль играет С.П. Шевырев.[8.С.506-507].

«Общество любомудрия» - тайный философский кружок, объединивший дворянскую молодежь из московских интеллектуальных семей. В него входили: В.Ф. Одоевский, Д.В. Веневитинов, И.В. Киреевский, А.И. Кошелев, Н.М. Рожалин. К непостоянным членам этого общества можно отнести также П.Д. Леркацкого, Ал.С. Корова, В.П. Титова. Часть членов «Общества любомудрия» служила в Московском архиве Коллегии иностранных дел, где входила в содружество «архивных юношей» – организацию архивной молодежи салонного типа. Некоторые из «архивных юношей» (С.А. Соболевский, Н.А. Мельгунов, И.С. Мальцев и др.) позднее составили вместе с любомудрами редакцию «Московского вестника». Некоторые из любомудров (В.Ф. Одоевский, А.И. Кошелев, Б.П. Титов) являлись такими участниками «Общества Раича» – литературного объединения пишущей молодежи, созданного с целью издания лучших переводов европейских авторов и собственных сочинений. Прохладное отношение к немецкой философии главы этого литературного общества С.Е. Раича, сторонника «легкой» поэзии, привело к разногласиям с любомудрами. Что касается «веневитиновского кружка», то это было широкое объединение, куда входили друзья и родные поэта-любомудра Д.В. Веневитинова, рано умершего.

З.А. Каменский в своем исследовании уточнил хронологические рамки существования "Общества любомудрия" как тайного общества: конец 1823г. – последние дни декабря 1825 гг. Далее оно существует, как легальное объединение единомышленников до начала 1830-х гг. [7.С.11].

В своих статьях Каменский обращает внимание на то, что Веневитинов вместе с другими «архивными юношами» посещает литературный кружок С.Е. Раича, однако его участие в жизни этого кружка не отражено в источниках. Одновременно с этим он бывал в другом — литературно-музыкальном салоне З.А. Волконской. Они познакомились в 1824 г., когда Зинаиде Александровне было 35 лет: это была образованная, многогранно талантливая и все еще сверкающая красотой женщина. Она долго жила за границей, одинаково свободно писала и говорила на трех языках (русском, французском и итальянском), сочиняла стихи и прозу, была артистична, обладала великолепным голосом, получившим одобрение знаменитых европейских музыкантов, в том числе великого Д. Россини. Наверное, ни одной женщине поэты (среди них А.С. Пушкин, Е.А. Баратынский, А. Мицкевич и др.) не посвящали столько стихов. В жизни и творчестве Веневитинова Волконская оставила неизгладимый след, став предметом его романтической поэзии и не менее романтического чувства. В числе ее многочисленных поклонников в прошлом и настоящем, юный Веневитинов, по возрасту годившийся ей в сыновья, конечно же, не мог рассчитывать на ответное чувство, но его дарования были высоко оценены Зинаидой Александровной, подарившей поэту на память перстень, ставший впоследствии одной из ярких граней веневитиновской легенды.

Выводы Каменского подтверждаются перепиской Кошелева, который писал о двух обществах, точнее о кружке и обществе. Первое относится к 1823 г.: «Около этого времени мы познакомились с даровитым, весьма умным и развитым Д.В. Веневитиновым, к прискорбию рано умершим. Немецкая философия и в особенности творения Шеллинга нас всех так к себе приковывали, что изучение всего остального шло у нас довольно небрежно, и все наше время мы посвящали немецким любомудрам. В это время бывали у нас вечерние беседы, продолжавшиеся далеко за полночь, и они оказывались для нас много плодотворнее всех уроков, которые мы брали у профессоров. Наш кружок все более и более разрастался и сплотился. Главными самыми деятельными участниками в нем были: Ив.В. Киреевский, Дм. Веневитинов, Рожалин, кн. В. Одоевский, Титов, Шевырев, Мельгунов и я».[7.С.11-12.]

«После неожиданной смерти Веневитинова в кругу «московских юношей» был создан идеализированный образ безвременно погибшего гения, творчество которого объявлялось эталоном поэзии мысли».

Соглашусь с мнением Каменского с тем, что само название «общество любомудров» — является исследовательским конструктом, правда, прижившимся и прочно вошедшим в научный оборот, подобно понятию «движение декабристов». Можно согласиться с тем, что ранняя смерть Веневитинова, потрясая воображение его друзей, ретроспективно поставила его имя в центр явления московской жизни 1820-х г., которое на языке той эпохи называлось «любомудрием». Но эта же смерть не ретроспективно, а фактически сплотила кружок молодых людей, которые еще как минимум три года осознавали свое идейное единство. Внешним проявлением которого стали журнал «Московский вестник» и посмертное издание сочинений Веневитинова. Именно любомудры сохранили и популяризировали наследие молодого поэта и философа и в дальнейшем «передали по наследству и детям». В частности брат поэта — Алексей Веневитинов, тоже входивший в кружок, передал почтение к Дмитрию своему сыну Михаилу, который очень много сделал для отечественной науки и музееведения.

Любомудры обозначили точку поворота, после которой философия становится важнейшей частью русской общественной мысли.

Смысл истории Шеллинг, как известно, видел в «возникновении всеобщего правового строя», а ее своеобразие в «сочетании свободы и закономерности». Иными словами, история, по Шеллингу, — «постепенная реализация индивидуумами всего рода в целом никогда полностью не утрачиваемого идеала». Абсолютный синтез, раскрывающийся в истории и составляющий ее содержание, проходит через три периода. Первый, трагический, относящийся к древнему миру, когда «господствует только судьба, т. е. совершенно слепая сила, холодно и бессознательно разрушающая все великое и прекрасное». Второй период начинается с «расширения границ великой Римской республики» и характеризуется господством закона.

Для Шеллинга существование правового государства невозможно. Другие государства, строй которых основан на силе, а не на праве, будут представлять для него постоянную угрозу. «Следовательно, представить себе гарантированное существование даже отдельного государственного устройства, пусть даже совершенного по своей идее, невозможно без организации, стоящей над отдельными государствами, без федерации всех государств, гарантирующих друг другу нерушимость их строя; однако подобная взаимная гарантия в свою очередь невозможна, прежде чем, во-первых, не будут повсеместно распространены принципы подлинного правового устройства, чтобы все отдельные государства были одинаково заинтересованы в сохранении строя всех государств, и прежде чем, во-вторых, все эти государства не подчинятся общему закону, так же как раньше при образовании государства это сделали отдельные индивидуумы; тем самым отдельные государства будут входить в государство государств, и для устранения столкновений между народами будет действовать общий ареопаг народов, состоящий из представителей всех культурных наций, в распоряжении» [6]

Однако, в отличие от большинства аналогичных идей, мысль Шеллинга заключается в том, что международное право невозможно без правового строя внутри каждого государства, а последнее невозможно без нравственного преобразования каждого индивидуума. Таким образом, вопрос о нравственном перевороте непременно связывался с вопросом о политическом перевороте, и наоборот.

Если декабристы готовили глобальные социально-политические преобразования, то любомудры под влиянием Шеллинга стремились выработать единую систему, позволявшую создать универсальную и внутренне непротиворечивую картину мира. Они, по позднейшему признанию Одоевского, «верили в возможность такой абсолютной теории, посредством

которой возможно было бы строить (мы говорили конструировать) все явления природы, точно так, как теперь верят в возможность такой социальной формы, которая бы вполне удовлетворяла всем потребностям человека <...> Тогда вся природа, вся жизнь человека казалась нам довольно ясною, и мы немножко свысока посматривали на физиков, на химиков, на утилитаристов, которые рылись в грубой материи». Свысока любомудры посматривали не только на «утилитаристов». П.А. Вяземский считал московскую молодежь «удивительно надменною», полагая, что «надменность есть отличительная черта в характере нового пишущего поколения, в особенности же московского» [6.С.14].

Высокомерие любомудров было следствием их ощущения собственной причастности к эзотерическому знанию, уверенность в том, что они нашли ответы на «все возможные вопросы» источника этого знания — германское любомудрие — московские любомудры противопоставляли влиянию французской философии: «До сих пор философа не могут представить иначе, как в образе французского говоруна XVIII века».

Немецкая философия казалась любомудрам откровением: «Именно в Германии ”зарождается новый мир, из которого заблистает свет невечерний”». Одоевский писал: «не нам ли предстоит возвращать семена, посеянные европейской культурой». Он имел в виду Россию и ее роль во всемирной эстафете саморазвития духа. Россия должна стать центром третьего и последнего этапа мировой истории. Россия должна завершить процесс самопознания духа. Именно в России дух вернется к своему началу, и процесс его познания завершится грандиозным синтезом мировой истории.

Цель интеллигенции жертва ради народа: «Мы любим Россию, имя отечества воспламеняет нас, мы готовы для него жертвовать своим существованием...» - писал Веневитинов[8.С.77].

Народ по мнению Веневитинова носитель исконного просвещения, в отличие от передовой интеллигенции.

21 апреля 1824 г. Д.В. Веневитинов писал: «Человек рожден не для самого себя, а для человечества, цель его — польза человечества», из чего следовал вывод: «Обязанность каждого человека по мере сил своих и способностей содействовать благу общему в том круге, который ему предназначен судьбою, — обязанность каждого мыслящего гражданина определенно действовать для пользы народа, к которому он принадлежит». Народ для любомудров прежде всего — объект просвещения. Сами же они посредники между ним и философией Шеллинга. Отсюда их двойственность: они живут среди обычных людей и внешне ничем от них не отличаются, но в то же время они ощущают собственную эзотеричность благодаря причастности к особому знанию.

Веневитиновское понимание народности искусства преемственно связано с пушкинским пониманием народности. В определении народности Веневитинов был близок к той формулировке, которая была дана как обобщение пушкинского творчества в статье Гоголя «Несколько слов о Пушкине». Полемизируя с редактором «Московского телеграфа» Н. Полевым, в связи с его оценкой первой главы «Евгения Онегина», Веневитинов писал: «Я полагаю народность не в черевиках, не в бородах и проч. (как остроумно думает г. Полевой), но и не в том, где ее ищет издатель „Телеграфа“». Веневитинов указывал, что народность следует искать не в отдельных образах и картинах, «но в самих чувствах поэта, напитанного духом одного народа и живущего, так сказать, в развитии, успехах и отдельности его характера. Не должно смешивать понятия народности с выражением народных обычаев: подобные картины тогда только истинно нам нравятся, когда они оправданы гордым участием поэта».

После 1825 года любомудры использовали различные виды просветительской деятельности: государственная служба, преподавание в университете, литературно-критическая деятельность. Везде они стремились проводить свои взгляды в жизнь.

Особое внимание уделялилюбомудры литературе. Они видели в ней важнейшее средство просвещения общества. Отсюда вытекает их стремление издавать собственный журнал. С его помощьюлюбомудры хотели изменить весь «ход русской словесности», сделать русскую литературу более думающей.

Журналлюбомудров и их единомышленников «Московский вестник» был создан осенью 1826 года в творческом союзе с А.С. Пушкиным. Поэта привлекло серьезное отношениелюбомудров к литературному творчеству, их страсть к положительному знанию, защита принципов национальной самобытности, которую он сам отразил в своих произведениях. На страницах «Московского вестника» увидели свет более 30 сочинений А.С. Пушкина, однако перегруженность журнала философской тематикой вызвала отчуждение поэта и его отход.

Ориентация «Московского вестника» на научно-философское направление снизила его популярность. Низкий образовательный уровень читающей публики, неразработанность философской терминологии в трудахлюбомудров мешали осуществлению их просветительской миссии. На страницах «Московского вестника» усилиями В.Ф. Одоевского, В.П. Титова, С.П. Шевырева сформировалось новое течение – философская эстетика. Литературно-критическая деятельность понималасьлюбомудрами как средство популяризации идей [7.С.23].

Присущаялюбомудрам злободневность критики не разделялась редактором журнала М.П. Погодиным. Это привело в начале 1829 г. к разрывулюбомудров с изданием. Как органлюбомудров «Московский вестник» просуществовал неполных два года. Основной причиной отходалюбомудров от собственного издания являлась потеря единства во взглядах, идейная эволюция бывших членов «Обществалюбомудрия».

Обращениелюбомудров к проблеме национально самобытности не было случайным и отражало важность теоретических идей для развития общественного самосознания. Теоретические споры 1820-1830-х годов о подражательном характере русской культуры и литературы являлись следствием осмысления проблемы народности, поставленной еще в начале XIX в. Шеллингом. Выделялись два подхода к решению этой проблемы: одни признавали цивилизующее значение западной культуры для русской нации, другие считали западное влияние злом, в корне чуждым России. Любомудров можно отнести к представителям первой точки зрения.

Любомудры в начале 1830-х гг. признавали культурную отсталость России, ликвидировать которую она сможет лишь заимствуя лучшие достижения западноевропейской цивилизации. Причины отсталости они видели в отсутствии в истории России периода античности, с его достижениями, в особой роли православной церкви, которая не смогла стать объединяющим политическим центром в эпоху раздробленности.

Оригинальную трактовку различия русских и европейских национальных начал дал В.Ф. Одоевский. Он разработал учение о «стихиях» - внутренне присущих каждому народу качествах, различное сочетание которых и дает национальное своеобразие. Гармоничное сочетание «стихий» способствует поступательному развитию народа и общества. Дисгармония приводит к кризису в духовной сфере. Учение о «стихиях» В.Ф. Одоевский обосновывал мессианскую роль русского народа, обладающего высокими духовными потенциями, способного в будущем возглавить ход исторического развития. В.Ф. Одоевский мыслил русскую жизнь как равноправный синтез отечественных и западноевропейских начал. Эти положения в начале 1830-х гг. разделяли и другиелюбомудры.

Любомудров объединяла уверенность в оригинальности русских национальных начал и их отличии от европейских (русские начала – это цельное, нравственное состояние духа, европейские – рациональное и узкодогматическое). Выделяя эти начала, они далеки от их противопоставления. Напротив, они видели будущее России во включении ее в общеевропейскую цивилизацию. Для них не случайна положительная оценка роли

петровских преобразований. Общественный идеал любомудров – великая просвещенная Россия. Пути его достижения они видели в нравственном воспитании народа, самопознании, распространении просвещения. Они были противниками революционных действий, сторонниками постепенного преобразования России.

«Общество любомудрия» являлось просветительским кружком дворянской молодежи, истоком будущих либеральных объединений западников и славянофилов. Это общество сыграло значительную роль в формировании русской национальной идеи и русского философствования.

Любомудры фактически заложили основу как славянофильства, так и западничества.

И.В. Киреевский и А.С. Хомяков – лидеры славянофилов – дебютировали в литературе именно в кругу «архивных юношей». Истоки русской идеалистической диалектики и эстетики – в трудах любомудров. Обращение к национальным духовным традициям (вместо подражания Европе) также впервые произошло в их творчестве. С другой стороны, западник В.Г. Белинский также сформировался как критик под влиянием «единой теории изящного», разрабатываемой В.Ф. Одоевским. Традиции философской лирики Д.В. Веневитинова продолжали А.С. Пушкин и Ф.И. Тютчев. Написанная В.Ф. Одоевским книга «Русские ночи» – один из интереснейших памятников русской мысли – повлияла на становление молодого Ф.М. Достоевского.[7.С.25-27].

Многие национальные мыслители России разрабатывали в своем творчестве темы, впервые почти «на ощупь» найденные молодыми поэтами, служившими при московском Архиве Министерства иностранных дел.

Выше уже отмечалось общеизвестное положение о том, что любомудры в дальнейшем эволюционировали в сторону славянофильства. Но их значение в истории русской общественной мысли определяется не только этим. Они, может быть впервые в России, пытались превратить философию в инструмент для решения общественных проблем. Перенимая в готовом виде схемы и положения немецкой философии, они не столько стремились их развить, сколько найти им практическое применение в условиях российской действительности. В дальнейшем философские схемы, будоражащие русские умы, будут меняться (оставаясь при этом немецкими, вплоть до К. Маркса), но отношение к ним в России будет одним и тем же. Русские гегельянцы а затем марксисты, как и их предшественники шеллингянцы, будут стремиться на практике воплотить то, что в самой Германии не выходило за пределы чистого знания.

Любомудров объединяла уверенность в оригинальности русских национальных начал и их отличии от европейских: русские начала – это цельное, нравственное состояние духа, европейские – рациональное и узкодогматическое. Выделяя эти начала, они далеки от их противопоставления. Напротив, они видели будущее России во включении ее в общеевропейскую цивилизацию. Для них не случайна положительная оценка роли петровских преобразований. Общественный идеал любомудров – великая просвещенная Россия. Пути его достижения они видели в нравственном воспитании народа, самопознании, распространении просвещения. Они были противниками революционных действий, сторонниками постепенного преобразования России. «Общество любомудрия» являлось просветительским кружком дворянской молодежи, истоком будущих либеральных объединений западников и славянофилов. Это общество сыграло значительную роль в формировании русской национальной идеи и русской философской мысли.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации [Электронный ресурс] Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. **Петрова М.В.** Парадигмы русской национальной идеи: история и современность: автореф. дис. ... доктора политических наук 23.00.03. Защищена 23.03.2001/Мария Владимировна Петрова. – М. 2000 – 28 с. [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://www.dissercat.com/content/paradigmy-russkoi-natsionalnoi-idei-istoriya-i-sovremennost>.
3. **Петрова М.В.** Национальная идея России: история и современность. Ижевск, 2005. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://www.alibudm.ru/akniga3929.html>
4. **Парсамов В.С.** Дмитрий Владимирович Веневитинов и кружок Любомудров// Веневитинов Д.В. и Любомудры. М., 2010. С.5-74.
5. **Шпет Г.Г.** Очерк развития русской философии: I. М., 2008. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://rummuseum.info/node/4690>.
6. **Шелинг Ф.В.** Сочинения в 2-х томах. М. 1987. [Электронный ресурс] Режим доступа: <http://i-text.narod.ru/lib-f.html>
7. **Каменский З.А.** Московский кружок Любомудров. М.1980. - 327 с.
8. Веневитинов Д.В. и Любомудры. М. 2010. - 832 с.

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ SOCIAL AND POLITICAL PROCESSES

УДК 329.1/.6 (881+883)

*Российский университет кооперации
кандидат исторических наук,
преподаватель
А.А. Болтаевский
Россия, г. Москва, тел. (916) 9083743
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

*Russian University of Cooperation
PhD in History,
Lecturer
A.A. Boltaevskiy
Russia, Moscow, tel. (916) 9083743
e-mail: Boltaev83@mail.ru*

А.А. Болтаевский

ЭТНОРАСОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ ГАЙАНЫ И СУРИНАМА: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

В работе показано влияние этнорасового компонента на электоральные предпочтения жителей Гайаны и Суринама. Автор на основе сравнительного метода отмечает сходные и различные моменты политической жизни двух стран, а также дает прогноз дальнейшего ее развития. Приводимые данные показывают сохраняющуюся приверженность избирателей двух стран в голосовании по этнорасовым, а не идеологическим критериям.

Ключевые слова: Гайана, Суринам, электорат, этнорасовые группы, противоречия, борьба, национализм, креолы, индийцы.

A.A. Boltaevskiy

ETHNOCAL ASPECTS OF POLITICAL LIFE OF GUYANS AND SURINAM: A COMPARATIVE ANALYSIS

The paper shows the influence of the ethnorace component on the electoral preferences of the people of Guyana and Suriname. The author, on the basis of the comparative method, notes similar and different aspects of the political life of the two countries, and also gives a forecast of its further development. The data show the continuing commitment of the voters of the two countries to vote on ethno-racial and not ideological criteria.

Key words: Guyana, Suriname, electorate, ethno-racial groups, contradictions, struggle, nationalism, Creoles, Indians.

Страны Гвианского треугольника (Гайана, Суринам, Французская Гвиана) традиционно крайне скупо освещаются отечественной историографией; впрочем, также редко они попадают в поле зрения новостных СМИ. Во многом, такая ситуация связана со своеобразным парадоксом: данный регион, хотя и относится к Южной Америке, имеет с остальной частью континента незначительные исторические и экономические связи. Гвиану не затронули Освободительные войны начала XIX в. и последующие смены различных каудильо в латиноамериканских странах: если Гайана и Суринам добились независимости в 1960-1970-е гг., то Французская Гвиана сегодня является удивительным уголком Европейского союза в Новом Свете. В связи с этим определяющими для всех трех стран были экономические контакты с метрополиями, а начиная со второй трети XX в. и со сверхгигантом Западного полушария, Соединенными Штатами Америки.

Слабые связи с соседями обусловили этноконфессиональные отличия: так, в Гайане и Суринаме сегодня имеются влиятельные индийские общины, обе страны являются членами Организации исламского сотрудничества. Только в последние несколько десятилетий наблюдаемая миграция венесуэльцев в Гайану и бразильцев в Суринам может привести к усилению иберийского компонента в регионе. Данные отличительные особенности привели также к тому, что регион не включался в традиционное поле зрения отечественной латиноамериканистики, оставаясь чаще всего вне фокуса историков, этнографов, политологов.

Исторически Дикий берег (именно такое название закрепилось за побережьем Гвианы в XVI – XVII вв.) стал местом многочисленных попыток создания торговых факторий англичан, французов и голландцев. Однако враждебность туземцев, набеги испанцев, считавших себя монопольными хозяевами данной страны, а также взаимное недоверие и конфликты между колонистами препятствовали каким-либо долговременным поселениям. Только во второй половине XVII в. возникают полноценные поселения в Суринаме и Кайенне, при этом в первом случае сначала англичане, а затем сменившие их голландцы начали создать плантационной системы, основанной на принудительном рабском труде и способствовавшие процветанию колоний: «король-сахар» стал настоящим символом региона, что позволило романисту Э. Троллопу справедливо указать на тождественность понятий «сахар» и «труд» в Гвиане [1].

Влажный тропический климат наряду с приносимыми сверхдоходами препятствовал значительным поселениям европейцев: даже владельцы плантаций предпочитали жить в более комфортных условиях на Барбадосе или в Европе (более того, численность проживающих в Суринаме европейцев снизилась с 1787 по 1920 г. снизилась почти в 5 раз [2]). А в 1884 г. один из французских чиновников признавался: «Кроме Кайенны, которая выступает в море, и трех островов вулканического происхождения, Гвиана вся в целом, от реки Марони до спорной территории, это огромное болото, в котором европейцы не могут ни жить, ни работать» [3.Р.1].

Неудивительно, что заполнить вынужденную нехватку рабочих рук после отмены рабства (в Британской Гвиане в 1834 г., в Суринаме в 1863 г.) колониальные администрации решились путем привлечения контрактных рабочих, в первую очередь, из Ост-Индии. Хотя формально заключение контрактов было добровольным, в реальности вербовщики почти повсеместно привлекали дешевую рабочую силу рассказами о сладкой жизни в заморских странах, а зачастую занимались и откровенным принуждением [4.Р.178]. Прибывавшие азиатские рабочие селились в изолированных поселениях, что, с одной стороны, препятствовало контактам между ними и креолами, с другой стороны, рождало недоверие между различными этническими группами. Еще в 1930 г. христианский миссионер Ч.Ф. Эндрюс видел потенциальные угрозы конфликтов в том, что «негры и цветные люди... чувствуют повышение уровня бедности из-за присутствия восточных индийцев» [5.Р.57].

Даже после отмены рабства в Гайане и Суринаме сохранялась скрытая сегрегация: неравенство между различными этническими группами было закреплено в экономической структуре колоний. К примеру, в Британской Гвиане прибывшие на контрактные работы в середине XIX в. португальцы не классифицировались в местной колониальной терминологии в качестве «европейцев» [6]. Рассматривая положение в Гвиане, один из идеологов британского колониализма Майкл Свон констатировал: «Африканец – это естественный житель города, в то время как индийцы предпочитают сельские районы, работающие на сахарных плантациях, занимающихся рисовыми полями» [7]. Антрополог Л. Депре на основе собранного богатого полевого материала отмечал: «Обе группы являются эндогамными в брачно-семейных отношениях. Человек, который выходит замуж или женится за пределами своей группы, особенно в сельской местности, подвергается остракизму с двух сторон» [8, p. 1062-1063].

Как правило, социальный статус креолов был более высоким, нежели выходцев из Азии, не говоря уже об индейцах и маронах. Даже в 1967 г. в составе 867 суринамских студентов 65 % являлись креолами, 14 % индийцами и только 1 % яванцами [9.Р.8]. Вместе с тем после Второй мировой войны наблюдалось постепенное повышение социального статуса индусов в Гайане и Суринаме, вышедшими за рамки сельского хозяйства в государственную службу, горнодобывающую промышленность, строительство и предпринимательство: это происходило на фоне увеличения как общей численности индийской диаспоры, так и ее урбанизированной части в столицах (см. таб. 1).

Таблица 1

Индийская популяция в Суринаме [10.Р.79] [11.Р.142-143] [12.Р.25]

Годы	Общая численность населения Суринама	Численность индийской популяции	% от общего числа	% от числа проживающих в Парамарибо
1863	51 436	0	-	-
1880	52 476	± 4 000	± 7,6%	-
1896	66 959	16 004	24%	-
1906	78 124	18 944 (1905)	24%	-
1922	93 762	26 084	27.8%	11% (1921)
1929	114 516	30 933	27.0%	-
1935	129 672	36 331	28.0%	-
1940	142 225	42 538	29.9%	-
1950	178 078	62.570	35.1%	28%
1964	300 439	116 407	38.8%	32%
1971	355 690	142 450	40%	-

Одновременно растущая индийская популяция вызвала обеспокоенность со стороны ощущавшей себя автохтонной как в Британской Гвиане, так и в Суринаме креольской общине. Так, работавшая в 1954 г. в британской колонии Конституционная комиссия Д. Робертсона отмечала «усиление расовых трений ... за внешним спокойствием скрываются чувства подозрительности и недовольства» [13.Р.27].

Неслучайна антииндийская направленность целого ряда креольских политиков в обеих странах: так, готовивший военный путч в Суринаме в 1947 г. С. Санчес говорил: «Индийцы попытаются захватить нашу землю и прежде чем они это сделают, мы должны выступить против них...численность индийцев уже превышает численность креолов, настоящих суринамцев. Правительство поддерживает чужеземцев, а нас, детей Суринама, обделяет» [14.blz.71-72]. Попытка переворота в Суринаме в марте 1982 г. лейтенантом С. Рамбокусом и сержантом У. Хокусом, проводимая под лозунгами «восстановления демократии и спасении страны от коммунизма», рассматривалась в качестве восстания индийцев [15.Л.20]. И сегодня суринамские креолы призывают переименовать в День освобождения от рабства отмечаемый 1 июля в честь эмансипации 1863 г. День свободы, нынешнее название которого дает ему гораздо более широкое толкование и позволяет участвовать в празднествах всем этносам страны [16.blz.62].

В Гайане находившиеся у власти креолы объявили главным национальным праздником не день обретения независимости, а начало восстания Коффи 23 февраля 1763 г. (Бербисское восстание). Именно это событие стало важной идеологической вехой в становлении режима Ф. Борнема. В его возвеличивании дальше всех пошел депутат от

креольской партии Народный национальный конгресс Т. Астон Санчес, который усматривал в нем даже предтечу революции на Гаити конца XVIII в.: «С началом восстания [*имеется в виду Бербисское – автор*] луч света проникает в царство тьмы: его свет отражаются в делах Гаитянской революции, в глазах Туссена Лувертюра и его соратников... Им указало путь Бербисское восстание» [17.Р.199]. Разумеется, можно утверждать, что обращение к восстанию рабов было вызвано необходимостью формирования, как исторической памяти гайанского народа, так и ее идеологической базы, тем более в условиях эклектичности взглядов самого «вождя-основателя» (именно так со временем стали называть однопартийцы своего лидера), называвшего себя марксистом, кооперативным социалистом и христианином [18.Л.15об]. Однако само по себе обращение к той части истории, которая отвечала только коллективной памяти креолов, показательна в качестве конкретного примера креольского национализма.

Неслучайны попытки индо-гайанских лидеров расширить в этой связи национальный исторический пантеон. Так, выступая на праздновании Дня независимости 26 мая 1993 г. многолетний оппонент Бернэма, лидера Народной прогрессивной партии Ч. Джаган призывал: «Давайте вспомним наших собственных героев. Для Коффи памятник уже построен. Но давайте также будем чтить всех героев, не только тех, кто подписал Декларацию независимости, но и тех, кто боролся до 26 мая 1966 года за то, чтобы сделать Независимость реальностью, – тех, кто создал Комитет по политическим вопросам в 1946 году... является связующим звеном между Коффи в 1763, 1946, 1966 и 5 октября 1992 года» [19.Р.4-5].

Общественно-политические движения в Гайане и Суринаме уже с 1930-х гг. имели не только идеологические, но и этнорасовые различия. В этом контексте может быть рассмотрена даже деятельность Антона де Кома, стремившегося к реэмиграции яванской диаспоры. В то же время Антон выступал за консолидацию на основе пролетарского интернационализма всех этнорасовых групп страны, то, чего не смогли сделать его политические преемники. Так, в Гайане противостояние между двумя общинами дважды в 1960-е гг. приводило к кровавым столкновениям. Имеющиеся проблемы в гайанском обществе побуждали даже некоторых исследователей говорить о необходимости перехода к федеративному устройству, успешно зарекомендовавшему себя в таких европейских странах, как Бельгия или Швейцария [20].

В то же время если начиная с 1960-х гг. для гайанской политической системы характерна конкуренция преимущественно по этническому принципу (две ведущие партии – Народная прогрессивная партия и Народный национальный конгресс – выражали преимущественно интересы соответственно индо-гайанцев и афро-гайанцев), то ситуация в Суринаме сложилась несколько иначе.

Во-первых, помимо креольской и индийской общины в бывшей голландской колонии имеется серьезная прослойка яванского населения (см. таб. 2). И хотя в последние десятилетия наблюдаются процессы активной креолизации яванцев, особенно проживающих в Парамарибо (это проявляется и в массовом использовании голландского и суринамского языков, а также в христианизации части яванцев), они выступают в качестве своеобразного буфера между креолами и индийцами.

Таблица 2

Основные этнорасовые группы в Гайане и Суринаме (%) [21.Р.440,1441]

	Гайана (1970)	Суринам (1971)	Гайана (2002)	Суринам (2007)
креолы (в Суринаме – вместе с маронами)	31, 2	31, 3	30, 2	37
индийцы	51, 8	37, 65	43, 5	27
яванцы		15, 2		14

Однако изучение электоральных предпочтений в ходе выборов в Гайане (2006 г.) и Суринаме (2010 г.) позволяют говорить об этнической приверженности: как говорят в Суринаме, «голосуй за того, на кого ты похож» (см. таб. 3 и 4). И сегодня являются актуальными слова одного из исследователей: «они думают о дне выборов так же, как о воскресном дне: это время выполнить свой гражданский долг и подтвердить свою преданность вере, в которой воспитывался» [22.Р.137].

Таблица 3

Этнические группы и избирательные предпочтения в ходе парламентских выборов 2006 г., Гайана (%) [23.Р.190]

	Народная партия	прогрессивная	Народный национальный конгресс	Альянс за перемены
креолы		3, 7	71, 5	31, 7
индийцы		68, 7	1, 7	17, 3
индейцы		16, 3	4	11, 5

Таблица 4

Этнические группы и избирательные предпочтения в ходе парламентских выборов 2010 г., Суринам (%) [24.Р.169]

	Национально- демократическ ая партия	Национальная партия Суринама	Pertjajah Luhur	Прогрессивная реформистская партия	Партия всеобщего освобождения и развития
креолы	72	12	1	1	0
индийцы	43	7	3	40	0
индейцы	90	3	3	0	0
яванцы	42	11	36	0	0
мароны	36	11	0	0	19

И все же существуют определенные предпосылки к интеграции разрозненных этнорасовых групп Гайаны и Суринама, наглядно показывающие правильность теории А. Лейпхарда о консонациональной демократии в условиях многосоставного общества. Начало этому положило образование больших коалиций, в частности Альянса за перемены в Гайане, определивший успех Д. Грейнджера на президентских выборах 2015 г.: как полагает

гайанский исследователь Ш. Лоу, в стране уже есть все условия для формирования жизнеспособного правительства национального единства [25]. Позитивный взгляд на будущую политическую систему Суринама имеет и профессор М. Шальвейк. По его мнению, активные процессы урбанизации, вызванные неблагоприятными экономическими условиями 1980-1990-х гг. привели к усилению интеграции прежде разрозненных групп, в том числе маронов [26]. А главным фактором, который сможет обеспечить единство Гайаны и Суринама, безусловно, является экономическое благополучие, которое позволит сгладить противоречия между различными этнорасовыми группами.

Библиографический список

1. **Trollope A.** The West Indies and the Spanish Main / A. Trollope. – London: Chapman & Hall, 1859. – 324 p.
2. **Bengamins H.D.** Bevolkingscijfers van Britsch Guiana en Suriname / H.D. Bengamins // De West-Indische Gids. – 1923. – Deel. 5. – № 1. – Blz. 197-215.
3. **Leveille J.** La Guyane et la question penitentiaire coloniale / J. Leveille. – Paris: Armand Colin et Cie, 1886. – 52 p.
4. **Ramsarran P.** The Indentured contract and its Impact on Labor Relationship and Community Reconstruction in British Guiana / P. Ramsarran // International Journal of Criminology and Sociological Theory. – 2008. – V. 1. – № 2. – P. 177-188.
5. **Andrews C.F.** Impressions of British Guiana, 1930: An Emissary's Assessment (Ed. Basdeo Mangru) / C.F. Andrews. – Chicago: Adams Press, 2007. – 122 p.
6. Race and racism // Guyana Times. 2019. February 10.
7. **Tennassee P.** The Race Problem 1965-1992: Part II: The Post Independence Era: Alienation and Insurrection / P. Tennassee [Электронный ресурс]. URL http://www.guyanajournal.com/race2_pt.html (дата обращения: 02.06.2019).
8. **Despres L.A.** The Implications of Nationalist Politics in British Guiana for the Development of Cultural Theory / L.A. Despres // American Anthropologist. – 1964. – Vol. 66. – № 5. – P. 1051-1077.
9. **Janssen R.** In search of a path. An analysis of the foreign policy of Suriname from 1975 to 1991 (Caribbean Series 27) / R. Janssen. – Leiden KITLV Press, 2011. – 348 p.
10. **Hoefte R.** In Place of Slavery. A Social History of British Indian and Javanese Laborers in Suriname / R. Hoefte. – Gainesville: University Press of Florida, 1998. – 288 p.
11. **Lamur H.E.** The demographic evolution of Surinam 1920-1970. A socio-demographic analysis / H.E. Lamur. – The Hague: Martinus Nijhoff, 1973. – 207 p.
12. **Roosken E.** Caught between. Christianization, assimilation and religious independency. The Hindustani community in Suriname / E. Roosken. – Rotterdam: Erasmus University, 2010. – 111 p.
13. Report of the British Guiana Commission of Inquiry. Racial problems in the public service. – Geneva: International Commission of Jurists, 1965. – 201 p.
14. Mitrasing F.E.M. Tien jaar Suriname. Van afhankelijkheid tot gelijkwaardigheid / F.E.M. Mitrasing. – Leiden: Luctor et Emergo, 1959. – 348 blz.
15. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 4459. Телеграфное агентство Советского Союза при Совете министров СССР. Оп. 44. Д. 2321. Л. 20.
16. Sranan. Cultuur in Suriname / red. Chandra van Binnendijk en Paul Faber. – Amsterdam: Koninklijk Instituut voor de Tropen, 1992. – 159 blz.
17. **Thompson A.O.** Symbolic legacies of slavery in Guyana / A.O. Thompson // New West Indian Guide / Nieuwe West-Indische Gids. – 2006. – V. 80. – № 3-4. – P. 191-220.

18. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 7689. Центральные комитеты профессиональных союзов работников агропромышленного комплекса. Оп. 20. Д. 5368.
19. Journey to Freedom. Address by His Excellency Dr Cheddi Jagan, President of the Co-operative Republic of Guyana on the occasion of the 27th Independence Anniversary of the Co-operative Republic of Guyana at the Flag Raising Ceremony which was held at the National Park, May 26th, 1993. Year of Rediscovery: Souvenir Magazine of Guyana's Independence Celebrations '93. Georgetown: Ministry of Information, 1993. P. 3-9.
20. **Seecoomar J.** Democratic Advance and Conflict Resolution in Post-Colonial Guyana / J. Seecoomar. – Leeds: Peepal Tree Press Ltd., 2009. – 224 p.
21. The Europa Yearbook 1982: A World Survey. V. II. – London: Europa Publications Limited, 1982. – 1888 p.
22. **Greene J.E.** Race vs Politics in Guyana / J.E. Greene. – Mona: University of the West Indies, 1974. – 198 p.
23. The Political Culture of Democracy in Guyana, 2009: The Impact of Governance. – Nashville: Vanderbilt University, 2009. – 326 p.
24. The Political Culture of Democracy in Suriname and in the Americas, 2012: Towards Equality of Opportunity. – Nashville: Vanderbilt University, 2013. – 271 p.
25. **Lowe S.** Examining Lijphart's favourable factors for consociational democracy: Guyana / S. Lowe // Commonwealth & Comparative Politics. – 2013. – V. 51. – № 3. – P. 362-376.
26. **Marten Schalkwijk** (Surinaams hoogleraar). Etnische propaganda is de gemakkelijkste propaganda // Samenleving & politiek. – 2011. – Jaargang 18. – № 5. – Blz. 42-49.

УДК 329

*Воронежский государственный университет
кандидат политических наук,
преподаватель кафедры международной экономики
и внешнеэкономической деятельности
А.А. Болдырихин
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (900) 95 95 173
e-mail: commando@inbox.ru*

*Voronezh State University
Ph.D. in Political Sciences,
Lecturer of Chair of World Economy and Global
Economic Activity
A.A. Boldyrikhin
Russia, Voronezh, tel. 8 (900) 95 95 173
e-mail: commando@inbox.ru*

А.А. Болдырихин

ОСОБЕННОСТИ МЕНЕДЖМЕНТА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В статье рассматриваются ключевые принципы менеджмента в современной России в контексте сравнения с западными аналогами. Автор анализирует влияние советской культуры управления предприятием и формирование особых подходов к менеджменту как гибридной модели руководства, сочетающей в себе элементы различных управленческих культур.

Ключевые слова: менеджмент, предприятие, бизнес, пост-советский, гибридная модель.

A.A. Boldyrikhin

SPECIFIC FEATURES OF MANAGEMENT IN MODERN RUSSIA

The present article studies the main principles of management in modern Russia in the context of comparison with Western approaches. The author analyzes the influence of Soviet management culture and traditions alongside with emerging of specific management ideas that created a hybrid model which includes different elements from various management cultures.

Key words: management, enterprise, business, post-Soviet, hybrid model.

В современной деловой практике и научных трудах довольно широко используется понятие «российский менеджмент», которое призвано характеризовать управленческую модель в современной России как нечто особенное, не вписывающееся в классические концепции менеджмента, изучаемые в бизнес-школах по всему миру. В настоящей статье предпринята попытка анализа отличительных черт российского менеджмента, которые обосновали бы необходимость использования данной терминологии.

Первый и самый важный аспект, который отмечают многие исследователи и эксперты в области управления, в современной России очень сильна дистанция власти [5;6]. Не в последнюю очередь это связано с особенностями российского менталитета, восприятием окружающих и советским наследием, следы которого все еще отчетливо прослеживаются во многих сферах жизнедеятельности россиян. По традиции, от подчиненных ожидается беспрекословное подчинение воле руководителя, вне зависимости от того, являются распоряжения деловыми или личными. Сотрудники находятся под постоянным контролем, модель отношений является чисто авторитарной [2]. Минус такой системы состоит в том, что она отучает мыслить самостоятельно, подчиненные привыкают к тому, что все решения принимаются наверху без их непосредственного участия или согласования с ними.

Это формирует понимание бизнес-процессов в компании как явления, не зависящего от конкретного сотрудника и поэтому не имеющего никакого влияния на благосостояние или карьерное продвижение, достаточно просто быть в известной степени лояльным. Такое положение дел вызывает непонимание и невозможность эффективного построения трудовых отношений со стороны приглашенных управленцев из западных компаний, т.к. данная модель поведения исключает всякую инициативу и сколько-либо обдуманное отношение к поставленным задачам, а перестроиться с одной модели на другую для сотрудника зачастую является практически нереальным. В результате модели менеджмента, приносимые с Запада в российские компании, где управление было выстроено по авторитарному принципу, могут оказаться неэффективными с самого начала. Сотрудники уже привыкли к тому, что приказы спускаются сверху и не требуют обдумывания, творческого подхода, новаторства, а инициатива так и вообще в большинстве случаев наказуема! Это является прямой противоположностью западной концепции менеджмента, которая старается воспитать самоорганизованного и креативного сотрудника с высоким уровнем личной ответственности и хотя бы базовым предпринимательским мышлением [11; 7.Р.211 – 212].

С концепцией дистанции власти связана и концепция вертикальной ориентированности российского менеджмента в целом. Можно отметить, что на рядовых должностях люди выполняют в основном рутинную часть работы, целостная картина и стратегический план ясны только лишь представителям верхушки руководства. Кроме того, в отличие от западной ориентированности на результат и эффективность, в отечественной практике глубоко укоренилась традиция постоянного формального контроля над процессом. К примеру, порицание за незначительные опоздания на работу, негласное поощрение сверхурочного нахождения в офисе, ориентированность на «имитацию бурной деятельности» вместо результативности. Небезосновательно предположить, что все это также является отголосками советской трудовой дисциплины.

В связи с низкой интегрированностью рядовых сотрудников в бизнес-процессы, большинство руководителей не поощряют и не способствуют саморазвитию подчиненных. В российской действительности, как правило, не является популярным и не считается эффективным отправлять сотрудников на обучение за счет компании, если это не обещает принести сиюминутной выгоды. В западных компаниях тенденция прямо противоположна [7.Р.395 – 397].

По мнению исследователей и экспертов современного бизнеса, в российской деловой среде все еще очень важно так называемое «честное слово», что означает высокий уровень важности личной деловой репутации, персональных контактов и доверия. Что в корне противоположно западной модели бизнеса, в которой на первое место всегда ставятся положения, прописанные в договоре. Это зачастую становится одним из основных пунктов, который отмечают деловые партнеры российских компаний из ЕС и США. На это же указывают и многие отечественные руководители [1,2].

Третья важная особенность российского делового менталитета – это практически всегда делать все в последний момент, буквально за несколько часов до сдачи проекта, иногда по принципу «и так сойдет» [2]. Данная тенденция наблюдается практически везде, от государственных и образовательных структур до заводов и предприятий, и не зависит от отрасли. Это отчасти компенсируется способностью быстрой фокусировки и умению выполнять самые сложные задачи в сжатые сроки. К тому же, многие иностранные предприниматели, работающие на нашем рынке, отмечают способность россиян быстро ориентироваться в нестандартных ситуациях и находить необычные решения, “to think outside the box” [12].

В этой связи интересна точка зрения заместителя председателя правления VestaBank А. Федорова. Он полагает, что в современном российском бизнесе слишком много управленцев и слишком мало предпринимателей. На практике это означает огромную

разницу в подходах к ведению бизнеса, а особенно – в уровне личной ответственности за развитие предприятия. Как правило, управленец (менеджер) позиционирует себя как наемный сотрудник и дистанцируется от стратегических концепций, выполняя лишь конкретные функции. Тогда как предприниматель чувствует полную ответственность за всю компанию и ведет себя соответствующим образом. В этой связи было бы полезно развивать в менеджерах предпринимательские качества, эффективность управления от этого могла бы вырасти в несколько раз [1]. Но эта проблема не является чисто российской, она существует и в западных компаниях в тех или иных формах.

Еще один существенный фактор, оказывающий влияние на систему менеджмента в России – это отсутствие единой системы стандартов менеджмента, что вызывает хаотичный характер управленческих процессов в различных компаниях. В ряде случаев руководители просто недостаточно осведомлены и даже не знают о существовании международных стандартов.

Исследователь из РАНХиГС С. Лебедев предполагает, что одним из основных отличий российского менеджмента на современном этапе развития является ориентированность на коллективную ответственность, заниженная оплата труда и несоразмерность рабочих нагрузок, несоответствие трудозатрат заработной плате [1]. Наиболее важным, на взгляд автора данной статьи, является мнение о том, что в России перемены являются синонимом угрозы, любая волатильность и неопределенность вызывает практически рефлекторный «откат» к консерватизму, который глубоко укоренился в сознании российских менеджеров как результат советской системы мышления и управления – в особенности это касается руководителей старшего поколения. В то же время в западной трактовке изменения в большинстве случаев воспринимаются как вызов, “challenge”, и возможность изменить что-то к лучшему [7.Р.79 – 80].

Еще одна небезынтересная черта, присущая российскому менеджменту – это организация работы по принципу «ввязаться в бой, а там посмотрим». Планированию как таковому уделяется лишь незначительное время и внимание – если уделяется вообще. Особенно это заметно на этапах становления малого бизнеса и стартапов в сфере ИТ. С распространением популярной в Рунете концепции «бизнес-план на салфетке», понимание важности тщательного анализа ситуации на этапе входа в проект стало пониматься как нечто, выносимое за скобки. Главное – стать начальником, руководителем чего-либо, получить формальный статус бизнесмена или топ-менеджера, что вновь переадресует нас к концепциям дистанции власти и пост-советскому «статусному» мышлению современных россиян. Тем не менее, в ряде случаев обязанности участников проекта могут быть распределены верно, хоть и основываясь на интуиции.

Наряду с вышеперечисленным, многие отечественные управленцы изъявляют желание повысить свою формальную классификацию и используют различные возможности для обучения в соответствии с мировыми стандартами, получают образование в бизнес-школах, в том числе и зарубежных. Процент руководителей с формальным бизнес-образованием неуклонно растет. На предприятиях производятся попытки внедрения западных стандартов качества и трудовой дисциплины, отношения к работе и бизнес-процессам. Особенно это заметно в компаниях, которые непосредственно работают в сфере международного бизнеса.

Таким образом, можно говорить о формировании в современной России особой, гибридной модели менеджмента, которая, основываясь на традиционной ментальности россиян, включает в себя как элементы пост-советской управленческой культуры, так и основы западных концепций менеджмента, преподаваемые в университетах и бизнес-школах. Пока неизвестно, будет ли эта модель эволюционировать по западному образцу или останется переходной на долгое время. Очевиден лишь факт, что для успешной работы с российскими компаниями Западу необходимо понимание существующих особенностей

управленческой культуры в России. Отечественным же менеджерам на сегодняшний день требуется освоение принципов западных традиций управления, но не прямое их копирование, а тщательная и обоснованная адаптация паттернов менеджмента к российской действительности и менталитету сотрудников.

Библиографический список

1. В чем особенность российского менеджмента? https://www.e-xecutive.ru/management/practices/1990334-v-chem-osobennost-rossiiskogo-menedzhmenta?utm_campaign=1728&utm_medium=menedzhment&utm_source=email (дата обращения: 29.05.2019)
2. Жесткач по-русски: что это такое применительно к управлению. URL: https://www.e-xecutive.ru/management/biznes-liderstvo/1988340-zhestkach-po-russki-chto-eto-takoe-primenitelno-k-upravleniu?utm_campaign=1022&utm_medium=menedzhment&utm_source=email (дата обращения: 27.05.2019)
3. Лапыгин Ю., Лапыгин Д. Стратегический менеджмент. – ЛитРес, 2017.
4. **Balakrishnan V.** Behavioural Dimensions in Human Resource Management. – Excel Books, 2006. – 217 P.
5. **Hofstede G., Hofstede G. J., Minkov M.** Cultures and Organizations: Software of the Mind, Third Edition. – McGraw Hill Professional, 2010. – 576 P.
6. **Hofstede G.** Culture's Consequences: International Differences in Work-Related Values. – Sage, 1984. – 327 P.
7. **Pinder C.C.** Work Motivation in Organizational Behavior. – Psychology Press, 2014. – 600 P.
8. **Ramani K.V.** Personnel Management. – Institute of Personnel Management Australia, Mittal Publications, 2015. – 289 P.
9. **Silverman H.** Mastering Management Styles: Expert Guidance for Managers. – Impact Publishing Ltd, 2014. – 56 P.
10. **Trippe S.** An Analysis of Big Companies and their Management Styles. - Diplom.de, 2015. – 20 P.
11. www.alpinestars.com (дата обращения: 28.05.2019)
12. **Walker B.** Thinking Outside The Box: How to Think Creatively By Applying Critical Thinking and Lateral Thinking. - Bruce Walker, 2015. - 88 P.

УДК 327.3

«Военный учебно-научный центр Военно-воздушных сил «Военно-воздушная академия имени профессора Н.Е. Жуковского и Ю.А. Гагарина»
кандидат философских наук, доцент,
научный сотрудник
В.И. Дегтярев
Россия, г. Воронеж, тел. 8 (473) 244-77-35
e-mail: v_degtyaryov@mail.ru

*Air Force Education and Research Center
«The Zhukovsky and Gagarin Air Force Academy»
PhD in Philosophical Sciences, Associate Professor
V. I. Degtyarev
Russia, Voronezh, tel. 8 (473) 244-77-35
e-mail: v_degtyaryov@mail.ru*

В.И. Дегтярев

НЕОФАШИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В статье анализируется неофашизм, как крайне правое (левое) радикальное движение современности, его корни, черты, тенденции развития.

Ключевые слова: фашизм, неофашизм, правый радикализм, монополистический капитализм, черты.

V.I. Degtyarev

NEO-FASCISM AND MODERNITY

The article analyzes neo-fascism as an extreme right (left) radical movement of modernity, its roots, features, development trends.

Key words: fascism, neo-fascism, right radicalism, monopolistic capitalism, features.

1 сентября 2019 года исполняется 80 лет со дня начала Второй мировой войны, которая потрясла все человечество звериной сущностью и безумием. Ее идейно-политическим вдохновителем и организатором стал фашизм. Поэтому не случайно, что к проблеме фашизма, раскрытию его сущности приковано внимание многих исследователей. Большой вклад в изучение феномена фашизма и неофашизма внесли советские и российские ученые А.А. Галкин, Б.Р. Лопухов, Г.Л. Розанова, Л.И. Гинцберг, Л. В. Овчинникова, Галактионов Ю.В., Мельников Д.Е. Фомин В.Т., Г.С. Филатов, Н.П. Комолова, П.Ю. Рахмиров и другие. Они рассматривают феномен фашизма с разных сторон: социально-исторической, экономической, политической, идеологической, организационной, военной. Особенно актуальны для дальнейшего исследования природы фашизма и неофашизма в наши дни являются их методологические и теоретические положения о взаимосвязях нацизма и крупного капитала Запада, отказ от представления о фашизме как неизбежной ступени в развитии капиталистического общества, на смену которого придет социализм. В соответствии с взглядами ученого-исследователя А. А. Галкина, «развитие капитализма от монополистического к государственно-монополистическому необязательно должно пройти через фазу фашизма. Если бы не объективные потребности капитализма, переживавшего глубокий кризис, фашизм, возникший в Италии, так и Германии, никогда не стал бы политической силой» [1.С.64]. Многочисленные теории о фашизме, его возникновении и развитии, как исторического явления XX века, бесспорно, доказывают его связь со стремлением капиталистических монополий к мировому господству. И фашизм, как политический режим, идеология и практика – главное орудие их реализации.

В совокупности получается, что фашизм и крайне реакционный государственно-монополистический капитализм – это цельное историческое явление и образование современной эпохи. Без финансовой помощи крупного капитала фашизм, как идеология, движение и организации в Германии, Италии и других странах не пришел бы к власти. «К концу 20-х годов сложился союз между ведущей фашистской партией страны – национал-социалистами, с одной стороны, и влиятельными финансовыми и промышленными группами – с другой. Их поддержка сыграла решающую роль в назначении главой правительства А. Гитлера» [2.С.7].

Экономические корни фашизма произрастают из интересов крупного капитала, который в острые периоды кризисов в обществе, боясь народно-демократических преобразований, потери власти и своих богатств сознательно прибегает к смене формы государственной власти, меняя буржуазную демократию на диктатуру реакционных сил. К сожалению, послевоенные события подтверждают данный факт. «Как не парадоксально – пишет историк Б.Р. Лопухов – конец фашизма стал началом зарождения неофашизма». И в наши дни, изучая процессы, связанные с проявлением неофашизма, мы не могли игнорировать факта его поддержки со стороны крупного капитала: значительные суммы в национал-демократическую партию поступают от западногерманского филиала международного концерна, банков, от двух крупных монополий по производству оружия, приборостроительного концерна [3.С.5,9]. Как видно, крупный капитал, который привел фашизм к власти, сохранил свои позиции. Поэтому и сегодня актуально определение фашизма, сформулированное в 1933 г. на XIII Пленуме Исполнительного Комитета Коммунистического Интернационала, как открытой террористической диктатуры «наиболее реакционных, наиболее шовинистических и наиболее империалистических элементов финансового капитала» [4. С. 589].

Исследуя феномен фашизма, его диалектику в 70-80-ые годы ученые историки, в частности, А.А. Галкин, раскрыли общие и особенные черты праворадикальных движений в странах Запада (Англия, США, ФРГ, Швеция, Португалия, Италия и др.), объединяемые понятием «неофашизм» и редко внешне мало похожих друг на друга. Анализируя особенности этих движений, он выделяет два направления в их развитии. Первое – трансформированное фашистское движение, пытающее сохранить все, что можно из фашистского наследия 30-40-х годов (традиционалистское). Второе – сторонники этого направления стремятся избавиться от всех политических программ, теорий и лозунгов, методов и форм борьбы, которыми пользовались их предшественники-фашисты. «Они отвергают, если не полностью, то частично действия традиционного фашизма, уличая его в грубейших ошибках, обвиняют в измене идеалам (обновленческий). Участники этого движения не носили форму с фашистской атрибутикой, не устраивали погромы и физические расправы над людьми не согласных с их взглядами и политикой. Они адаптировались к новым социально-историческим условиям, нашли опору в лице молодежи и других социальных групп, приобрели особенные черты:

- отвергают идею чрезмерной централизации государства, поскольку она ущемляет права других областей и граждан;
- социальную функцию государства считают неприемлемой, обвиняют его в сползании к ненавистному социализму;
- провозглашают себя защитниками демократии на словах, на деле отрицание политической системы в целом, сотрудничество с реакционными представителями промышленно-финансового капитала и государственной власти;
- действуя в интересах части господствующего класса, он апеллирует к массам, к обывателю города и деревни, проникаясь их идеями;
- лозунги и требования иные по форме, но по своей сути служат государственно-монополистической системе;

- духовная мобилизация масс на основе таких ценностей как «в защиту жизни», «в защиту традиционной семьи», «в защиту морали», «укрепление национальной безопасности и «борьба с коммунизмом».

Однако, сбросив с них маску хамелеона, которую они создают благодаря своей социальной мобильности, способности улавливать настроение масс и влиять на них своим популизмом, можно выявить присущие им черты, сближающие с фашизмом и объединяющие в праворадикальное движение ультра правого или левого толка:

- занимают правые, крайние политические позиции, даже в отношении консервативных правительств;

- социальная мобильность, использование массового недовольства политикой властей, популизм;

- глубокий социально-политический консерватизм. С одной стороны – отрицание всяких реформ, с другой – радикальные программы, но с сохранением старых основ господства капитала, власти его владельцев;

- идеология господствующего класса сочетается с иллюзиями и бунтарством мелкой буржуазии;

- консервативный революционаризм. Методы, лозунги, приемы, отвечающие интересам собственников, направленные к конечной цели – сохранить монополию капитала, власти верхушки и идеологию нацизма;

- свойственен патологический антикоммунизм, расизм и национализм, как в открытой, так и скрытой форме.

Результаты сравнительного анализа праворадикальных движений, партий, организаций послевоенного периода, проведенного ученым-исследователем, дают ответ на вопрос о правомерности рассмотрения всех этих партий и движений, как крайне правого праворадикального целого, и причислить их к новому фашизму: «Все это делает основания применять в отношении праворадикальных движений термин «неофашизм», постоянно имея в виду специфику явления» [5.С.123-134]. Аналогичные характеристики праворадикальным движениям, партиям и организациям послевоенного периода дают и другие исследователи. Например, Лопухов Б.Р. отмечает, что в 80-ые годы в ряде стран выдвинулись на первый план новые праворадикальные организации и движения. Имея много будущего с неофашизмом, современный правый радикализм – понятие в целом более широкое. Он может даже в чем-то противопоставлять себя неофашизму как по форме, не соответствовать «национальной специфике» или «современной ситуации». Все это раскрывается на примере правого радикализма 80-х годов в США. Характерная черта – перемещение центра тяжести правого радикализма от «старых правых» (национал-социалистическая партия, ку-клукс-клан и т.п.) к «новым правым» («Американский консервативный союз», «Молодые американцы за свободу»).

Долголетие и живучесть, притягательную силу, многообразие форм и организаций фашизма, можно объяснить, как его идеологической конъюнктурой и социальной мобильностью, так и господством монополистического капитала в развитых странах Запада. На смену «новым правым» (60-70-ые гг.), сформировавшим идеологический профиль с учетом новых реалий в мире, пришли новые праворадикальные движения и партии: «Фламандский блок», Филиппа Девинтера в Бельгии, Национальный фронт Жан-Мари Ле Пена во Франции, Партия свободы Йорга Хайдера в Австрии. В начале нынешнего века вследствие нестабильности, возникли Партия свободы в Голландии, Датская народная партия, партия «Истинные финны», партия независимости Великобритании и Лига обороны, «Платформа за Каталонию», «Йоббик» в Венгрии, «Золотая заря» в Греции. Несмотря на строгие немецкие законы и в целом негативное отношение населения к проявлениям неофашизма и неонацизма, в Германии на сегодняшний день существует множество партий и объединений, хотя и с незначительным количеством в них членов. Например,

Республиканцы – национально-консервативная политическая партия Германии. Немецкий народный союз – крайне правая партия в Германии. Национал-демократическая партия Германии – ультраправая партия в ФРГ. В настоящее время на территории Германии действуют более пяти десятков неонацистских и неофашистских партий, большинство из которых прямо запрещены законом и Конституцией.

В Италии неофашистские партий немного, однако, крупнейшие из них имеют определенную поддержку населения и, соответственно, политический вес. Например, партия Новая сила является членом европейского Национального фронта. Широко известной является партия Социальное движение - Пламя Триколора. Еще одной крупной неофашистской партией в этой стране является Национальный социальный фронт. Правые радикальные политические партии, стоящие на позициях крайнего шовинизма, национализма, в ряде случаев очень близкого к чистому фашизму начинают переходить из маргинального статуса в статус партий, которые играют политическую роль во всех странах: и в Италии, и во Франции, и в Германии, и во многих небольших государствах. Неофашисты, как и их послевоенные единомышленники, стремятся к объединению и созданию Европейского единого центра праворадикальных движений, партий и организаций. На сегодняшний день имеются неонацистские и неофашистские международные организации: NSDAP-AO, EURO-RING, NEW EUROPEAN ORDER и WORLD UNION OF NATIONAL SOCIALISTS. Наиболее серьезными являются: NEO, расположенная в Америке NSDAP-AO.

Список ультра правых и левых радикальных движений и партий, действующих в современном мире, можно и продолжить. Однако неофашизм сегодня не представлен каким-либо известным крупным движением. «Измельчение» неофашистского движения выражается идеологией политического бланкизма, когда уже нет возможности овладеть властью через легитимные политические институты и легитимную политическую борьбу. Ожидание момента тотального ослабления политической власти и есть алгоритм политической жизни и движения к цели группового неофашизма [6]. Анализируя современные праворадикальные объединения, профессор Килского университета (Великобритания) А. Каллис выделяет ключевые идейные характеристики, объединяющие в одно семейство современных правых радикалов (неофашистов) и связывающих их с традиционалистским фашизмом [7.С.16,17]:

- ультра национализм и нативизм.
- популизм;
- ограниченный «круг эмпатии» / демонизация «других»;
- лидерство и харизма;
- атаки и «декаданс»;
- этноплюрализм / культурная дифференциация.

Современные неофашисты, как и их послевоенные единомышленники, стремятся к объединению и созданию Европейского интернационала праворадикальных движений, партий и организаций. Недавно в Италии под руководством министра внутренних дел состоялось собрание представителей европейских правых организаций, которые обсудили планы создания единого центра праворадикальных движений в Европе. В век ракетно-ядерного оружия, с приходом к власти неофашистов, особенно ультраправых и ультралевых, в какой-либо ядерной державе, опасность новой мировой войны многократно возрастает. Ультралевые, которые прикрываются «красными, коммунистическими лозунгами», ничего общего не имеют с марксистско-ленинской теорией и практикой. Культ вождизма руководства стран, где они находятся у власти, доведен до абсолютизма. Большая часть населения этих стран, как правило, бедствует. Политический режим носит репрессивный характер. Он постоянно угрожает миру ядерной войной с империализмом, в первую очередь, с США. В то же время и в США, с приходом к власти ультраправых, политическая ситуация может резко поменяться в сторону военной агрессии, решение спорных вопросов силовым

методом. То есть в современном мире вероятность мировой войны возрастает как со стороны ультраправых радикалистских движений, партий режимов, так и ультралевых. Вот почему так важно в современных международных отношениях следовать принципам и договоренностям, закрепленным в документах Ялтинской и Потсдамской конференций о послевоенном устройстве мира, исключающим повторение войны и практики фашизма в будущем, и иметь для реализации этой цели коллективный международный орган (ООН и Совет Безопасности).

Как видим, новый фашизм отличается от своего родового ультрареволюционным содержанием как правого, так левого толка. По сути – это псевдореволюционная демагогия и практика современных апологетов монополистического капитала, на службе которых состоят информационные центры, специальные и террористические организации. Международный терроризм, о котором сегодня много говорят и пишут, своими корнями уходит к ультра левым и правым радикальным движениям. Результаты расследований многочисленных терактов в наше время (« дело норвежского стрелка», расстрел верующих в синагоге в Новой Зеландии, расстрел отдыхающих на пляже в Египте и др.), жертвами которых стали сотни невинных людей только потому, что они имели другой цвет кожи, исповедовали иную веру, говорили на родном языке, свидетельствуют о том, что они основываются на человеконенавистнической идеологии и практики национал-фашизма.

Современная политическая практика позволяет рассматривать неофашизм как дальнейшее развитие своего рода признаков фашизма в новых исторических условиях с *относительными чертами к данному феномену и причинами их проявления:*

- авторитарно-бюрократическая форма государственной власти (родовой признак тоталитаризма) при наличии многочисленных институтов демократии и видимости их общественно-полезной деятельности;
- «демократия» служит не обществу, а власти, подчинена ей;
- сближение (в некоторых странах слияние) государственной власти с монополистическим капиталом, союз олигархов и чиновничье-бюрократических структур;
- углубление пропасти в доходах между бедной частью общества и богатой, и как следствие, рост социальной напряженности в нем;
- духовно-культурная деградация отдельных слоев населения, рост преступности, особенно среди молодежи;
- милитаризация не только экономики, но и других сторон жизни общества;
- существование в ряде стран мира полулегальных политических партий и организаций фашистского толка, распространение в СМИ фашистских идей, символики, атрибутов;
- подмена конкретной идеологии демагогией социальных компромиссов;
- антинаучность идейно - политических взглядов.

В послевоенный период неофашизм распространился не только в Западной Европе и США, где действуют влиятельные праворадикальные движения, но и в Латинской Америке, где особую роль играли и играют американские монополии. Говоря о разрастании неофашистской угрозы по всему миру, следует констатировать заметную роль и место США (глобальных финансово-промышленных корпораций) в этих процессах. Ни без участия американцев в 70-ые годы XX века в странах Латинской Америки (Перу, Панама, Боливия, Чили, Гайана, Уругвай др.) произошли военно-государственные перевороты и к власти пришли правые режимы, которые свернули реформы и процессы национализации иностранных компаний [8]. В XXI веке аналогичная тенденция прослеживается в событиях с участием США, происходящих в Венесуэле, Мексике, Сирии, Украине. Только прямое участие США во внутренних делах Украины позволило бандеровцам - неофашистам заявить о себе в полную силу, и открыто, с применением насилия, выступить в 2014 году против законного правительства, совершив государственный переворот. Небольшая по численности,

но хорошо организованная и вооруженная кучка радикалов-неофашистов, поощряемая государственными структурами, по сути, через страх и насилие навязывает многомиллионному славянскому народу Украины чуждую идеологию и религию. Заново переписывается история отношений некогда двух братских республик единого союзного государства, особенно героические страницы Великой Отечественной войны. В ранг героев страны возвеличены бывшие пособники германского фашизма, сражавшиеся в отрядах так называемой украинской национально-освободительной армии. Сегодня они в законодательном порядке по социальному статусу и льготам приравнены к участникам Великой Отечественной войны, проживающим на территории Украины. Национал-бандеровская идеология и психология, как специфическая черта украинского неофашизма, целенаправленно распространяется среди украинской молодежи. Многие города страны стали местами сборищ для представителей разного толка праворадикальных, неофашистских организаций: проходят массовые шествия, фестивали, митинги, собрания, семинары, на которых лозунг «москаль – наш враг», стал главным. Вся эта деятельность поддерживается американскими долларами и операциями западных спецслужб, в том числе и специалистами по информационной борьбе из стран Балтии.

На Ближнем Востоке созданы при участии ЦРУ такие боевые организации как Аль-Каида и ИГИЛ, которые по своим способам и методам насилия схожи с «историческим» фашизмом 40-ых годов, но с исламским оттенком. О внешнем факторе распространения этой инфекции XX века и ее вспышках в разных странах мира пишет ученый Б. И. Лопухов в книге «Неофашизм: опасность для мира». Анализируя разгул терроризма, как «слева, так и справа» в Италии в 70-ые годы прошлого столетия на основе следственных материалов итальянского прокурора Джовани Тамбурино, который вел дело неофашистской «Розы ветров», он выдвигает предположение, что за этими преступными действиями стоят новые лидеры и центры руководства извне, стремящиеся остановить процессы демократизации. «Ведь следствием разгула ультралевого террора и особенно убийство Моро было поправление Италии. А в этом были заинтересованы не только определенные круги внутри страны, но и определенные силы за рубежом. Остается только констатировать, что фашизм и стоящие за его спиной силы втягивают в орбиту своей политики не только «пассивные», но и те «активные» элементы, которые становятся на путь ультрареволюционного авантюризма, с внешней стороны направленного как бы против фашизма. И это выводит проблему фашизма за рамки его организации в строго определенном и узком смысле этого слова»[9, С. 68].

Известно, что в 90-ые годы и в политической жизни России, не смотря на стойкий иммунитет нашего народа к фашизму в силу исторической памяти (народы СССР вынесли основную тяжесть войны с фашизмом, понесли огромные людские потери), возникли явления схожие с признаками фашизма. Создавались политические организации (группы), которые в своей деятельности полуполюгально, в связи с ослаблением государственных органов власти руководствовались националистическими идеями и политическими лозунгами превосходства русской нации над остальными народами, проживающими на территории РФ. Они сотрудничали с неофашистскими организациями Запада, проводили публичные акции с использованием фашистской атрибутики, одновременно прикрываясь демагогией патриотизма и защиты справедливости для большинства населения страны. По своему происхождению и некоторым чертам их можно классифицировать по типам. «Первый – спонтанно возникшие фрондирующие молодежные тусовки, в которых обращение к праворадикалистским идеям и символике имело по преимуществу игровой характер. Второй тип сложился во второй половине 80-х годов в рамках неформального движения протеста против господства КПСС и коммунистической идеологии в целом. Неприятие режима и его идеологии толкало некоторых его участников к шовинистическому негативизму. Третий тип был создан выходцами из националистского крыла ВЛКСМ. Благоприятными предпосылками и причинами для расширения обновленческого движения в

России в то время были: резкое падение производственного потенциала страны и реальных доходов населения, расслоения общества на богатых и бедных, потеря веры в демократию, ослабление государственной власти и дискредитация ее институтов, крах духовных ценностей и нарастание чувства ущемленного национального достоинства, криминализация и маргинализация групп населения страны. На этих негативных сторонах развития общества, в условиях социального кризиса и хаоса, обычно и паразитируют фашизоидные и фашистские силы. Наши советские и российские ученые не только теоретически раскрывают антидемократическую и античеловеческую сущность неофашизма, но и формулируют практические предложения по его изучению и профилактики [10.С.18, 21, 27]:

- выявление глубинных кризисных процессов в различных сферах общественной жизни, их влияния на сознание основной массы населения;
- определение сдвигов в структуре массового сознания, удельного веса в них элементов, которые могут быть опорой праворадикалистских установок и соответствующего им политического поведения;
- выделение политических организаций и движений, которые могут стать той силой, в рамках которой возможна реализация массовых настроений такого рода;
- инвентаризация всех социальных, политических, идеологических и юридических форм противодействия подобному развитию.

Анализ данной проблемы позволяет сделать следующие обобщения и выводы:

1. В наши дни неофашизм можно рассматривать как диалектическое развитие «исторического» фашизма в рамках крайнего (ультра правого и левого) праворадикалистского движения с присущими ему национальными особенностями. Большинство сторонников нового фашизма, сообразуясь с нынешними обстоятельствами доминирования толерантности в общественном сознании и исторической памятью старших поколений, не выступают открыто с профашистскими программами, расистскими и националистическими лозунгами, не создают военизированных отрядов, не призывают к свержению существующих государственных режимов, не преследуют и не совершают актов насилия против инакомыслящих и самостоятельных в своем поведении граждан. По своей сути – это популярная демагогия социальных компромиссов. Но история свидетельствует, что при резких сменах социально-экономических условий в любой стране мира, фашизм может возродиться с новой силой не в форме потенциально существующих в обществе признаков, оттенков, а полноценной «коричневой чумы» уже XXI века.

2. *Главная опасность, исходящая от фашизма – это война.* По своей природе фашизм является не столько инструментом войны, с помощью которого антидемократические режимы стремятся решить острые общественные проблемы, сколько ее сущностью, ибо его практика физического истребления целых народов, не близких ему по «крови и духу», обеспечивает абсолютную монополию необходимой ему власти и капитала. Необходимо констатировать, что «война-фашизм-война-неофашизм» – это причинно-следственная связь между двумя общественными явлениями, которая выступает исторической закономерностью. Первая мировая война, источником которой был империализм, породила фашизм в Италии, Германии и других странах мира. Европейский фашизм (апологет империализма) во главе с германским породил вторую мировую войну. Вторая мировая война и крах в ней германской коалиции трансформировали фашизм в неофашизм. Неофашизм XXI века является потенциальным источником возможной новой мировой войны, потому что коренные интересы монополистического капитала и порождающие ими противоречия (борьба за источники сырья и рынки сбыта товаров и др.) не только не исчезли, но и обострились.

3. В современном мире вероятность развязывания новой мировой войны возрастает как со стороны ультраправых радикалистских движений, партий режимов, так и ультралевых, которые по своей сути являются неофашистскими. Их центр из Западной

Европы переместился в США. Здесь они выступают мощной силой, влияющей на вектор внешней и внутренней политики государства. Поэтому не случайно США является источником агрессии и угрозы миру. Несмотря на распад Советского Союза и отсутствие угрозы коммунизма, на которую они ссылались, США продолжают экономическую экспансию в отношении независимых и суверенных государств, опираясь на грубую военную силу, наращивают гонку вооружений. Поэтому борьба за мир, предотвращение новой глобальной катастрофы XXI века должна сочетаться с борьбой против всех форм проявления фашизма-неофашизма, как крайне правого (левого) террористического и экстремистского радикального движения.

Библиографический список

1. **Богдашкин А. А.** Историография СССР второй половины XX века о роли крупного бизнеса в приходе Гитлера к власти в Германии // Берегиня. 777. Сова. – 2012. – №4 (15). – С.64–65.
2. **Галкин А. А.** О фашизме – о его сущности, корнях, признаках и формах проявления // Политические исследования. – 1995. – № 2. – С. 7.
3. **Лопухов Б. Р.** Неофашизм: опасность для мира. – М.: Мол. Гвардия, 1985. – 174 с.
4. XIII Пленум ИККИ: Стенографический отчет. – М., 1934. – С. 589.
5. **Галкин А. А.** Социология неофашизма. – М., 1971. – С. 123-134.
6. **Котов С.** Неофашизм как возможность в контексте современной ситуации. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/neofashizm-kak-vozmozhnost-v-kontekste-sovremennoy-situatsii>. (дата обращения: 13.05. 2019).
7. **Каллис А.** Есть ли у фашизма будущее: Размышления об истории печально известного понятия. // Берегиня. 777. Сова. – 2016. – №4 (31). – С. 8-17.
8. **Строганова Е. Д.** «Политика США в отношении левых режимов Латинской Америки (часть третья). // Берегиня. 777. Сова. – 2012. – №2 (13). – С. 78-89, №3 (14). – С. 55-63.
9. **Лопухов Б. Р.** Неофашизм: опасность для мира. – М.: Мол. Гвардия, 1985. – 174 с.
10. **Галкин А. А.** Российский фашизм // Социологический журнал. – 1994. – № 2. – С.17-27.

УДК 329

Воронежский государственный технический университет
кандидат политических наук, доцент кафедры философии, социологии и истории
Т.Г. Чекменёва
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 246-22-91
e-mail: politehist@mail.ru
Воронежский государственный технический университет
студент
А.М. Колядина
Россия, г. Воронеж, тел. (473) 246-22-91
e-mail: kolyadina.2018@list.ru

Voronezh State Technical University
PhD in Political science, Associate Professor of the Department of Philosophy, Sociology and History
T.G. Chekmenyova
Russia, Voronezh, tel: (473) 246-22-91
e-mail: politehist@mail.ru

Voronezh State Technical University
Student
A.M. Kolyadina
Russia, Voronezh, tel. (473) 246-22-91
e-mail: kolyadina.2018@list.ru

А.М. Колядина, Т.Г. Чекменёва

К ВОПРОСУ О РОЛИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ОБЪЕДИНЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

В современном обществе среди политических сил весомой мощью могут обладать партии и социальные движения. В статье раскрываются различия этих форм общественных объединений, а также их роль в обеспечении взаимосвязи населения с государственными структурами и защите интересов определенных социальных групп.

Ключевые слова: гражданское общество, политические партии, социальные движения, идеология, государство.

A.M. Kolyadina, T.G. Chekmenyova

TO THE QUESTION OF THE ROLE OF PUBLIC COMMUNITIES IN MODERN SOCIETY

In modern society, political parties and social movements may have powerful power among political forces. The article reveals the differences between these forms of public associations, as well as their role in ensuring the interrelation of the population with state structures and protecting the interests of certain social groups.

Key words: civil society, political parties, social movements, ideology, state.

Составной частью структуры современного гражданского общества выступают взаимодействующие с государством общественные объединения. Наиболее политическими из общественных объединений являются партии. В нормативно-правовых документах содержатся различные определения, указывающие на ряд общих признаков, которые позволяют отнести общественное объединение к политической партии. Соответствующие нормативные положения исходят зачастую из определений политических партий, которые были сформулированы социологами и политологами, рассматривающими партии как опосредующий институт между обществом и государственными структурами. В политической науке существует целое направление – партология, которое анализирует функционирование партий, а также образуемых ими партийных систем с теоретической и практической точек зрения. Основателями партологии принято считать немецкого мыслителя Роберта Михельса и российского ученого Моисея Яковлевича Острогорского.

Согласно сформулированному Р. Михельсом «железному закону олигархических тенденций», в партиях, массовых движениях, крупных социальных и политических структурах в целом выделяется руководящее ядро (лидеры и бюрократия), которое выходит из-под контроля рядовых членов и проводит политику в собственных интересах [1.С.112]. Острогорский также выявил, что реальное функционирование политических партий вступает в противоречие с принципами демократии.

Американские политологи Джозеф Лапаломбара и Майрон Вайнер выделили четыре признака политической партии: 1) придерживается определённой идеологии или конкретных представлений о стратегии развития общества; 2) партия есть организация, т.е. достаточно длительное объединение граждан на разных уровнях политики; 3) целью партии является достижение и реализация власти; 4) партия стремится заручиться поддержкой граждан – от голосования за неё на выборах до активного членства.

Все политические партии имеют чёткую организационную структуру, закреплённую партийным уставом, который должен содержать название партии и описание партийных символов, цели и долговременные задачи, условия и порядок вступления в партию или утраты членства, формирования руководящих и иных органов партии, порядок изменения устава партии и ее программы, права партии в области управления финансовыми средствами и иным имуществом.

Сторонник функционального подхода Кеннет Джанда утверждал, что продвижение своих кандидатов в систему власти и управления является одной из приоритетных задач партии [2.С.179 - 180]. В настоящее время законодательством многих государств запрещены партии, деятельность которых направлена на неконституционный насильственный захват власти. Партию к власти может привести только выбор большинства избирателей, поэтому возникает необходимость корректировать свои программы и задачи для привлечения наибольшего числа сторонников не только в одном социальном слое, но и в обществе в целом. В конце XX века сформировался такой новый тип как партия всех избирателей или партия «хватай всех» (*catchall-parties* - Отто Киркхаймер). В отличие от традиционных партий, опирающихся на определенные социальные группы (крупных собственников, рабочих, крестьян и т.д.), они стремятся сплотить вокруг себя как можно больше избирателей, независимо от их социального положения и идейной ориентации.

Известный французский политолог второй половины XX века Морис Дюверже выделил два вида партий – кадровые и массовые. При этом их различие, по его словам, не связано с их масштабом или с их численностью, а с различием структур. В качестве примера массовой партии он приводит французскую социалистическую партию, для которой привлечение в её ряды новых членов представляется основной задачей с политической и с финансовой точек зрения. Так как массовая партия стремится в процессе политического воспитания рабочего класса, выявить из его среды элиту, способную управлять страной. Члены являются самой материей, субстанцией деятельности массовой партии – «без них она напоминала бы учителя без учеников» [3.С.114]. С финансовой точки зрения массовая партия существенно зависит от членских взносов. Кадровые партии – это узкие по составу объединения политиков, финансистов, журналистов и других представителей элит («нотаблей», по определению М. Дюверже), целью которых является победа на выборах (например, республиканцы и демократы в США).

С точки зрения положения партий в политической системе различают правящие и оппозиционные, легальные (функционирующие на законных основаниях) и нелегальные партии (действующие вопреки существующему законодательству); монополю правящие партии и партии, объединяющиеся для получения большинства в парламенте в коалиции.

В зависимости от того, как распределяются депутатские места в парламенте и каков политический вес, различают мажоритарные партии, обладающие абсолютным большинством голосов; доминирующие партии, обладающие относительным большинством голосов; миноритарные партии, у которых минимальное количество депутатских мест.

Одной из классификаций партий является их разделение на правые и левые. Во Франции, где возникло такое разделение, левой была названа «партия движения», а правой – «партия порядка». Промежуточная позиция называется центризмом. В политике правыми традиционно называются направления и идеологии, выступающие за общественное неравенство и реализацию принципов капитализма. Левые стремятся к улучшению условий жизни для наименее обеспеченных слоёв общества. По словам американского политолога Рассела Далтона, в 1970-е гг. внимание некоторых политологов привлекло формирование новых левых и новых правых, между которыми ведутся острые дискуссии о состоянии и защите окружающей среды, альтернативных стилях жизни, правах меньшинств, социальном равенстве [4].

Согласно действующей Конституции РФ, в нашей стране признаётся многопартийность и идеологический плюрализм. По данным Минюста РФ по состоянию на 15 мая 2019 года зарегистрирована шестьдесят одна политическая партия [5]. Для сравнения, в 2011 году зарегистрированными были 7 партий: «Единая Россия», КПРФ, ЛДПР, «Справедливая Россия», «Яблоко», «Правое дело», «Патриоты России». Такое резкое изменение числа партий связано с тем, что после массовых протестных акций 2011 – 2012 годов законодательные нормы в области создания политических партий по инициативе Д. А. Медведева, занимавшего пост Президента РФ, были изменены. Так, например, в 100 раз (с 50 000 до 500) сократилось число членов, которых партии необходимо иметь в своём составе. Теперь партия должна обосновать соответствие ряду критериев, в том числе по участию в выборах разного уровня (федерального, регионального и муниципального) в течение семи лет (ранее был определен период в пять лет).

В политическом процессе политические партии взаимодействуют с другими общественными объединениями, имеющими две основные формы: общественная организация и общественное движение. Общественные организации отличаются от общественных движений преднамеренностью и официальным характером создания (цель заранее установлена); формальным организационным единством на основе устава, устойчивостью структуры, связей между членами организации; координацией действий членов организации на основе нормативно зафиксированных предписаний, позиций и ролей.

Общественные организации могут быть политическими и неполитическими.

Для расширения своего влияния среди широких слоев населения, прежде всего молодежи, политические партии создают политические общественные организации, которые в определённой мере подчиняются партийному руководству. Примером могут служить «Молодая гвардия Единой России», созданная по инициативе «Единой России», «Молодые социалисты России», функционирующие под патронажем «Справедливой России». Молодёжные политические организации с одной стороны, выражают специфические интересы молодёжи, с другой стороны – претендуют на полноценное участие в политической жизни страны, обеспечивают общественно-политические организации кадровым резервом, пополняют круг их сторонников и избирателей.

Наряду с созданием собственных общественных организаций, политические партии для расширения электоральной поддержки взаимодействуют с неполитическими общественными организациями (профессиональными союзами, объединениями предпринимателей, ветеранов, учёных и др.), которые не ставят цель прихода к власти, а стремятся оказывать давление на властные структуры с целью реализации потребностей и интересов своих участников. Профсоюзы создаются гражданами на основе общих производственных профессиональных интересов по роду деятельности для защиты их социально-трудовых прав. Так, в результате долгой борьбы профсоюза авиадиспетчеров в России в 2002 году, рабочие получили то, что хотели [6]. 22 мая 2019 года в своём выступлении на X съезде Федерации независимых профсоюзов России Президент РФ В. В. Путин отметил, что профсоюзы представляют собой одну из самых влиятельных сил гражданского общества в России [7].

Разновидностью общественных объединений выступают общественные фонды, формирующие имущество на основе добровольных взносов и использующие его на общественно полезные цели. Так, действующий с 2004 года Благотворительный фонд «Линия жизни» оказывает финансовую помощь тяжелобольным детям, а также способствует формированию культуры благотворительности в российском обществе. Общественные учреждения создаются с целью оказания конкретного вида услуг области образования, здравоохранения, культуры, спорта и других сферах, отвечающих интересам участников. Органы общественной самодеятельности создаются для совместного решения социальных проблем, возникающих по месту жительства, работы или учёбы. Примером может служить студенческий совет (студсовет) образовательного учреждения, выполняющий функции студенческого самоуправления

Организационно-правовые формы общественных объединений

Общественные (социальные) движения как форма общественного объединения представляют собой совместную деятельность граждан, преследующих общие цели. В отличие от партий, общественные движения не имеют чётких принципов руководства, комплексной программы деятельности, фиксированного членства.

Исследовательский интерес к общественным движениям, выражающим протест, усилился в начале XX века, что было связано историческими событиями. В начале века это были революционные выступления, в 1960-х годах – студенческие выступления, движения чернокожего населения Америки за свои права, феминистские движения и др. Родоначальниками теории общественных движений принято считать Майера Зальда и Роберта Эша, которые ввели в научный оборот термин организация общественного движения. С Джоном Д. Маккарти Залд развил теорию мобилизации ресурсов, которая стала одной из главных теорий общественных движений. Особое внимание было обращено к возрастающей тенденции профессиональной активности в общественных движениях и применению общих принципов организационной динамики к организациям общественного движения. Теория мобилизации ресурсов, концепция политических возможностей, теория новых общественных движений были разработаны в противовес теории депривации, разработанной марксистами на основе положения о возникновении социального напряжения [8]. Если раньше источником социального напряжения считались структурные изменения (экономические кризисы, ускорение технического прогресса, урбанизацию и т.д.), а общественные движения рассматривались как нарушение естественного хода жизни общества, то новые теоретические направления стали

считать их неотъемлемой частью социума, в котором всегда существует потенциал для недовольства. М. Зайльд и Дж. Маккарти справедливо замечают, что недовольство может оказать поддержку движению, если оно эффективно организовано и обладает определёнными ресурсами (культурными, общественно-организационными, человеческими, материальными). Более того, это недовольство можно создавать и управлять им, использовать социальный протест в политических целях. Технология управления социальным протестом в борьбе с существующей властью прослеживается во всех «цветных революциях»: событиях 2001 – 2013 годов на постсоветском пространстве и в странах Северной Африки, Ближнего Востока.

По словам В. А. Алейникова, интеллектуальная мода на такие феномены современного исторического пространства, как «Арабская весна», «Болотная», «Снежная революция норковых шуб», «евромайдан» и «еврореволюция» не проходит; данные социальные и политические явления интересны экспертам-аналитикам, а всплески протестной активности на Западе, в Каракасе, Мадриде, Рио-де-Жанейро, Софии, Стамбуле, Гонконге только усиливают исследовательский интерес к общемировому феномену самоорганизации общества, выступающего против строя, неадекватно выражающего социальные интересы. «Институциональное недовольство», когда сложившиеся институты не позволяют группам интересов выражать их с помощью формальных политических каналов, объединяет разные требования – от социальной справедливости до честных выборов [9.С.169].

В основе социальных движений лежат противоречия между обществом и природой, обществом и государством, трудом и капиталом, богатым меньшинством и бедным большинством, между потоком (мигрантами) и местом (местными жителями). Примером являются экологические движения, которые озабочены множеством проблем, таких как глобальное изменение климата, вырубка лесов по всему земному шару, сверхмерный рыбный и китобойный промысел, спасение вымирающих видов животных, радиационная опасность, загрязнение окружающей среды опасными химическими веществами.

Общественные движения могут быть по времени существования длительными и кратковременными; по месту деятельности – местными, региональными, общегосударственными, международными; по характеру возникновения – стихийными, сознательно организованными; по способу организации – клубами, ассоциациями, союзами, фронтами; по составу – молодёжными, женскими, профессиональными; по цели – революционными, контрреволюционными, реформистскими, консервативными, национально-освободительными, экологическими, антивоенными, антиглобалистскими и др.

Социальное движение как сторона конфликта, с одной стороны, действует в рамках существующего социального порядка, а с другой – стремится изменить его в свою пользу. Для концептуализации контекста используется понятие структуры политических возможностей, которое обозначает легитимные рамки динамики движения. Социальное движение и его структура политических возможностей находятся в тесной и неоднозначной взаимозависимости. С одной стороны, социальное движение своими коллективными действиями (акции протеста, забастовки, митинги) может приводить к расширению этой структуры, то есть к демократизации социального порядка. Но одновременно государство в целях самосохранения может суживать, сжимать эти рамки. Все зависит от соотношения сил государства и гражданского общества.

Обсуждая подходы американских социологов Чальза Тилли и Сидни Тэрроу, О. Яницкий показывает, что структурными элементами политических возможностей являются следующие: 1) доступ к участию в политике; 2) нестабильность политических альянсов, смена правящей партии, создание и распад политических коалиций; 3) наличие влиятельных сторонников инициативных групп, которые, в частности, могут гарантировать отсутствие репрессий против протестующих в случае неуспеха движения; 4) не только раскол правящей элиты, но и, с одной стороны, попытки её части стать посредником между движением и другими, более консервативными частями элиты, а, другой, попытки части элиты представить себя частью движения и выражение ему поддержки. Яницкий отмечает особую

роль государства как создателя и хранителя некоторой структуры политических возможностей. «Сильное государство имеет возможность варьировать свою политику. Если эта политика приемлема для требований движения, то оно тяготеет к конвенциональным формам протеста. Но если она неприемлема, то эти формы протеста становятся насильственными или конфронтационными» [10.С.179–180].

В заключение следует отметить, что политические партии как своеобразное связующее звено между обществом и государственными структурами, с одной стороны, транслируют требования населения в государственные органы, стремятся реализовать их при вхождении своих представителей в органы власти, а с другой стороны, они оказывают непосредственное воздействие на массы путем распространения политических ценностей, взглядов, убеждений. Обладая возможностями влияния на население, интегрированные в государственные структуры партии, могут обеспечить лояльное отношение масс к управленческим решениям. Но подобная стабильность отношений может быть достигнута в случае, если партии не будут выходить за рамки сложившегося нормативного порядка.

Общественные движения так же, как и политические партии, выполняют роль связывающего население и власть элемента. Являясь одной из динамичных организационных форм гражданского общества, общественные движения способны быстро адаптироваться к новым социальным условиям, выдвигать новые идеи, приспосабливаться к изменяющимся нормам. Формирование гибких горизонтальных структур, которыми являются общественные организации и движения, позволяют сочетать интересы и свободу индивидов с общими принципами, регулирующими их совместную деятельность, направленную на достижение общих целей.

Библиографический список

1. **Михельс Р.** Демократическая аристократия и аристократическая демократия / Р. Михельс // Социологические исследования. - 2000. - № 1. - С. 107 - 116.
2. **Барамидзе С. М.** Понятия и признаки политических партий в Российской Федерации / С. М. Барамидзе // Вестник Удмуртского университета. Экономика и право. 2009. Вып. 2. С. 179-184.
3. **Дюверже М.** Политические партии [пер. с фр.] / М. Дюверже. – 3-е изд. – М.: Академический Проект; Королёв, Парадигма, 2005. – 544 с.
4. **Анохина А.В.** Далтон Р. Структура политических связей / А.В. Анохина // Политическая наука. - 2004. - № 4. - С. 235-242.
5. **Список зарегистрированных политических партий** [Электронный ресурс] Режим доступа: <https://minjust.ru/ru/nko/gosreg/partii/spisok> (Дата обращения: 18.05.2019)
6. **Сперанский А.** Учитесь обороняться у профсоюза авиадиспетчеров / А. Сперанский [Электронный ресурс]. - Электрон. текстовые дан. М.: 2016. Режим доступа: <https://forum-msk.org/material/news/12508768.html>
7. **Владимир Путин 22 мая 2019 года выступил на заседании X съезда Федерации независимых профсоюзов России.** Сайт Президента Российской Федерации <http://kremlin.ru/events/president/news/60561>
8. **Чекменёва Т. Г.** Депривация: факторы и типы / Т. Г. Чекменёва, А. А. Прибытков // Актуальные проблемы развития современного мира и России (экономические и социополитические аспекты): Материалы IV международной научной конференции: в 3-х частях. - Воронеж: ВГУ, 2010. Часть 3. - С. 84 - 88.
9. **Алейников А. В.** Конфликт и структуры возможностей социальных движений / А. В. Алейников // Социологические исследования. - 2015. - № 7. - С. 166 - 172.
10. **Яницкий О. Н.** Социальные движения теория, практика, перспектива / О. Н. Яницкий. - М.: Новый хронограф, 2013. - 360 с.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНЫХ И ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

Научный журнал

Выпуск № 2 (19), 2019

Дата выхода в свет: 28.06.2019.
Формат 60x84 1/8. Бумага писчая.
Уч.-изд. л. 20,0. Усл. печ. л. 24,5. Тираж 500 экз. Заказ № _____
Цена свободная

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный технический университет»
394026 Воронеж, Московский просп., 14

Отпечатано: отдел оперативной полиграфии издательства ВГТУ
394006 Воронеж, ул. 20-летия Октября, 84